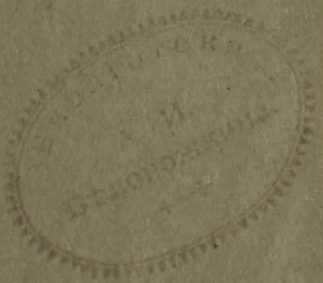
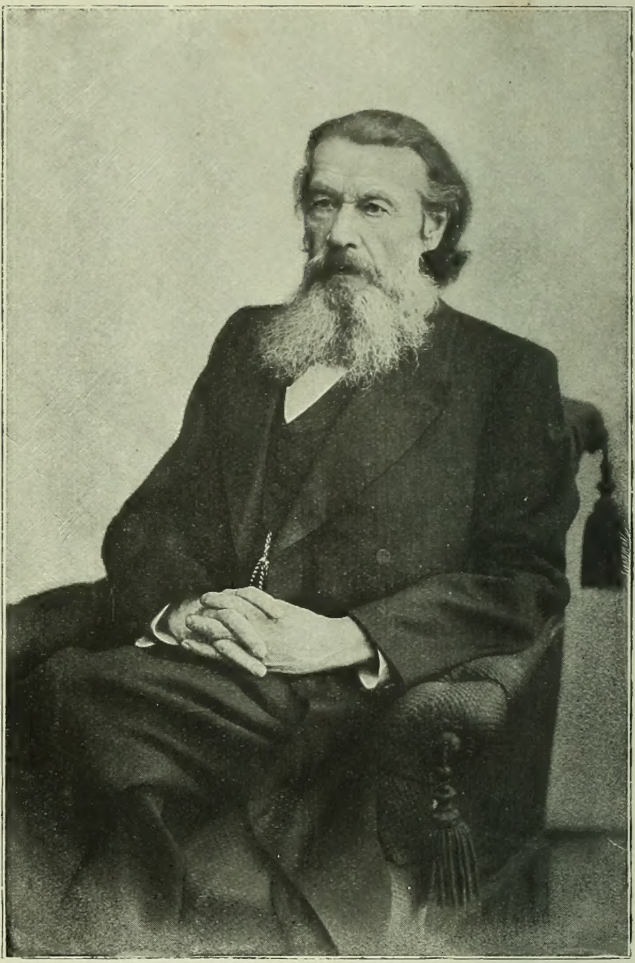
427
11

DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY



Библіотека
А. И.
Бѣлоножкина.



Потѣхинъ. I. Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Алексѣй Потѣхинъ

Сочиненія

А. А. Потѣхина.

Томъ первый.

Всемірная библіотека.

Собранія сочиненій знаменитыхъ
русскихъ и иностранныхъ писателей.

Въ эту серію входятъ слѣдующія
собранія сочиненій:

А. С. Пушкина, подъ редакціей **П. О. Морозова** и **В. В. Каллаша;**
М. Ю. Лермонтова, подъ редакціей **Арс. И. Введенскаго;**
Н. В. Гоголя, подъ редакціей **В. В. Каллаша;**
И. А. Крылова, подъ редакціей **В. В. Каллаша;**
А. В. Кольцова, подъ редакціей **Арс. И. Введенскаго;**
А. Н. Островскаго, подъ редакціей **М. И. Писарева;**
Н. Г. Помяловскаго, съ біограф. очерк. **Н. А. Благовѣщенскаго;**
С. Т. Аксакова, подъ редакціей **А. Г. Горнфельда;**
А. А. Потѣхина, подъ наблюденіемъ **автора;**
С. В. Максимова, съ біограф. очеркомъ **П. В. Быкова;**
Георга Брандеса, съ предисловіемъ **М. В. Лучицкой;**
Элизы Оржешко, подъ редакціей **С. С. Зелинскаго;**
Чарльза Диккенса, со вступит. статьей **Д. П. Сильчевскаго;**
Гюи де Мопасана, съ критико-біографическ. очеркомъ **З. А. Венгеровой;**
Эдгара По, съ критико-біографическ. очеркомъ **М. А. Энгельгардта.**

С.-Петербургъ.
Книгоиздательское Товарищество „Просвѣщеніе",
Забалканскій просп., соб. д. № 75.

Сочиненія

А. А. Потѣхина.

Томъ первый.

Повѣсти и разсказы.

С.-Петербургъ.
Типо-лит. Т-ва „Просвѣщеніе“, Забалканскій пр., с. д. № 75.
1909.

Т-ВО ПРОСВѢЩЕНІЕ

891.733
P86
t. 1

Оглавленіе.

Титъ Софроновъ Козонокъ. Повѣсть изъ народнаго быта 1

Бурмистръ. Повѣсть 123

Забавы и удовольствія въ городкѣ. Очеркъ 281

Женская исповѣдь. Разсказъ 367

Титъ Софроновъ Козонокъ.

Повѣсть изъ народнаго быта.

Глава I.

Года два тому назадъ старика Онуфрія Кузмича посѣтило тяжкое горе: умеръ его единственный сынъ Григорій. Славный былъ мужикъ этотъ Григорій: умный, смышленый, зажиточный, хорошо велъ свои дѣла, отлично торговалъ. Главный промыселъ его было пчеловодство, и ужъ ни у кого нельзя было достать такого чудеснаго меда-самотека — и прозрачнаго, какъ янтарь, и обсахареннаго, какъ крѣпкое мороженое. Какой хотите — спросите: цвѣточный-ли, липовый, или хлѣбный — ни одинъ изъ нихъ не уступитъ другому. Дѣлалъ онъ и воскъ превосходный: не то, что красный или желтый, нѣтъ! а такой чистый, такой бѣлый, какъ слоновая кость. И все это производилось не въ маломъ количествѣ. Вѣдь у Григорья было ульевъ пятьдесятъ, такъ что весь садикъ его былъ заставленъ ими. А какъ весело бывало взглянуть на этотъ садикъ, хоть, правду сказать, немного и опасно, потому что пчелы Григорья вовсе не были такъ гостепріимны и радушны, какъ самъ хозяинъ. За домомъ Григорья западалъ оврагъ не крутой и не песчаный, а покрытый зеленью; по дну его протекалъ ручеекъ, прихотливо извиваясь по каменьямъ и журча сладкой, мелодичной пѣсенкой; за рѣчкой этой поднимался другой берегъ оврага, еще болѣе пологій и красовавшійся въ лѣт-

нее время уже не зеленью, а золотистой желтизной жатвы. По этому-то зеленому склону оврага, на верху котораго стоялъ домъ Григорья, раскидывался и его садикъ. Кругомъ онъ обнесенъ былъ плетнемъ, и около этого плетня стояли пчелиные ульи. Около самой избы красовались черемухи и рябины, роскошно раскидывая свои вѣтви, отягченныя ягодами, и напрасно соблазняя ими деревенскихъ ребятишекъ, которыя не осмѣливались вступать въ предѣлы пчелинаго царства, не карапкались по плетню, не влѣзали на деревья и не пробовали не только зеленыхъ, но даже и спѣлыхъ ягодъ. Тутъ-же виднѣлась яблоня, которая въ весеннее время совершенно скрывала свою зелень подъ бѣлымъ, какъ молоко, цвѣтомъ, ароматнымъ, душистымъ, медовымъ — славной приманкой для пчелъ. Дальше нѣсколько кустовъ дикой смородины, двѣ грядки съ овощемъ, да деревянный разсадникъ[1] для капусты — вотъ все, что было въ саду у Григорья. Вѣдь, кажется, самый незатѣйливый садикъ, а какъ весело бывало пройтись по его не вырѣзанной, не укатанной, не усыпанной пескомъ, но просто вытоптанной ногами тропинкѣ, какъ пріятно любоваться изъ него закатомъ солнца, которое тонетъ въ желтомъ морѣ жатвы, колышущемся на противуположномъ берегу рѣчки, когда каждый колосъ какъ будто проникается насквозь послѣдними лучами солнца и кажется отлитымъ изъ чистаго золота; какъ отрадно вдыхать въ себя чудный ароматъ вечера, сидя въ этомъ садикѣ на лавкѣ, поставленной подъ черемухой досужими руками Григорья! И лучше всѣхъ зналъ цѣну этому садику самъ

[1] Такъ называется небольшой деревянный срубъ, наполненный землею, въ которомъ сѣютъ капусту и выращиваютъ до извѣстной величины (разсада), послѣ чего пересаживаютъ на грядки.

покойный Григорій, да Онуфрій Кузмичъ. Старикъ положилъ ему начало, и съ удовольствіемъ видѣлъ, что сынъ не только поддержалъ, но и развилъ его дѣло. Онуфрій Кузмичъ былъ уже очень старъ, и лѣтъ пять уже отдыхалъ на лаврахъ своей трудовой, но не тяжкой жизни — и садикъ былъ для него самымъ лучшимъ мѣстомъ его отдыха, его прогулокъ, самымъ оживленнымъ доказательствомъ, что дѣятельность его не умирала вмѣстѣ съ нимъ, что не безъ слѣда прошелъ онъ по житейскому морю. Трудамъ Григорья, казалось, покровительствовала сама судьба. Вотъ, напримѣръ, роится рой надъ деревней, густой тучей несется онъ, жужжа и извиваясь. Всякій мужикъ, у котораго есть хоть одинъ улей, бѣжитъ въ свой огородъ, надѣясь, что авось-либо ему выпадетъ такое счастье — привьется даровой рой; глаза всякаго подняты къ верху и жадно слѣдятъ за двигающейся живой массой. Вотъ рой остановился надъ однимъ чьимъ-то садомъ, вьется, жужжитъ, нѣкоторыя пчелы сѣли уже на плетень, на рябину, владѣтель сада внутренно торжествуетъ: закутанный въ вывороченную шубу, съ сѣткою на лицѣ и въ рукавицахъ, онъ усердно колотитъ палкой въ сковороду, надѣясь дребезжащими звуками этого оригинальнаго инструмента привлечь весь рой... но напрасно: маткѣ почему-то не нравится этотъ садъ, а можетъ быть не нравится и самъ хозяинъ, предлагающій свое гостепріимство; быстро поднимается она къ небу, а за нею несется и весь рой съ сердитымъ жужжаніемъ.

— Что, братъ, не привился? — спрашиваетъ одинъ владѣтель ульевъ другаго.

— Да, дожидайся: привьется къ намъ! Смотри, коли не опять Григорью счастье.

И они не ошибаются. Дѣйствительно, рой покрываетъ плетень его сада, облѣпляетъ со всѣхъ сторонъ или черемуху или яблонь. Григорій осторожно беретъ матку, сажаетъ ее въ стеклянный маточникъ, послѣдній ставитъ въ улей, и весь рой летитъ вслѣдъ за маткой.

Такимъ образомъ Григорій съ новымъ даровымъ ульемъ. А это хорошая примѣта: замѣчено, что рой не привьется никакъ къ мужику нечестному, или пьяницѣ, или неряхѣ. Спросите любого пчеловода изъ крестьянъ: онъ также станетъ васъ увѣрять въ этомъ. Да еще не только не привьется новый рой, а и старые-то ульи опустѣютъ, если мужикъ поведетъ дѣло не честно. Да вотъ не далеко идти. У Григорья сосѣдъ, такъ мужиченка, несправедливый, нечестный, вздумалъ-было, по его примѣру, завести у себя ульи. Ну, пошелъ къ помѣщику и говоритъ ему: „денегъ, говоритъ, у меня, батюшка, нѣтъ, дѣлишки, говоритъ, мои плоховаты, а знаешь ты, что куда какъ выгодно въ нашемъ краю завести ульи: ссуди, говоритъ, меня деньжонками, будъ отецъ родной, къ дѣлу, говоритъ, этому я присмотрѣлся; и знаю, какъ его повести: куплю улья три, буду получать съ нихъ пуда три меда, и половину отдавать тебѣ, а потомъ, какъ Богъ сподобитъ — дѣло пойдетъ хорошо — еще прикуплю ульевъ, и, что-бы ни сталъ получать меду — все одна половина тебѣ". Баринъ согласился, далъ денегъ, и мужикъ купилъ ульи. Первый годъ — что ни собралъ меду, — половину отдалъ барину исправно, на другой годъ сборъ былъ также хорошъ, но мужику жаль стало отдавать половину, и онъ принесъ барину меду меньше противъ условія, а на третій годъ и ничего не далъ барину: сказалъ, что годъ былъ нехорошъ, мокрый,

и цвѣту было мало, да и цѣлый улей у него вымеръ — ну, словомъ, наговорилъ ему турусы на колесахъ. Что-же вы думаете? Года черезъ три послѣ того, у него всѣ до одного ульи опустѣли! Такъ, если у Григорья пчеловодство шло такъ успѣшно, значитъ онъ былъ мужикъ добрый и честный. И это совершенно справедливо. За то и какой почетъ былъ Григорью! Поѣдетъ, бывало, на ярмарку съ медомъ или воскомъ, такъ тамъ всѣ рядовичи и даже богатые купцы, да и самъ иной баринъ попроще, да подобрѣе, который ужъ не черезъ-чуръ деликатенъ, величаютъ да чествуютъ его, не то что какого-нибудь простого мужика, а всѣ съ имя съ отечества: Григорій Онуфричъ, да Григорій Онуфричъ. И всякій ему поклонится и всякій добрымъ словомъ взыщетъ, а иной и чаемъ попоитъ, потому что Григорій никогда никого не обманывалъ, и всѣ, кто имѣли съ нимъ дѣло, считали его мужикомъ честнымъ, и всегда благодарили его за хорошій товаръ.

Такъ вотъ какого человѣка лишилась деревня, вотъ какого сына лишился Онуфрій. Я уже не говорю о томъ, какъ почтителенъ былъ Григорій къ своему отцу, какъ уважалъ его и слушался его совѣтовъ и приказаній, не смотря на то, что самъ онъ былъ уже лѣтъ двадцать женатъ и имѣлъ жениха сына . . . И все это горе надѣлала злая лихорадка. Григорій былъ малый здоровый; никто не запомнитъ, чтобы онъ когда-нибудь хворалъ; но вотъ однажды, весною въ самую водополь, пришлось ему ѣхать, по своимъ дѣламъ, въ сосѣднее село. Дорога вся уже чернѣла, снѣгъ казался какимъ-то грязнымъ, рыхлымъ, поздреватымъ, въ иныхъ мѣстахъ совсѣмъ стаялъ, показывая клочки поля, покрытаго завядшею, бурова-

тою травою, въ другихъ мѣстахъ, болѣе открытыхъ вліянію солнца, пробивалась уже слабая желтовато-зеленая мурава; по всѣмъ покатостямъ, какія только представляли окрестности той дороги, по которой ѣхалъ Григорій, текли шумные ручьи растаявшаго снѣга. На низменностяхъ, куда стекала вода, образовавшаяся изъ снѣга, дорога часто совсѣмъ пропадала подъ снѣжной кашей, и лошадь должна была отыскивать ее ногами, рискуя каждую минуту оборваться и завалиться въ канаву или засѣсть въ зажору. Зажорами у насъ, по проселочнымъ дорогамъ, называются въ раннее весеннее время ручьи, постоянные или образовавшіеся изъ тающаго снѣга, которые текутъ въ болѣе или менѣе глубокихъ и узкихъ оврагахъ. Пересѣкая дорогу и покрываясь часто снѣжной кашей, подъ которой нельзя замѣтить ихъ теченія, они бываютъ очень опасны для путешественника: оборвавшаяся въ нихъ лошадь съ санями не въ силахъ уже бываетъ выбраться на болѣе твердое мѣсто, и сани иногда совершенно охватываются водою, а сидящіе въ нихъ по необходимости должны бываютъ покупаться въ холодной грязной водѣ, и, промокнувши до костей, прогуляться еще нѣсколько верстъ по сырому воздуху, пока не доберутся до ближайшаго селенія, гдѣ могутъ получить великодушную помощь и теплую печку, чтобы согрѣть оледенѣвшіе члены, пропитанные лихорадочною сыростью. Въ такую точно бѣду попалъ и Григорій, но такъ какъ онъ ѣхалъ одинъ, то и долженъ былъ впродолженіе нѣсколькихъ часовъ, находясь по-поясъ въ водѣ, вытаскивать свою лошадь и послѣ того ѣхать еще около десяти верстъ до своей станціи. Здоровье его не выдержало на этотъ разъ, и злая лихорадка прошла въ его кости. И какая это была

лихорадка — страшно сказать. Во время пароксизмовъ, Григорья вскидывало чуть не на пол-аршина отъ печки, на которой онъ лежалъ подъ кучей полушубковъ; зубы его стучали другъ о друга такъ сильно, что какъ будто онъ лежалъ не въ теплой избѣ, не на горячей печкѣ, не подъ цѣлой горой шубъ, а точно сейчасъ выскочилъ изъ проруби, гдѣ по русской привычкѣ купался въ одной рубашкѣ, на трескучемъ крещенскомъ морозѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ внутри Григорья былъ ужасный жаръ, отъ котораго горѣла его голова, грудь, руки и ноги. Долго былъ боленъ Григорій: сначала его болѣзнь считали днями, потомъ недѣлями, дальше мѣсяцами, а наконецъ прошелъ и весь тяжелый мучительный годъ. Страшно было взглянуть тогда на Григорья, трудно было узнать въ немъ прежняго молодца: похудѣлъ, позеленѣлъ, ослабъ, глаза потускли хотя и горѣли еще какимъ-то фосфорическимъ блескомъ, и наконецъ онъ весь опухъ и получилъ одышку. Ужъ чѣмъ его не лечили, какихъ средствъ не употребляли — ничто не помогло. Старуха изъ Соврасихи велѣла носить чеснокъ на крестѣ, поила его отваромъ изъ какихъ-то костей и земли, сама даже своими руками прижигала лихорадку. Старикъ изъ Дубкова поилъ его табакомъ съ перцомъ и водой изъ двѣнадцати колодцевъ. Бабушка Лукерья изъ Зыбкина давала глотать какія-то исписанныя кругомъ бумажки, надъ которыми сама что-то нашептывала, потомъ собственноручно отрѣзала у него нѣсколько волосъ со становой жилы, положила ихъ въ яичную скорлупу и повѣсила послѣднюю высоко на березу, увѣряя, что какъ только галки расклюютъ эту скорлупу и съѣдятъ волосы, такъ къ нимъ и перейдетъ болѣзнь отъ Григорья, а онъ освободится; но, видно, галки не клевали яица

и не ѣли волосъ со становой жилы — и Григорья по прежнему била лихорадка. Цирюльникъ изъ сосѣдней господской усадьбы три раза пускалъ кровь изъ Григорья, раціонально разсуждая, что въ человѣкѣ все кровь, и когда этой крови накопится очень много, тогда она начинаетъ портиться, а оттого и приключаются людямъ всякія болѣзни, слѣдовательно, если выпустить больному хоть немного крови, то болѣзнь его ослабѣваетъ, уменьшается, а если выпустить побольше, то и совсѣмъ пройдетъ; но, видно, у Григорья было очень немного крови, потому что, когда раціональный эскулапъ хотѣлъ въ четвертый разъ пустить кровь изъ Григорья, такъ она и совсѣмъ не пошла. Наконецъ нашелся еще какой-то отставной солдатъ, по сосѣдству, въ Кульковѣ: онъ велѣлъ Григорью какъ можно больше курить махорки, а окурками чистить зубы; какъ же только его затрясетъ, такъ тотчасъ и бросаться въ самый холодный бочагъ, при чемъ онъ прибавилъ, что коли ужъ это не поможетъ, такъ нечего долго и пачкаться, а надо идти, да ложиться прямо на кладбище. Но и это средство не помогло. У Григорья открылась водянка. Тогда его стали кормить киселемъ овсянымъ съ воскомъ, но должно быть не знали хорошенько словъ, которыя нужно говорить при этомъ, потому что Григорью становилось все хуже и хуже, опухоль не опала и одышка увеличивалась. Жалко было видѣть, во все время болѣзни Григорья, жену его, бѣдную Ѳеклу. Она страдала не меньше мужа, особенно когда ему стало очень нехорошо, спрашивала всякую встрѣчную старуху, не знаетъ ли какихъ лекарствъ, и почти насильно заставляла мужа слѣдовать совѣтамъ, которыми ее надѣляли съ большою охотой. Она и сама измолила двѣнадцать

свѣчей, читая какой-то приговоръ, какъ вѣрное средство противъ лихорадки.

Но и усердіе Ѳеклы, и ея любовь къ мужу, и ея твердая вѣра въ пользу всѣхъ предлагаемыхъ лекарствъ, не спасли Григорья: онъ умеръ послѣ тяжелыхъ и продолжительныхъ страданій, и осталась послѣ него только добрая память, да садикъ съ ульями, да несчастный курганъ надъ могилой. Обезумѣла Ѳекла послѣ его смерти. Много стоновъ, и воплей, и слезъ, посвятила она могилѣ своего мужа, и вся деревня сочувствовала ей, зная, какъ любила она Григорья, не смотря на то, что онъ подъ-часъ былъ и строгъ и взыскателенъ, и всегда не очень съ ней нѣженъ. Горько плакалъ также и сынъ Григорья, Николай, живой портретъ отца и по душѣ, и по тѣлу. Но удивлялась вся деревня той твердости духа, тому мужеству и великодушію, съ которымъ перенесъ тяжкое горе Онуфрій Кузмичъ: ни одной слезинки не проронилъ старикъ, ни одной жалобы на судьбу не вырвалось изъ его устъ, ни однимъ воплемъ не разрѣшилось его страдающее сердце и стѣсненная грудь. Но много опустился, постарѣлъ и одряхлѣлъ Онуфрій въ эти печальные дни, и не выдержалъ лишь только тогда, какъ увиделъ гробъ сына въ могилѣ и услышалъ глухой шумъ падавшей на него земли: задрожали ноги старика, подогнулись колѣни, и онъ рухнулся на-земь, но потомъ скоро оправился, поглядѣлъ на Божію церковь, позлащенный крестъ который сіялъ въ это время на солнечномъ свѣтѣ, положилъ три земныхъ поклона, перекрестилъ могилу сына, глубоко, тяжко вздохнулъ въ послѣдній разъ, какъ бы освобождая душу отъ гнетушаго ее горя, и сталъ утѣшать и успокоивать бѣдную Ѳеклу.

Жалѣли Григорья и всѣ тѣ, которые его знали.

— Эко дѣло, матка! ну-ка, а? — говорила одна баба другой. Мужикъ-отъ, мужикъ-отъ какой былъ: здоровякъ, да дюжій такой, ражій, а? ну-ка болѣсь-то что означаетъ, а? а-а-ахъ-ахъ!

— Не говори ужъ: у насъ что гореванья-то было, сказать невозможно. Да еще и года-то какіе? молодые еще года-то! Жаль, жаль!

— Какіе еще года? То-ли бы еще ему не жить. Жилъ бы, да жилъ! Ѳеклуху-то больно жаль: вѣдь какъ жили-то, душа въ душу.

— Что говорить, родная. Да вѣдь и онъ добрѣющей души былъ человѣкъ; ужъ какей доброй, да вожеватой: воды не замутитъ.

— Да и около дому-то какой обрядной, да обиходной, обо всемъ самъ промышлялъ.

— Да, да! Ну, что говорить: вѣдь этакое дѣло, хоть бы и пчелы, надо тоже знать порядокъ, да умъ. Эхъ-эхъ-эхъ-эхъ!...

— То-то вотъ, вѣдь, я говорила, присоединилась къ нимъ старуха, говорила: эй, переведите черезъ него медвѣдя; какъ бы перешелъ, да лапами помялъ, такъ, какъ рукой бы и сняло всю болѣсь...

— Нѣту, Михеевна, это на мужика не дѣйствительно, — вожражала ей другая старуха: это, коли бабу схватитъ лихоманка, такъ эвто дѣлаютъ, а къ мужику нейдетъ, а вотъ я говорила: пронять скрось березу, ну, такъ это вотъ дѣйствительно.

— Какъ это, бабушка Улита, пронять скрозь березу? я нешто и не слыхала, спросила одна молодая баба.

— Да гдѣ еще тебѣ и слышать, голубка! Такіе ли еще и твои года, чтобы тебѣ все знать. Ты еще у матери въ утробѣ не была, какъ я всю суть про-

исходила. А это вотъ какъ пронимаютъ скрозь березу: выберутъ, которая молодая, да тонкая, ну, знамо дѣло, чтобы еще на корню была, да и разрубятъ ее впродоль, чтобы, знаешь, щель пошире была, да скрозь эвту щель и протащатъ человѣка, или, просто, возьмутъ по двѣ плети отъ березы, да узломъ и завяжутъ, да также скрозь узелъ-то его и проймутъ. Ну, это-то не такъ чтобы очень дѣйствительно было, а ужъ то, какъ разщелить-то, да пронять, такъ это ужъ такое дѣйствіе бываетъ, что никакая лихоманка не устоитъ.

— Вѣдь ихъ двѣнадцать сестеръ! — отозвалась Михеевна.

— Знаемъ, матушка, все знаемъ: эта ужъ мнѣ наука-то не новая. Ты не перебивай. Какая бы ни была сестра, хоть самая злая, гнетучая, а ужъ супротивъ этого средствія не устоитъ. Какъ проймутъ человѣка-то, такъ такая трескотня пойдетъ по тѣлу, что только удивленье. Это ей, знаешь, не хочется изъ тѣла-то вонъ, такъ она съ досаѣы-то на послѣднихъ порахъ кости ломаетъ, ну, да ужъ нѣтъ, это: не удержится — поломаетъ, поломаетъ, а ужъ выйдетъ. Вотъ не далеко сказать: Аѳонина внука, видитъ она во снѣ, матушка моя, приходитъ къ ней дѣвка толстущая така, большая, рубаха бѣла, длинная, безъ пояса, безъ застеги, волосы распущены, это, по плечамъ, долгіе таки; вотъ она, матушка моя, пришедши да ее и поцѣловала, а губы у нея ровно ледъ, холодныя, а отъ нихъ у дѣвки-то, у Аѳониной-то, по всему тѣлу точно огнемъ опалило. Что же ты думаешь? въ тотъ же день ее и затрясла: это къ ней трясучая приходила. Ну, она, знамо дѣло, къ тому, къ другому, всякъ говоритъ свое: тотъ скажетъ одно, другой другое — нѣтъ помоги

никакой. Они ко мнѣ; ну, что, молъ, это еще не Богъ вѣсь какая сила: велѣла ей, матушка моя, съ каменки воды выпить, это въ банѣ, знашь, на каменку, нужды нѣтъ, коли холодна — ничего, налить воды, да чашку и подставить: что натечетъ, то выпить. Сдѣлала она: ну, трясучая облегчила, такъ ломовая напала: начало кости ломить. Они опять ко мнѣ. Ну, молъ, эта посильнѣе: проймите-ка скрозь березу. Какъ проняли, такъ, ровно рукой и сняло. Вотъ говорила я Ѳеклѣ: эй, пройми скрозь березу. Не послушались: ну, вотъ и умеръ, а послушайся — былъ бы живъ!

— Какъ не послушали? Да вѣдь они пронимали, — отозвалась молодая крестьянка съ лукавыми живыми глазками, — только помочи-то никакой не было, а то пронимали.

— Ну, какъ, бишь, не проняли, не знаю я: эка прыткая какаа. Кабы проняли, такъ не умеръ бы, а что теперь? что онъ? живъ что ли?

— Да я доподлинно знаю, бабушка Улита, что и скрозь березу пронимали, да вотъ ты еще говорила, чтобы задомъ покойникъ-то Григорій пятился изъ избы въ избу, онъ и это дѣлалъ, и веревочку каку на дорогѣ найдетъ, велѣла подпоясаться — и это подпоясался, а все никакой пользы не получилъ.

— Что-о? Ахъ, стрекозубъ этакой! Нѣтъ, ужъ я что скажу, такъ вѣрно бываетъ, а коли что и не случится, такъ значитъ не такъ дѣло повели.

Между тѣмъ лукавая бабенка пряталась отъ сердитыхъ глазъ бабушки Улиты за толпой крестьянокъ, которыя слушали бабушку, розиня ротъ, и тихо подсмѣивалась надъ старухой, подталкивая въ бокъ свою сосѣдку.

— Мнѣ, бабушка, пожалуй, сердись, — продолжала она съ лукавой улыбкой, — а какъ было, я такъ и говорю. Мнѣ что врать? Дѣло чужое...

— Ну, полно, полно, стрекоза. Еще ты что?.. а я ужъ, слава Богу, пожила на свѣтѣ-то: всего довелось видѣть, такъ ужъ я что скажу, такъ, значитъ, такъ и должно быть слѣдовать.

— Это правда, бабушка Улита, — сказала одна изъ крестьянокъ: — кто супротивъ тебя въ этомъ дѣлѣ знаетъ. А жаль Григорья-то: хорошій былъ мужикъ.

— Да вотъ много знаетъ, а все врала: не умѣла же вылечить-ту... замѣтила вполголоса и насмѣшливо востроглазая бабенка.

Жалѣли Григорья и въ городѣ, особенно рядовичи, которымъ онъ продавалъ свой медъ и воскъ:

— Наше вамъ-съ... Яковъ Агапитычъ! — говорилъ одинъ изъ нихъ другому, бойко приподымая картузъ и искусно раскланиваясь съ ловкимъ приподнятіемъ лѣвой ноги и склоненіемъ праваго плеча.

— Прохору Ѳедорычу.

— А слышали-съ?..

— На счетъ чего?

— А на счетъ Григорья, что изъ Бекренихи-съ?

— Нѣтъ ничего, а что-съ?

— Умеръ-съ!

— Полно?..

— Какъ есть-съ!..

— То-то я все смотрю: самъ-отъ онъ ужъ и не ѣздилъ, а все Николаха его пріѣзжалъ. Такъ, такъ! Вѣдь и я слышалъ, что онъ все боленъ былъ. Жалко: важный былъ мужикъ, честнѣйшій: и дѣло свое зналъ, обороты свои велъ такъ исправно, какъ слѣдуетъ, лучше не надо... Эка, братецъ мой, а? жалко, жалко!

— Ужъ и мы очинно всѣ такъ пожалѣли его-съ, потому человѣкъ-отъ былъ нужный. Это уже не то, что обмануть-съ, это и говорить нечего, да и сами промаху не дадимъ-съ, а такъ иной разъ, это, въ кредитъ тебѣ повѣритъ и все такое-съ, ничего-съ... дожидается — слова не скажетъ... добродушный былъ мужикъ-съ. Это справедливо-съ.

— И Николаха-то его такой малой... этакой... нечего, проворный такой, бойкой мальчуганъ, право... Весь въ отца: и такъ разговариваетъ и дѣло смыслитъ. Ну, хоть онъ будетъ утѣшеніемъ старику-то. Вѣдь, кажется, старикъ-то у Григорья еще живъ?

— Живъ-съ!

— Ну, такъ все значитъ не безъ утѣшенія остался, а жаль мужика, очинно жаль.

— Да-съ! Добрѣйшей души былъ человѣкъ! Это совершенно-съ!

Какъ же послѣ этого было не жалѣть Григорья старику Онуфрію. И онъ много, глубоко жалѣлъ сына, но умѣлъ удержать верхъ надъ своимъ горемъ, умѣлъ скрыть его въ глубинѣ своего сердца. Впрочемъ, чтобы понять, чѣмъ утѣшалъ себя Онуфрій въ горѣ и что помогало ему торжествовать надъ самимъ собою, нужно покороче познакомиться со старикомъ, да намъ и давно пора это сдѣлать.

Наружность Онуфрія Кузмича не представляла въ себѣ ничего особеннаго: это былъ старикъ, какъ и всѣ другіе старики. Сѣдые волосы, сморщенное, кирпичнаго цвѣта лице, глаза тусклые съ красными жилками въ бѣлкахъ, спина нѣсколько сгорбленная. Но внутренняя, нравственная сторона Онуфрія была весьма оригинальна и достойна вниманія. Старикъ былъ уменъ отъ природы, вѣрилъ только въ самого себя и былъ упоренъ въ своихъ убѣжденіяхъ. Старикъ

обладалъ твердой волей, но эта воля была упряма, непреклонна; онъ былъ добръ, но эта доброта въ иныхъ случаяхъ подавлялась суровымъ эгоизмомъ, когда этотъ эгоизмъ оправдывался его убѣжденіями, въ другихъ напротивъ она не знала границъ въ своихъ проявленіяхъ. Онуфрій былъ чрезвычайно религіозенъ, но эта религіозность переходила часто или въ фанатизмъ, или въ фатализмъ; онъ не зналъ грамоты, но усердно слушалъ св. Писаніе; и каждое слово этой всемірной, неисчерпаемой мудрости глубоко, буквально врѣзывалось въ его душу, и осуществлялось имъ буквально, потому что, по убѣжденіямъ Онуфрія, мудрствовать надъ св. Писаніемъ и толковать его, былъ великій грѣхъ. Онъ вѣрилъ въ судьбу, управляющую жизнью человѣка, и всякое явленіе въ своей и чужой жизни считалъ ни болѣе ни менѣе, какъ выраженіемъ воли судьбы, и потому-то всегда великодушно, всегда покорно и смиренно склонялся предъ каждымъ горемъ и несчастіемъ, которое когда-либо посѣщало его. И не смотря на всѣ крайности, не смотря на всѣ противорѣчія въ своемъ характерѣ, онъ въ жизни своей сдѣлалъ больше хорошаго, нежели дурного, больше добра, нежели зла.

Когда Григорій захворалъ и здоровье его становилось все хуже и хуже, Онуфрій Кузмичъ не отчаявался, даже не горевалъ, и не совѣтовалъ сыну лечиться, говоря, что, коли Богу нужно, чтобы онъ жилъ, то будетъ жить безъ всякихъ снадобьевъ, а коли не нужно, такъ что хошь дѣлай, ничто не поможетъ. Всѣ средства, которыя употреблялъ Григорій по усерднымъ просьбамъ своей жены, были строго скрываемы отъ Онуфрія, и если случалось, что онъ узнавалъ объ нихъ, то сердился, упрекалъ

сына въ малодушіи и бранилъ невѣстку. Григорій становился опасенъ. Въ немъ принялъ участіе священникъ ихъ приходскаго села и совѣтовалъ свезти его въ больницу, но Онуфрій отвѣчалъ ему: „э, батюшка, развѣ ты не знаешь, что сказано въ Писаніи, что ни одинъ волосъ не падаетъ съ головы человѣка безъ власти Господней!“ Григорій умеръ, и Онуфрій говорилъ: „Богъ все дѣлаетъ къ хорошему, ничего къ худу. Онъ далъ сына, Онъ и взялъ: видно такъ нужно!“ И старикъ обратилъ всю свою любовь, всѣ свои заботы и надежды на внука.

Николай, какъ мы уже знаемъ, былъ живой портретъ отца: мальчикъ добрый, привѣтливый, бойкій, уступчивый, почтительный къ дѣду, но обличавшій въ иныхъ случаяхъ фамильную твердость воли и упорство ума, онъ составлялъ полное утѣшеніе Онуфрію въ его потерѣ, тѣмъ болѣе, что былъ чрезвычайно способенъ къ тому дѣлу, которымъ занимались и дѣдъ, и отецъ его, какъ-будто эта способность перешла въ него вмѣстѣ съ ихъ кровью. Уныло, печально, грустно тянулись первые дни и недѣли послѣ смерти Григорья, не сходило его имя съ языка плачущей Ѳеклы, жены покойнаго, часто вспоминалъ отца Николай, нерѣдко говорилъ объ немъ и Онуфрій. Но съ каждой недѣлей это воспоминаніе ослабѣвало, съ каждымъ днемъ это имя повторялось рѣже, и мѣсто Григорья въ сердцѣ старика все болѣе и болѣе занималъ Николай. Протекли два года послѣ печальнаго событія, и Онуфрій не могъ уже сказать утвердительно, кого онъ болѣе любилъ — сына или внука. И въ самомъ дѣлѣ, пока былъ живъ первый, любовь старика дѣлилась между нимъ и внукомъ, теперь же вся она сосре-

доточилась на послѣднемъ. Николай былъ единственный сынъ у Григорья, слѣдовательно и всѣ надежды Онуфрія лежали лишь на немъ одномъ: это было единственное живое звено, которымъ старикъ надѣялся соединяться съ землею послѣ своей смерти. Кому неизвѣстно, кто не знаетъ того, что молодой человѣкъ думаетъ лишь о настоящемъ мгновеніи и живетъ для него одного, что взрослый и созрѣвшій, но еще далекій отъ старости, заботится о завтрашнемъ днѣ, а старикъ, для котораго, повидимому, не существуетъ уже никакихъ интересовъ въ земной жизни, который готовится каждую минуту перейдти за предѣлы ея, особенно желаетъ того, чтобы слѣдъ его жизни не изгладился вмѣстѣ съ нимъ и умираетъ покойно, если увѣренъ, что послѣ него остается человѣкъ, которому онъ успѣлъ передать свои убѣжденія, въ котораго, такъ сказать, вдохнулъ свою душу, и который съумѣетъ продолжить его трудъ, его земное дѣло. Онуфрій Кузьмичъ видѣлъ въ Николаѣ много своего, и потому понятна его любовъ къ нему. Притомъ же извѣстно, что старики любятъ своихъ внуковъ часто гораздо болѣе, нежели дѣтей, и, можетъ быть, по тому же самому побужденію, о которомъ мы сейчасъ говорили.

Николаю было уже лѣтъ осьмнадцать, и мать его начинала сильно хлопотать о невѣстѣ ему. Не прочь былъ отъ этого и Онуфрій Кузмичъ: и его сердце билось какъ-то сильнѣе, когда ему приходила мысль, что, можетъ быть, Господь приведетъ ему увидѣть и няньчить даже правнучатъ. При этой мысли онъ даже съ какою-то непривычной въ немъ робостью думалъ о могилѣ и готовъ былъ молиться о продолженіи своей жизни. Невѣста уже была на примѣтѣ, и самъ старикъ намѣревался хлопотать о ней.

Наступила осень, а вмѣстѣ съ ней и длинные, скучные вечера, и темныя ночи, и проливные дожди со слякотью и грязью по дорогамъ, и проницающіе насквозь вѣтры, уныло завывающіе въ трубахъ. Былъ одинъ изъ такихъ вечеровъ. Въ избѣ Онуфрія горѣла лучина, изрѣдка потрескивая, и то вспыхивала, то почти совсѣмъ угасала. Ѳекла пряла, сидя на лавкѣ у самой лучины и быстро крутила веретеномъ, останавливаясь лишь на секунду, чтобы выдернуть зубами изъ тонкой нитки живулину [1] или кострику [2]. Онуфрій лежалъ на печи, а Николай хлопоталъ что-то около кадокъ съ медомъ, уколачивая и увязывая ихъ.

Въ избѣ царствовала совершенная тишина и безмолвіе, нарушаемыя лишь монотонной пѣсней сверчка, который напѣвалъ ее гдѣ-то въ углу подъ поломъ, да жужжаньемъ веретена въ рукѣ Акулины, да изрѣдка ударами молотка въ рукахъ Николая и кряхтеньемъ старика Онуфрія, когда онъ переворачивался на печкѣ съ одного бока на другой. Среди этой тишины слышалось и завыванье вѣтра, и пронзительный свистъ его, и шумный ливень дождя, стучавшаго въ крышу или въ стѣны избушки.

— Эка темъ, Господи! проговорила, наконецъ, Ѳекла, взглянувши въ окошко. Ни зги не видать, а мокреть-то какая: дождь такъ и льетъ. Эка нынче ярмарка-то будетъ мокрая!

И затѣмъ снова водворилось молчаніе, среди котораго раздавались тѣ-же звуки, тотъ-же нестройный концертъ.

— Какъ ты завтра поѣдешь, Миколай? опять заговорила Ѳекла.

---

[1] Толстое волоно льна.
[2] Кусочикъ льняной соломы.

А что, матушка?

— Да экая слякоть-то! . . .

— Ничего, матушка! Человѣкъ не глина — не размокнетъ.

— Да, тебѣ все ничего, ты все смѣшкомъ, да шуточкой. . . . А храни Богъ, не на семъ мѣстѣ сказано, простудишься, да захвораешь, такъ тутъ что?

— Э, Матушка, что мнѣ сдѣлается? . . . Ничего!

— Вотъ, вотъ весь въ отца; и покойникъ-то также бывало: все ничего, да ничего, что хошь говори, никогда не послушаетъ, а вотъ что теперь? . . . Оставилъ сиротъ горемычныхъ. . . . Пра, Миколаша, переждалъ-бы денекъ: авось, Богъ дастъ, прояснитъ, хошь маненько.

— Полно-ко, Ѳекла, что ты знаешь, отозвался Онуфрій Кузмичъ, — переждать! . . . какое теперь жданье? . . . Ярмарка въ развалѣ: теперь не то что день — часъ дорогъ. И что, самъ-дѣлѣ, малой, слава Богу, здоровой, что ему сдѣлается? Вотъ я до старости дожилъ, а бывало чего на своемъ вѣку не видалъ? И въ холодѣ, и въ мокрѣ по цѣлымъ днямъ приводилось иной разъ пробудешь, да слава-те Господи, никогда боленъ путемъ не бывалъ.

— Эхъ, батюшка, все до поры до времени . . .

— Не то: до поры до времени, а лучше молви: всѣ мы въ рукахъ Божескихъ. Господь не захочетъ, ничего не будетъ, а то, пожалуй, прячься, да хоронись — часъ пробьетъ, такъ все будетъ, какъ Ему надо. Знаешь пословицу: „будетъ, что будетъ, а будетъ то, что Богъ дастъ“.

— Ну, батюшка, ты все такъ говоришь . . . а какъ же сказано: „на Бога надѣйся, а самъ не плошай?“ Вѣстимо, всѣ мы подъ Богомъ ходимъ, да вѣдь, тоже надо и самимъ о себѣ заботу имѣть.

— Гдѣ это сказано? нигдѣ не сказано, а выдумалъ это какой-нибудь дуракъ. Ужъ коли Богу кто нуженъ, такъ, пожалуй, не плошай—вездѣ найдетъ; такъ ужъ лучше положиться во всемъ на Его святую волю, значитъ, и заботиться нечего. Вотъ я и самъ весь свой вѣкъ такъ прожилъ; да, вѣдь, живъ же, а придетъ конецъ, такъ ужъ что хошь дѣлай, ничто не поможетъ.

— А какъ же, батюшка, значитъ, совсѣмъ ничего не надо о себѣ промышлять, а вѣдь вотъ ты же посылаешь Миколаху-то, чтобы продавалъ товаръ, потому—деньги нужны, ѣсть надо.

— Это совсѣмъ другое: ты не разумѣешь. Въ Писаніи сказано: „въ потѣ лица твоего снѣси хлѣбъ твой“, значитъ, и нужно человѣку трудиться, да промышлять, потому еще сказано: „трудивыйся да ястъ.“ Да что съ тобой толковать: твое бабье дѣло; вамъ гдѣ законъ понимать, и сказано, что жена сосудъ скудельный. Такъ ужъ ты послушай меня, что я говорю. И нечего малому внушать, чтобы берегся, да боялся: на всякомъ мѣстѣ владычество Его. Во всякое время и вездѣ человѣкъ въ рукахъ Божескихъ....

Ѳекла проговорила что-то вполголоса, взглянула въ окно, потомъ на сына, покачала головой, и снова воцарилось прежнее безмолвіе, прерываемое тѣми же монотонными звуками.

Часа черезъ два Онуфрій велѣлъ давать ужинать.

— Да спать пора ложиться, прибавилъ онъ, слѣзая съ печи, на которой дремалъ. — А ты, Ѳекла, завтра раньше буди Миколаху, чтобы ему со свѣтомъ въ городъ поспѣть.

Ѳекла ничего не отвѣчала, но опять посмотрѣла въ окно, прислушалась къ вою вѣтра, шуму дожде-

ваго ливня, и опять покачала головой, взглянувши въ то-же время на сына.

Поужинали, легли спать, лучина погасла, и въ избѣ раздавалось только громкое храпѣнье спящихъ, да крикъ неугомоннаго, не знающаго ни сна, ни отдыха, сверчка.—Впрочемъ, не долго продолжался этотъ разноголосый концертъ. На дворѣ еще не начинала брезжиться заря, еще далеко было до разсвѣта, только на восточной сторонѣ неба, какъ-будто, стало проясняться, да постихнулъ немного вѣтеръ, и не такимъ ливнемъ шелъ дождь, когда проснулась Ѳекла и снова зажгла лучину. Потомъ она, съ явной неохотой и сожалѣніемъ, но послушная волѣ Онуфрія, который и при жизни сына былъ всегда полнымъ господиномъ въ домѣ, стала будить Николая. Неохотно, но бодро и заботливо, вскочилъ парень, и поспѣшно приготовлялся къ дорогѣ, а Ѳекла снова заговорила о томъ, нельзя-ли бы какъ остаться хошь на часокъ, да подождать до утра: авось выяснитъ.

— Нѣту, матушка, нѣту, никакъ невозможно. Опоздаешь въ городъ, а тутъ и хорошее время пропустишь.

— Ну, такъ что—часъ-отъ времени много уѣдешь, али въ городѣ-то надѣлаешь, да погоди, вонъ поѣшь хошь чего-нибудь: я-бы вотъ тотчасъ печку растопила, такъ хошь-бы оладью испекла.

— Нѣту, матушка, некогда, некогда: пора.

— Да хошь вчерашнихъ штецъ, осталось, поѣшь, да вотъ ситничка...

— А что, всталъ, Миколаха? спросилъ проснувшійся въ это время Онуфрій.

— Всталъ, дѣдушка, всталъ.

— Собираешься-ли?

— Собираюсь; тотчасъ, тотчасъ, дѣдушка.

— То-то пора, родной, поѣзжай! говорилъ Онуфрій, потягиваясь.

— Да хошь-бы позавтракать-то далъ... отозвалась Ѳекла печально.

— Какой теперь завтракъ, съ позаранку, отвѣчалъ старикъ, съ собой что нибудь возьметъ: дорогой пожуетъ...

— Ну!... возразила Ѳекла, полу-сердито, полупечально, и махнула рукой, но не сказала ничего болѣе, а только сунула въ руку сына ячной колобъ и примолвила потихоньку: пожуй пока, а я еще на дорогу-то заверну тебѣ-ка.

Николай откусилъ кусокъ, а остальное положилъ за пазуху.

— Ну, теперь прощайте! сказалъ онъ, собравшись совершенно и помолясь Богу.

— Погоди, родной, вотъ дѣдушка встанетъ...

— Нѣту, нѣту, поѣзжай, голубчикъ, пора! возразилъ старикъ, не слѣзая съ печи...

— Да хошь бы благословилъ, батюшка! сказала Ѳекла печальнымъ голосомъ и нѣсколько съ укоризной.

— Ну, будь надъ нимъ Божье и мое благословеніе: поѣзжай, поѣзжай, родной.

— Какъ только онъ въ эту темять, да грязь поѣдетъ? и лошадь-то завязитъ совсѣмъ.

— Эхъ, ты, Ѳекла, прямая баба. Да, развѣ не ѣздятъ люди и не въ такую грязь? — Что тебѣ далось все одно, да одно.

— Да, батюшка, пугана ворона и куста боится! — И у Ѳеклы невольно выступили слезы на глазахъ.

— Ну, прости, родной, красавецъ мой! На, вотъ, возьми еще, я те тутъ завернула: колоба, да пирога. Протрясетъ — захочется и поись. Да, мотри,

голубчикъ, прошу я тебя: поѣдешь, присматривайся къ дорогѣ-то, не оборвись гдѣ въ канаву, да и съ горъ-то полегче. Въ экую темь и Богъ знатъ куда попадешь. Прощай, голубчикъ, будь надъ тобой Богъ.

Николай взмостился на телѣгу, сполна нагруженную кадками, и шагомъ выѣхалъ за ворота. Ѳекла посмотрѣла ему въ слѣдъ.

— Эка темь, экой дождь! проговорила она и опять покачала головой...

Глава II.

Верстахъ въ пяти отъ Бекренихи, въ которой жилъ Онуфрій Кузьмичъ, въ сторонѣ отъ проѣзжей дороги, находилась деревня по прозванію Пупино, Дудкино тожъ. Она раскидывалась по крутой горѣ, на вершинѣ которой красовался господскій домъ и усадьба. На краю деревеньки, на самомъ живописномъ мѣстоположеніи и въ самыхъ живописныхъ полу-развалинахъ, виднѣлась крестьянская избушка. Обитателемъ ея былъ Титъ Софроновъ Козонокъ съ своей женою.

Въ настоящее время это былъ бѣдный пьянчужка-крестьянинъ; но не такова была его прошедшая судьба: онъ былъ сынъ кучера, замѣчательнаго необыкновеннымъ глубокомысліемъ, разсудительностію и любовью къ лошадямъ. Родитель его, Софронъ Григорьевичъ, былъ оракуломъ среди дворни. Никто не умѣлъ такъ остроумно и съ такимъ всесторонниимъ взглядомъ разсмотрѣть и обсудить любое обстоятельство, самый казусный, самый запутанный случай, никто не умѣлъ дать такого глубокомысленнаго совѣта, какъ онъ, а потому Софронъ Григорье-

вичъ слылъ за человѣка самаго умнаго во всемъ околодкѣ. Впрочемъ, не смотря на свою дальновидность въ чужихъ дѣлахъ, Софронъ былъ очень близорукъ въ своихъ собственныхъ: размышляя постоянно о первыхъ, онъ почти всегда находился въ созерцательномъ состояніи, и потому не видалъ что дѣлается у него подъ носомъ, а подъ носомъ у него росъ не по днямъ, а по часамъ его возлюбленный и единственный сынъ, Тишка, будущій Титъ Софроновъ Козонокъ. До четырнадцати лѣтъ, пользуясь полною свободою и всегдашнею защитою своего чадолюбиваго родителя, Титъ велъ жизнь самую беззаботную и самую привольную: зимой онъ только и занимался тѣмъ, что катался съ горы на салазкахъ, а лѣтомъ воровалъ горохъ, бобы, морковь и ягоды изъ чужихъ полей и огородовъ. Надѣлилъ Богъ его силой, а воспитаніе, или, лучше сказать, отсутствіе всякаго воспитанія, развило въ немъ необыкновенную задорливость и сдѣлало его буяномъ. Всѣ мальчишки, его сверстники, терпѣли отъ него горькую участь, да мало того, — онъ и старшимъ, и взрослымъ готовъ былъ на плечи сѣсть, разумѣется, еслибъ они это позволили. Такое поведеніе и такой характеръ Тита жестоко оскорбляли всю дворню. — „Чего господа смотрятъ, говорила она: — мальчишка совсѣмъ въ годы вошелъ, а только шаты продаетъ, да баклуши бьетъ, да еще этакой-то пострѣлъ ко всякому съ кулакомъ лѣзетъ. Ни встрѣчному, ни поперечному прохода не даетъ, никому житья отъ него нѣтъ. Хорошъ и батюшка-то: тоже, кажется, человѣкъ умный, разсудительный, всякое дѣло тебѣ такъ разложитъ, какъ пить дастъ, а того не видитъ, что мальчишка только балуется, да бѣгаетъ точно по пятому годку — этакой верзило!“ — Но наконецъ

сама судьба распорядилась относительно Тита. Господинъ его, помѣщикъ весьма экономный, большой хозяинъ и столько же, если еще не болѣе, глубокомысленный и разсудительный, какъ и Софронъ Григорьевичъ, считалъ необходимостью имѣть при усадьбѣ всякаго рода ремесленниковъ, какъ-то: сапожниковъ, башмашниковъ, плотниковъ, столяровъ, каменщиковъ, ювелировъ, даже часовыхъ дѣлъ мастеровъ и пр. и дѣйствительно имѣлъ ихъ, упражняя, въ свободное отъ ихъ спеціальныхъ занятій время, полевыми работами. Конечно, такое распоряженіе очень хозяйственное, но всѣ эти мастеровые люди были плохіе работники на полѣ. Впрочемъ, художники наравнѣ съ прочими дворовыми и задѣльными крестьянами, пахали господское поле, косили барской лугъ, за то, снова возвращаясь къ своимъ обычнымъ занятіямъ, они и въ нихъ оказывались неисправными, по той причинѣ, говорили они, что можно ли заниматься тонкой работой послѣ мужицкаго дѣла: у нихъ и руки отвыкли, и пальцы загрубѣли. А между тѣмъ глубокомысленный хозяинъ, довольный собою, часто говаривалъ своимъ сосѣдямъ: „вотъ напримѣръ я, господа, помѣщикъ, а захочу, да будь у меня деньги, самъ своими мастеровыми выстрою цѣлый городъ; право, выстрою, и дома омеблирую, и жителей всѣхъ обошью и одѣну...

— Ну, это, города-то цѣлаго не выстроите... — возражали сосѣди, сомнительно покачивая головами и лукаво переглядываясь между собою.

— Да, конечно... Ну, вотъ вы, такъ и взяли въ прямомъ смыслѣ. Нѣтъ, я такъ, къ примѣру говорю... Да, право, какихъ у меня ремесленниковъ нѣтъ: портныхъ ли надо — портные есть, каменщики, столяры — есть, золотыхъ дѣлъ мастера —

есть, ювелиры, брилліантщики — и этихъ двое: милости просимъ...

Этому-то великому хозяину принадлежалъ Софронъ и его сынъ. На счастье или несчастье послѣдняго, умеръ у помѣщика часовыхъ дѣлъ мастеръ, который имѣлъ необыкновенную охоту къ кулачнымъ боямъ и любилъ не только починивать часы, но и разрушать человѣческія ребра, не только вставлять вмѣсто испорченныхъ новыя колеса, но и исторгать совершенно крѣпкіе и здоровые зубы. Говорятъ, что эта самая страсть была одной изъ главныхъ причинъ ранней смерти пупинскаго-дудкинскаго брегета. Разсказываютъ, что онъ какъ-то разъ сцѣпился одинъ-на-одинъ съ семинаристомъ изъ сосѣдняго села, пріѣхавшимъ прежде окончанія курса въ домъ своего родителя, сельскаго пономаря, съ надеждою занять нѣкогда его мѣсто.

Ученый мужъ оказался весьма напрактикованнымъ въ дѣлѣ рукобитія, какъ онъ самъ говорилъ, и обѣщался тѣло пупинскаго часовыхъ дѣлъ мастера превратить въ подобіе раздробленныхъ или въ ступкѣ истолченныхъ часовъ; — увѣрялъ, что онъ у него скулы на скулы положитъ, зубы въ дроби приведетъ. Бой вышелъ не на шутку, и хотя ученому мужу и не удалось буквально исполнить своего обѣщанія, то есть, превратить часовщика въ подобіе раздробленныхъ или въ ступкѣ истолченныхъ часовъ, но, тѣмъ не менѣе, послѣдній унесъ съ собою въ могилу, вѣроятно, самое искреннее и глубокое воспоминаніе о достойномъ соперникѣ. И такъ въ усадьбѣ великаго хозяина оказался чувствительный недостатокъ въ художникѣ, весьма необходимомъ въ деревенской жизни. Помѣщикъ рѣшился опять послать въ ученье часовому мастерству котораго-нибудь изъ дворовыхъ

мальчишекъ. Выборъ палъ на Тита. Баринъ призвалъ отца его, сказалъ, что онъ намѣренъ дѣлать съ его сыномъ, и приказалъ ему приготовлять его въ дорогу.

— Что же, это дѣло хорошее! отвѣчалъ разсудительный Софронъ Григорьевичъ. — Гдѣ же человѣку и умомъ набраться, коли не въ ученьи? Ученый человѣкъ совсѣмъ другое положеніе, онъ все произойти можетъ. Извольте отдать. Это можно. Это дѣло, какъ есть.

— Да ужъ что полезно, это я самъ знаю. Во первыхъ малой не балуется, искусный человѣкъ всегда себѣ копѣйку зашибетъ, всегда онъ при дѣлѣ, въ занятіи, и блажь ему въ голову нейдетъ. А часовое мастерство очень выгодно. Знаешь ли ты, что стеклышко изъ часовъ вывалилось, такъ только вставить его въ Москвѣ полтинникъ берутъ, а пружина въ часахъ порвалась или что другое, такъ колесико какое испортилось, да просто сказать, шпенечикъ вывалился, такъ тутъ, знаешь, какія деньги берутъ: цѣлковыхъ по три, по четыре, да по пяти — вотъ какія! Ну, какъ-бы то ни было, и занятіе этакое благородное, все часовыхъ дѣлъ мастеръ, можетъ всякіе часы сдѣлать — не шутка. Совсѣмъ другое почтеніе человѣку, взглядъ на него другой. Ну, и господамъ пріятно, что у нихъ такой мастеровой есть!

— Это все справедливо, батюшка, вы изволите говорить, отвѣчалъ Софронъ Григорьевичъ, — ужъ такъ-то справедливо — это я знаю. Мастеровой человѣкъ — такой человѣкъ, что ему всякой поклонится. Почему? Потому всякой имъ одолжиться думаетъ, всякому онъ нуженъ. Вотъ у меня какое ремесло — хомуты починиваю, такъ и тутъ...

— Ну, такъ вотъ такъ чтобы и было. Слышишь?

— Слышу, сударь, слышу, это извольте... отчегоже! Для чего малому не учиться? малому нужно учиться! На наукѣ свѣтъ стоитъ.

Такимъ образомъ Тита собрали, повезли въ Москву и отдали на шесть лѣтъ въ ученье часовщику, нѣмцу, какому то херру Бляттъ. Само собою разумѣется, съ нимъ былъ заключенъ контрактъ, чтобы онъ, московскій цѣховой часовыхъ дѣлъ мастеръ Бляттъ, обучилъ его, дворового мальчика, Тита Софронова, всему тому, что самъ знаетъ, какъ то: починивать и исправлять попортившіеся часы, вставлять стекла, перемѣнять колесики, спаивать или замѣнять порвавшуюся пружину, дѣлать новые часы, и прочему, что къ его ремеслу относится. Всѣ эти подробности приказалъ оговорить въ контрактѣ самъ дальновидный и предусмотрительный помѣщикъ. „Оно вѣрнѣе, — говорилъ онъ, — а то, вѣдь, ужъ я знаю этихъ мошенниковъ: чего не упомянешь въ контрактѣ, тому ужъ не научатъ. Вѣдь, мнѣ не первый разъ имѣть съ ними дѣло: однажды я отдалъ одного учиться портному, да и не оговорилъ, чему именно онъ долженъ научить мальчишку изъ своего мастерства; что же вы думаете? отошелъ отъ него мальчикъ, панталоны шьетъ отлично, а больше ничего не умѣетъ: ни сертука, ни фрака, или жилета.“ — Сверхъ того было условлено, чтобы ему, помѣщику, его мальчика Софронова, отъ него, цѣховаго Блятта, прежде истеченія срока не брать, равно и ему, цѣховому Блятту, его, мальчика Софронова, отъ себя, не отсылать; что въ случаѣ непослушанія, лѣности или неповиновенія его, Софронова, предоставляется ему, Блятту, наказывать его, Софронова, но не увѣча; что одежда и обувь его, помѣщика, а больничныя, банныя и портомойныя цѣховаго Блятта.

Титъ, поступивши въ ученье, сначала повелъ-было себя такъ-же, какъ привыкъ въ деревнѣ, вздумалъ-было бѣгать изъ дома своего мастера, порядочно буянилъ, вздорилъ, даже подсмѣивался надъ своимъ наставникомъ весьма курьезно, по русскому обычаю. Но къ счастію Титъ попался въ хорошія руки, или по крайней мѣрѣ такія, какія именно были необходимы для него. Строгій и пунктуальный нѣмецъ при каждой шалости или непослушаніи Тита вынималъ контрактъ, и, указывая на то мѣсто его, которымъ предоставлялось ему, Бляттту, право наказывать его, Софронова, немедленно пользовался этимъ правомъ съ должною точностію. Постоянная и неизмѣнная твердость и взыскательность наставника подѣйствовали на Тита. Онъ былъ буянъ, задорный мальчишка, но вовсе не имѣлъ характера неукротимаго, и легко подчинился требованіямъ нѣмца. Онъ не былъ лишенъ способностей, и черезъ годъ-другой Бляттъ оставался доволенъ и имъ, и собой. Такъ прошли шесть лѣтъ. Срокъ ученья вышелъ; ему нужно было возвратиться въ усадьбу къ помѣщику, который ожидалъ его съ нетерпѣніемъ, но Титу вовсе этого не хотѣлось, жаль было отпустить его и хозяину: послѣдній надѣялся видѣть въ немъ хорошаго себѣ помощника. Титъ писалъ къ барину:

Ваше Высокоблагородіе Милостивый Государь Антонъ Антонычъ!

„Припадаю я къ стопамъ ногъ вашихъ поданный слуга вашъ Титъ Софроновъ и земно кланяюсь и заочно ваши ручки цѣлую, и позвольте пожелать вамъ добраго здравія и благоденственнаго всякаго благополучія и душевнаго спасенія, и поздравляю я васъ съ наступающей веселой масляницей,

чтобы стрѣтить и проводить ее съ веселымъ и радостнымъ восторгомъ сердца вашего въ полномъ существующемъ здравіи, но наипаче сего желаю отъ всещедраго Бога, чтобы стрѣтить вашему здоровью великаго и неоцѣненнаго гостя святаго и великаго поста, чтобы вступить къ цѣломудренному вашему подвигу при теперешнемъ рабскомъ моемъ желаніи во-первыхъ. Докладываю вашей милости, дошедши я теперь до достодолжнаго окончанія должнаго моего обученія и нахожусь я теперь въ вашемъ приказаніи какъ изволите приказать если явиться къ вашему высокоблагородію а нахожусь я теперь какъ извѣстно вамъ у нѣмецкаго мастера и онъ находится при желаніи меня у себя оставить даетъ на первыхъ порахъ по тринадцать цѣлковыхъ на мѣсяцъ а опосля что больши и какъ изволите приказать если на счетъ оброка а пачпортъ мой давно подошелъ а здѣсь московской городъ столицея и бесъ пачпорта жить не возможно по фартальному дѣлу еще докладываю вашей милости если будетъ какое ваше приказаніе а я ничего никакого приказанія отъ васъ не получалъ и пожелавъ вамъ отъ глубины сердца моего и души всякаго здоровья и благополучнаго всякаго жительства остаюсь въ ожиданіи покорный и послушный рабъ и слуга вашъ подданный.

Титъ".

Въ то же время Титъ писалъ письмо къ отцу слѣдующаго содержанія:

„Любезному родителю моему Софрону Григорьевичу и милой матушкѣ моей Аннѣ Савишнѣ отъ покорнаго сына Вашаго Тита во-первыхъ припадаю я къ стопамъ вашимъ и земно кланяюсь и прошу вашего благословенія на вѣки нерушимо и цѣлую я

васъ въ сахарныя уста отъ сердца моего и желаю вамъ всякаго здравія и прошу я васъ какъ вышедши срокъ моего обученія въ столичномъ городѣ Москвѣ у нѣмецкаго мастера и онъ очинно желаетъ меня у себя приспособить даетъ по 13 цѣлковыхъ на мѣсяцъ и я очинно это полагаю хорошо, попросите милостивыхъ господъ нашихъ если прикажутъ мнѣ у него остаться, по такому дѣлу часовому нѣтъ работы и за оброкомъ господскимъ здѣсь можно скопить копѣйку, столицея здѣсь большая и нѣмецъ нашъ доброй, если бы господа приказали очинно бы мнѣ по желанію, а въ деревнѣ только даръ Божій пропадать будетъ, а писали вы мнѣ, что часы я дѣлаю ли то дѣлаю всякія а глазамъ тяжко особливо ночнымъ дѣломъ работа мелкая, впрочемъ остаюсь живъ и здоровъ чего и вамъ отъ души сердца моего желаю вѣчно покорный всегда послушный сынъ вашъ.

Титъ".

Но письма эти не имѣли желаемаго успѣха, и чрезъ нѣсколько недѣль явился въ усадьбу Титъ. Это былъ малой высокой, худощавой, проворной и словоохотливой. Дворня тотчасъ назвала его почему-то Козонкомъ, и это прозвище прилипло къ нему такъ крѣпко, какъ будто-бы Титъ съ нимъ родился. На первой аудіенціи баринъ глубокомысленно осмотрѣлъ его съ ногъ до головы, пристально взглянулъ даже на его руки, потомъ не преминулъ выбранить хорошенько его учителя-нѣмца, распросилъ его о томъ, какъ онъ учился, что онъ знаетъ, можетъ ли сдѣлать новые часы, и что это будетъ стоить, далѣе прочиталъ ему длинную рацею о пользѣ трудолюбія вообще, и часоваго дѣла въ особенности, наконецъ сказалъ ему, что если онъ будетъ вести

себя хорошо, будетъ вѣрно служить и не станетъ пить, то и ему будетъ хорошо. Въ заключеніе помѣщикъ приказалъ Титу осмотрѣть всѣ свои часы, оцѣнить ихъ и нѣкоторые передѣлать на новый манеръ, а иные только почистить. Этотъ экзаменъ не совсѣмъ удовлетворилъ барина, и оставилъ въ немъ не вполне выгодное понятіе о Титѣ, потому что онъ оцѣнивалъ часы очень дешево, а передѣлать нѣкоторые на новый манеръ совсѣмъ отказался, говоря, что этому его не учили. — „Ну, вотъ такъ и есть: не помѣстилъ я этого условія въ контрактѣ, его и не выучили этому! — воскликнулъ великій хозяинъ.— Ахъ, мошенники нѣмцы, о, разбойники эти мастеровые. Надулъ, какъ надулъ!“

Съ своей стороны и Титъ былъ недоволенъ. Приказаніе явиться изъ Москвы въ деревню разстроило всѣ его планы, всѣ его замыслы, всѣ его мечты и надежды въ будущемъ. — Какъ бы хорошо было, думалъ Титъ, если бы остаться въ Москвѣ! Жилъ былъ я у нѣмца, припѣваючи. Черезъ годъ, черезъ два, далъ бы онъ мнѣ жалованья цѣлковыхъ двадцать, подбился бы я къ нему, сталъ бы угождать: сдѣлалъ бы онъ меня первымъ подмастерьемъ — пошли бы тогда свои доходы. Выплачивалъ бы я оброкъ исправно и себѣ много бы еще оставалось денегъ; одѣвался-то бы я на славу, на господскую ногу, пил-ѣлъ сладко, а все бы копѣйка лишняя всегда осталась. Сталъ бы я копить деньгу; смотришь, и жену бы завелъ себѣ не то, что какую мужичку, али дѣвку дворовую, что въ деревнѣ живетъ, ступить не умѣетъ, а подхватилъ что ни на есть изъ перваго изъ французскаго магазина — съ Кузнецкаго, что одѣвается, какъ барыня. себя ведетъ, и повадка во всемъ господская, что не бросится къ

тебѣ на шею сама первая, а развѣ только глазкомъ поведетъ, да улыбкой дастъ знать, что дескать, можете искать, а впрочемъ не забывайтесь и рукамъ воли не давайте, а какъ заговоритъ, такъ не то, что загорланитъ или затрещитъ тебѣ, какъ стрекоза, а все съ ужимочкой, да съ разстановочкой, а иной разъ и по-французскому скажетъ, потому за-всегда слышитъ, какъ въ магазинѣ мадамъ съ господами разговариваетъ, да ужъ что говорить, такую бы поддѣлъ, какой и баринъ бы другой не побрезговалъ. А теперь что, чего ждать? Живи-себѣ вѣкъ свой въ деревнѣ между мужиками, да между бабами, починивай часы, а и часишки-то все дрянь, пусть бы хоть еще путные были. А жениться?... не думай ужъ о московской мастерицѣмагазинщицѣ, а дадутъ тебѣ какую-нибудь дуру-тетеху косолапую, что и пройдти-то не умѣетъ порядкомъ: не то что по-московски, въ припрыжечку, а ступаетъ-себѣ всей лапищей, да носками заплетается. Охъ, ужъ деревенская жисть, то ли что московская?!...

Но судьба распорядилась Титомъ по своему и совершенно неожиданно. — У помѣщика его, великаго хозяина, глубокомысленнаго и разсудительнаго Антона Антоныча — былъ сынокъ, Александръ Антоновичъ, почти ровестникъ Титу. Съ самаго ранняго дѣтства Александръ Антоновичъ почувствовалъ въ себѣ призваніе и предназначеніе, какъ бы вложенное въ него свыше, — быть воиномъ. Когда еще игралъ онъ въ куклы, то самой любимой его игрушкой былъ деревянный солдатъ въ красномъ мундирѣ, голубомъ киверѣ съ зеленымъ султаномъ и вооруженный какою-то желтой саблей, а самыми драгоцѣнными подарками, которые когда-либо онъ получалъ отъ отца, — это маленькая желѣзная сабля и

маленькій барабанъ. Впослѣдствіи, когда отецъ отдалъ его въ гимназію, Александръ Антоновичъ еще сильнѣе почувствовалъ и созналъ свое призваніе. Когда ему шили форменный вицъ-миндиръ, онъ строго наказывалъ портному, чтобы воротникъ и талія были, какъ можно уже; къ калошамъ и теплымъ фуражкамъ онъ чувствовалъ отвращеніе, и зимою постоянно ходилъ въ холодной шинели. Лѣтъ тринадцати или четырнадцати онъ съ неистовствомъ рѣзалъ себѣ перочиннымъ ножичкомъ верхнюю губу изъ безкорыстнаго желанія вызвать на нее соблазнительный пушокъ. Наконецъ, когда здоровая натура помогла желанію Александра Антоновича, и верхняя губа немножко ощетинилась, онъ былъ вполнѣ счастливъ. Но съ чѣмъ можно было сравнить его восторгъ, когда случалось, что какой-нибудь оставной служивой, обманутый усиками и краснымъ воротникомъ гимназической шинели Александра Антоновича, снималъ передъ нимъ шапку; тогда онъ былъ на верху счастія, не смотря на то, что до его слуха доходила часто рѣчь того же служиваго: „эхма, вотъ думалъ что кто-нибудь.... а то это просто.... какъ ее? изъ ивназіи что ли?..“

Глубокомысленный родитель Александра вполнѣ раздѣлялъ убѣжденіе сына о предназначеніи его въ военную службу, и, прозрѣвая въ немъ будущаго героя и полководца, прочилъ его для этой службы, но, уважая въ то-же время просвѣщеніе, говорилъ сыну: „Вотъ, Александръ, пока учись, братецъ, учись, кончай курсъ въ гимназіи, потомъ поступай въ университетъ, а тамъ съ Богомъ, и въ военную.... Только помни, дружокъ, что образованіе — первое благо для человѣка, что человѣкъ безъ образованія совсѣмъ не то: нѣтъ въ немъ этого, знаешь....

глубины этой нѣтъ!.. Вотъ я тебѣ про себя скажу. Конечно, я самъ себя просвѣтилъ..., но если-бы мнѣ образованіе, что-бы я былъ тогда... Взглядъ, братецъ, совсѣмъ другой: вотъ что главное, взглядъ-то этотъ нуженъ... онъ, такъ сказать, распространяется образованіемъ... Образованный человѣкъ, такъ сказать, созерцаетъ предметы... Вотъ что главное-то!..“ Но Александръ Антонычъ былъ совсѣмъ другихъ мыслей въ этомъ отношеніи. Мѣрными шагами шелъ онъ по пути просвѣщенія, пріостанавливаясь и не торопясь впередъ. Въ шесть лѣтъ онъ прошелъ четыре класса гимназіи, а въ пятомъ и совсѣмъ остановился, убѣдясь, что его образованіе кончено, что его взглядъ достаточно расширенъ, и что некуда, да и не нужно идти ему далѣе по тернистой тропинкѣ образованія, гдѣ иногда нужно цѣлые часы проводить на колѣнкахъ и цѣлые дни безъ обѣда. Притомъ, мысли его постоянно были заняты другимъ предметомъ; внутренній голосъ безпрестанно звалъ его на иное поприще, и потому, оставшись въ пятомъ классѣ сначала на другой годъ, а потомъ и на третій, онъ рѣшился настоятельно требовать родительскаго согласія на вступленіе въ военную службу. Послѣ нѣкоторыхъ необходимыхъ возраженій, родитель, наконецъ, согласился, и Александръ Антоновичъ тотчасъ-же поспѣшилъ выйдти вонъ изъ гимназіи, при чемъ не преминулъ наговорить дерзостей всѣмъ своимъ прежнимъ наставникамъ, которые усыпали терніемъ путь его гимназическаго образованія; по выходѣ-же онъ отзывался о нихъ съ презрѣніемъ и называлъ не иначе, какъ кутейниками. Это событіе произошло почти въ тоже самое время, какъ Титъ пріѣхалъ въ деревню. Александръ Антоновичъ, прежде нежели поступилъ

въ полкъ, также пріѣхалъ на нѣсколько времени къ родителю, чтобы запастись его благословеніемъ, совѣтами, а главное — деньгами на предстоящее новое поприще жизни. Александръ Антоновичъ долженъ былъ поступить юнкеромъ въ уланскій полкъ, стоявшій на квартирахъ въ сосѣдней губерніи. Предъ отъѣздомъ изъ родительскаго дома онъ сталъ просить у отца кого-нибудь изъ дворовыхъ людей себѣ въ услуженіе.

— Изволь, мой другъ, бери котораго хочешь! — отвѣчалъ отецъ.

— Вотъ видите-ли, папенька, старика или пожилого я у васъ никакъ не возьму, во-первыхъ потому, что старикъ не будетъ умѣть примѣниться къ военной жизни и не угодитъ мнѣ, во-вторыхъ: вы знаете, у военнаго — человѣкъ долженъ быть и слугою, и другомъ, чтобы все было по-поламъ. Вотъ мнѣ кто у васъ нравится: Титъ, часовщикъ. Отдайте мнѣ его, пожалуйста. Онъ малой бойкой, проворной, ну, недавно и изъ Москвы; право, папенька, отдайте его, онъ для меня будетъ очень хорошъ!

— Эхъ, братъ, Александръ, онъ мнѣ и самому-то очень нуженъ. Знаешь, вѣдь, у меня сколько часовъ: въ залѣ — стѣнные, въ гостиной — столовые, въ прихожей — стѣнные, да трои карманныхъ, и всѣ, какъ нарочно, врозь идутъ такъ, что не знаешь, которымъ вѣрить: на однихъ пять часовъ, на другихъ пятаго половина, а на третьихъ — семь, Я, вѣдь, ихъ нарочно до сихъ поръ и въ починку не отдавалъ: дожидался все своего мастера.

— Ну, такъ что-же, папенька, онъ вамъ до моего отъѣзда всѣхъ ихъ и перечинитъ, а тутъ ему и дѣлать-то у васъ будетъ нечего.

— Э, какъ нечего! ты думаешь я съ этими ча-

сами и останусь? Нѣтъ, вотъ какъ только первый жидъ пріѣдетъ — всѣхъ и вымѣняю.

— Ну, такъ тѣмъ лучше; значитъ, въ новыхъ и починки никакой не нужно.

— Такъ! Да все, знаешь, какъ-то безъ своего часовщика въ домѣ-то и неудобно. Впрочемъ, я ни въ чемъ не могу отказать тебѣ: возьми, возьми его.

Такимъ образомъ Титъ изъ часовыхъ дѣлъ мастера сдѣлался деньщикомъ.

Пріѣхавши въ полкъ, Александръ Антонычъ сталъ пить, играть въ карты, прокучивать въ два-три дня все мѣсячное содержаніе, которое присылалъ ему отецъ, дѣлать долги, волочиться и пр. Титъ дѣйствительно сдѣлался не только слугою, но и другомъ своего барина, и вполнѣ раздѣлялъ его жизнь и строго подражалъ ему. Въ то время, какъ Александръ Антоновичъ пилъ шампанское, Титъ Софроновъ наслаждался очищеннымъ, съ гордою увѣренностію, что онъ никогда не измѣнитъ своему любимому напитку, а баринъ пьетъ, пьетъ шампанское, а послѣ, какъ попрокутится, воротится къ тому же очищенному. Въ то время, какъ Александръ Антоновичъ игралъ въ штосъ и проигрывалъ, — Титъ Софроновъ игралъ въ три листика съ темной и постоянно выигрывалъ, но выигрышъ свой онъ прокучивалъ такъ же скоро, какъ баринъ свое содержаніе. Въ то время какъ Александръ Антоновичъ занималъ деньги у довѣрчиваго пріятеля, у помѣщика, который ласково принималъ его и кормилъ сытнымъ обѣдомъ, у ростовщика, подъ залогъ часовъ, мундира или лошади, — Титъ Софроновъ должалъ въ лавочкѣ, выпрашивалъ денегъ у возлюбленныхъ, на которыхъ онъ былъ очень счастливъ, надувалъ хозяйку дома, въ которомъ они квартиро-

вали, кучера того помѣщика, у котораго баринъ его чаще бывалъ и радушіемъ котораго больше пользовался. Словомъ, по всему было очевидно, что въ Титѣ Софроновѣ развернулся прежній Тишка, сынъ разсудительнаго и глубокомысленнаго Софрона Григорьевича...

Такъ шли мѣсяцы и даже годы. Долги Александра Антоныча росли мѣстѣ съ усами; содержаніе, присылаемое ему родителемъ, увеличивалось вмѣстѣ съ долгами; страсти его разгарались, а лице блѣднѣло и тѣло худѣло. Черезъ три года службы, Александра Антоновича произвели въ офицеры, и юнкерская шинель его была разорвана въ куски на первой попойкѣ, а Антонъ Антоновичъ былъ въ восторгѣ и говорилъ: „да хорошо, славно, скоро, ай да Александръ! Я зналъ, что онъ пойдетъ, я видѣлъ, что онъ имѣетъ призваніе къ военной службѣ, о, онъ у меня далеко пойдетъ!“ Но на пятомъ году службы Александръ Антонычъ писалъ къ родителю:

„Дражайшій родитель мой,
папенька Антонъ Антоновичъ!“

Теперь я чрезвычайно страдаю: мое сердце занято одною особой, которая очень меня занимаетъ.... Каждую минуту я думаю о ней и содрогаюсь всякую минуту, какъ только подумаю.... Я теперь ни о чемъ не могу думать и все мучусь.... Вы не повѣрите, какъ я теперь влюбленъ въ это не земное существо.... Если-бъ вы знали, какъ она хороша.... Вообразите себѣ прекрасную дѣвушку чудной красоты!... Я не сплю ночи, и все думаю!... Я не могу жить безъ нея и рѣшаюсь просить вашего позволенія.... Я не знаю что будетъ, если вы не позволите!... Ахъ, добрый

родитель, не дѣлайте этого, иначе вы меня погубите, или я застрѣлюсь.... Вы не знаете меня, какое у меня сердце. Пожалѣйте же меня, если вы любите: не дѣлайте несчастнымъ сына вашего, который много, очень много страдалъ въ своей жизни.... Вы сами полюбили-бы ее, если-бъ знали! это какая-то ангельская!... Но вы меня очень любите и не лишите счастія. Ахъ, какъ-бы я былъ счастливъ, если-бы вы не лишили меня этого счастія!.. Конечно, она дѣвушка бѣдная, безъ образованія, но развѣ любовь нужна для образованности?... Всѣ птички безъ образованности, но и онѣ имѣютъ свою любовь.... Она дочь одного бѣднаго приказнаго изъ суда. Какая у нея душа, если-бъ вы знали! она ужасть какъ добра! Зовутъ ее Ульяна, и мнѣ это имя чрезвычайно нравится. Ахъ, добрый папенька, я знаю вашъ умъ, вы не захотите лишить меня счастія изъ-за того только, что я былъ такъ несчастливъ, что она бѣдна и не дворянка. Да и что же значить дворянство?... Нашъ родъ то же не изъ кореннаго дворянства: у дѣдушки папенька былъ дьяконъ, но дѣдушка выслужился и получилъ дворянство, а вы нажили состояніе. Вы не любите, чтобы говорили объ этомъ. но я говорю потому, что вы не знаете, какъ я мучусь.... Ахъ, дайте поскорѣе ваше благословеніе, а то... Будьте здоровы и благополучны. Остаюсь въ ожиданіи вашъ покорный и преданный сынъ

Александръ."

Антонъ Антоновичъ былъ чрезвычайно недоволенъ этимъ посланіемъ и строго запретилъ сыну даже думать объ этой неравной женитьбѣ. — „Всѣ мы въ молодости влюблялись, писалъ онъ, но ты

еще не знаешь суеты брачной жизни: оная уподобляется морю, иногда въ тишинѣ ночи, иногда въ бурномъ прохожденіи валовъ. Мужество уменьшаетъ страсти, и оныя затихаютъ по мѣрѣ: отчаянность замѣняетъ веселіе брачнаго ложа. А это ты пишешь несправедливо, что твой прадѣдъ былъ дьяконъ, это его братъ былъ дьякономъ, а прадѣдушка твой былъ провинціальнымъ секретаремъ и владѣлъ участкомъ земли, что и доказано по суду. И потому такая партія тебѣ не подобна и нашему роду очень оскорбительна. Твоя судьба не такая тебя ожидаетъ, и никто не можетъ узнать ея, потому я и не соглашаюсь не только что на женитьбу, но даже не посылаю тебѣ на нее своего благословенія и строго запрещаю думать. Хотя ты и уланскій офицеръ, но все-таки я твой отецъ, и много поживши на свѣтѣ. Не огорчайся и не убивайся, а стрѣляться — это ты напрасно меня пугаешь. И я при семъ же пишу къ твоему начальству, чтобы за тобой имѣли наблюденіе, и покойная твоя мать при смерти всегда тебѣ запрещала жениться не на парѣ, когда еще тебѣ было 10 лѣтъ. Ты много меня огорчилъ, а ты знаешь, что у меня что сказалъ, то такъ и дѣлаю, моя воля всегда твердая, и не послушаешься — не считай меня отцемъ. Твой отецъ

Антонъ Загвоздкинъ.“

Но Александръ Антоновичъ не хотѣлъ слушать этого запрещенія, и, сдѣлавши предложеніе невѣстѣ еще прежде нежели увѣдомилъ отца, сталъ просить позволенія на женитьбу у полкового командира, но тотъ, предувѣдомленный отцомъ, не только не далъ позволенія, но еще на цѣлую недѣлю арестовалъ несчастнаго любовника. Впрочемъ препятствія только

усилили страсть Александра Антоныча. Надобно сказать правду, его поддерживало много чувство рыцарской честности, потому что онъ былъ давно въ связи съ своею Ульяной, и въ пылу любовнаго восторга далъ ей страстную клятву жениться или умереть у ея ногъ. Родители Ульяны, хотя и изъявили сначала согласіе на бракъ дочери съ молодымъ человѣкомъ, но послѣ узнавши, что ни отецъ, ни начальство не соглашается на этотъ бракъ, и, что не послушавшись того и другаго, Александръ Антонычъ можетъ потерять и службу и наслѣдство, отказали ему. Тогда влюбленные рѣшились бѣжать и обвѣнчаться тайно. Это и было исполнено при непосредственномъ участіе и пособіи Тита, который былъ также и главнымъ посредникомъ всей интриги своего барина съ приказничихой, какъ онъ выражался. Это участіе, разумѣется, приблизило Тита къ барину еще болѣе, и навсегда, казалось, соединило ихъ узами дружбы, а въ то-же время давало ему еще болѣе средствъ и пить, и кутить: кошелекъ барина сдѣлался его собственнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, значеніе его, какъ слуги, совершенно уничтожилось; баринъ дорожилъ его помощью и боялся, какъ-бы не прогнѣвить такого дѣятельнаго, смышленаго и ловкаго агента. Все это чрезвычайно баловало и портило Тита.

Но между тѣмъ похищеніе и бракъ совершились. Александру Антоновичу полковой командиръ, въ отстраненіе дальнѣйшихъ непріятностей, совѣтовалъ поскорѣе выходить въ отставку, что онъ тотчасъ и исполнилъ, потому что служба уже сильно стала надоѣдать ему. Антонъ Антонычъ сначала ужасно разгорячился, услышавши о поступкѣ сына, хотѣлъ лишить его наслѣдства, даже проклясть его, но когда новобрачные явились предъ нимъ въ слезахъ и рас-

каяніи, упали къ его ногамъ и просили прощенія, онъ ограничился только длинной, но тѣмъ не мѣнѣе глубокомысленной рацеей о томъ, какъ дурно поступилъ сынъ, какъ сильно огорчилъ его, и, можетъ быть, укралъ у него нѣсколько лѣтъ жизни, а потомъ простилъ и позволилъ жить въ своемъ домѣ. На Тита онъ былъ также ужасно сердитъ, хотѣлъ его жестоко наказать, но ограничился только тѣмъ, что велѣлъ ему пересмотрѣть и перечинить всѣ свои часы. Черезъ годъ послѣ этого Антонъ Антонычъ скончался, а сынокъ вступилъ во владѣніе его помѣстьями и окончательно отказался даже отъ мысли о службы. Сдѣлавшись помѣщицею, супруга Александра Антоныча оказалась бойкой, умной хозяйкой, а онъ мокрой курицей. Прежде всего Ульяна Ивановна нашла глупыми и пустыми всѣ глубокомысленныя распоряженія своего покойнаго свекра и сочла необходимымъ уменьшить по возможности дворню, обращая всѣхъ ремесленниковъ и художниковъ ея въ задѣльныхъ крестьянъ, а Александръ Антонычъ, не противорѣча ея распоряженіямъ и покоряясь во всемъ ея волѣ, предался самой праздной и спокойной жизни.

Между тѣмъ Титъ не могъ разстаться съ прежними привычками, пріобрѣтенными имъ въ то время, когда баринъ его былъ уланомъ. Онъ по прежнему любилъ играть въ три листика съ темной, по прежнему любилъ выпить и надуть кого можно. Страсть его къ женскому полу, въ которомъ онъ былъ очень счастливъ, какъ мы знаемъ, также не охладѣла. Жизнь въ деревнѣ сначала ему очень не нравилась и какъ-то стѣсняла его, но вскорѣ и онъ привыкъ къ ней. Въ первое время женитьбы барина, особенно пока онъ не получилъ еще всего имѣнія отца

въ полное распоряженіе, Титъ былъ по прежнему довольно близокъ Александру Антонычу и его супругѣ, но потомъ время и перемѣна обстоятельствъ мало по малу разъединяли ихъ, и господа, повидимому, стали забывать, какъ много обязаны своему слугѣ. Это очень огорчало Тита, и съ горя иногда онъ выпивалъ лишнюю чарку. Но это впрочемъ не мѣшало его сердцу быть по прежнему горячимъ и чувствительнымъ. Въ числѣ горничныхъ дѣвушекъ новой барыни была одна, Аннушка, очень смазливенькая, съ масляными глазками, живыми манерами и самымъ бойкимъ языкомъ. Къ ней почувствовалъ Титъ непреодолимое влеченіе, и не безъ успѣха. Титъ сталъ просить Аннушку себѣ въ жены. Баринъ изъявилъ-было нѣкоторое сопротивленіе и находилъ какія-то неудобства, зато барыня весьма охотно согласилась на просьбу Тита тѣмъ болѣе, что ей чрезвычайно не правилось обхожденіе барина съ Анюткой, совсѣмъ не приличное, — точно съ дочкой или племянницей. Такимъ образомъ и Титъ сдѣлался женатымъ человѣкомъ, но эта женитьба еще болѣе отдалила его отъ барина, который былъ почему-то очень недоволенъ Титомъ за нее и показывалъ къ нему явную немилость.

На Титѣ оправдалось замѣчаніе нѣкоторыхъ опытныхъ практическихъ людей, что бракъ по страсти всегда бываетъ несчастливъ. Титъ нашелъ въ своей Аннѣ не только одни масляные глаза, живыя манеры и бойкую рѣчь, но сверхъ того еще самый вздорный, возмутительный, придирчивый характеръ и нѣжную страсть не только къ нему, но вообще ко всему мужскому полу. Увлеченная сначала молодцоватостью, залихватскою удалью и московскимъ образованіемъ Тита, Анна скоро охладѣла къ нему

и начала погуливать съ другими. Сильно огорчило это Тита, но онъ не хотѣлъ, да и не имѣлъ на столько силы воли, чтобы употребить съ женою крутыя мѣры и остановить ее на первыхъ порахъ. Правда, онъ горячился, кричалъ, угрожалъ, но это не помогло: Анна кричала еще громче, горячилась еще больще и всегда одерживала побѣду надъ мужемъ. Титъ въ первые мѣсяцы женитьбы остепенился-было, но, огорченный поступками жены, ея дурнымъ характеромъ и поведеніемъ, снова и еще въ большей мѣрѣ предался прежней удалой жизни: сталъ пить, обманывать и кутить, какъ говорится, на пропалую. Въ винѣ онъ почерпалъ бодрость, смѣлость, силу воли и необыкновенную отвагу, такъ что и храбрая Анна въ то время, какъ онъ былъ пьянъ, куда-нибудь пряталась, или безвыходно сидѣла въ дѣвичьей, и послѣ вымѣщала свой страхъ уже на трезвомъ. Титъ не имѣлъ уже прежнихъ источниковъ дохода, работа по его ремеслу мало доставляла ему денегъ, потому что вся его практика ограничивалась починкою часовъ у немногочисленныхъ сосѣднихъ помѣщиковъ и чиновниковъ уѣзднаго городка; къ обманамъ его скоро привыкли и потому стали съ нимъ осторожны, такъ что Титъ постоянно нуждался въ деньгахъ, а между тѣмъ страсть къ пьянству пустила въ него глубокіе корни и охватила все его существо. Гдѣ же брать денегъ на вино? Платья заложить жена не давала, да и можно ли связываться съ сердитой Анной, когда онъ искалъ лишь только одного, какъ бы быть подальше отъ жены и забывать свою тяжкую долю въ женитьбѣ?... Титъ сталъ воровать.... Сначала онъ умѣлъ прятать концы, но пословица говоритъ: „шила въ мѣшкѣ не утаишь!“ стали и Тита подозрѣвать, а потомъ пой-

мали съ поличнымъ. Разумѣется, скоро сказка скажется, да не скоро дѣло дѣлается! И въ жизни Тита прошло три-четыре года послѣ женитьбы, пока онъ успѣлъ прослыть отчаяннымъ воромъ, и до господъ стали доходить жалобы на него, и они убѣдились, что онъ — неисправимый пьяница и негодяй. Барыня принимала разныя строгія мѣры для исправленія его, но все оставалось безполезнымъ. И вотъ наконецъ Ульяна Ивановна разочла, что всего благоразумнѣе исключить Тита изъ дворни и сдѣлать задѣльнымъ крестьяниномъ. Титу отвели въ деревнѣ пустую выморочную избенку, именно ту самую, въ которой застаетъ его нашъ разсказъ, дали ему старую водовозную клячу изъ господской конюшни, отрѣзали нѣсколько десятинъ земли, и пупинскій часовыхъ дѣлъ мастеръ, ученикъ знаменитаго Блятта, сдѣлался мужикомъ! Что сказалъ бы нѣмецкій мастеръ Бляттъ, узнавши о такомъ превращеніи, о такомъ неуваженіи въ его великому искусству?...

Титъ чрезвычайно былъ огорченъ такой опалой. Онъ привыкъ считать себя важнымъ лицемъ въ дворнѣ, а господъ своихъ обязанными ему за то участіе, которое онъ оказывалъ имъ въ ихъ тайномъ бракѣ.

Немножко подъ хмѣлькомъ онъ отправился къ барынѣ, чтобы объясниться хорошенько и напомнить ей свои услугу. Но барыня встрѣтила его грозною рѣчью:

— Что-о? что-о? ты мнѣ напоминать? напоминать ты мнѣ? Да какъ ты смѣлъ? Да съ чего ты это взялъ напоминать мнѣ, а? Да ты знаешь-ли что я съ тобою сдѣлаю за этакую дерзость? Ты смѣешь грубить? Грубить что-ли ты издумалъ, а?

— Какая-же грубость, Ульяна Ивановна? Грубить я не намѣренъ, а только вы меня много обижаете изъ-за всей моей доброй службы... изъ-за всего моего одолженія....

— Одолженія? Что? одолженія?... Каково-же? его одолженія? Ахъ, ты, мошенникъ ты этакой! Скажите на милость — его одолженія! а, каково это? Поди-же ты съ глазъ моихъ долой, на глаза ко мнѣ не показывайся, чтобы ноги твоей не было здѣсь.... Вонъ, мошенникъ... одолженія! Каково!...

Не помогли также и просьбы Анны передъ разгнѣванной барыней.

— Нѣтъ, нѣтъ, голубушка! ты не лучше своего муженька-то. Ты и зла-то всего источница... Какъ-бы ты была бабенка-то поскромнѣе, не вѣшалась-бы каждому на шею, да побольше объ домѣ-то, да объ мужѣ думала, такъ и онъ-бы не былъ таковъ. А у тебя что на умѣ-то? мужъ что-ли? Какъ-же! Нѣтъ, тебѣ-бы какъ вотъ прифрантиться, да полюбезничать. Гулена этакая! Не нравилось у господъ жить, не умѣла дорожить ихъ милостями, такъ вотъ теперь поживи мужичкой, и узнаешь кококо хлѣбъ-отъ самой промышлять. У-узнаешь!... Да нечего! нюнито распустила. Меня не разжалобишь. Сама виновата. Какъ-бы больше объ мужѣ заботилась, да останавливала его, такъ и самой-бы было хорошо. Нечего, нечего кланяться! Поди-ко, голубушка, поди вонъ... Убирайся вонъ!..

Просился-было Титъ, чтобы его отпустили на оброкъ, но барыня и на это не согласилась.

— Это для чего? — сказала она, чтобы тебя на поселеніе сослали, или въ острогъ посадили, пьяницу этакого! Знаю я, какого отъ тебя ждать оброка. Да и кто тебѣ работу-то дастъ? никто не дастъ!

Такимъ образомъ Титъ Софроновъ Козонокъ навсегда поселился въ деревнѣ и сдѣлался крестьяниномъ. Жизнь его пошла тогда еще хуже, еще тягостнѣе. Анна каждую минуту терзала его упреками, слезами, жалобами, что онъ погубилъ ее, что она всегда привыкла быть въ комнатѣ, при господахъ, въ платьѣ и гребенкѣ, а теперь по милости его должна надѣвать сарафанъ, да идти работать на полѣ, тогда какъ вѣкъ свой привыкла съ иголочкой сидѣть, и серпа-то въ руки взять не умѣетъ. Титъ отмалчивался, но искалъ перваго удобнаго случая, чтобы запить свою тоску и свое горе. Между тѣмъ бѣдность, нищета налегли на нихъ всею своею тяжестью, и не было у нихъ средствъ, чтобы подняться. Самъ Титъ плохо зналъ полевую работу, а жена и того меньше, да къ тому еще и охоты-то у обоихъ не было. Часовое ремесло доставляло Титу цѣлковыхъ десять, пятнадцать въ годъ, но и этотъ доходъ сталъ мало по малу уменьшаться, особенно когда Титъ сталъ являться къ своимъ закащикамъ не по прежнему — въ сюртукѣ, хотя и затасканномъ, но въ простомъ нагольномъ полушубкѣ. Въ былое время Титъ имѣлъ немало работы въ уѣздномъ городѣ на ярмаркѣ, когда съѣзжалось много окружныхъ помѣщиковъ, и всякій радъ былъ дешевому часовщику, потому что въ городкѣ не было ни одного, а странствующимъ жидамъ страшно повѣрить: тотчасъ подмѣнятъ либо стрѣлку, либо какое колесико, да и берутъ дорого. Но и этотъ источникъ пріобрѣтенія денегъ почти изсякъ для Тита, послѣ того, какъ онъ однажды пьяный такъ испортилъ часы, которые дали ему почистить, что они и совсѣмъ перестали идти, а въ другой разъ, взявши часы для починки на домъ, заложилъ ихъ за безцѣ-

нокъ и послѣ того высидѣлъ цѣлую недѣлю на съѣзжей.

Лѣтъ пятнадцать прошло уже съ тѣхъ поръ, какъ Титъ сдѣлался крестьяниномъ. И онъ и жена его весьма перемѣнились въ продолженіи этихъ длинныхъ годовъ нищеты и всякаго рода лишеній. Въ Титѣ уже никакъ нельзя было узнать прежняго молодцоватаго, бойкаго подмастерья съ московскимъ образованіемъ. Эта была длинная, худая фигура, съ плечами, поднятыми вверхъ и съ непомѣрно длинными руками и ногами. Казалось, это былъ скелетъ, обтянутый только кожей, прямо по костямъ, безъ мяса. На худощавомъ блѣдномъ лицѣ обрисовывалась рельефно каждая выпуклость, каждая кость; щеки ввалились, глаза также упали глубоко внутрь своихъ влагалищъ и тамъ раскрылись еще болѣе, блестя синевато-красными зрачками. Титъ по прежней привычкѣ не отпускалъ бороды, но брилъ ее, впрочемъ очень рѣдко, отчегона подбородкѣ и впалыхъ щекахъ его лица всегда торчала твердая колючая щетина, которая придавала особенный колоритъ всей физіономіи. Титъ сдѣлался уже горькимъ пьяницей и просыпался лишь для того, чтобы снова отыскать какое-нибудь средство напиться. Въ этихъ средствахъ онъ не былъ разборчивъ и безъ зазрѣнія совѣсти рѣшался воровать все, что попадалось подъ руку. Въ женѣ Тита, въ этой грязной, растрепанной и неопрятной крестьянкѣ, съ выраженіемъ лица сердитымъ, со злыми глазами, трудно было узнать прежнюю смазливенькую, веселую Анну. Постоянно раздраженная, постоянно со злостью на языкѣ и въ сердцѣ, Анна никакъ не могла примириться съ настоящимъ своимъ бытомъ, не въ силахъ была предпринять что нибудь для улучшенія его, и хотя работала, но

лѣниво и неуспѣшно; за то съ неутомимымъ усердіемъ грызла своего мужа, жаловалась на свою горькую судьбу, завидовала всѣмъ другимъ, и потому не пользовалась ни чьимъ состраданіемъ, участіемъ или любовью. Бѣдность, нищета преслѣдовали ихъ обоихъ и проглядывали во всемъ ихъ окружающемъ, во всей ихъ печальной обстановкѣ.

Въ этотъ самый вечеръ, въ который нашъ знакомецъ Николай, внукъ Онуфрія, собирался ѣхать на ярмарку въ городъ, шла бесѣда между Титомъ, лежавшимъ на полатяхъ безъ всякаго дѣла, и его женой, которая шила что-то, сидя около лучины. Бесѣда эта была совсѣмъ не дружелюбна, и Анна казалась раздраженною; съ сердцемъ тянула она нитку и безпрестанно рвала ее. Титъ, напротивъ, сохранялъ свое обычное хладнокровіе, уступчивость и апатію, которыя онъ пріобрѣлъ вслѣдствіе привычки слышать всегда однѣ и тѣ же пріятныя рѣчи.

— Нечего тебѣ дѣлать, пьяница, въ городѣ! — говорила Анна, — не за чѣмъ тебѣ ѣхать на ярманку, совсѣмъ не нужно. И не думай, пьянчужка этакой, увалень окаянный!

— Нѣтъ, нужно побывать! — возражалъ флегматично хладнокровный Титъ.

— Полно, чудо! да зачѣмъ тебѣ нужно-то? То же... точно путной человѣкъ.

— А за тѣмъ нужно, что работа можетъ будетъ.

— Тебѣ-то?... Ахъ, ты! да ктой-то это тебѣ дастъ работу-то, экому мошеннику? Нѣтъ, ужъ знаетъ тебя всякой. Тебя и съ ярманки-то въ три шеи прогонятъ. Не видали тамъ нешто этакихъ-то пьяницъ, да оборванцевъ. А нѣтъ, я такъ вижу, тебѣ попьянствовать хочется; стянуть что-нибудь, да пропить, чтобы опять въ острогъ посадили, вора экого.

— Ну!.. вотъ! Вора!.. А безъ вора-то сидѣла бы голодная.

— Что-о?.. Такъ нешто ты меня кормишь да поишь?.. Ужъ молчалъ бы ты лучше, губитель этакой. Жизнь-то ты мою сгубилъ, живую въ гробъ кладешь, вѣкъ-отъ мой ты заѣлъ — вотъ ты какой кормилецъ-отъ! Нечего, батюшка, сказать: есть чѣмъ помянуть. На горе я на свѣтъ-то родилась, да и маюсь вѣкъ-вѣченской. Не видала я радости на своемъ вѣку...

— Ну, пошла!..

— Да, нечего пошла: я дѣло говорю, что дѣло. Не знать-бы мнѣ тебя: такова ли бы жисть-то моя была? жила бы, да подлинно весь вѣкъ радовалась. Ахъ, какъ вздумаешь, да вспомянешь все про все, такъ индо всплачешься только, да на себѣ произнесешь. Всего ты меня лишилъ. Не знала-бы тоски-горя, какъ сыръ-бы въ маслѣ каталася. А теперя что?.. Нечистый меня попуталъ идти за экого ворога. Такова-ли я была прежде-то: кровь съ молокомъ, бывало только всѣ смотрятъ, да ахаютъ, а теперь что стала? Нешто знала я сарафана-то, али кички? и домотканаго, такъ, по барской милости, не надѣвывала, а все ситецъ, да холстинку, а теперь что?.. А все ты, окаянный!..

Титу какъ будто стало жаль жены, какъ будто ея упреки тронули его, хотя онъ и часто слыхалъ ихъ.

— Ну, а вотъ поѣду на ярмарку: достану работы, опять разживемся! — сказалъ онъ.

А можетъ быть, онъ надѣялся этими словами побудить жену, чтобы она отпустила его великодушнѣе на ярмарку. Титъ зналъ свою слабость, зналъ, что если жена не захочетъ пустить его, онъ не въ состояніи не покориться ей и не побывать

ему тогда на ярмаркѣ, а ему сильно хотѣлось тамъ повеселиться: пріятели всегда найдутся, и если-бы даже Титу не удалось зашибить свою копѣйку на гулянье, онъ всегда найдетъ на свою долю лишнюю чарку водки тамъ, гдѣ всѣ пьютъ.

— Да, разживешься съ тобой! Полно ужъ ты морочить-то меня. Не первой годокъ, слава Богу, живу съ тобой. Слыхала эти сказки. Ужъ сиди хоть дома-то, пока цѣлъ, а на ярмаркѣ нечего тебѣ дѣлать. Не пущу.

— Ну, вотъ... поѣду! — возразилъ Титъ несмѣло.

— Поѣдешь? Такъ вотъ-же тебѣ — не поѣдешь. И лошади не дамъ. Пошелъ пѣшкомъ, промнись, коли охота, въ этакую-то слякоть.

И снова начала Анна длинную рѣчь брани и укоровъ на прежній ладъ. Титъ уже не говорилъ. Онъ молчалъ, но внутренно рѣшился завтра непремѣнно, еще до свѣту, потихоньку уѣхать такъ, чтобы жена и не слыхала, а тамъ... что будетъ, то будетъ. Но Титъ ошибся въ разсчетѣ. На другой день, еще до свѣта Анна услышала, какъ мужъ ея всталъ, потихоньку слѣзъ съ печи, одѣлся и вышелъ изъ избы. Она тотчасъ догадалась, что замышляетъ ея муженекъ и остановила его во-время.

— Что ты дѣлаешь, злодѣй? Я те говорила: не смѣй брать лошади, а возьмешь, я до господъ дойду и то наговорю, что ты жизни не радъ будешь, да и сама тебя доѣду — не думай. Хочешь, такъ ступай пѣшкомъ...

— Такъ что, и пойду! — возразилъ Титъ.

— Поди, поди, попромнись, авось дурь-то выйдетъ изъ головы подъ дождемъ-то. Поди, небось воротишься!

— А не ворочусь. Вотъ на зло не ворочусь, а пойду.

— Да, пойди! Что думаешь? Больно нуженъ ты мнѣ что-ли? Поди, хошь совсѣмъ не ворочайся. Поди-же, окаянный, пусть тебя промочитъ хорошенько! — И Анна толкнула своего мужа. Тотъ не обидѣлся, но поспѣшилъ выйдти за ворота, которыя Анна тотчасъ-же за нимъ захлопнула, вполнѣ убѣжденная. что Титъ не пойдетъ пѣшкомъ въ этакой дождь и слякоть, и будетъ опять проситься въ избу, а между тѣмъ она его подержитъ подъ дождемъ и проучитъ за своевольство. Но въ свою очередь и она также ошиблась въ разсчетѣ: Титъ дѣйствительно ушелъ въ городъ. И напрасно ждала его Анна: онъ не возвращался; напрасно посылала она ему вслѣдъ проклятія и угрозы: Титъ не слыхалъ ихъ, и шелъ все впередъ и впередъ, по грязной и топкой проселочной дорогѣ.

Глава III.

Ровной рысцой ѣхалъ Николай, сидя на своемъ возу, и прикрывшись отъ дождя, который не переставалъ моросить, какъ сквозь сито, какимъ-то старымъ, полуразвалившимся сѣрымъ кафтаномъ. Начинало свѣтать, восходило солнце, но лучи его какъ-то слѣпо проницали сквозь облака и частую сѣтку дождя, освѣщая, но не согрѣвая. Дорога, по которой ѣхалъ Николай, была проселочная. То тянулась она среди полей, которыя по одну сторону дороги чернѣлись только что вспаханныя и приготовленныя подъ посѣвъ, по другую желтѣлись и щетинились

остатками соломы недавно сжатаго хлѣба, а между загонами тѣхъ и другихъ блестѣли грязныя лужи дождевой воды. То стерегли ее съ обѣихъ сторонъ, на протяженіи нѣсколькихъ верстъ, густыя чащи обнажившихся отъ листьевъ унылыхъ березъ, или все еще зеленѣющихъ сосенъ. Грустно качали своими вѣтвями деревья и глухо завывалъ въ нихъ вѣтеръ... Скучна осень, непріятенъ осенній путь!.. Впрочемъ лошадка Николая была совершенно равнодушна къ неудобствамъ и непріятностямъ дороги: хладнокровно вязла она въ грязи, еще хладнокровнѣе погружала свои ноги въ грязныя лужи иногда выше колѣнъ и разбрызгивала воду во всѣ стороны; она, повидимому, не обращала никакого вниманія на то, что и сверху и снизу была во власти сырой стихіи. Успокоенный увѣренностію лошади и прикрытый отъ дождя, Николай предался слодкой дремотѣ. Вдругъ его пробудили отъ нея чьи-то громкія слова:

— Постой, погоди! — кричалъ кто-то, догоняя его телѣгу. Николай взглянулъ назадъ и тотчасъ же узналъ въ догонявшемъ Тита, съ которымъ впрочемъ онъ вовсе не былъ въ короткихъ отношеніяхъ, хотя и видалъ его нѣсколько разъ. Николай остановилъ свою лошадь.

— Здорово, братъ, Николаша.

— Здравствуй.

— Куда пробираешься?

— Да въ городъ.

— Знать, на ярманку?

— Нешто.

— Съ товаромъ что ли, съ медкомъ?

— Да, по своимъ дѣламъ.

— Такъ!.. Ну, и я въ городъ: попутчикъ тебѣ.

— Пѣшкомъ-то? Развѣ нѣтъ у тебя лошаденки-то?

— Какъ не быть — есть, да что станешь дѣлать, захромала проклятая! Нечего дѣлать — пришлось пѣшкомъ.

— Видно, дѣло есть въ городѣ-то?..

— Какъ не быть! Извѣстно, безъ дѣла не пойдешь въ эту мокреть....

— Ну, прощай, Титъ Софронычъ. Мнѣ пора.

— Подсади-ка и меня, голубчикъ, а? Совсѣмъ измокъ.

— Да пожалуй бы, только присѣсть-то тебѣ негдѣ будетъ: вишь, вся телѣга закладена.

— Э, я гдѣ-нибудь прильну! довези только. — И Титъ безъ дальнѣйшихъ объясненій усѣлся рядомъ съ Николаемъ.

— Вотъ такъ важно! — сказалъ онъ. Поѣзжай теперь съ Богомъ.

Николай тронулъ лошадь. Она тряхнула головой и передернула ушами, какъ будто недовольная увеличеніемъ тяжести своего воза, впрочемъ повиновалась и пошла прежней ровной рысцой.

— А что, на много ли везешь товару-то? — спросилъ черезъ нѣсколько времени Титъ Николая.

— Да, вѣдь, какъ Богъ дастъ. Рублевъ на сто, чай, будетъ.

— Вотъ, на сто? чай, больше?

— Може, и больше будетъ!

— А что, Николаха, на сколько вы всего въ годъ продадите товару-то, а?

— Да, вѣдь, это какъ сказать: какой годъ? иной больше, иной меньше!

— А, примѣрно, такъ?

— Да, коли Богъ поможетъ, такъ рублевъ на триста въ годъ продадимъ.

— Ну, чай, побольше?

— Когда и побольше!..

— Вѣдь, чай, у тебя дѣдушка-то богатъ, Николаха, много у него денегъ?

— Какое богатство! Извѣстно, нечего Бога гнѣвить, безъ хлѣба не сидимъ.

— Такъ!..

Титъ посмотрѣлъ на Николая, Николай посмотрѣлъ на Тита и передернулъ возжами.

— А ты мнѣ скажи по правдѣ-то, Николаха, есть у дѣдушки кубышка-то? полна?.. спросилъ Титъ лукаво,

— Не знаю, въ этомъ я неизвѣстенъ!

— Ну вотъ, неизвѣстенъ. Вѣдь, чай, потаскиваешь у него иной разъ?

— Нѣтъ, братъ, я къ этому не привыченъ!

— А что дѣдушка-то много-ли на гулянье-то далъ?

— Велѣлъ взять, коли продамъ товаръ хорошо.

— А сколько?

— Да сколько ни сколько, ужъ про-то я знаю.

— Какъ же ты станешь гулять-то? пропьешь что ли?

— Нѣту-тка, братъ, я не пью.

— Будто, не пьешь?

— Пра, не пью.

— Ничего?

— Ничего!

— А меня угостишь?

— Чѣмъ?

— Ну, извѣстно чѣмъ: поднесешь?

— Я-то?

— Да.

— Я — не знаю, братъ, какъ... денегъ нѣтъ.

— Ну, вотъ и денегъ нѣтъ, а самъ сказалъ, что на гулянье дѣдушка далъ. Ты, братъ, видно, малой-то кремень?

Николай ничего не отвѣчалъ, только мызгнулъ на лошадь, да пріударилъ ее машинально возжами.

Далѣе путь продолжался безмолвно или сопровождался отрывочными фразами. Наконецъ вдали показался и уѣздный городокъ, въ который они ѣхали. Сначала мелькнулъ крестъ колокольни, потомъ показалось нѣсколько маленькихъ деревянныхъ домиковъ, и впереди ихъ, при самомъ въѣздѣ въ городъ, на первомъ планѣ, красовался питейный.

— А что̀, братъ, Николаха, ты долго въ городѣ-то пробудешь?

— Да вотъ не знаю, какъ съ дѣлами управлюсь а то что долго-то дѣлать.

— А погулять-то?

— Ну, нагуляюсь вдоволь, на все насмотрюсь, какъ стану медъ продавать.

— А гдѣ остановишься-то въ городѣ?

— Извѣстно гдѣ: у Клима Гордѣева.

— Ну, ладно, и я съ тобой.

Въ это время они подъѣзжали къ кабаку.

— Такъ неужто и впрямъ ничего не употребляешь? спросилъ Титъ Николая.

— Это на счетъ вина?

— Ну, извѣстно!

— Нѣтъ, братъ, нѣтъ! Ничего.

— И рюмки не выпьешь?

— Вѣдь это все единственно: ужъ не пью, такъ значитъ...

— И съ холоду-то, съ мокрети-то съ этакой... неужто не погрѣешься?

— Я, братъ, чайкомъ погрѣюсь.

— Эхъ ты, фаля, право... Не разсердись, Николаха... Да который тебѣ годъ?

— Восьмнадцать, девятнадцатой...

— И не пьешь?.. Вотъ такъ ужъ... нечего сказать, а мы, бывало, въ Москвѣ, ужъ какой былъ нѣмецъ, на что строже, а ужь каждой праздникъ такъ налижемся! а ты что?.. Баба, братъ, Николаха! не разсердись. Такъ такъ и не выпьешь ничего?

— Нѣту.

— Такъ поднеси хошь?

— Нѣтъ, братъ, денегъ нѣтъ...

— Ну, полно, угости: ужъ денегъ нѣтъ?.. а?

Николай молчалъ.

— Такъ не угостишь?.. Слушай, Николаха! а, Николаха, не угостишь?

— Какое теперь угощенье: еще и народъ не проснулся, и кабакъ-то запертъ.

— Ничего, мы постучимся: отопрутъ; цѣловальникъ-то мнѣ свой человѣкъ, пріятель. Зайдемъ что-ли?

— Нѣту, братъ, нѣтъ.

— Ну, ужъ какой-же ты!.. Постой, коли, я хошъ одинъ-то слѣзу: издрогъ весь — экая мокреть! — Николай остановился. Титъ медленно слѣзалъ съ телѣги, поглядывая скоса на Николая, и надѣясь прочесть въ лицѣ его какой-нибудь признакъ хотя малѣйшаго желанія раздѣлить съ нимъ компанію. Но Николай угрюмо смотрѣлъ въ сторону и какъ только Титъ слѣзъ съ телѣги спѣшилъ уѣхать, чтобы отвязаться отъ навязчиваго попутчика.

— Стой, стой, погоди! закричалъ Титъ вслѣдъ ему.

— Ну, что еще?.. сердито спросилъ Николай, пріостановивъ лошадь.

— Да ты не сердись, Николаша! Послушай, голубчикъ: дай хоть двугривенничекъ взаймы. — Но вмѣсто отвѣта Николай хлестнулъ лошадь, и телѣга быстро покатилась, припрыгивая по мостовой улицѣ. Титъ сначала пристально посмотрѣлъ вслѣдъ Николаю, потомъ съ сердцемъ плюнулъ въ догонку ему, и пощелъ въ питейный.

Городокъ только-что просыпался. Спокойно гудѣли колокола, призывая къ утренней молитвѣ. Жалобно или сердито скрипѣли растворяемыя настежъ ворота; лѣниво выглядывали изъ калитокъ растрепанныя и заспанныя физіономіи хозяевъ мѣщанскихъ домовъ, заботливо смотрѣли на небо рано проснувшіеся и спѣшившіе къ своему дѣлу городскіе обыватели, на каждомъ шагу попадая въ лужи. Злобно лаяли изъ подворотенъ дворняшки, хлопотливо толковали о чемъ-то столкнувшіяся на перекресткѣ мѣщанки, безпрестанно жалуясь на многодѣлье, поминутно прощаясь, и снова начиная свою бойкую, живую бесѣду, медленно тянулись по улицамъ деревенскія телѣги съ возами, кругомъ облѣпленныя грязью вмѣстѣ со своими хозяевами и лошадями.

Городокъ этотъ былъ, какъ и большая часть русскихъ уѣздныхъ городковъ. При самомъ въѣздѣ въ него, какъ мы уже знаемъ, стоялъ питейный домъ, а противъ него для вящаго контраста, обнесенный высокимъ деревяннымъ тыномъ, острогъ. Далѣе тянулись маленькіе деревянные домики въ два и три окна, вслѣдъ за ними длинные заборы и опять такіе-же домики. Потомъ кое-гдѣ поднимались каменныя зданія — нѣкогда желтыя, теперь побѣ-

лѣвшія, — нѣкогда бѣлыя, теперь сѣрыя; высились церкви съ своими пятью главами и каменными оградами.

На одномъ домѣ красовалась зеленая вывѣска съ желтыми ножницами и съ какой-то полустершейся надписью, на которой можно было разобрать только слѣдующее: „пріѣхамшій изъ Сампитербуха сталичный п... тн... Ів... Тр... пр...," а на другомъ красная, съ изображеніемъ стола, покрытаго скатертью, и висящаго надъ нимъ подноса съ подобіями чайника и чашекъ, на которой ясно виднѣлась надпись бѣлыми буквами: „РЕСТАРАЦЫЯ".

Николай, не обращая ни на что вниманія, спѣшилъ къ своему постоялому двору, отдыху и теплой избѣ. Вскорѣ онъ поворотилъ въ какой-то узкій, грязный проулокъ и остановился у воротъ деревяннаго, избоченившагося и почернѣвшаго отъ старости дома съ небольшими створчатыми окнами, въ числѣ которыхъ виднѣлось одно волоковое, какъ-будто глазъ съ бѣльмомъ. Ворота были затворены, но калитка рядомъ съ ними отперта, и Николай безъ церемоніи, вполнѣ увѣренный въ гостепріимствѣ хозяина, вошелъ въ калитку, отодвинулъ запоръ у воротъ, отворилъ ихъ и ввелъ подъ уздцы свою лошадь на темный, крытый дворъ, прилежащій къ дому. На этомъ дворѣ, прежде всего, нога тонула по колѣно въ навозѣ, потомъ усматривались колоды около забора, окружавшаго дворъ, и лошади, уткнувшія въ нихъ свои морды, а въ глубинѣ двора у задней стѣны его красовались въ самомъ живописномъ безпорядкѣ грязныя крестьянскія телѣги съ кладью и пустыя. Оставивши свою лошадь не разложенною, Николай поспѣшилъ въ избу, чтобы отогрѣться и снять съ себя мокрые доспѣхи. Въ избѣ онъ долженъ былъ остановиться на первомъ-же шагу, потому что

весь полъ былъ заваленъ шубами, и растянувшимися на нихъ, за неимѣніемъ мѣста на лавкахъ, спящими или просыпающимися уже мужиками. Хозяинъ дома, высокій, толстый и неповоротливый мѣщанинъ городка, съ круглымъ улыбающимся лицомъ, одѣтый въ какой-то сѣрый длиннополый сертучишко, какъ видно, давно уже всталъ, и встрѣтилъ новаго своего гостя любезными привѣтствіями.

— А, дорогой гость, добро пожаловать. Экъ подкрался, мы тебя и не слыхали. Въѣхалъ, что-ли?

— Въѣхалъ.

— Ну, ладно! Давненько, братъ, мы тебя не видали. Съ товарцомъ, что-ли пріѣхалъ?

— Вѣстимо.

— Доброе дѣло.

— Ну, а что у васъ, какова ярманка.

— Да какъ тебѣ сказать? Не то, чтобы пуще, а нешто: живетъ. Господъ понаѣхало много, ну, а купцовъ-то не такъ, чтобы очень. Вѣдь извѣстно тебѣ, какая у насъ ярманка. Барыни бѣгаютъ по лавкамъ, смѣются, разговариваютъ, съ купчиками лебезятъ, да мадригалы подмигиваютъ, показывай имъ то, да показывай другое, а товару не покупаютъ!..

Разсказчикъ весело засмѣялся.

— Что лошадь-то разложилъ что-ли? Сѣнца, вѣдь, чай, надо задать?

— Нѣтъ еще не распрягъ, Климъ Гордеичъ. Вотъ обогрѣться нужно маленько.

— Ну, ладно! Полѣзай на печь.

Обогрѣвшись, отпрягши свою лошадь, и давши ей корму, Николай отправился въ трактиръ, чтобы напиться чайку, на скорую руку.

Сильно пристрастился русскій человѣкъ къ этому буквально горячему напитку. Люблю я смотрѣть на

него, и любоваться имъ, когда онъ усиживаетъ свои обычныя двѣ или три пары чаю. Вотъ идетъ онъ въ харчевню, чтобы провести нѣсколько свободныхъ часовъ за чайкомъ и въ пріятной бесѣдѣ. Дорогой приглашаетъ онъ съ собою перваго встрѣтившагося пріятеля. Вотъ садятся они къ столу, покрытому грязной скатертью, одинъ противъ другого; къ нимъ подлетаетъ извѣстный прислужникъ съ фартукомъ на плечѣ. „Чего прикажете, господа купцы?“ спрашиваетъ онъ бойко и развязно, положивши одну руку на столъ, и любезно вглядываясь въ лица посѣтителей.

— Три пары, родной! отвѣчаютъ они ему; потомъ самодовольно переглядываются и разглаживаютъ волосы и бороды.

И вотъ мгновенно появляется на столѣ предъ ними подносъ съ двумя чайниками, двумя чашками и шестью кусками сахара. Разливши горячую, но свѣтлую и едва окрашенную желтоватымъ цвѣтомъ жидкость, посѣтители ставятъ на пять пальцевъ одной руки блюдечко съ чаемъ, и, вооруживши другую кускомъ сахара, нецеремонно кладутъ оба локтя на столъ и предаются наслажденію, сопровождая его самой оживленной, веселой бесѣдой и самымъ громкимъ фырканьемъ.

Напротивъ, когда два пріятеля, соединивши свои денежныя средства, приходятъ въ трактиръ исключительно для того, чтобы отогрѣть чайкомъ свои зазябшіе члены, или просто, чтобы отвести чайкомъ душу среди тяжелыхъ трудовъ, тогда сцена перемѣняется. Оба товарища безъ отдыха выливаютъ въ себя чашку за чашкой, благо воды даютъ даромъ, и природа надѣлила ихъ особенною способностію потреблять сахаръ, не уничтожая его — единственная въ своемъ родѣ способность! Потъ градомъ катится

съ раскраснѣвшихся лицъ, и его безпрестанно отираютъ дилетанты рукавомъ полушубка, чуйки или синимъ клѣтчатымъ платкомъ. Тогда вы не услышите и той оживленной бесѣды, какъ въ предыдущемъ случаѣ; весь разговоръ ограничивается отрывочными фразами, произносимыми въ то время, когда наливается новая чашка или отирается потъ съ лица.

— Ванюха-то отдалъ деньги-то? спрашиваетъ одинъ изъ пріятелей.

— Нѣту, такъ и не отдавалъ! отвѣчаетъ другой.

— Экой мошенникъ!

— Плутъ естественный!.. (Пауза).

— Экой нынче базаръ-отъ!

— Да, важный!.. (Пауза).

— Хлѣбъ-отъ вздешевѣлъ!?..

— Вздешевѣлъ!?.. (Пауза).

— А соль-то вздорожала!

— Вздорожала! (Пауза).

— Почтенный! Эй, слышь, почтенный!

Почтенный не слышитъ.

— Какъ тебя? эй, фартукъ!

Фартукъ услышалъ, и мелкой, но быстрой рысцой подбѣжалъ къ спрашивающимъ съ обычнымъ вопросомъ: „чего прикажите?“

— Еще водицы, почтеннѣйшій, одолжите.

Почтеннѣйшій съ самымъ свободнымъ и серьезнымъ видомъ беретъ чайникъ, и такъ искусно, что чуть-чуть не задѣваетъ носикомъ его за носъ одного изъ посѣтителей, а потомъ лукаво подмигиваетъ своему товарищу на безцеремонныхъ гостей, какъ-будто желая сказать: „съ тремя-то парами ужъ два чайника усидѣли, да еще и третій спрашиваютъ“. — Но диллетанты не конфузятся; напротивъ, получивши

подкрѣпленіе во вновь наполненномъ чайникѣ, доѣдаютъ остатки своего сахару, захлебывая такой жидкостью, чрезъ которую, какъ говорится, отовсюду Москву видно. Уничтоживши такимъ образомъ въ теченіе какого-нибудь получаса чашекъ по пятнадцати, наши пріятели расходятся снова къ своему дѣлу, веселые, довольные и съ освѣженными силами. Да что говорить: чай до такой степени сдѣлался популяренъ на Руси, что нынче у насъ даже самые горькіе пьяницы просятъ уже не на водку, а на чаекъ!..

Николай отправился въ трактиръ, чтобы насладиться чайкомъ и отогрѣть внутренности своего тѣла, уже достаточно согрѣтаго снаружи теплой печкой, а также и для того, чтобы приличнымъ образомъ встрѣтить ярмарку и приготовиться къ предстоящимъ хлопотамъ торговли. Впрочемъ онъ долженъ былъ совершить процессъ чаепитія на скорую руку, потому что ему проклажаться было некогда, а надобно торопиться со своимъ товаромъ на ярмарку. И такъ Николай отправился въ тотъ самый трактиръ, на которомъ красовалась извѣстная уже намъ вывѣска съ надписью „рестарацыя“. Здѣсь потребовалъ онъ себѣ двѣ пары чаю, и началъ пить его съ особеннымъ наслажденіемъ и поспѣшностью. Но вдругъ, на третьей или на четвертой чашкѣ, онъ увидѣлъ Тита, который входилъ въ тотъ-же трактиръ, уже полупьяный и въ сопровожденіи какихъ-то пріятелей, имѣвшихъ привычку каждый день ярмарки встрѣчать и проводить въ питейномъ или трактирѣ. Титъ тотчасъ-же замѣтилъ Николая, и прямо направился къ нему съ улыбкой насмѣшливой и презрительной.

— Э, братъ, такъ вотъ ты гдѣ, а какъ-же сказалъ, что и двугривенника нѣтъ у тебя. Экой жидъ, экая скаредь! Угости хошь пунштикомъ.

— Нѣтъ, братъ, мнѣ некогда. — И Николай готовъ былъ бросить чай, и убѣжать поскорѣе изъ трактира, но онъ не имѣлъ на столько воли, чтобы отказаться отъ многихъ чашекъ наслажденія, предстоявшихъ ему впереди.

— Что, и этого жаль?.. Вотъ жидъ-то, ребя! Вотъ баба-то! Смотри, какой дылда, а водки еще не пьетъ: мнѣ, говоритъ, только двадцать годковъ, дѣдушка, говоритъ, не приказываетъ мнѣ пить; вѣникомъ, говоритъ, отдуетъ, коли узнаетъ...

Раздался общій насмѣшливый хохотъ присутствующихъ. Николаю сдѣлалось ужасно неловко и стыдно, и онъ спѣшилъ запить свой стыдъ горячимъ чаемъ, рискуя обварить себѣ ротъ и языкъ.

— Экая тетеря! продолжалъ Титъ. А еще двадцать лѣтъ! Дѣдушки боится, стараго хрыча!

Общій смѣхъ усилился. Николаю сдѣлалось еще болѣе стыдно и неловко: онъ не зналъ, что дѣлать.

— Ребята! — продолжалъ Титъ — вѣдь, и пива не пьетъ. Дѣдушка, говоритъ, ничего, кромѣ квасу не велитъ пить: квасу, говоритъ, ну, и дешево, и не пьяно!

Николай готовъ былъ провалиться сквозь землю: самолюбіе его было сильно затронуто злыми насмѣшками; онъ рѣшился защищаться.

— Врешь, братъ, ты, Титъ Софроновъ! Я только съ тобой не хотѣлъ дѣло имѣть, съ этакимъ мошенникомъ, а съ хорошимъ человѣкомъ, коли захочу, всегда выпью.

— Да, пожалуй, бранись, голубчикъ: хвастаешь. Гдѣ тебѣ пить — не пристало! Тебѣ бабью кичку надѣть: вотъ такъ такъ!

— Захочу, такъ стану и пить!

— Да ну, ну! вотъ не хочешь со мной, такъ

здѣсь много и безъ меня. Ну, поставь хоть полштофа.

— Что-же? Захочу, такъ поставлю, не бось.

— А ну, ну, поставь!..

— Такъ что, не поставлю что-ли? поставлю и есть.

— Ладно, ладно, хорошо!.. Да что говорить-то по пустому?.. Эй, любезный, молодецъ, а молодецъ! вотъ парень-то полштофа требуетъ — принеси-ка!.. Что, братъ, на попятный, а?..

— Нѣтъ, не на попятный, а только мнѣ некогда теперь: пора на базаръ.

— А-а! отлынивать сталъ.

Николай хотѣлъ что-то возражать, но въ это время улужливый половой поставилъ передъ Николаемъ требуемые полштофа.

— А, ну, вотъ ладно! Ну-те-ка, ребята, хватимъ по стаканчику! — говорилъ Титъ, угощая своихъ товарищей. — Нука за здоровье Николая . . . какъ тебя по батюшкѣ-то? Эхъ, важно! . . . Ну-ка, что же ты самъ-то? — Николай былъ въ нерѣшимости: онъ дѣйствительно никогда не пилъ вина, но оскорбленное самолюбіе и мысль, что ему во всякомъ случаѣ придется заплатить за вино, которое выпьютъ другіе, подстрекнули Николая, и онъ залпомъ выпилъ цѣлый стаканъ водки.

— Каковъ? э, да онъ молодчина: ну, братъ, извини, Николаша, не зналъ я. А ну-ка еще стаканчикъ!

Николай не отговаривался и выпилъ поспѣшно.

— Важно! Вотъ люблю, по нашему!

Полштофа были мигомъ опорожнены, и въ головѣ Николая зашумѣло, а на сердцѣ сдѣлалось какъ-то особенно весело.

— Еще полштофа! закричалъ онъ.

— Молодецъ! люблю! славно!... Одобренія посыпались на Николая со всѣхъ сторонъ.

Роспили и другіе полштофа. Голова Николая кружилась — онъ опьянѣлъ, но когда самолюбіе его было удовлетворено, тщеславіе успокоено, онъ вспомнилъ о своихъ дѣлахъ и обязанностяхъ, совѣсть стала укорять его, и онъ спѣшилъ скорѣе разстаться съ пьяной компаніей, чтобы отправиться на продажу своего товара. Но между тѣмъ самое лучшее время для нея — самые ранніе утренніе часы торга на базарѣ, когда сходятся для покупокъ всѣ городскіе обыватели, было потеряно Николаемъ. Расплатившись въ трактирѣ, Николай поспѣшилъ на свой постоялый дворъ. Какъ только онъ скрылся за дверями, Титъ разразился неистовымъ хохотомъ пьянаго человѣка.

— Надулъ, ребята, надулъ! кричалъ онъ. Дурака-то надулъ. Э, да я знаю, какъ съ этимъ народомъ управляться: погодите еще, и не то съ нимъ сдѣлаю: еще на его счетъ погуляемъ, ребята. Да что? ничего! дѣдушка-то, вѣдь, у него зарылся въ деньгахъ-то, счету не знаетъ: пусть внучекъ-то порастормошитъ казну.

Съ этими словами Титъ обращался къ двумъ своимъ пріятелямъ, съ которыми пришелъ въ трактиръ. Эти два пріятеля имѣли самыя представительныя, но не совсѣмъ благовидныя, наружности. Одинъ изъ нихъ былъ высокій, коренастый мужикъ съ огромной головой, широкой окладистой бородой, густыми, нависшими на глаза бровями, смотрѣлъ какъ-то дико и исподлобья. Другой въ противоположность ему, низенькій, смуглый, съ губами вывороченными, какъ у араба, съ черными косыми глазами, владѣлъ такой

физіономіей, что вы съ перваго взгляда отгадывали въ немъ величайшаго плута. Первый, мѣщанинъ городка, промышлявшій башмачнымъ мастерствомъ, хотя въ сущности шилъ не болѣе трехъ-четырехъ паръ въ годъ, былъ человѣкъ грамотный: читалъ, писалъ письма отъ дворовыхъ людей къ ихъ родственникамъ, и по воскресеньямъ всегда пѣлъ на клиросѣ, весьма удачно замѣняя дьячка. Второй былъ дворовый человѣкъ какого-то помѣщика, который отпустилъ его на оброкъ съ полною увѣренностью никогда не получать его, и довольный уже тѣмъ, по крайней мѣрѣ, что въ дворнѣ его меньше однимъ мошенникомъ. Оба они были люди совершенно потерянные и погибшіе въ нравственномъ отношеніи. Титъ былъ достойнымъ ихъ товарищемъ, какъ пьяница и воръ, но въ самыхъ основаніяхъ натуры своей онъ стоялъ несравненно выше ихъ: онъ, если не понималъ добра и не могъ его дѣлать, то по крайней мѣрѣ въ состояніи еще былъ его чувствовать, хотя можетъ быть и инстинктивно. Онъ былъ даже добръ отъ природы, но вовсе не имѣлъ характера, и могъ идти въ ту или другую сторону, смотря по тому, куда увлекали его люди и обстоятельства. Зло вовсе не была единственная цѣль, къ которой онъ стремился, а между тѣмъ, увлекаемый другими, онъ не только готовъ былъ принять участіе въ самомъ подлѣйшемъ предпріятіи, но даже руководить имъ, или быть въ немъ главнымъ дѣятелемъ.

— А что, развѣ дѣдушка-то у него въ самомъ дѣлѣ богатъ? — спросилъ Тита пріятель съ косыми глазами.

— Да какъ же! Одного меду рублей на пятьсотъ въ каждый годъ продастъ. Вотъ и нынче на ярманку товару рублей на полтораста привезъ.

— Эге! Такъ, значитъ, можно еще на его счетъ поживиться; этакъ выпить разка два.

— Да молчи; мы еще не то сдѣлаемъ.

Тутъ между достойными друзьями начался какой-то секретный разговоръ, котораго не могъ разслушать никто изъ присутствовавшихъ въ трактирѣ.

Глава IV.

Запрягши поспѣшно свою лошадь, и не отвѣтивши ни слова на вопросъ любопытнаго хозяина постоялаго двора: гдѣ онъ былъ и отчего опоздалъ на торгъ?— Николай выѣхалъ съ своимъ возомъ за ворота, стараясь скрывать хмѣль, который одолѣвалъ его, но напрасно: тучный хозяинъ тотчасъ отгадалъ въ чемъ дѣло, съ особенной улыбкой посмотрѣлъ вслѣдъ Николаю, покачалъ головой и промолвилъ: „вотъ оно что значитъ, ярманка-то! Скажи пожалуй, а я думалъ, что ничего въ ротъ не беретъ! вотъ оно какъ!„

Николай погонялъ свою лошадку, которая и безъ того усердно бѣжала. На сердцѣ у него было какъ-то тяжко и неловко: въ первый разъ въ жизни онъ вдругъ сдѣлалъ нѣсколько непростительныхъ отступленій отъ своихъ обязанностей и правилъ, внушаемыхъ ему дѣдушкой. Впрочемъ вино сильно дѣйствовало на его мозгъ, и онъ не могъ хорошенько обсудить своихъ поступковъ, только, такъ сказать, инстинктивно чувствуя свою опрометчивость.

Въ городѣ была уже шумная дѣятельность. Дождь не шелъ болѣе, погода прояснилась, и солнышко сіяло надъ самымъ городомъ, прохлаждая горячія

лучи свои въ грязныхъ лужахъ улицъ. Николай безпрестанно обгонялъ прохожихъ, которые быстро неслись по грязнымъ тротуарамъ, ловко перескакивая черезъ лужи. Никóлая безпрестанно обгоняли всевозможные экипажи: и дрожки, совершенно скрытые подъ сидящею поперегъ ихъ тучною купчихой въ черномъ атласномъ салопѣ, и неимовѣрной величины семейная карета на высокихъ круглыхъ рессорахъ, наполненная многочисленнымъ семействомъ помѣщика и щегольская коляска на лежачихъ рессорахъ, — новость, невиданная въ уѣздномъ городкѣ, новость, вызывающая улыбку сомнѣнья и скрытой зависти, и тарантасъ, на трех-саженныхъ дрогахъ, изогнувшихся подъ тяжестію сидящаго въ немъ господина, не въ мѣру разкормленнаго тишиною и недѣятельностью деревенской жизни, и старинная линейка, съ фартуками и сидѣньями со всѣхъ сторонъ, такъ, что съ которой стороны ни взгляните на нее, вездѣ васъ встрѣтятъ или улыбающіяся, или угрюмыя, или сонныя физіономіи, и наконецъ еще какой-то фантастическій, безъименный экипажъ, чрезвычайно похожій своею формою на шаровары извѣстнаго гоголевскаго Ивана Никифоровича. Ярмарка въ уѣздномъ городкѣ — событіе весьма важное въ его жизни, извлекающее его изъ обыкновеннаго состоянія блаженнаго покоя. Всякій уѣздный городокъ, если только онъ не отмѣченъ въ вашей памяти какимънибудь торговымъ оборотомъ или особенной промышленностью, хотя-бы и былъ отмѣченъ такимъ въ русской или всеобщей географіи, представляетъ весьма мало удобствъ для жизни. Въ обыкновенное время вы ничего не можете найдти въ немъ, кромѣ чаю, сахару, кислой карамели, гнилыхъ селедокъ, крѣпкой, какъ камень, колбасы, сшитыхъ по рукѣ великана

толстыхъ зеленыхъ или коричневыхъ перчатокъ, узорочнаго ситца и никуда негоднаго сукна: все необходимое обыватели пріобрѣтаютъ въ случаѣ крайности въ близъ лежащихъ губернскихъ городахъ, или запасаются на цѣлый годъ на ярмаркѣ. А потому-то послѣдняя и составляетъ такое важное событіе въ городѣ. На нее съѣзжаются почти всѣ окружные помѣщики, живутъ въ городѣ по нѣскольку дней, и если этотъ съѣздъ великъ, то городокъ часто оживаетъ до того, что въ немъ иногда открываются разныя общественныя удовольствія на широкую руку. На ярмарку небольшаго уѣзднаго городка пріѣзжаютъ обыкновенно купцы изъ сосѣднихъ губернскихъ и болѣе значительныхъ уѣздныхъ городковъ, но весьма, весьма рѣдко изъ Москвы, и притомъ преимущественно только тѣ купцы, которые не могутъ похвалиться успѣхами своей торговли на мѣстѣ. Они привозятъ съ собою все, что только есть у нихъ и новаго, и стараго; они знаютъ, что не возвратятся съ убыткомъ, но сбудутъ все что привезутъ, — знаютъ, что помѣщики, живущіе въ деревенской глуши, не требовательны, и тянутся не за модой и даже не за достоинствомъ покупаемой вещи, но за ея дешевизной. Нужды нѣтъ, что матерію носили десять лѣтъ назадъ, что на ней въ двухъ-трехъ мѣстахъ есть дыры, что отъ времени на ней появились пятна, — въ хозяйствѣ все пригодится, все изойдетъ, лишь-бы дешево было куплено. Ужъ это хохорошо извѣстно, что провинціальные жители очень не любятъ пословицы: „И дорого, да мило, и дешево, да гнило!“ Впрочемъ само собою разумѣется, что мы не хотимъ сказать, чтобы купцы не находили сбыта хорошимъ и моднымъ товарамъ, напротивъ: провинціальныя барыни также заражены страстью къ

новизнѣ и модамъ, какъ столичныя дамы, а менѣе разсчетливыя и болѣе страстныя покупаютъ даже столько, сколько бы и не нужно, покупаютъ, не смотря на возраженія своихъ положительныхъ супруговъ, которые, закутавшись въ какой-нибудь демикатоновой халатъ, или широкое казинетовое пальто-сакъ (преостроумная выдумка!), говорятъ имъ: „ну, для чего ты это, матушка, все закупаешь, ну когда тебѣ придется надѣть это: съѣздишь ты зимой раза три-четыре на имянины къ сосѣдямъ, да къ тебѣ пріѣдутъ два раза въ годъ, такъ, право, нашлось бы что надѣть и безъ этого: и то расходовъ-то много!“ А кромѣ того: дочки-невѣсты и ихъ женихи.... Да впрочемъ, что объ этомъ говорить много: читатель-семьянинъ лучше автора понимаетъ это дѣло, а холостякъ.... Ну, да какой же холостякъ нынче не знаетъ семейныхъ отношеній и женскихъ вкусовъ?

День, въ который пріѣхалъ Николай въ городъ, былъ торговый, базарный. Въ каждомъ уѣздномъ городкѣ есть одинъ какой-нибудь опредѣленный день въ недѣлѣ, въ который обыкновенно съѣзжаются мужички изъ ближайшихъ деревень для продажи разныхъ продуктовъ своей промышленности, и образуютъ торгъ, базаръ. Подобные дни во время ярмарки бываютъ особенно многолюдны и шумны, потому что и для крестьянина ярмарка въ уѣздномъ городкѣ есть нѣкоторымъ образомъ праздникъ, и онъ спѣшитъ на нее для того, чтобы продать что-нибудь, но преимущественно для того, чтобы погулять, на людей посмотрѣть и себя показать. Площадь, на которую въѣхалъ Николай, была мѣстомъ базара, и потому вся сплошь покрывалась мужицкими телѣгами, но торгъ почти уже кончился. Николаю чрезвычайно было совѣстно знакомыхъ мужиковъ,

встрѣтившихъ его насмѣшливыми вопросами и двусмысленными замѣчаніями, которыя такъ любитъ нашъ добрый, но насмѣшливый отъ природы, крестьянинъ. Само собою разумѣется, что торговля Николая шла неуспѣшно: городскіе обыватели осмотрѣли уже все, что было привезено крестьянами, закупили, что нужно, и спѣшили на самую ярмарку. Итакъ Николай напрасно стоялъ и ждалъ покупателей: кой-кто мимоходомъ спросилъ, что онъ продаетъ, но никто даже и не посмотрѣлъ на его товаръ. Мало по малу торгъ совершенно прекратился. Всѣ мужички вокругъ Николая какъ будто переродились: иные сдѣлались чрезвычайно добры, нѣжны, чувствительны, другіе восторженны, третьи грозны и раздражительны. Вотъ двое какихъ-то пріятелей стоятъ одинъ противъ другаго съ распростертыми руками, покачиваются сами, качаютъ изъ стороны въ сторону головой, на лицахъ ихъ сіяетъ самая нѣжная улыбка, въ глазахъ блестятъ слезы любви, и вдругъ они бросаются въ объятія одинъ къ другому, нѣжно обнимаются, страстно цѣлуются и не слушаютъ убѣжденій строптивыхъ супругъ своихъ въ красныхъ платкахъ, которыя напрасно силятся раздѣлить этихъ нѣжныхъ друзей, этихъ аркадскихъ пастушковъ въ сѣрыхъ кафтанахъ и поярковыхъ шляпахъ. Въ контрастъ имъ, двое другихъ неистово вцѣпились въ бороды другъ друга, и тщетно горячится надъ ними стоглазый аргусъ полиціи, угрожая заключеніемъ: враги не разстаются, и неразрывной парой уводятъ ихъ куда-то съ шумнаго побоища. А вотъ одинъ какой-то весельчакъ, вскинувши на-бекрень свою шляпу, подхвативши правой рукой голову и размахивая лѣвой, тянетъ какую-то пѣсню и подтопываетъ въ тактъ ей ногами, повидимому, совершенно отрѣшившись отъ всего

окружающаго. Дико и нескладно разносится по воздуху нелѣпый мотивъ его импровизированной пѣсни, но онъ самъ чрезвычайно доволенъ ею и зажмуриваетъ глаза отъ вдохновенія и восторга, какъ соловей. А тамъ другой мужичокъ совсѣмъ собрался ѣхать домой, бросился въ телѣгу, но легъ поперегъ ея, потерялъ свою шапку и свѣсилъ ноги, которыя напрасно старается уложить, какъ слѣдуетъ, заботливая, но не совсѣмъ ласковая супруга. Рядомъ съ Николаемъ происходила весьма забавная сцена: коренастый, высокій мужикъ, привозившій на продажу своего издѣлія колеса, собирается въ дорогу, домой, но никакъ не можетъ справиться со своимъ товаромъ: обѣими руками берется онъ за ободъ колеса и думаетъ подкатить его къ телѣгѣ, но колесо вырывается изъ слабыхъ рукъ, катится въ сторону, а продавецъ со всего размаха падаетъ на землю... А вотъ другой такой же охмѣлѣвшій витязь никакъ не можетъ справиться съ тяжелой дугой, чтобы запречь свою лошадь: высоко поднимаетъ онъ дугу обѣими руками, и вмѣсто того, чтобы затянуть въ гужи, искусно укладываетъ на спину своей клячи. Наконецъ Николай видѣлъ, что нечего и ему болѣе ожидать покупщиковъ на площади, и онъ рѣшился еще попытать счастья: съѣздить съ своимъ товаромъ по домамъ. Но кто дастъ хорошую цѣну продавцу, который не успѣлъ во-время сбыть своего товара?.. Грустно возвращался Николай на свой постоялый дворъ съ непочатымъ возомъ. Добродушный хозяинъ встрѣтилъ его лукавой улыбкой.

— Каково торговалъ, Николаха? — спросилъ онъ его.

— Плохо! — отвѣчалъ лаконически и угрюмо Николай.

— Да ты больно рано на базаръ-то поѣхалъ! — насмѣшливо замѣтилъ Климъ Гордеичъ. — Ну, ничего! — прибавилъ онъ добродушно, замѣтивши грустное состояніе духа молодого парня. Ничего, изойдетъ! завтра продашь!.. Поѣсть, чай, хочешь?..

— Да, пожалуй, нешто!

— Ну, поди въ избу: хозяйка накормитъ, а я, пожалуй, распрягу лошадь-то.

Какъ ни тяжело на душѣ у Николая, но онъ пообѣдалъ довольно сытно, и послѣ обѣда отправился тотчасъ на ярмарку.

Всѣ городскія лавки были открыты и заняты продавцами, и сверхъ того было еще выстроено нѣсколько импровизированныхъ, сшитыхъ, такъ сказать, на живую нитку, балагановъ изъ тесинъ и жердочекъ, въ которыхъ также располагались пріѣзжіе купцы. Пестрыя толпы покупателей наполняли всѣ лавки, суетились, хлопотали, торговались безъ зазрѣнія совѣсти, но съ строгимъ различіемъ чиновъ и состояній.

— Посторонись-ка, матушка! — гордо говорила чиновница или помѣщица, толкая въ бокъ мѣщанку, и пробираясь къ прилавку, за которымъ бѣгалъ молодой купчикъ, едва успѣвая раскланиваться и удовлетворять многочисленныя и разнообразныя требованія.

— Что прикажете-съ? — спрашиваетъ онъ ее съ особенной любезностью, оставляя прочихъ покупателей.

— Вы мнѣ уступите ту матерію, что давича торговала у васъ.

— Съ полнымъ удовольствіемъ-съ! Для кого другаго, а для васъ... сами изволите знать-съ... только, ей-Богу, не сходно изволите жаловать-съ: за

эвту цѣну никакъ не возможно-съ. По два рубли извольте-съ, и то только для васъ-съ.

— Ну, полноте, отдайте за полтора! — возражаетъ покупательница, жеманясь. Я всегда у васъ покупаю.

— Очень благодаренъ-съ, только, вѣрьте слову, нельзя-съ: свою цѣну беру-съ, только для васъ-съ.

— Это вы мнѣ-то не хотите уступить?

— Да помилуйте! не подходящее изволите жаловать: себѣ дороже-съ.

— Ну, послѣ этого не стоитъ у васъ и покупать.

— Да вы позвольте-съ. Вы потрудитесь посмотрѣть: какая доброта-съ. Нигдѣ такой не получите. Первой сортъ-съ... Да извольте, извольте, рубль восемь гривенъ-съ послѣднее слово-съ.

— Нѣтъ, не хочу, больше полутора рубля не дамъ, и вамъ стыдно не уступить мнѣ.

— Да пожалуйте-съ. Ну, если вы получите гдѣ этакую матерію, всѣмъ кускомъ отвѣчаю-съ.

— Какъ хотите, а я больше ничего не дамъ.

— Извольте, извольте. Нечего дѣлать, только для васъ-съ. И молодой купчикъ выразительно смотритъ на даму и деликатно завертываетъ въ бумажку мѣдныя деньги, которыя слѣдовали въ сдачу дамѣ, и она удаляется, награждая его ласковой улыбкой, вполнѣ довольная дешевизной покупки.

— Послушайте, это вы продали моему мужу эту кисею? — спрашиваетъ другая дама пожилыхъ лѣтъ.

— Точно такъ-съ.

— Какъ же вамъ не стыдно? вы обманули его: взяли вдвое.

— Помилуйте, никакъ нельзя-съ!

— Да какъ же я сама покупала у васъ прошлаго

года точно такую же по четвертаку, а вы взяли съ него нынче по два двугривенныхъ?

— Дешевле никакъ нельзя-съ.

— Этакъ хорошіе люди не дѣлаютъ.

— Помилуйте, что же такое-съ?..

— Да какъ же можно такъ обманывать? что онъ мущина, не знаетъ въ этомъ толку, такъ его и надо обманывать?

— Тутъ никакого нѣтъ обману-съ: мы не принуждали брать-съ.

— Такъ вы возьмите назадъ кисею: мнѣ ея не надобно.

— Помилуйте, сударыня, купленныя вещи когда же назадъ берутъ? надъ нами смѣяться станутъ.

— Послѣ этого я у васъ никогда не буду покупать.

— Какъ вамъ угодно-съ! только вы напрасно изволите безпокоиться: цѣна взята настоящая-съ!

— Настоящая?.. Послѣ этого вы самый безсовѣстный человѣкъ.

— Какъ угодно-съ!

И дама удаляется разсерженная и недовольная. Она мещетъ самые свирѣпые взгляды на купчика, но онъ не содрагается отъ этихъ взглядовъ и спѣшитъ къ другимъ покупателямъ.

— Что ты, батюшка, цѣлыхъ два часа заставилъ меня дожидаться. Зову, зову, и не слышитъ! сердито говорила тучная старая барыня съ усами и высокимъ гайдукомъ позади.

— Чего прикажете-съ?

— Чего прикажете?.. Вотъ бы я тебѣ приказала не заставлять меня дожидаться-то: я не привыкла, голубчикъ.

— Что же дѣлать-съ? такое время теперь.

— Что дѣлать? А то и дѣлать, что быть повнимательнѣе къ хорошимъ-то покупателямъ. Вотъ я уйду, такъ ты и будешь знать!

— Помилуйте, сударыня, зачѣмъ же-съ? Чего угодно-съ?

— То-то и есть: чего угодно? И надо бы покупателями-то хорошими дорожить... Есть у васъ черный коленкоръ?

— Какъ же, есть-съ!

— Мнѣ нужно хорошаго коленкора!..

— Первый сортъ-съ. Сколько прикажете-съ?

— Да ты покажи сначала.

— Вотъ извольте: самый лучшій-съ.

— Ну, мнѣ и попроще ничего: Палашкѣ, вѣдь, на фартукъ.

— Вотъ-съ подешевле!

— Почемъ это у тебя?

— Пяти-алтынной-съ!

— Гривенникъ!

— Нельзя-съ. Да вамъ много-ли угодно?

— Да всего-то полтора аршина: будетъ, вѣдь, чай, на фартукъ-то Палашкѣ? Это у меня дѣвка-фаворитка, такъ ей подарить.

— Дешевле пятиалтыннаго нельзя-съ!

— Ну, вотъ нельзя: будетъ и гривенникъ.

— Нѣтъ, нѣту-съ, нельзя-съ!

— Ну, сорокъ копѣекъ, на ассигнаціи.

— Нельзя-съ!

И купчикъ, недовольный строптивой покупщицей, оставляетъ ее, а дама съ усами сердится, даетъ сорокъ двѣ копѣйки, и, видя, что купецъ ее не слушаетъ, бранится, обѣщаетъ пожаловаться городничему, и съ сердцемъ даетъ сорокъ пять копѣекъ.

— Господинъ купецъ, а, господинъ купецъ! спрашиваетъ какой-то жирный господинъ съ обвисшими чуть не до плечъ щеками, маленькими, смѣющимися глазками и вообще съ весьма простодушной физіономіей.

— Что прикажете-съ?

— Какія, батюшка, у васъ есть матеріи?

— Разныя есть-съ. Есть всякія-съ.

— Да мнѣ всякихъ-то не надо, а вотъ видите какое дѣло: жена велѣла мнѣ купить двухъ какихъ-то матерій. Она сама-то у меня нездорова, такъ и не поѣхала нынче на ярмарку, да и нельзя: послѣдніе дни ходитъ, ну такъ, чего избави Боже, чтобы чего-нибудь въ дорогѣ не случилось... Вотъ она меня одного и отпустила, да и сказала какія-то двѣ матеріи, я ихъ тотчасъ и записалъ, знаете-ли, на бумажку, да бумажку-то и потерялъ: искалъ, искалъ, сударь ты мой, не могъ найти. Ну, а въ деревню посылать далеко. Что ты станешь дѣлать? А, вѣдь, никакъ и не припомню. Такія названія-то мудреныя, что и чортъ ихъ не выговоритъ! ха, ха, ха, ха!.. право!..

— Да какихъ вамъ угодно, шелковыхъ или шерстяныхъ?

— Ну, ужъ этого-то я вамъ не могу сказать! Погодите-ка, погодите... Дай Богъ память. Кажется, одна-то матерія точно о б л о м ъ что-ли какой... ха, ха, ха! право! А ужъ другой-то, батюшка, и совсѣмъ не припомню...

— Это не бурбонъ-ли: такая есть матерія.

— Во, во, во, вотъ она, она и есть, а ужъ съ другой-то не знаю, какъ и быть.

— Это что-же? Ничего-съ! Возьмите какой вамъ угодно: у насъ много разныхъ-съ!

Другая лавка была биткомъ-набита народомъ посѣрѣе и попроще: здѣсь виднѣлась и нанковая шуба крестьянки и даже сѣрый кафтанъ мужика. За прилавкомъ стоялъ здѣсь не ловкій купчикъ съ бритой бородкой и въ пальтѣ оригинальнаго фасона, какъ въ сосѣдней лавкѣ, но веселый, краснощокій, съ большой окладистой бородой и бойкой, а иногда и грубой рѣчью, мѣщанинъ.

— Эй, красавица! говорилъ онъ, да ты послушай: эй, красный платокъ! Ты скажи мнѣ: тебѣ чего надо?.. Ситцу, что ли тебѣ надо?

— Вѣстимо, родной, вѣдь, я ужъ тебѣ-ка говорила: ситцу, мо, дай, кормилецъ, дочку выдаю, такъ на сарафанъ.

— Ну, вотъ я тебѣ и показываю: какого-же тебѣ лучше надо? Лучше этого и не бываетъ: ужъ это настоящій аглицкой.

— Ужъ будто точно аглицкой?.. неужто вправду?

— Ну, вотъ стану я тутъ по пустякамъ съ тобой калякать? Ты на что смотришь-то? ты смотри на узоръ. Это не то, что какой, а видишь? настоящій аглицкой, видишь, выводы-то какіе... Дура, вѣдь, этотъ ситецъ-то короли аглицкіе носятъ, такъ, извѣстно, твоему-ли тутъ рылу! Рѣзать что-ли по рублю-то?

— Да ужъ отдай, кормилецъ: хоть по четвертачку-то!

— Нѣтъ, нельзя! Ступай, проваливай! Въ другомъ мѣстѣ экой сиволапой и не покажутъ этакого-то ситцу.

— Ну, такъ ужъ отрушь что ли, кормилецъ: только ты меня, мотри, не одмани, чтобы точно былъ настоящій аглицкой.

Много и другихъ лавокъ, сценъ и разговоровъ видѣлъ и слышалъ Николай, но они не занимали его. Гораздо больше вниманія его привлекла лавка съ куклами. Съ наивнымъ любопытствомъ смотрѣлъ онъ на высокую деревянную лошадь, изъ спины которой торчали двѣ ручки, приводящія въ движеніе куклу, на миніатюрный барабанъ и каску, на картоннаго паяца, на жестяное ружье, отлично стрѣляющее горохомъ, на кожаную нагую куклу со стеклянными глазами и несоразмѣрно-длинными ногами, на двухъ козловъ, бодающихся посредствомъ машинки, на крошечныхъ птичекъ, издающихъ странный пискъ, и пр. и пр.

Но больше всего интересовали Николая два балагана, находившіеся позади лавокъ. На первомъ изъ нихъ, построенномъ изъ тесинъ, красовалась картина съ изображеніемъ обнаженныхъ людей въ самыхъ несчастныхъ позахъ.

Вотъ одинъ изъ нихъ стоитъ на рукахъ съ поднятыми вверхъ ногами, и, кажется, спиной къ вамъ, но между тѣмъ онъ смотритъ на васъ во всѣ глаза. А вотъ какой-то гигантъ перегнулся черезъ спину, и поставилъ къ себѣ на животъ такого-же другого господина, къ носу котораго какъ-то прилипъ столъ, а къ столу еще третій великанъ; далѣе какой-то узелъ, какъ-бы завязанный изъ людей, въ которомъ ничего не разберешь, кромѣ торчащихъ въ разныя стороны рукъ и ногъ. Тутъ-же нарисована еще какая-то личность въ уборѣ изъ перьевъ со страшно-вывороченными назадъ ногами; въ рукахъ ея топоры, и кругомъ головы множество такихъ-же летающихъ топоровъ, а немного повыше этихъ топоровъ, надъ самой головой господина въ уборѣ, какой-то человѣкъ, тоже какъ будто летящій, съ ногами, вы-

тянутыми въ разныя стороны, но въ одну прямую горизонтальную линію.

— Неужто все эвто здѣся приставляютъ? — спрашиваетъ одинъ изъ зрителей другого.

— А то какъ-же? Эвто и означаетъ, что кажное дѣло мастера боится. Да хошь-ли? подемъ.

— Нѣту, братъ, въ эвту камедь нашего брата не пустятъ: ишь ты все господа забираются, да и дорого, чай, лупятъ, окаянные?

— А вотъ слушай, я-те прочитаю, что написано тамоди: вишь — на бумагѣ. Цѣна мѣстамъ: кресла...

— Слышь, кресла!..

— Нишкни, не мѣшай: кресла — 50 к. серебра: эвто выйдетъ полтинникъ.

— Полтинникъ! — Эй, Митюха, подемъ въ кресла, слышь, подемъ.

— Ха, ха, ха! Нишкни, слушь: первое мѣсто 30 копѣекъ серебра — трехгривенной выходитъ; второе мѣсто 20 копѣекъ серебра — двугривенной; третье мѣсто 10 копѣекъ — гривенникъ.

— Т-а-къ! А что, Митюха, важняе: кресла али перво мѣсто?

— Извѣстно, кресла: по полтиннику ходятъ.

— Ну-ка, вона, мотри!

— Въ это время надъ крышей балагана на особенныхъ деревянныхъ помосткахъ являются двѣ личности: одна изъ нихъ въ колпакѣ и въ грязныхъ широкихъ шароварахъ, другая въ токѣ съ перьями и вовсе безъ шароваръ.

Начинается уже, вѣроятно, знакомое всякому, остроуміе:

— Пояцъ, дай сюда ногу.

— Ихъ у меня немного: всего-то двѣ. На, вотъ, одну.

— Ну, давай другую.

— Вотъ тебѣ и голубую.

— Пояцъ!

— Я не пояцъ.

— Кто же ты?

— Мастеровой: огурцы ѣмъ! и пр. и пр. въ этомъ-же родѣ. Толпа хохочетъ, а вамъ отчего-то при этомъ смѣхѣ становится такъ грустно, и тяжело, и больно, и жалко тѣхъ, которые смѣшатъ, и жалко тѣхъ, которые смѣются...

На другомъ холстинномъ балаганѣ картина изображаетъ что-то еще болѣе замысловатое: какая-то дама, вѣроятно изъ дикихъ, танцуетъ съ кавалеромъ, носъ котораго едва-ли не длиннѣе всего его тѣла. Далѣе тотъ-же длинноносый кавалеръ ѣдетъ на хвостѣ у лошади, заднія ноги которой вдвое толще и короче переднихъ; потомъ того-же господина теребитъ за носъ что-то похожее на собаку, или вѣрнѣе на лисицу, или, еще вѣрнѣе, на свинью, а на самомъ дѣлѣ ни на то, ни на другое порознь, а на все это вмѣстѣ. Толпа мальчишекъ осаждаетъ этотъ балаганъ со всѣхъ сторонъ, заглядывая въ каждую щель его, и разсыпается въ разныя стороны при первомъ появленіи грознаго полу-воина, полу-гражданина по костюму, вооруженнаго огромнымъ турецкимъ барабаномъ и мѣдными тарелками, издающими страшный шумъ и трескотню, которыя, впрочемъ, покрываются его сильнымъ, немного хриплымъ крикомъ: „сюда, сюда: здѣсь комедія начинается!“ — Подите, что-ли, обращается онъ наконецъ къ окружающимъ его мальчишкамъ: дешево возьму: по копѣйкѣ серебра съ брата“. — Мальчишки недовѣрчиво переглядываются между собою, и, оскабляясь, отступаютъ назадъ предъ страшнымъ барабанщи-

комъ. — „Что-же, чумазы, вамъ-бы только тутъ безъ денегъ въ щели заглядывать, прощалыги этакіе! вотъ я васъ!“

Раздается хохотъ, крикъ, и толпа мальчишекъ съ шумомъ разбѣгается. — „Сюда, сюда! Здѣсь представляютъ, сюда, сюда!..“ И снова грохотъ барабана и трескъ мѣдныхъ тарелокъ покрывается этимъ полу-отчаяннымъ воплемъ.

Внутри этихъ двухъ балагановъ совершается тоже, что изображено на картинахъ, только въ разныхъ варіаціяхъ и съ тѣмъ различіемъ, что въ деревянномъ всѣ эти чудеса совершаютъ люди, а въ холстинномъ куклы.

— Удивительно, какъ это дѣлаютъ всѣ эти штуки: фокусникъ — фокусникъ и есть! говоритъ синяя чуйка длиннополому сюртуку. Ну, какъ-же это, скажите, пожалуста: беретъ онъ у тебя новой платокъ, изрѣжетъ его, сожжетъ, а послѣ изъ той-же свѣчки, на которой жегъ, и вынетъ ни въ чемъ невредимо. Или попроситъ часовъ, возьметъ, истолчетъ въ ступкѣ: ну, вѣдь, самъ видишь, что толчетъ, слышишь даже, какъ похрустываютъ, а потомъ: не угодно-ли, молъ, посмотрѣть въ вашъ карманъ: нѣтъ-ли тамъ вашихъ часовъ? — Нѣтъ, молъ, батюшка, я самъ тебѣ ихъ отдалъ! — Посмотрите, говоритъ, да и только. Смотришь: на самомъ дѣлѣ часы, какъ есть — и хоть-бы въ чемъ-нибудь повредились. Ахъ, нѣмцы, плутоваты нѣмцы — хитрый народъ, а такъ и есть, что нѣмцы: и говорить-то по-русски не умѣютъ.

— Нѣтъ-съ, это что! возражаетъ сюртукъ: а вотъ, какъ былъ, я вамъ доложу, одинъ фокусникъ, Пинеттій, такъ онъ ужъ, просто, такое дѣлалъ, что, просто, я вамъ говорю, ужъ это удивительно что та-

кое. Какъ-же онъ однажды изъ Москвы въ одинъ часъ и, то-есть, я вамъ говорю: такъ на всѣхъ заставахъ и было записано, что, молъ, вотъ въ такой-то часъ выѣхалъ такой-то фокусникъ Пинеттій. Ну, какъ-же это вы полагаете?

— Да, ужъ это что говорить: хитрый народъ, такой, то-есть, подходящій. Да вотъ, вѣдь, опять хоть-бы то сказать: ломались теперь. Ну, вѣдь, какъ это простому человѣку — сдѣлаетъ-ли? Встанетъ, мошенникъ, на руки, да ноги-то какъ-то черезъ плечи и перегнетъ, да на рукахъ-то и пойдетъ. А вѣдь сила-то какая: ляжетъ на спину, ноги поднимеетъ вверхъ, на ноги доску положитъ, на доску столъ, да два стула поставятъ, на столъ человѣкъ станетъ, а къ нему еще другой на плечи влѣзетъ, и на стульяхъ по человѣку сидитъ — и всѣхъ ихъ этотъ держитъ.

— Нѣтъ, тутъ, я вамъ доложу, не сила, а этакая, просто, манера, то-есть, наука такая. Вотъ, вѣдь, у меня сродственникъ есть — силачъ преестественный: въ каждую руку по 10 пудовъ поднимаетъ, а ну, заставишь этакую штуку сдѣлать — не сдѣлаетъ, а пустите-ка его съ этимъ фокусникомъ побороться, такъ онъ его, то-есть, какъ пить дастъ — сломаетъ. Вотъ-съ, вѣдь, это разсказываютъ, въ Москву одинъ агличанинъ пріѣхалъ: сила такая, сказываютъ, что удивительно; вызываетъ съ собой бороться охотниковъ; ну, вотъ хорошо-съ! выходитъ нашъ русскій мужичокъ, какъ есть: извините, говоритъ, почтеннѣйшая публика, я, говоритъ, зипунъ-то сниму! Снялъ-съ. Агличанинъ-то надъ нимъ, знаете-ли, смѣется, а тотъ себѣ на умѣ: ладно, молъ, смѣйся, а я вотъ, молъ, тебѣ покажу обращеніе. Схватились-съ. Что-же вы думаете? агличанинъ-то и такъ,

и этакъ, и подъ ножку: заюлилъ, знаете-ли. Хорошо-съ! Нашъ русскій мужичекъ, что, молъ, съ тобой, агличаниномъ, толковать: какъ стряхнетъ знаете-ли, его, какъ стиснетъ, такъ у того духъ-то и зашелся-съ, такъ и повалился, какъ снопъ. Публика-то, знаете-ли, просто, безъ ума: кричитъ, хлопаетъ въ ладоши, что, молъ, взялъ, агличанинъ! а нашъ русскій-то мужичокъ: покорнѣйше, молъ, благодаримъ, почтеннѣйшая публика! Надѣлъ свой зипунишка, да и ушелъ-себѣ, какъ ни въ чемъ не бывало. Такъ вотъ она сила-то, что значитъ, а это все только одна манера. Это совершенно-съ!

Кругомъ балагановъ было разставлено нѣсколько столиковъ съ разными сластями. Тутъ виднѣлись и гнилыя и свѣжія яблоки, и кислые, твердые, какъ камень, пряники, и каленые орѣхи, въ которыхъ пятый непремѣнно — свищъ, и подернутый плѣсенью черносливъ. За столиками возсѣдали круглыя, красныя, угреватыя и бранчивыя бабы, которыя каждому проходящему навязывали свой товаръ и преусердно бранились между собою. Николай купилъ у одной изъ нихъ полфунта орѣховъ, высыпалъ ихъ въ клѣтчатый синій платокъ, и остановился противъ одного изъ балагановъ, съ чрезвычайнымъ удовольствіемъ выслушивая остроты паяца.

Вдругъ кто-то сильно и со смѣхомъ ударилъ его по плечу. Николай обернулся. Передъ нимъ стоялъ Титъ со своими двумя пріятелями; всѣ трое были уже очень пьяны. Николая чрезвычайно непріятно поразила эта встрѣча.

— А, пріятель, здорово! — началъ Титъ. А ну-ка, ну-ка уважь: своди въ комедію.

— Нѣтъ, братъ, не пойду.

— Что? опять клянчишь? Развѣ этакъ попрія-

тельски-то, а? Полнока, полно, пойдемъ. Возьмитека, ребята, его подъ руки: что съ нимъ толковать-то. Угостимся на его счетъ. — Но Николай быстро вырвался изъ рукъ своихъ друзей-недруговъ, и, видя, что отъ нихъ ничѣмъ инымъ не отдѣлаешься, ударился бѣжать прочь.

— Эка собака — убѣжалъ! Ну, да не отвертишься, дружокъ. Вѣдь, не отвертится отъ насъ, ребята? спрашивалъ Титъ.

— Не отвертится! — отвѣчали ему пріятели.

— Поживемъ еще!.. Только вотъ что, Титъ — ты, смотри, выспроси-же его, когда поѣдетъ-то. Не пропусти!

— Не бось: не этакія дѣла оторачивалъ!

Между тѣмъ Николай прибѣжалъ на постоялый дворъ, и какъ ни хотѣлось ему погулять еще, но, чтобы не повстрѣчаться съ Титомъ, онъ рѣшился не выходить на ярмарку, и тотчасъ же легъ спать.

Часа черезъ три послѣ этого, когда уже почти совершенно смерклось, и въ избѣ Клима Гордеича собирались спать, вдругъ туда явился Титъ. Онъ вошелъ въ избу, покачиваясь и распѣвая пѣсню:

Ужъ я лѣсомъ шла, не шаталася,
Ужъ я полемъ шла, не валялася,
Ко двору пришла — пошатнулася,
За вереюшку ухватилася....

— Ухъ вы! пѣлъ Титъ. Всей честной кампаніи! — Добродушный смѣхъ неспящихъ и сердитый ропотъ заснувшихъ былъ отвѣтомъ на это привѣтствіе.

— Ты это откудова! — спросилъ веселый хозяинъ.

— Извѣстно откудова: съ ярманки. Къ тебѣ въ гости.

— Ну, братъ, мы этакимъ гостямъ не больно рады. Да гдѣ это нахлестался: деньги, что ли завелися?

— Эхъ, братъ, Климъ! мы и безъ денегъ живемъ: такъ, что-ли, ребята?

— Давно-ли ты въ городѣ-то?

— Съ утра. Съ Николахой пріѣхалъ. Гдѣ онъ, мошенникъ? Все еще гуляетъ, видно... Вотъ я его мошенника... Дай, братъ, поѣсть, Климъ Гордеичъ.

— Нечего, другъ, поѣсть-то: отъужинали ужъ мы, да и не выгодно тебя кормить-то: не заплатишь.

— Заплачу, ей-Богу, заплачу... Все заплачу...

— Ну, ладно! Ложись-ка спать, коли хочешь. Жалко тебя выгнать-то: какъ разъ на съѣзжую возьмутъ.

— И то, братъ, взяли-было, да отпустили... нѣтъ, самъ ушелъ!

— Какъ-же это? разскажи-ко! — спросило нѣсколько любопытныхъ.

— Изволь, разскажу. Вотъ...

— Полно, ложись-ка спать: огонь тушить пора.

— Ты, братъ, Климъ Гордевъ, молчи, а то я тебя знашь... Я спать лягу, а пріятелямъ все разскажу. Вотъ, пошли мы, братцы, въ комедію... по гривеннику заплатили... хъ... кхъ фокусникамъ пошли... Насъ и пустили въ послѣднее мѣсто... Не хочу въ послѣднее мѣсто, не хочу... въ первое хочу... Полѣзъ... А тутъ какой-то дьяволъ и подскочилъ: ты, говоритъ, свое мѣсто знай... да за воротъ... а я его въ зубы... У-а-а! спать нешто, ребята, хочется... Я его въ зубы... и васъ въ зубы... и Клима Гордева въ зубы... Меня... и тово... У-а-а-а!.

Титъ не докончилъ своего разсказа, припалъ къ лавкѣ, на которой сидѣлъ, и тотчасъ-же захрапѣлъ.

— Ну, пусть его дрыхнетъ! Экой пьянчужка! А, вѣдь, хорошій человѣкъ былъ прежде. Идти, запереть ворота. Пора ужъ и спать.

Вскорѣ послѣ того въ избѣ Клима Гордеева всѣ уже спали, и всѣхъ громче доказывалъ свой крѣпкій сонъ Титъ Козонокъ.

Глава V.

Николай не слыхалъ, какъ вечеромъ пришелъ въ избу Титъ: сонъ его былъ весьма крѣпокъ и тяжелъ, но и пробужденіе его было не отраднѣе. Онъ всталъ съ тяжестью въ головѣ и еще съ большей тяжестью въ сердцѣ.

„Что скажетъ дѣдушка, какъ узнаетъ. Бѣда, какъ будетъ браниться: еще пожалуй и поколотитъ. Хоть бы этотъ подлецъ Титъ не приходилъ сюда, а то разблаговѣститъ, какъ разъ и дѣдушкѣ доведутъ“. Съ такими мыслями слѣзалъ Николай съ печки, на которой спалъ, и готовился тотчасъ-же отправиться на базаръ со своимъ товаромъ, какъ вдругъ его самымъ непріятнымъ образомъ поразили слова веселаго хозяина:

— Посмотри-ка на дружка-то своего. Экъ храпитъ! — И онъ указалъ Николаю на Тита, который храпѣлъ, какъ говорится, во всю ивановскую, раскинувшись на лавкѣ въ самой нелѣпой и почти невозможной позѣ, такъ что ноги, голова и правая рука свѣсились съ лавки, а все остальное, согнувшись въ

дугу, удерживалось на ней, на основаніи какого-нибудь невѣдомаго закона природы, который проявляется только въ пьяныхъ.

— Неужто ты, Николаша, связался съ этимъ пьянчугой, а? Ужъ, братъ, тутъ добра не жди, коли кто съ нимъ дѣло станетъ имѣть.

— Какое, Климъ Гордеичъ, связался! Стану-ли я якшаться съ этимъ мошенникомъ, да что дѣлать-то? Ѣхалъ я сюда, а онъ шелъ, да силой и ввалился ко мнѣ въ телѣгу. Что съ нимъ станешь дѣлать?

— А напраздновались-то вчера вмѣстѣ?

Эти слова сильно смутили Николая, онъ замялся и сначала не зналъ, что отвѣчать, но послѣ разсказалъ все дѣло, какъ оно было, и просилъ не сказывать дѣдушкѣ.

— Экой, вѣдь, плутъ окаянный, этотъ Титка. Мало на свѣтѣ экихъ людей. Вотъ я его выгоню, мошенника, и въ домъ ни ногой не буду пускать! — сказалъ добродушный Климъ Гордеичъ.

Торговля Николая на базарѣ и въ этотъ день была неудачна. Онъ былъ на площади до двухъ часовъ, но успѣлъ продать меду только около пуда, такъ что все остальное рѣшился сбыть городскимъ торговцамъ. Николай, уѣзжая изъ деревни, разсчитывалъ продать въ розницу и по выгодной цѣнѣ, по крайней мѣрѣ, половину своего товара, но вышло иначе. Онъ зналъ, что купцы возьмутъ у него медъ, но того и смотри, что въ кредитъ, да и денегъ тѣхъ не дадутъ, какія-бы онъ могъ получить отъ мелочной продажи. Что-же онъ скажетъ дѣдушкѣ, какъ оправдается передъ нимъ?.. И всему этому причиной Титъ. Вотъ наслалъ Богъ искушеніе! — Такъ думалъ Николай, и сбирался уже ѣхать съ площади, какъ вдругъ передъ нимъ явился самъ

Козонокъ. Николай даже вздрогнулъ при видѣ его и отворотился въ сторону.

— Ну, что, Николаха, каково торговалъ? — спросилъ его Титъ, какъ будто не замѣчая непріязненнаго движенія молодого парня.

— Ничего! — отвѣчалъ онъ лаконически.

— Да что возъ-отъ полонъ? Неужто и впрямъ ничего не продалъ? . .

Николаю стало страхъ какъ досадно, и захотѣлось побраниться съ Титомъ.

— Да вотъ изъ-за тебя, пьяница, воръ этакой, — приходится все въ пол-цѣны спустить здѣшнимъ купцамъ. Навязался ты мнѣ на шею, ворогъ окаянный.

— Я-то чѣмъ-же виноватъ? Что ты больно? Вѣдь, я те не за воротъ сгребъ, да заставилъ виномъ-то поить: самъ захотѣлъ . . . Ну-ка, полно, что тутъ? . . ничего! изойдетъ! Когда поѣдешь домой-то?

— Что опять, думаешь, повезу тебя? . . Какъ-же, дожидайся! . .

— Такъ что, не свезешь что-ли? . . Этакъ развѣ по-пріятельски-то, а?

Но Николай вмѣсто отвѣта сѣлъ въ телѣгу и поѣхалъ съ площади по направленію къ лавкамъ.

— Ишь ты какой! Ладно-же, погоди! — сказалъ Титъ съ сердцемъ.

Какъ только Николай скрылся изъ глазъ, къ Титу подошли двое его пріятелей.

— Ну, что? — спросилъ смуглый: рано-ли поѣдетъ?

— Да не сказалъ. Такой мошенникъ: и говорить не хочетъ!

— Ну, такъ тебѣ надобно идти на квартиру-то, да и поджидать его тамъ.

— Нѣту, братъ: Климъ Гордеевъ сказалъ, что не пуститъ. И не приходи, говоритъ, а то вытурю.

— Ну, такъ вотъ что: мы его всѣ въ кабакѣ подождемъ; ужъ непремѣнно мимо его проѣдетъ.

— Ладно, ладно!.. Важно!.. Вотъ и хорошо!

Между тѣмъ Николай въ это время торговался съ однимъ изъ купцовъ, которымъ онъ обыкновенно поставлялъ свой медъ и воскъ.

— Нѣтъ, ужъ это обидно, Трифонъ Ѳедотычъ, изволишь полагать. Вѣдь, кажись, не въ первый разъ мы съ твоей милостью дѣло имѣемъ. Нѣтъ, ужъ не изобижай и насъ: прибавь что-нибудь.

— Полно, полно, Николаюшка: чего больше? Красную цѣну даю, настоящую: по товару цѣна.

— Да что, по товару? Нѣшто не хорошъ медъ-отъ у меня? Ну, ужъ, кажется, ты самъ изволишь знать, что экого меду ужъ наврядъ-ли кто потрафитъ... Нѣтъ, а это что говорить, Трифонъ Ѳедотычъ, ты надбавь... сдѣлай милость, я тебя прошу.

— Ну, полно, Николаша, ты славной малой: вотъ мы съ тобой чайку напьемся — оно дѣло-то и будетъ такъ.

— Да это конечно... Что-же? Я лаской твоей много доволенъ, а только что нельзя, то нельзя, Трифонъ Ѳедотычъ. Ты то возьми въ уваженіе: вѣдь, я тебѣ половину въ кредитъ спускаю, легко сказать: до Филиповокъ... Нѣтъ, ужъ это какъ хочешь, а надбавь.

— Полно, полно! славный малой-то такой, а еще жмется. Да пойдемъ въ трактиръ, такъ тамъ все дѣло уладимъ.

— Нѣтъ, ужъ это опосля развѣ, Трифонъ Ѳедотычъ, а теперь надо дѣло говорить: хочешь по

пятаку съ фунта прибавить на липовецъ, это по рублю на пудъ выходитъ — ну, изволь, бери, по крайней мѣрѣ, ужъ ну... а не хочешь — повезу къ Якову Агапычу...

— Да чтой-то ты какой кремень сталъ? ну, ладно! Только вотъ что... Сколько тебѣ тутъ приходится-то?.. По 21 рублю пудъ... Семь пудъ... сто сорокъ семь рублей... Такъ вотъ что: сорокъ семь рублей я тебѣ отдамъ, а сто-то ужъ погоди.

— Ну, вотъ, вѣдь, опять прижимка, Трифонъ Ѳедотычъ! Это не годится.

— А не годится, какъ хочешь.

— Эхма! Ну-ну, ладно!

Осенью рано начинаются сумерки, и Николай въ хлопотахъ и не замѣтилъ, какъ онѣ наступили. Но онъ не остался въ городѣ до утра, а рѣшился ѣхать ночью. — Солнце почти совсѣмъ уже скрылось за городомъ, и послѣдніе лучи его догорали на сіяющемъ крестѣ колокольни, да на свернувшемся, изсохшемъ и пожелтѣвшемъ листкѣ полуобнаженной березы, когда Николай выѣхалъ изъ своего постоялаго двора, дружески простившись съ Климомъ Гордеичемъ.

Весь этотъ день былъ свѣтелъ и ясенъ такъ, что ни одна капля дождя не нарушала удовольствія гуляющихъ; также хорошъ наставалъ и вечеръ, но небо какъ будто заволакивалось облачками, предвѣщая къ ночи снова дождь.

Николай мало обращалъ вниманія на все это. На сердцѣ у него хотя и было нѣсколько спокойнѣе, потому что товаръ весь былъ сбытъ съ рукъ,

но тѣмъ не менѣе ему надобно было отдать отчетъ дѣдушкѣ: почему онъ пробылъ въ городѣ цѣлымъ днемъ болѣе предположеннаго, и отчего онъ такъ мало успѣлъ продать меду въ розницу. Николая всего болѣе тревожило то обстоятельство, что онъ долженъ былъ обманывать дѣдушку, который страшно не любилъ лжи, и постоянно старался внушить и Николаю отвращеніе къ ней. Немудрено, что молодой малой задумался, какъ только сѣлъ въ телѣгу, чтобъ воротиться домой. Не мудрено, что онъ не замѣчалъ, какъ лошадка его, воспользовавшись невниманіемъ хозяина, едва передвигала ноги; не странно, что онъ безсознательно и безъ сочувствія смотрѣлъ на все, что проходило предъ его глазами.

Въ городѣ мало по мало воцарялась вечерняя тишина, шумъ ярмарочнаго движенія постепенно затихалъ. По улицамъ толпились толпы гуляющихъ, возвращаясь къ своимъ домамъ съ покупками подъ мышкой. Вотъ тяжелою стопой шествовалъ тучный купецъ въ темнозеленомъ длинномъ сертукѣ, совершенно перегнувшійся назадъ подъ тяжестью своего огромнаго чрева. Ему сопутствовали: дражайшая супруга, повязанная новой косынкой, въ салопѣ, сверхъ котораго красовался огромный тюлевый воротничекъ, обрамливавшій ея заплывшую жиромъ шею, и пышная, румяная, какъ сдобная булка, дочка въ шляпѣ съ безчисленнымъ множествомъ пестрыхъ искусственныхъ цвѣтковъ. Вотъ, граціозно перепрыгивая черезъ лужи и залихватски надѣвши на ухо шляпу, шелъ уѣздный франтъ въ сѣренькомъ твиновомъ пальтѣ, съ тросточкой въ рукахъ. Вотъ бравой служивый съ круто нафабренными усами напѣвалъ любовныя рѣчи какой-то разлапушкѣ въ красномъ платкѣ и ярко-пестромъ передникѣ: весело

посмѣивалась она отъ этихъ рѣчей, прикрываясь концомъ краснаго платка, и лукаво поталкивала въ грудь неотвязчиваго любезника. Вотъ промчался верхомъ на пристяжной лошади лихой наѣздникъ, и молніеносный взглядъ его былъ надѣленъ нѣжной улыбкой изъ окна одного каменнаго дома. И за всѣми этими сценами внимательно слѣдили мѣщанки, сидя у воротъ своихъ домиковъ и перекидываясь другъ съ другомъ короткими фразами, или ведя длинную бойкую бесѣду.

Николай все въ томъ же раздумьѣ выѣзжалъ уже за городъ, какъ вдругъ въ то время, когда онъ поровнялся съ питейнымъ домомъ, услышалъ, что кто-то зоветъ его. Онъ оглянулся и увидѣлъ . . . все того же неотвязчиваго, пьянаго Тита, на котораго такъ много досады кипѣло въ груди молодаго парня. Первымъ движеніемъ Николая при этой неожиданной встрѣчѣ было ударить кнутомъ свою лошадь, первымъ желаніемъ — уѣхать поскорѣе отъ своего соблазнителя. Но въ отвѣтъ на ударъ кнута лѣнивая лошадка Николая, тяжелая на подъемъ, только взмахнула хвостомъ и тряхнула головой, но не думала ускорять шагу, и Николай не успѣлъ еще одуматься, какъ Титъ съ веселымъ хохотомъ ввалился къ нему въ телѣгу. Разсерженный Николай хотѣлъ-было вытолкнуть Тита, но тотъ крѣпко держался своей позиціи, и на брань своего непріязненнаго возницы отвѣчалъ громкимъ смѣхомъ.

— Вотъ чортъ навязалъ! . . — сказалъ съ сердцемъ Николай, и, совершенно растерявшись, ограничился только тѣмъ, что сѣлъ на лежащаго въ телѣгѣ Тита, да сталъ сильно сѣчь кнутомъ свою лошадь.

Освободившись изъ-подъ тяжести сидящаго на немъ Николая, Титъ усѣлся покрѣпче и поплотнѣе

въ телѣгѣ, и началъ-было съ нимъ дружелюбный разговоръ, но тотъ упорно молчалъ или отвѣчалъ сердитой бранью.

Наконецъ и Титъ, видя непреклонность своего попутчика, счелъ за лучшее молчать. Такъ и ѣхали они молча нѣсколько верстъ по знакомой уже проселочной дорогѣ. Сначала однообразно тянулись съ обѣихъ сторонъ ея поля, обнесенныя безконечными изгородями и чернѣющими вдали среди нихъ деревеньками, потомъ они въѣхали въ густой сосновый лѣсъ. Между тѣмъ совершенно стемнѣло, и на облачномъ небѣ не было видно ни одной звѣздочки: наступила ночь темная, какъ говорится, хоть глазъ выколи. Лѣсомъ дорога пошла очень нехороша, такъ что Николай долженъ былъ ѣхать почти шагомъ. Вдругъ со стороны изъ лѣсу выѣхала телѣга съ двумя сѣдоками и скоро нагнала Николая. Въ темнотѣ нельзя было хорошенько разсмотрѣть ѣхавшихъ.

— По пути что ли? — спросилъ Титъ.

— Да вотъ погодите-ка, добрые люди! — отозвался одинъ изъ сидящихъ въ телѣгѣ.

Николай пріостановилъ лошадь. Спрашивавшій тотчасъ-же слѣзъ и подошелъ къ его телѣгѣ.

— Тутъ ли дорога въ сельцо Большовку?

— Здѣсь, здѣсь! а что?

— Да вотъ мы-было сбились съ дороги.

— А вы откуда? — спросилъ Николай.

— Да мы не здѣшніе, голубчикъ.

— Отколь же вы?

— Мы изъ Тамбовской губерніи. Барину съ вотчины оброкъ веземъ.

— Такъ. А вашъ баринъ-то, большовской что-ли?

— Нешто.

— Ну, такъ по дорогѣ съ нами.

— А васъ куда Богъ несетъ?

— А вотъ не далеко, всего-то верстъ десятокъ-другой, въ деревню Бекрениху.

— Такъ. Ну, вотъ и хорошо.

Во все это время разговаривавшій продолжалъ идти рядомъ съ телѣгой Николая.

— Пойти-было и мнѣ! сказалъ вдругъ и Титъ. — Ровно, ноженьки отсидѣлъ. — И онъ слѣзъ съ телѣги и пошелъ рядомъ съ попутчикомъ.

— Эй, Николаха, да ты смотри: не дай тяги; пожалуй, уѣдешь нарочно, чтобы мнѣ пѣшкомъ идти. Сойди-ка лучше и ты съ телѣги-то, попойди съ нами... Эй, слышь: слѣзь-ка, братъ! нечего!..

— Ну, вотъ еще: больно надо. И уѣду, такъ нешто возьмешь. Влѣзъ нахрапомъ на чужую телѣгу, да еще и хозяинъ-то иди для него, коли ему вздумалось... Ты ужъ насолилъ мнѣ, пьяница этакой...

— Послушай, ты не ругайся... Что ты ругаешься?..

— Не ругаюсь я, а правду говорю, что совѣсти въ тебѣ нѣтъ... Нѣтъ и есть!..

— Ну, а коли нѣтъ, такъ слѣзь-ка, братъ, лучше, а то улизнешь: мнѣ еще далеко идти-то. Слѣзай-ко, слѣзай...

— Пошелъ ты!.. Что и въ самъ-дѣлѣ? Убирайся... Иди, коли хочешь, а другихъ не замай!.. Уродъ этакой!..

— Такъ слѣзай же говорятъ, а не то я тебя силой стащу...

— Подступись, попробуй... Что за разбойникъ такой навязался... Безстыжая рожа... Тронь, попробуй!.. и добрые люди не дадутъ въ обиду... Надоѣлъ ты мнѣ, окаянный!..

— Такъ что, не стащу что ли! Стащу... — И Титъ дѣйствительно схватилъ Николая за руку, чтобы тащить съ телѣги. Николай разсердился и такъ сильно толкнулъ Тита, что тотъ пошатнулся, упалъ и сбилъ съ ногъ шедшаго съ нимъ рядомъ крестьянина. Послѣдній тотчасъ же вскочилъ и подбѣжалъ къ телѣгѣ Николая.

— Ты что толкаешься? — спросилъ онъ угрожающимъ голосомъ. — Что ты наскакиваешь на людей, коли тебя не трогаютъ?

— Да я, любезный, тебя и не трогалъ, а вотъ толкнулъ того плута; что онъ ко мнѣ привязывается?

— Да что ты, по ночамъ-то разбойничать что ли выѣзжаешь?.. Ты что за человѣкъ!

— А ты что за человѣкъ? Тебѣ что до меня за дѣло?

— Какъ что за дѣло, когда ты самъ затрогиваешь?.. Ты, братъ, видно, порядочный мошенникъ... Что ты не слѣзаешь, коли говорятъ?.. Слѣзь...

— Да не хочу! Что онъ мнѣ за указъ? моя лошадь-то, не его.

— Да коли онъ тебѣ говоритъ слѣзь, по дружбѣ проситъ, а ты драться... Пошелъ же долой, коли говорятъ, а то мы тебя стащимъ, да вздуемъ бока, чтобы ты не разбойничалъ по дорогамъ.

— Да нешто вы хотите разбойничать-то, а не я. Что ты пристаешь ко мнѣ и въ самомъ дѣлѣ?

Николай сильно хлестнулъ свою лошадь съ намѣреніемъ уѣхать поскорѣе отъ людей, которые казались ему очень подозрительны, но лошадь его была слишкомъ лѣнива и неповоротлива: разнѣженная медленнымъ шагомъ, которымъ шла до сихъ

поръ, она не хотѣла ускорить его и подъ внушеніями кнута.

— Что, братъ, улизнуть хочешь? Нѣтъ еще погоди: ты у меня попойдешь! сказалъ Титъ, быстро схвативши лошадь подъ-уздцы.

Молодая кровь Николая вскипѣла; онъ позабылъ благоразуміе, и, соскочивши съ телѣги, подбѣжалъ къ Титу и замахнулся на него кнутомъ, но онъ не успѣлъ еще и опустить его, какъ почувствовалъ себя въ здоровыхъ и сильныхъ рукахъ. Николай неистово рвался, силясь освободиться, но напрасно. Вдругъ онъ замѣтилъ, что чья-то рука пробиралась къ нему за пазуху и потомъ схватилась за кошелекъ, который висѣлъ на его шеѣ. Въ то же время онъ сильнымъ движеніемъ очутился лицомъ къ лицу съ однимъ изъ мошенниковъ, и, вглядѣвшись въ него, узналъ въ немъ одного изъ пріятелей Тита, съ которыми тотъ приходилъ въ трактиръ въ то время, какъ заставили Николая купить вина. Тотчасъ же въ головѣ блеснула мысль, что Титъ сговорился со своими пріятелями, чтобы въ дорогѣ ограбить его. Душой молодого парня овладѣла ярость. Употребивъ послѣднія усилія, онъ вырвался изъ рукъ злодѣевъ, тотчасъ же выхватилъ изъ своей телѣги топоръ и сталъ съ нимъ въ оборонительное положеніе.

— Такъ это ты, пріятель, подвелъ ко мнѣ этихъ разбойниковъ! — сказалъ онъ въ бѣшенствѣ. — Ну, такъ еще я живой въ руки не дамся.

— Узналъ! — невольно выговорилъ Титъ, и въ первыя мгновенія имъ овладѣлъ страхъ, но онъ быстро исчезъ, уступивъ мѣсто ожесточенію и отчаянію. Неожиданнымъ движеніемъ онъ выхватилъ топоръ изъ рукъ Николая и замахнулся имъ на него. Все мужество, вся рѣшительность защищаться

пропала въ Николаѣ, какъ только онъ почувствовалъ себя обезоруженнымъ. Близость смерти страшна для каждаго, и немногіе въ силахъ сохранить хладнокровіе тогда, какъ надъ головой виситъ орудіе смерти. Морозъ пробѣжалъ по жиламъ Николая, ноги его задрожали, онъ съ воплемъ сталъ просить о пощадѣ.

— Что я вамъ сдѣлалъ! говорилъ онъ. — Возьмите все, только пустите душу на покаяніе. Титъ Софронычъ, отецъ родной...

Но до сердца Тита не достигалъ этотъ вопль. Въ глазахъ его помутилось, въ головѣ не было никакой мысли, сердце сжалось, дыханіе захватило: онъ помнилъ только одно, что Николай догадался объ его умыслѣ, и что погубитъ его, если останется живъ. Съ остервенѣніемъ и бѣшенствомъ отнялъ онъ топоръ и съ силой опустилъ его на голову Николая. Но когда Николай упалъ съ дикимъ воплемъ и хриплымъ стономъ, когда онъ послѣ нѣсколькихъ конвульсій остался нѣмъ и неподвиженъ, когда Титъ почувствовалъ себя обрызганнымъ кровью — тогда съ нимъ произошелъ такой переворотъ, въ душѣ его совершилось такое потрясеніе, которое трудно передать словами, тѣмъ болѣе, что оно произошло чрезвычайно быстро. Все бѣшенство, все ожесточеніе Тита мгновенно исчезло: ужасъ и страхъ заступилъ ихъ мѣсто. Рука его еще не привыкла къ убійству, сердце не окаменѣло, и натура была не такова, чтобы онъ могъ рѣшиться на убійство: онъ могъ совершить его только въ пылу ожесточенія. Правда, Титъ охотно принялъ участіе въ предпріятіи ограбить Николая, но мысль объ убійствѣ никогда не приходила ему въ голову. И потому, какъ только инстинктъ сказалъ ему, что у

ногъ его лежалъ трупъ, его жертва, топоръ выпалъ изъ рукъ Тита, кровь замерла въ его жилахъ и волосы стали дыбомъ, когда онъ наклонился къ Николаю и прикоснулся къ его холодѣющимъ членамъ. Наконецъ имъ овладѣлъ такой паническій страхъ, что онъ вскочилъ и ударился бѣжать, куда глаза глядѣли. И страшно для него было бѣгство, и страшенъ былъ онъ въ этомъ бѣгствѣ. Ему казалось, что шагъ за шагомъ гонится за нимъ то окровавленный трупъ Николая, то погоня, преслѣдующая убійцу, и не смѣлъ онъ оглянуться назадъ, и кровь стыла въ его жилахъ, и холодный потъ выступалъ по всему тѣлу, и дикимъ огнемъ сверкали во тьмѣ его полу-помѣшанные глаза. Не таковы были пріятели Тита, не таковы были ихъ чувства и поступки. Ихъ тоже поразила сначала неожиданная ужасная развязка ихъ замысла, имѣвшаго цѣлью лишь только то, чтобы ограбить Николая, не причинивши ему никакого другого вреда; но они скоро оправились послѣ перваго движенія, и удивлялись тому, что сдѣлалось съ Титомъ.

— Вотъ что надѣлалъ, окаянный! — говорили они. — Да еще вмѣсто того, чтобы схоронить концы, онъ ударился бѣжать. Нешто мы станемъ убирать послѣ него... Умеръ, вѣдь, какъ есть... Какъ быть-то?.. говорилъ смуглый.

— Что тутъ долго возиться-то? Того и смотри, что кто-нибудь еще наѣдетъ: убираться поскорѣй, пока цѣлы.

— А какъ-же деньги-то: неужто кидать?

— Возьми..

— Бери ты.

И эти плуты не были еще убійцами, и имъ страшно было ограбить мертвеца. Впрочемъ жажда

корысти взяла верхъ надъ страхомъ, и они оба наклонились надъ трупомъ, и стали дрожащими руками срывать кошелекъ съ деньгами, висѣвшій на шеѣ его. Кончивши эту операцію, они поспѣшно сѣли въ свою телѣгу, и, не смотря на грязь и неровность дороги, поскакали въ обратный путь, во всю прыть ихъ лошаденки. Добравшись до перваго проселка, которымъ они могли пробраться на другую дорогу, чтобы скрыть слѣдъ, или не встрѣтиться съ кѣмъ-нибудь, они тотчасъ поворотили въ проселокъ.

Глава VI.

Одинъ-одинешенекъ лежалъ Николай въ грязной лужѣ подъ открытымъ небомъ, среди густаго сосноваго лѣса, свидѣтеля страшной сцены. Только одна лошадь его стояла возлѣ трупа, уныло опустивъ голову, и изрѣдка отряхивая съ себя капли мелкаго, но частаго осенняго дождя.

Уныло и жалобно завывалъ вѣтеръ въ густомъ лѣсу, грозно махали своими вѣтвями вѣковыя сосны, какъ бы негодуя на возмутителей ихъ спокойствія. Глухой гулъ шелъ по лѣсу, какъ будто оплакивалъ лѣсъ смерть несчастнаго и пѣлъ ему надгробную пѣснь. А Николай по прежнему лежалъ одинъ-одинешенекъ, и единственнаго товарища, лошадки его, уже не было возлѣ него. Соскучилась-ли она стоять на одномъ и томъ-же мѣстѣ, подъ дождемъ, стосковалась-ли о тепломъ стойлѣ и сытномъ сѣнѣ, или надумала какую думу, — только кивнула головой, какъ-бы прощаясь съ хозяиномъ, понатужилась и побѣжала прямо къ дому Онуфрія Кузьмича . . .

Николай все лежалъ на томъ-же самомъ мѣстѣ, безмолвно и неподвижно. Дождикъ шелъ, шелъ и пересталъ наконецъ. Вѣтеръ вылъ и умолкнулъ; вмѣстѣ съ нимъ замолчалъ и лѣсъ, угрюмо насупясь. Небо какъ будто стало проясняться; начало свѣтать... По дорогѣ, на которой лежалъ Николай, показался мужичекъ въ телѣгѣ. Поровнявшись съ Николаемъ, онъ остановился.

— Экъ его! Не нашелъ другаго-то мѣста: прямо въ грязь ввалился! — сказалъ онъ, принявши Николая за пьянаго, и, по человѣческой добротѣ, слѣзъ съ телѣги, чтобы поднять его и разбудить... Но опустились руки у мужика, и мурашки по тѣлу забѣгали, когда онъ разсмотрѣлъ, въ чемъ дѣло.

— Господи помилуй! — проговорилъ онъ шопотомъ, поскорѣе опять влѣзъ въ телѣгу, нахлесталъ свою лошаденку и поскакалъ впередъ безъ оглядки. А бѣдный Николай опять остался одинъ и на томъ-же мѣстѣ.

Небо почто совсѣмъ прояснилось. Облачка убѣжали неизвѣстно куда, туманъ поднялся съ земли и пропалъ. Загорѣлась заря; солнышко стало всплывать медленно. Мимо Николая проѣзжалъ другой мужичекъ, изъ сосѣдней съ нимъ деревни, знакомый ему, и также остановился, поровнявшись съ нимъ, какъ и первый, но скорѣе перваго разсмотрѣлъ, при свѣтѣ солнца, и топоръ, и кровь, и разрубленную голову Николая. Господи, чтой-то, не навожденіе-ли какое? подумалъ мужичекъ. Кажись, Николаха изъ Бекренихи? Онъ и есть. Ахъ ты, родной мой, какой это тебя злодѣй ухлопалъ! Покарай его, Господи! А можетъ еще живъ, можетъ оживетъ. Да ужъ пусть отвѣтъ дамъ, а души человѣческой не оставлю безъ помоги!

И мужичекъ перекрестился, поднялъ-было Николая, что-бы положить въ телѣгу и свести въ деревню, но, увидя, что онъ былъ неподвиженъ, холоденъ какъ ледъ, съ лицомъ страшнымъ, извращеннымъ отъ страданія и смерти, что сердце его не билось и тѣло окоченѣло, мужичекъ оставилъ его на мѣстѣ и поскакалъ въ Бекрениху объявить о несчастьѣ.

И опять пришлось Николаю ожидать слезъ родительскихъ и погребенія...

Между тѣмъ Титъ бѣжалъ все впередъ, и впередъ, гонимый однимъ и тѣмъ же чувствомъ страха, однимъ и тѣмъ же призракомъ своей жертвы. Каждый кустъ впереди, каждая темная точка пугала его, и онъ останавливался на минуту. Но сзади былъ тотъ же страхъ неумолимый, не смягчающійся. И онъ все бѣжалъ, задыхаясь, выбиваясь изъ силъ. Потъ струился съ него ручьями, онъ спотыкался, падалъ, но снова вскакивалъ и бѣжалъ. Чрезвычайное утомленіе, усталость подъ-конецъ нѣсколько притупили въ немъ чувство страха, за то сердце его стало страдать еще съ большею силою отъ угрызеній совѣсти. Въ страшномъ отчаяніи, тоскѣ, измученный и усталый, прибѣжалъ наконецъ Титъ къ своему дому. Вся деревня спала глубокимъ сномъ; повсюду царствовала глубокая тишина, прерываемая лишь шумомъ падающаго дождя; даже собаки молчали. Когда Титъ остановился у своего дома, когда замолкъ шумъ отъ шаговъ его, и страшная полутишина ночи своими неопредѣленными звуками коснулась чуткаго уха убійцы, снова прежній страхъ пробудился въ немъ, снова ужасъ овладѣлъ его душею, и страшный призракъ предсталъ его гла-

замъ. Титъ такъ сильно постучалъ въ окно своей избенка, что чуть не вышибъ крошечной рамы его.

Анна въ оба дня отсутствія мужа была въ самомъ раздраженномъ состояніи духа: безпрестанно бранилась, ссорилась, ко всему придиралась. Въ первый еще разъ случилось, что безхарактерный Титъ вышелъ совершенно изъ повиновенія жены, и это страшно мучило послѣднюю. На него она была особенно зла, и безпрестанно посылала ему, вмѣсто воспоминанія, брань, проклятія и угрозы. Впрочемъ такое состояніе духа не препятствовало Аннѣ препокойно спать ночи: она нисколько не безпокоилась за мужа, но только злилась на него, а такъ какъ его не было у нея передъ глазами, то и вымещала свою злобу на другихъ. Въ ту самую ночь, когда Титъ сдѣлался убійцею, Анна спала особенно крѣпко, и ее немало напугалъ сильный и неожиданный ударъ въ окно, которымъ Титъ возвѣстилъ о своемъ возвращеніи.

— Что это? — спросила она себя, прислушиваясь. Пригрезилось что ли? — Но ударъ снова повторился и съ такой же силой.

— Да кто тута? — спросила Анна, немного испугавшись...

— Отопри! послышался чей-то дрожащій и хриплый голосъ. Анна не узнала его.

— Да кто тутъ? Что нужно въ эку пору? — спросила она опять.

— Отопри поскорѣе! Ради Христа, поскорѣе отопри! Это я — Титъ.

Анна удивилась возвращенію мужа въ такую пору. Анна испугалась его голоса, дрожащаго, хриплаго, умоляющаго, но и удивленіе, и страхъ, и любопытство тотчасъ-же были подавлены въ ней

чувствомъ досады и негодованія на мужа и желаніемъ наказать его за ослушаніе. Анна подошла къ окну, въ которое стучался Титъ, и открыла его.

— Зачѣмъ пришелъ голубчикъ! Ты и не приходилъ бы, коли тебѣ жена не нужна, а мнѣ, право, все равнехонько, что есть-то ты, что нѣтъ...

— Отопри, Христа ради, пусти поскорѣе! — просилъ Титъ самимъ отчаяннымъ голосомъ.

— Погодишь еще, погуляешь на дождикѣ-то, погуляй, ничего! Ты любишь по дождю-то гулять, такъ на што тебѣ въ избу...

— Матушка, голубушка, Анна, пусти скорѣе...

— А-а! матушка... голубушка... подождешь! Пусть тебя собаки-то потеребятъ... Да еще и совсѣмъ заѣли-бы, окаяннаго!.. Развязалась-бы съ тобой моя головушка, губитель этакой!.. Погодишь еще тутъ у меня...

И съ этими словами Анна закрыла окошечко.

— Пусти-же! — раздался съ улицы отчаянный голосъ. — И вслѣдъ за этимъ маленькое окошечко разлетѣлось въ дребезги подъ сильнымъ ударомъ кулака. Въ деревнѣ залаяли собаки.

— Всѣ окна перебью! — кричалъ Титъ съ улицы, и голосъ его былъ страшенъ. Отопри скорѣе!

— Каковъ разбойникъ! — подумала Анна. Видно нализался, окаянный? Теперь и связаться-то съ нимъ страшно, да и въ избу-то пустить опасно. Ну, а какъ если не стану пускать, а ему, хоть и пьянъ, да сдогадается, что у насъ у воротъ-то куда какъ какой нешутной запоришко-то. Понатужится, такъ сейчасъ и сломитъ. Тогда еще хуже. Нѣтъ, ужъ лучше пустить.

Анна высѣкла огня, потомъ зажгла лучину и отперла крылечко.

— Поди, окаянный, поди! погубилъ ты меня ни за что, ни про что! Не знала я прежде, не вѣдала...

Анна хотѣла и въ избѣ еще читать свою обычную рацею уроковъ, но, взглянувши на мужа, невольно остановилась. Онъ, какъ говорится, не былъ похожъ самъ на себя. Блѣдный, какъ смерть, съ растрепанными волосами, съ выраженіемъ страданія и страха на лицѣ, онъ дико поводилъ выкатившимися изъ орбитъ глазами. Онъ не казался пьянымъ, но скорѣе походилъ на помѣшаннаго. Потъ катился съ его лица, и все тѣло дрожало, какъ въ лихорадкѣ. Анна испугалась, вглядѣвшись въ мужа, но не позволила себѣ выразить простаго участія.

— Гдѣ шатался, разбойникъ? Изъ острога что-ли вырвался?

— Разбойникъ?.. Изъ острога!.. повторилъ Титъ, дрожа еще болѣе.

— Батюшки мои, да чтой-то это: ровно кровь у него на шубенкѣ-то!..

— Кровь?.. Гдѣ? Нѣтъ, нѣтъ, крови не видно!.. Какая кровь... — И Титъ съ ужасомъ разсматривалъ себя и боязливо прикрывалъ руками кровавыя пятна на своемъ полушубкѣ... Нѣтъ, ты не вѣрь: это не кровь — это грязь.

— Какая грязь? развѣ я не вижу? Что ты прячешься-то, что не показываешь?.. Господи, матушки, не сдушегубствовалъ-ли ты ужъ гдѣ-нибудь... Погубитъ онъ меня...

— Кто тебѣ сказалъ, кто?.. Нѣтъ, неправда... Матушка, голубушка, Анна, не сказывай, никому не сказывай!.. Пить не стану, работать стану... — И Титъ бросился въ ноги Аннѣ и валялся на полу въ самомъ презрѣнномъ положеніи.

— Господи, да что надѣлалось?.. Злодѣй ты

мой, скажи скорѣе... Вѣдь, я ничего не знаю... скажи скорѣе...

— Не знаешь?.. Точно не знаешь? спрашивалъ Титъ, снова подымаясь на ноги и нѣсколько успокоиваясь... Не бойся, ничего не было... Я это такъ... Никому не вѣрь, Анна; Христа ради, не вѣрь... И не сказывай никому... Да ничего и не было...

— Врешь, злодѣй, врешь... Какъ ничего не было... а кровь-то отчего-же на полушубкѣ?..

Анна говорила это плаксивымъ голосомъ: душой ея также овладѣлъ страхъ, и слезы немедленно явились на глаза.

— Кровь? Это не кровь, совсѣмъ не кровь, это не человѣчья кровь... Я барана кололъ и запачкался.

— Врешь, врешь, душегубъ! Скажи что-ли скорѣй, а то побѣгу — объявлю.

— Нѣтъ, нѣтъ, не ходи... Я все разскажу, только ты не выдавай меня — не ходи, не сказывай

— Ну, говори-же скорѣй... Ахъ, Господи, вотъ дожила...

— Я, вѣдь, не хотѣлъ и не думалъ... Видитъ Богъ, не хотѣлъ... Нечистый попуталъ... Стали мы съ нимъ браниться... Онъ замахнулся топоромъ... Что со мной сдѣлалось, не понимаю... Я выхватилъ топоръ, да его... Онъ упалъ... Охъ, Господи, прости ты меня... Аннушка, матушка, помолись ты, чтобъ никто-то не узналъ, да ничего мнѣ не было... Я, вѣдь, не хотѣлъ, ей-Богу не хотѣлъ... Азартъ такой нашелъ... Нечистая сила подтолкнула... Не замахнись онъ, ничего-бы не было... Въ глазахъ-то у меня помутилося... на сердце такая злость напала... такъ и сдѣлалось,

что ужъ и самъ не вспомнился, какъ Господь послалъ наказаніе... Ой, ой, Господи, тошно мнѣ, тошно, крѣпко тошно...

— Да кого-же ты это злодѣй... топоромъ-то кого?..

— Кого?.. Кого?.. Титъ силился выговорить имя — и не могъ. При имени жертвы онъ сильнѣе чувствовалъ свое преступленіе... Кого? Господи, за что я его обидѣлъ, что онъ мнѣ сдѣлалъ!..

— Да кого? злодѣй, скажи!

— Николаху...

— Какого Николаху?

— Ой, страшно, Анна... тошно... изъ Бекренихи...

— Батюшки, Господи, отцы родные, что надѣлалось-то... Ахъ, злодѣй, злодѣй!.. Что ты это со мной сдѣлалъ?.. Куда мы теперь пойдемъ... Господи!.. — И Анна заливалась слезами, всплескивала руками, закрывала ими лицо и каталась по лавкѣ, какъ полоумная. Привыванъямъ ея, казалось, не будетъ конца... Но минутъ черезъ десять она выскребала ножемъ и отмывала водой съ золою пятна крови на полушубкѣ мужа, и въ то же время горько плакала... За Николая или за себя?..

А Титъ лежалъ на печкѣ, дрожалъ, ворочался, крестился и не могъ заснуть, не смотря на все утомленіе и усталость...

Глава VII.

Николая ждали домой на другой день утромъ послѣ его отъѣзда. Но прошло и утро, и полдень. Наступилъ вечеръ, ночь, а Николая все еще не было.

Онуфрій Кузмичъ удивлялся этой медленности, а Ѳекла тосковала и даже плакала: какое-то странное тяжелое чувство, можетъ быть, предчувствіе несчастія, не оставляло ея съ той самой минуты, какъ Николай уѣхалъ въ городъ.

— Что съ нимъ сдѣлалось? Ужъ не попритчилось-ли ему чего, избави Господи! говорила Ѳекла. — Вотъ, батюшка, чуяло мое сердце, материнское сердце никогда не обманываетъ. Ужъ смотри: что-нибудь съ нимъ да случится.

— Полно, полно, Ѳекла. Всѣ вы, бабы, таковы! Ну, чему случиться?.. Просто, товаръ нейдетъ съ рукъ, или загулялся на ярмаркѣ, молодой парень... Вотъ и вся бѣда.

— Хорошо, коли такъ-то, а какъ что хуже, не на семъ мѣстѣ будь сказано... Охъ, ужъ не знаю, что тамъ, а у меня больно ништо сердце болитъ. Такая тягота, что и Господи!..

Ѳекла дожидалась сына даже и тогда, какъ всѣ въ избѣ улеглись спать. Но пѣтухи уже нѣсколько разъ принимались пѣть, а Николай не пріѣзжалъ. Наконецъ и Ѳекла погасила огонь и легла на печку, но сонъ ея былъ чутокъ и безпокоенъ. А потому она тотчасъ услышала, когда къ воротамъ избы подъѣхала телѣга.

— Ну, вотъ, слава-те Господи, пріѣхалъ! почти вскричала Ѳекла съ радостью. Эй, Иванъ, поди-ко поскорѣй, отопри ворота-то! говорила она своему работнику, а сама подбѣжала къ окну, и, отворивши его, кричала, предполагая, что сынъ у воротъ и услышитъ ее: „сей-часъ, сей-часъ, Миколаюшко, отопрутъ. Эхъ, родной, загулялся, перепугалъ всѣхъ!“

Но вотъ отворились ворота, въѣхала въ нихъ лошадь съ телѣгой, а Николай не шелъ въ избу.

— Что онъ тамъ, радельщикъ, дѣлаетъ? Чай измокъ весь? Лошадь-то и Иванъ одинъ распряжетъ. И Ѳекла пошла-было изъ избы на дворъ, чтобы позвать сына, но въ дверяхъ ее встрѣтилъ Иванъ съ лицемъ чрезвычайно озабоченнымъ и удивленнымъ.

— Гдѣ-же Миколаха-то? спросила Ѳекла.

— Да его нѣтъ.

— Какъ нѣтъ? Кто-же пріѣхалъ-то?

— Да одна лошадь пріѣхала, а его нѣтъ. Я и за ворота выбѣгалъ, думалъ: не тамъ-ли гдѣ остановился — нигдѣ нѣтъ.

— Что-же это такое? сказалъ наконецъ и Онуфрій Кузмичъ, слѣзая съ полатей.

А Ѳекла между тѣмъ совершенно растерялась. Она, какъ сумасшедшая, бросилась вонъ изъ избы, ощупала всю телѣгу, думая, не уснулъ ли въ ней сынъ, или лучше — ничего не думая, выбѣжала за ворота, кричала, плакала, звала сына, но отвѣта не было. Она бросилась по той дорогѣ, которою долженъ былъ ѣхать Николай, и опять звала его, и опять плакала — и снова безполезно. Съ воемъ, стонами и воплями возвращалась Ѳекла домой. Между тѣмъ шумъ, поднявшійся на дворѣ Онуфрія Кузмича, разбудилъ сначала сосѣднія избы, а потомъ и всю деревню. Быстро сбѣжался народъ къ Онуфріевой избѣ. Сначала показались бабы, потомъ мужики среднихъ лѣтъ, потомъ парни, а наконецъ и старики. Начался шумъ, крикъ, маханье руками, брань, качанье головой, совѣты, предположенія. А между тѣмъ многіе не знали даже въ чемъ дѣло.

— Что надѣлалось? спрашивалъ мужикъ, подбѣгая къ толпѣ и натягивая рукавъ шубы, которую въ попыхахъ онъ не успѣлъ порядкомъ надѣть. Эй, Серега, что надѣлалось?

— Что? Миколаха-чу утопился.

— Ой, нашто?

— Вотъ, нашто! такъ пришлось, видно.

— Какое утопился, вотъ врешь: въ лѣсу удавился, а лошадь-то и пустилъ одну.

— Такъ скорѣй въ судъ.

— Какое удавился: бѣжалъ.

— Бѣжалъ? Да что ему бѣжать-то?

— Какъ что? Съ медомъ ѣздилъ; деньги-то получилъ, да и бѣжалъ.

— А лошадь-то какъ-же?

— Лошадь-то ушла...

— Эка, братецъ, а то-ли не житье было; вотъ-бы пороть-то...

— Ты говори!..

— Мать-то реветъ?..

— И, какъ!..

— Ругается!..

— Бурмистръ-отъ тутъ?

— Тутъ!..

— Кричитъ?..

— Кричитъ!..

— А это куда поскакалъ Ванюха-то?..

— Знать, за попомъ!

— Да на что попа-то?

— А какъ-же безъ попа-то?.. Этакое дѣло...

— Нѣтъ, не за попомъ: за Николаемъ...

— Догонять, что-ли?

— Нешто.

— Развѣ видѣли?..

— Видѣли-чу...

— Гдѣ?

— Вѣстимо гдѣ?.. на осинѣ!..

— Да кто видѣлъ-то?..

— Маткѣ, слышь, сонъ приснился...

— Вотъ дѣло-то!..

— Не говори!..

— Парень-то былъ хорошой!..

— Славной былъ...

— Вѣдь, чай, какъ поймаютъ Миколаху-то, коли бѣжалъ-то, плохо будетъ ему — выпорютъ?..

— Неужто такъ пройдетъ!..

— Гдѣ, чай, поймать?..

— Не поймать!..

— Да, куда ему бѣжать-то?

— Куда?.. Чай, куда-нибудь, да убѣжалъ...

— Вѣдь, и старой-то изъ ума выжилъ: ну, дѣло-ли молодому парню эки деньги давать?

— Эка малость: женить хотѣли... двадцатой годокъ. Объ экую пору и не при такихъ деньгахъ бываютъ.

— Вѣстимо, и то сказать!..

Ивана послали осмотрѣть дорогу, по которой долженъ былъ ѣхать Николай. Скоро онъ встрѣтилъ мужичка, который везъ печальную вѣсть въ деревню. Отъ него узналъ Иванъ въ чемъ было дѣло, ахнулъ и поскакалъ назадъ.

— Вона, вона, ѣдетъ назадъ! Видно нашелъ, поймали видно! говорили мужички, завидя вдали скачущаго Ивана.

— Что, что онъ разсказываетъ-то?

— Видѣлъ, говоритъ!..

— Гдѣ?

— Вонъ указываетъ рукой на лѣсъ: знать, тамъ.

— Да что-же онъ, дуракъ, около деревни-то шляется...

— Какое шляется — виситъ.

— Какъ виситъ?

— Такъ! повѣсился, такъ и виситъ.

— Что вы тутъ мелете! Врутъ съ плеча, а сами не знаютъ что: одинъ баетъ — бѣгаетъ, другой — виситъ, а я своими ушами слышалъ, какъ Ванюха разсказываетъ: лежитъ, говоритъ, на дорогѣ.

— Что-жъ, знать, сорвался что-ли съ веревки-то?

— Какое сорвался?.. Какъ есть пришибъ кто-то.

— Вотъ оно что!.. То-то Ѳекла-то больно вопила... Эко горе! Кто же это, какой злодѣй?..

— Ужъ то судъ наѣдетъ — дѣло поведетъ.

— Ужъ, вѣстимо, кровь-то человѣческая... всегда откроется. Что мать-то, мать-то?

— Э, ужъ ее унесли: себя не помнитъ: волосы деретъ, по сердцу себя колотитъ, проситъ смерти — страсть смотрѣть... Такъ полумертвую и отнесли въ избу.

— Эка жалость какая, а?.. Нече сказать: жалко: давно-ли одно горе прошло, а тутъ вона какая напасть. Подлинно Божье наказанье! Ну-ка, а что старикъ-отъ?

— Что старикъ? Старикъ сначала тоже ровно обезумѣлъ: слова путнаго не могли добиться, а послѣ затрясся, затрясся, заплакалъ, да и опять затихъ, на небо взглянулъ, перекрестился, да и говоритъ: „Буди, говоритъ, Его святая воля! Видно такъ на роду моемъ написано!“ Такъ индо мы всплакались... Теперя поѣхали за Миколахой-то, да къ становому послали...

— Эхе-хе-хе! Такъ вотъ оно настоящее-то, а то врали и Богъ вѣсть что: кто говоритъ — утопился, кто говоритъ — удавился, а кто — убѣжалъ.

— Ну, ужъ теперь не убѣжитъ!..

— Полно тебѣ, пустая голова. Тебѣ только и дѣла, что лясы точить.

Толпа крестьянъ еще поговорила, еще погоревала и потомъ мало по малу разошлась. Но горько плакала и рыдала, и билась бѣдная Ѳекла, и угрюмо утѣшалъ ее Онуфрій Кузьмичъ, хотя самъ онъ какъ-будто вдругъ постарѣлъ десятью годами послѣ неожиданнаго и тяжкаго для него несчастія. И въ самомъ дѣлѣ, это несчастіе, казалось, было не по силамъ старика. Всѣ надежды, всѣ привязанности, все, что оставалось для него въ жизни, разрушилось, умерло вмѣстѣ со смертью милаго внука. И, можетъ быть, только особенность характера Онуфрія и его твердая вѣра спасла его отъ отчаянія.

Грустно, тяжело было видѣть, какъ рыдала бѣдная мать надъ трупомъ единственнаго сына, какъ уныло и неподвижно и безмолвно стоялъ надъ нимъ тоскующій, убитый горемъ, дѣдъ. И мы не будемъ говорить объ этомъ болѣе, мы закроемъ эту сцену завѣсой отъ глазъ читателей... И безъ того много грустнаго въ жизни; и безъ того иной разъ „скучно на этомъ свѣтѣ, господа!..“

Судъ началъ производить слѣдствіе объ убійствѣ. Сначала спросили Онуфрія Кузмича. Онъ показалъ, что ему семьдесятъ лѣтъ, что вѣроисповѣданія онъ православнаго, у Св. Причастія бывалъ каждогодно, что внука своего, Николая, онъ отпустилъ въ городъ, на ярмарку, съ медомъ, котораго было рублей на 40 серебромъ, что потомъ черезъ два дня ночью возвратилась его лошадь одна, а что съ нимъ было въ городѣ и кто его убилъ — онъ не знаетъ и подозрѣнія ни на кого не имѣетъ.

Навели справки въ городѣ: оказалось, что Николай останавливался у Клима Гордѣева. Климъ Гордѣевъ также показалъ, сколько ему лѣтъ, какого онъ вѣроисповѣданія, и проч. Потомъ объявилъ, какъ

былъ у него Николай, какъ онъ его замѣтилъ въ нетрезвомъ состояніи, какъ неудачно онъ торговалъ въ первый день, какъ разсказывалъ ему и жаловался на Тита, какъ потомъ приходилъ къ нему Титъ. пьяный, и, входя въ избу, пѣлъ пѣсню, а какую именно — не помнитъ, какъ потомъ уѣхалъ Николай и въ какое время.

Спросили въ трактирѣ, и узнали, какъ пилъ Николай съ Титомъ и еще съ извѣстными двумя его пріятелями.

Потребовали къ допросу послѣднихъ. Они показали, что хотя они дѣйствительно пили съ Титомъ и Николаемъ въ трактирѣ, но болѣе они ничего не знаютъ, и къ настоящему дѣлу никакого прикосновенія не имѣютъ, и, чувствуя себя людьми честными, трезвыми и справедливыми, оскорбляются даже, что ихъ заподозрили и призвали въ судъ. О Титѣ Софроновѣ они знаютъ только то, что онъ, вышедши изъ трактира, гдѣ они пили, пошелъ на ярмарку, а они по своимъ домамъ, и гдѣ послѣ этого былъ Титъ и что дѣлалъ — имъ неизвѣстно.

Дошла очередь до Тита. Во все время послѣ убійства онъ не выходилъ изъ дому, постоянно тосковалъ, мучился, всего боялся, терпѣливо переносилъ упреки жены, и похудѣлъ, казалось, еще болѣе. Анна тоже присмирѣла, сколько это было возможно; впрочемъ не упускала случая со слезами бранить и упрекать мужа, и также трусила не меньше его.

Когда пришелъ за Титомъ сотскій и потребовалъ къ слѣдствію, онъ задрожалъ, какъ въ лихорадкѣ, не хотѣлъ идти за нимъ, просилъ, чтобы тотъ его не трогалъ, кланялся, валялся у него въ ногахъ. На допросѣ сначала во всемъ запирался, отказывался отъ знакомства съ своими пріятелями, говорилъ даже, что

онъ совсѣмъ не былъ на ярмаркѣ, и вовсе не знаетъ Николая, но перепутался въ своихъ показаніяхъ и, наконецъ... во всемъ признался. Его и соучастниковъ посадили въ острогъ. Слухъ объ открытіи убійцы скоро дошелъ и до Бекренихи. Сострадательныя души поспѣшили тотчасъ-же порадовать Ѳеклу этой новостью.

— Покарай ихъ Богъ, злодѣевъ. Что я имъ сдѣлала, что они погубили мое милое дѣтище, отняли послѣднюю радость?

Ѳекла побѣжала, въ свою очередь, подѣлиться этой печальной радостью съ Онуфріемъ Кузмичемъ.

— Чему-же ты радуешься-то? сказалъ ей старикъ. — И Богъ, и Царь накажутъ злодѣевъ, а намъ нечему радоваться, намъ нужно молиться за нихъ. А вотъ ты что сдѣлай: напеки-ко къ завтрему пироговъ, да смотри побольше.

Ѳекла исполнила приказаніе свекра, предполагая, что онъ хочетъ одѣлять нищихъ: и на другой день утромъ весь столъ въ избѣ былъ заваленъ пирогами.

— Ну, вотъ хорошо! сказалъ Онуфрій. Теперь слушай, Ѳекла: вотъ возьми пирога четыре и снеси ихъ къ женѣ Тита — Аннѣ, да скажи ей, чтобы она не печалилась, что все, молъ, власть Божья, и мы на тебя зла не имѣемъ, да позови ее: не хочетъ-ли она жить у насъ, коли судъ разлучитъ ее съ мужемъ? Не хочетъ она у меня даромъ хлѣбъ ѣсть, можетъ, совѣсть зазритъ, — пусть идетъ въ работницы, а я ей за это двойную цѣну положу. Дѣтей у нея нѣтъ, такъ коли господа позволятъ, для чего ей не жить у насъ. Ну, слышала?.. А вотъ эти пироги я свезу Титу въ острогъ. Ну, собирайся-же...

Ѳекла слушала отца — и не вѣрила ушамъ своимъ.

— Что̀ ты, батюшка? сказала она. Да надъ нами добрые люди будутъ смѣяться. Намъ этакое горе сдѣлали, и мы своихъ вороговъ хлѣбомъ да солью будемъ встрѣчать...

— Ты глупая баба, Ѳекла. Горе тебя съ пути сбило. Посмѣются, можетъ, надъ нами, только недобрые люди, а дураки, да въ комъ Бога нѣтъ... Помнишь-ли, что въ Писаніи сказано: „если алчетъ врагъ твой, ухлѣби его“. Ну, да что говорить много: не твои годы, слава Богу, живу на свѣтѣ. Во всемъ Его святая воля... Кому нѣтъ счастья здѣсь, тому тамъ будетъ хорошо... Ну-ка, собирайся скорѣе, да не разговаривай много пустого-то... По дорогѣ, вѣдь, намъ: мнѣ въ городъ, а тебя подвезу до поворота въ Дудкино: тутъ не далеко — пѣшкомъ дойдешь.

Ѳекла повиновалась, но никакъ не могла принять къ сердцу и сочувствовать намѣренію Онуфрія Кузьмича. Она готова была нѣсколько разъ воротиться съ дороги, но привычка повиноваться свекру не позволяла ей рѣшиться на это. Еще разъ остановилась она у самой избы Тита, и, только скрѣпивши сердце, рѣшилась войти въ нее.

Въ самомъ дѣлѣ весьма странна и оригинальна была эта встрѣча и это свиданіе.

Ѳекла могла бы понять, еслибъ подумала, что Анна нисколько не виновата въ ея несчастіи, но могла ли она разсуждать въ то время, когда душа ея такъ тяжко страдала? Она была мать, потерявшая своего единственнаго сына, свое послѣднее утѣшеніе, и она могла чувствовать только свое горе, страданія, свое несчастіе, и ненавидѣла не только прямыхъ его виновниковъ, но и всѣхъ другихъ, которые имѣли къ

нимъ какое-либо отношеніе, а слѣдовательно, она не могла любить и Анну. Съ своей стороны и Анна вполнѣ могла понять несчастіе бѣдной матери и сочувствовать ей, еслибъ у нея не было своего горя. Хотя она мало любила Тита, но все-таки привыкла къ нему, прожила съ нимъ безъ-мала двадцать лѣтъ, все-таки онъ былъ ей мужъ... А теперь, можетъ быть, она должна будетъ разстаться съ нимъ, и Богъ вѣсть что ожидаетъ ее впереди. И наконецъ ко всему этому, какимъ вѣчнымъ позоромъ покрывалось ея имя, ея существованіе? Конечно, Анна вполнѣ понимала, что ни Николай, ни семейство его не было нисколько причиною ея несчастія, и что скорѣе оно могло ненавидѣть ее, нежели она его, но Анна помнила только то, что она теряетъ мужа за Николая, и, по слабости человѣческой и по дурнымъ наклонностямъ своего характера, не могла равнодушно и безъ злобы вспоминать о немъ и его семействѣ. Итакъ можно ли было ожидать дружелюбной встрѣчи между Ѳеклой и Анной? Они питали другъ къ другу вражду слѣпую, инстинктивную, постыдную, и сверхъ того онѣ были женщины, онѣ обѣ страдали...

Анна горько плакала въ то время, когда въ избу вошла Ѳекла. Появленіе послѣдней чрезвычайно удивило и встревожило первую: Анна тотчасъ вообразила, что Ѳекла пришла упрекать ее за мужа.

— Что ты, Родіоновна, пришла, сказала Анна: неужто ты думаешь, мало у меня горя-то и безъ твоихъ попрековъ? Богъ знаетъ еще, какъ у нихъ дѣло-то вышло, а мой же мучится-то!

— Да вотъ ты о своемъ разбойникѣ жалѣешь, а мнѣ-то какъ не горевать? Охъ, не знаешь ты материнскаго-то сердца, не вѣдаешь моего горя. А

черезъ кого все это? — черезъ твоего же окаяннаго...

— Что ты, я говорю, пришла меня еще мучить? Бога въ тебѣ нѣтъ. Можетъ быть, самъ же твой началъ, а вотъ теперь за него не знай свѣтлаго дни... Право, горькохонько мнѣ, а она еще пришла напѣвать... Змѣя ты, кровь что ли мою хочешь высосать? За тѣмъ что ли пришла?...

— Нѣтъ, безбожница, не за тѣмъ пришла, да и не пришла бы я къ тебѣ, и не посмотрѣла бы на тебя, какъ бы не послали. Есть люди, знать, побольше тебя Бога помнять. Вотъ свекоръ прислалъ тебѣ пироговъ... да не подумай, что я отъ себя принесла... велѣлъ сказать, что онъ зла на тебя не имѣетъ, и велѣлъ тебя жить къ себѣ звать... Да не подумай, чтобы я это отъ себя... нѣту, мать родная, нѣту, не думай. Много горя я отъ васъ извѣдала... Свекоръ велѣлъ это сказать... ему, видно, не дорогъ внукъ-то, а мнѣ онъ сынъ былъ... Охъ, Господи мой батюшка, голубчикъ мой, не порадовалась-то я на него!

— Опять ты смѣяться стала надо мной?

— Нѣтъ, не смѣяться, а что велѣно мнѣ дѣлать, то и дѣлаю, то и говорю.

Этотъ поступокъ Онуфрія Кузмича до такой степени тронулъ Анну, что она бросилась въ ноги Ѳеклѣ, и громко зарыдала.

— Ахъ, матушка Родіоновна, какое онъ дѣло надѣлалъ, какихъ онъ людей, васъ обидѣлъ. А въ васъ и сердца нѣтъ, и зла въ васъ нѣтъ. Господь васъ наградитъ... Простите вы его... Господь васъ наградитъ... Простите вы его... Господи, бываютъ же такіе люди на бѣломъ свѣтѣ!

Ѳекла была женщина весьма добрая, но слабая и безхарактерная. Послѣднія слова Анны уничтожили

въ ней все прежнее враждебное расположеніе къ ней, и она стала плакать вмѣстѣ съ Анной и утѣшать ее.

Онуфрій Кузмичъ между тѣмъ пробрался въ острогъ, выпросилъ позволеніе видѣть Тита, отдалъ ему свой хлѣбъ-соль, утѣшалъ его, говорилъ, что такъ Богу угодно, что онъ не помнитъ зла и прощаетъ его.

Титъ плакалъ, валялся въ ногахъ у старика, просилъ у него прощенія, просилъ его чаще приходить къ нему; но тосковалъ все больше и больше: ничто не могло утѣшить его, и, говорятъ, онъ не дошелъ туда, куда его послалъ законъ, какъ преступника . . .

Анна дѣйствительно жила у Онуфрія Кузмича. Онъ нѣжилъ ее, любилъ какъ дочь, и Анна даже нѣсколько исправилась въ своемъ характерѣ: сварливость ея уменьшилась, она сдѣлалась и тиха и покорна. Но скоро не стало старика — и Анна не ужилась съ Θеклой . . .

1852 г.

Бурмистръ.

Повѣсть.

1.

— Плохо дѣло, Марѳа! Мы на череду: сейчасъ бурмистръ говорилъ, рѣшеніе вышло на Андрюху.

Такъ говорилъ крестьянинъ своей женѣ, входя въ избу. Это былъ средняго роста коренастый мужикъ, съ рыжими, гладко-расчесанными волосами на головѣ и бородѣ. Физіономія его не представляла ничего особеннаго, выразительнаго, ничего такого, почему его можно-бы было отличить изъ толпы; но въ его сѣрыхъ, быстрыхъ и живыхъ глазахъ сверкали умъ, сметка и хитрость. На немъ былъ надѣтъ обыкновенный полушубокъ и немного засаленая синяя зимняя шапка, съ кошачьимъ околышемъ. Мужикъ этотъ каждое лѣто ходилъ въ Питеръ и промышлялъ тамъ въ разнощикахъ. Дѣла свои онъ велъ всегда успѣшно и въ деревнѣ слылъ за богатѣню. И немудрено: онъ былъ мужикъ умный, ловкій, изворотливый, помощниками у него были трое работящихъ сыновей, изъ которыхъ двое женились и привели въ домъ здоровыхъ и усердныхъ работницъ. Хорошо жилъ мужикъ и покойно, но вотъ вдругъ посѣтило его горе, котораго онъ давно уже боялся. Озадачила мужика вѣсть бурмистра, призадумался онъ, и на сердцѣ заболѣло. Въ тяжеломъ раздумьи пришелъ онъ домой и, какъ громомъ, поразилъ жену своими словами.

— Какъ, что ты это, Михайло Захарычъ, что ты это выдумалъ? На свою-ли голову ты шутишь экими шутками, или въ-заправду говоришь? спрашивала его жена, слѣзая съ печи, женщина весьма высокая, сухая, съ лицомъ добрымъ и болѣзненнымъ.

— Что тутъ! не къ смѣху дѣло, а какъ есть: бурмистръ сказалъ, снаряжаться велѣлъ. Видно съ Андрюхой намъ попрощаться.

— Ахъ ты, головка моя болѣзная! завопила бѣдная Марѳа, заливаясь слезами и бросаясь на шею къ сыну въ первомъ порывѣ горя и отчаянія. Не ждала я экой горести, не чаяла. Для того-ли я на свѣтъ тебя родила, для того-ли смотрѣли на тебя мои глазоньки! Да на кого ты насъ покинешь, родимой мой, да и гдѣ мнѣ найти эко дитятко?..

— Полно, старуха, что разхныкалась безо времени, что малаго-то съ куражу сбиваешь: рехнулась, что-ли? говорилъ отецъ, изъ подлобья поглядывая на сына и вслѣдъ затѣмъ опуская глаза въ землю.

Старшихъ сыновей не было въ избѣ; оставались лишь ихъ жены, которыя страшно переполошились и робко поглядывали на отца съ матерью, не зная, что говорить, что дѣлать: и у нихъ на сердцѣ что-то тяжко сдѣлалось: не знали и онѣ хорошенько — безопасны-ли и ихъ мужья.

Андрей, малой лѣтъ 20, высокій — въ мать, но здоровый — въ отца, совершенно растерялся. Когда отецъ вошелъ въ избу и сказалъ объ ожидавшей его участи, онъ приподнялся съ лавки, на которой сидѣлъ, поднялъ-было руки и опять опустилъ ихъ. Хотѣлъ что-то сказать — и не могъ. Глаза его то безсознательно останавливались на одномъ предметѣ, то бродили отъ одной вещи къ другой, не передавая душѣ своихъ впечатлѣній. Малой ни о чемъ не

думалъ, хорошенько ничего не понималъ, но весь, такъ сказать, замеръ на одной мысли, что его ждетъ солдачество. Онъ сильно испугался словъ отца, и еще больше взрыва материнской печали, хотя и не могъ хорошенько отдать себѣ отчета въ томъ, что его ожидаетъ, и долженъ-ли онъ бояться будущей судьбы своей. Длинное, заунывное завываніе и жалобныя причитанія матери привели его къ болѣе опредѣленному чувству — тоски: слезы невольно выступили изъ глазъ его, и онъ печально опустилъ голову, но послѣднія слова отца даже нѣсколько его ободрили: онъ поднялъ голову, и, хотя недовѣрчиво, но съ какою-то темною надеждою взглянулъ на отца.

— Что-же, вѣдь, еще може дѣло и поправится, вѣдь, не лобъ ужъ забрили! прибавилъ послѣдній, замѣчая, или чутьемъ отгадывая то вліяніе, которое онъ произвелъ на сына своими словами.

Къ Андрею возвратилось полное сознаніе. Не только не ласково и не нѣжно, но даже грубо, хотя и безъ сердца, высвободился онъ изъ объятій матери, которая все еще лежала у него на шеѣ, и бросился въ ноги отцу.

— Батюшка-кормилецъ, не погуби, откупи, родимой: заслужу вѣрной службой! просилъ Андрей своего отца.

Отецъ молчалъ и не глядѣлъ на сына, какъ будто не видалъ его поклоновъ и не слыхалъ его просьбы, но брови его сдвинулись и сѣрые глаза быстро бѣгали: очевидно было, что въ душѣ его происходила какая-то борьба. Долго молчалъ онъ. Андрей пересталъ кланяться, и стоялъ, какъ осужденный. Вдругъ съ ужасными воплями и стенаніями бросилась въ ноги къ отцу и сама Марѳа.

— Михайло Захарычъ, неужто тебѣ не дорого твое кровное дѣтище, неужто ты покинешь его безъ привѣта, безъ отвѣта? Эй, не бери на душу грѣха — смилуйся. Глянь на малаго-то!.. Ужъ коли онъ не выслужилъ у тебя-ка откупу, такъ ужъ и мнѣ бѣжать изъ дому вмѣстѣ съ нимъ.

Но Михайло Захарычъ по-прежнему оставался безмолвнымъ и неподвижнымъ. Впрочемъ внутренняя борьба, повидимому, бушевала въ немъ все сильнѣе. Все замолкло въ избѣ, лишь раздавалось всхлипываніе Марѳы и ея снохъ, которыя послѣ разныхъ ощущеній перешли къ слезамъ. Наконецъ Михайло Захарычъ заговорилъ:

— Откупить!.. купить охотника немудрено, да, вѣдь, денегъ нужно. Чай тысячи двѣ возьмутъ: легко дѣло, все что ни скопилъ отдай, послѣдній хлѣбъ отдай.

— Ахъ, ты грѣховодникъ старый! отозвалась Марѳа, которая позабыла при этомъ свое обычное смиреніе и уваженіе, или вѣрнѣе — страхъ къ мужу. Своимъ-ли ты это языкомъ говоришь? Бѣсъ что-ли въ тебя сѣлъ? не твоя что-ли это кровь, не твое что-ли дѣтище? Побойся Бога! Неужто тебѣ деньги-то дороже твоей крови? Да на-вотъ, источи мою кровь за дѣтище родимое, — а ты что? скаредъ старый! опомнись, не бери грѣха на душу: всѣ мы подъ Богомъ ходимъ. Покараетъ, вѣдь, не сегодня, такъ завтра. Ахъ ты, Господи, прости!.. Чтой-то эвто?.. Ну-ка, до какихъ поръ дожили, что отцы отъ своихъ-то кровныхъ дѣтей отказываются... Батюшка, Андрюшенька, кровь моя... Ой, ой, ой, сердечушко! На всю деревню стану кричать, да стрaмить тебя нагрѣшника окаяннаго!.. Ну-ка, что...

— Цыцъ! вдругъ закричалъ выведенный изъ терпѣнія Захарычъ. Дура баба! раскудахталась, а

что разумѣешь? Не болитъ что-ли у меня сердце-то? Мое, вѣдь, дѣтище-то родное... ишь ты, дура! Разинь у меня еще глотку-то...

— Да что и самъ-дѣлѣ? Пей что-ли и изъ меня кровь-ту. Одинъ ужъ конецъ-отъ.

— Цыцъ, говорятъ!.. снова закричалъ Захарычъ, съ гнѣвомъ приподымаясь съ лавки. Не эвдакое теперя дѣло — продолжалъ онъ, снова усаживаясь, и какъ-бы снисходя къ чувствительности матери, побудившей жену его позабыть обычныя правила супружеской подчиненности. Не такъ это дѣло нужно повести! продолжалъ онъ болѣе смягченнымъ голосомъ. А гдѣ Митюха съ Мишанкой?

— Въ лѣсъ ѣздили, да, кажись, пріѣхали ужъ: вона-тка на дворѣ лошадей распрягаютъ.

— Такъ, ну-ка, снаряжайте обѣдать. Горе горевать, а ѣды не миновать.

Все женское населеніе избы занялось хлопотами: одна баба полѣзла въ печь, другая стала приготовлять посуду, третья сняла столъ изъ передняго угла съ полокъ, гдѣ онъ обыкновенно покоится вверхъ ногами. Андрей грустно и въ раздумьѣ усѣлся на прежнее свое мѣсто, и принялся-было за дѣло, но оно валилось у него изъ рукъ. Въ это время вошли два старшіе брата. Самому старшему изъ нихъ было не болѣе 30 лѣтъ, другому около этого-же числа, но лица ихъ давно уже покрылись красивыми пушистыми бородками. Въ физіономіяхъ ихъ, при всемъ различіи, было что-то такое, что называютъ фамильнымъ сходствомъ; сверхъ того, у обоихъ бѣлые, какъ ленъ, волосы, сѣрые глаза, оба высоки ростомъ и широки въ плечахъ, у обоихъ въ лицѣ нельзя было прочесть никакого особаго выраженія. Войдя въ избу, они сначала сняли шапки, потомъ пе-

рекрестились, далѣе, и шапку и рукавицы бросили на лавку, потомъ стали очищать свои бороды и усы отъ льдинъ, которыя намерзли къ нимъ. Кончивши эту операцію, они сняли верхніе сѣрые кафтаны, остались въ полушубкахъ, и, замѣтивши, что семья приготовляется обѣдать, подошли къ висящему въ углу надъ лоханью красному, глиняному съ двумя горлышками умывальнику, плеснули изъ него къ себѣ на руки понемногу воды, и не смыли, а только развели и порастерли обычную на нихъ грязь. Послѣ того, оба усѣвшись къ столу, крякнули, и стали рѣзать себѣ по ломтю хлѣба отъ коровая, который лежалъ на столѣ рядомъ съ солонкой. Вся эта сцена происходила совершенно безмолвно. За обѣдомъ отецъ ѣлъ довольно сытно, старшіе сыновья еще болѣе. Андрей управлялся съ своимъ ломтемъ довольно лѣниво, женщины почти совсѣмъ не ѣли, маленькія ребятишки, какъ и всегда, были совершенно безцеремонны и управлялись со всѣмъ быстро и чрезвычайно проворно. Впрочемъ и они не были такъ шумно веселы и разговорчивы, какъ обыкновенно. Трапеза совершалась почти безмолвно. Впрочемъ два старшіе брата молчали вовсе не потому, почему безмолвствовали всѣ остальные члены семьи, а по той извѣстной особенности русскаго крестьянина, что онъ, наработавшись и порядочно проголодавшись, никогда не бываетъ разговорчивъ, особенно за первымъ ломтемъ и варевомъ. По личному-же своему равнодушію и непроницательности, они и не обращали вниманія и не могли замѣтить общаго разстройства.

— Знаешь-ли, Митрій, сказалъ, наконецъ, самъ отецъ, обращаясь къ старшему сыну, мы на очереди въ некруты. Кого-нибудь надо везти.

— Что-же? Андрюху, чай, повезешь, али купишь охотника?

— Купишь! дорого покупать-то...

— Такъ что-же, Андрюху что-ли повезешь?

— Вотъ весь въ отца-то, сказала мать, вотъ и тотъ ровнехонько экой-же. Тебѣ и дѣла нѣту, что брата, чай, берутъ-то, не кого другаго. Не его, такъ и дѣла нѣтъ, а какъ-бы самого, такъ, небось-бы, не своимъ голосомъ запѣлъ.

— Такъ что? Неужто меня отцу-то вести вмѣсто Андрюхи-то, али Мишуху нешто? Мы, по крайности, въ законѣ: дѣтки есть; а онъ что? перстъ-перстомъ. Ему и вся стать за семью идти. Вѣстимо жалко, да что — коли силы не хватаетъ откупить?

— Ты въ законѣ! И Андрюху, коли Богъ благословитъ, опосля святокъ обзаконимъ: дѣвка-то ужъ давно на примѣтѣ. Эхе, хе, хе! всѣ вы у меня одной крови, обо всѣхъ сердце болитъ, всѣхъ жалко. Персты-то на рукѣ все едино: который не укуси — все больно. Сохрани Господи, чтобы и тебя оторвали у меня отъ сердца, а то дѣло: ты старшой братъ, такъ и поклонился-бы отцу-то земно за младшаго, да попросилъ-бы: тебя-ка онъ больше послушаетъ, а еще этотъ что! И баять-то боится.

— А что, батюшка, чай, вѣдь, не мы одни на череду! спросилъ Дмитрій, не обращая почти вниманія на слова матери.

— Нѣтутка. Иванъ-Корыто тоже снаряжаетъ своего Петруху; бурмистръ и ему говорилъ.

— Это онъ все дѣлаетъ супротивъ насъ, замѣтилъ безмолвный до сихъ поръ Михайло.

— Вѣстимо онъ, подхватилъ Дмитрій, да вотъ какъ хотѣли Андрюху обзаконить, такъ что онъ?

какъ-де, чу, можно, два богатства въ одинъ домъ? Никакой, чу, стати нѣту Андрюху на Ивановой дочери женить: богатствомъ, говоритъ, бѣдность нужно поправлять. Такъ у него у самого три оболтуса: женилъ-бы хошъ одного, вонъ, на нищей сбируньѣ солдаткѣ.

— Такъ что? И то за второго-то разѣ нивѣсть какую взялъ: всего-то три сарафана за собой внесла, замѣтила мать. Нѣту, это на-што Бога гнѣвить: про Финогена Римедоныча грѣхъ слово сказать, онъ никого не изобижалъ, а всякому добро творитъ.

— Полно, матушка, ты всякаго нашего губителя рада хвалить. Нечего сказать, благодѣтель намъ Финогенъ Римедонычъ. Хлопотали объ Ивановой дочкѣ, чтобы Андрюху обженить — началъ клянчить, что какъ, молъ, нельзя, да то, да се — все пустое, и коли-бы не барыня, такъ и не видать-бы ему этой дѣвки. А теперь вотъ какую радость выдумалъ: Андрюху въ солдаты. Нешто онъ это не отъ себя подвелъ? Знаю я его: онъ ворогъ всему нашему роду, а ты нахваливай.

Мать не нашла ничего отвѣтить на это доказательство. Отецъ о чемъ-то думалъ.

— Эхма, дѣло тяжкое! сказалъ онъ наконецъ. Итти было покалякать съ Иваномъ Микитичемъ: авось, что придумаемъ.

Онъ всталъ изъ-за стола, а вслѣдъ за нимъ поднялась и вся семья. Всѣ помолились передъ образомъ, потомъ отецъ взялъ шапку и вышелъ изъ избы. Старшіе сыновья полѣзли на полати, а Андрюха, все еще скучный и разстроенный, усѣлся въ раздумьѣ на лавку. И какъ ему было не думать, какъ не горевать! У него была невѣста — дѣвка заглядѣнье, красавица на всю деревню, дочка уже знакомаго намъ изъ разговора Ивана-Корыто. Послѣ святокъ, пе-

редъ масляной, быть-бы свадьбѣ, а теперь вдругъ всѣ мечты его, какъ онѣ ни были грубы и необширны, но все-таки мечты, должны были разстроиться. Катерина любила Андрея, и не по принужденію, а съ радостью шла за него; и чего ей еще больше? Малый молодой, здоровый, румяный, рослый, работящій, — всѣмъ взялъ. Правда, Катерина, какъ первая красавица въ деревнѣ, дѣвка бойкая, шустрая, съ золотыми руками, могла-бы подхватить и не этакого молодца, да вѣдь и Андрюха-то считался не послѣднимъ парнемъ въ деревнѣ, и изъ богатаго дома, къ тому-же и полюбился ей крѣпко. Парочка вышла-бы славная, ненаглядная: вся деревня такъ говорила, а тутъ вотъ какая судьба выходитъ, можетъ, все дѣло расклеится. Эхъ, горько, горько Андрюхѣ!

Но между тѣмъ, какъ онъ горевалъ, отецъ шелъ къ Ивану-Корыто, чтобы порѣшить съ нимъ: что дѣлать, какъ выйдти изъ затруднительныхъ обстоятельствъ.

Иванъ-Корыто получилъ свое странное прозвище отъ промысла, которымъ занимался по зимамъ: дѣлалъ корыта, колоды, лукошки и проч. Когда Михайло Захарычъ подходилъ къ его избѣ, онъ стоялъ у воротъ. Это былъ мужикъ высокій ростомъ, худощавый, но широкій въ плечахъ. Его смуглое лицо обращало на себя вниманіе красотою и правильностью чертъ: онъ имѣлъ большой высокій лобъ, прямой носъ, красивыя губы; черные съ просѣдью волосы вились роскошными кудрями и красиво окаймляли лицо. Конечно, всѣ эти черты были уже стары, смяты, такъ сказать, изношены, но и теперь въ старикѣ проглядывалъ прежній красавецъ. Одни только глаза нарушали общее впечатлѣніе лица и лишали его всякаго выраженія. Эти большіе, каріе глаза были

мутны, тусклы, и, казалось, ничего въ себѣ не отражали: они смотрѣли какъ-то безцѣльно, даже безсмысленно, въ нихъ не проглядывало ни мысли, ни чувства. Иванъ Никитичъ Корыто считался мужикомъ зажиточнымъ, богатымъ, хотя тщательно скрывалъ ото всѣхъ свое богатство. Характера онъ былъ молчаливаго, не разговорчиваго, ни въ чемъ никому не противорѣчилъ, охотно молчалъ, когда разговаривали другіе, со всѣми соглашался, и на сходкахъ или въ простомъ каляканьѣ никто не слыхалъ никогда его личнаго мнѣнія. Съ достовѣрностью даже можно было предположить, что онъ нѣсколько глуповатъ. Былъ онъ также робокъ, простъ, и изъ него можно было сдѣлать все, что угодно, кромѣ одного: выпросить денегъ, или заставить признаться, что онъ богатъ. Михайло Захарычъ, конечно, зналъ характеръ своего будущаго свата; зналъ, что онъ не подастъ ему никакого совѣта въ настоящихъ обстоятельствахъ, а между тѣмъ шелъ съ нимъ совѣщаться. Михайло Захарычъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые, задумавши что-нибудь, крѣпко держатся своей мысли и осуществляютъ ее при всѣхъ возраженіяхъ и препятствіяхъ, но между тѣмъ любятъ выслушать чужое мнѣніе, только для того, чтобъ сдѣлать по своему. Любятъ также высказать и свое убѣжденіе такимъ людямъ, которые не найдутся ни въ чемъ возразить имъ. Михайло Захарычъ былъ упрямъ и своеобыченъ, а Иванъ Никитичъ простъ и уступчивъ. Сверхъ того Михайло Захарычъ человѣкъ русскій, а русскій человѣкъ во всякомъ дѣлѣ любитъ совѣтъ держать, помня пословицу: „умъ хорошо, а два лучше“. Къ тому-же и дѣло-то, и горе-то у нихъ обоихъ одинакое, такъ какъ не подумать и не посовѣтовать сообща? Иванъ-Корыто,

какъ мы знаемъ, стоялъ у воротъ своей избы и поглядывалъ во всѣ стороны своими мутными глазами.

— Ивану Микитичу! сказалъ Михайло Захарычъ, подходя къ нему и приподнимая свою шапку.

— Михайлу Захарычу! отвѣчалъ тотъ съ низкимъ поклономъ.

— Что подѣлываешь?

— Что дѣлать-то? Ничово не дѣлаю: завтра праздникъ. Вотъ и стою, да поглядываю; а вы что подѣлываете?

— Да вотъ все горе-то наше горюемъ, а ваше какое положеніе?

— Какое наше положеніе? Дѣло такое; судьба, видно, такая подошла. Что ты станешь дѣлать?

— Такъ что-же, Петруху, нешто?

— Петруху! какъ быть-то?

— А наймиста купить?

— Наймиста! А гдѣ денегъ-то взять? сказалъ живо Иванъ Никитичъ. Нѣту, наймистъ не по нашему положенію.

— Полно, Иванъ Никитичъ: чай у тебя четвериками деньги-то не вымѣряешь.

— Не-што, такъ и есть, четвериками! Нѣтъ, развѣ у кого другого, а не у насъ. Далъ-бы Богъ хоть Петруху-то путемъ снарядить!

— Такъ-такъ Петруху и повезешь?

— Петруху; а то что?

— А жаль-то...

— Жаль-то жаль, да коли не чѣмъ взяться? А вы что? На тебя, чу, очередь тожъ.

— Да. Бурмистръ сказывалъ.

— Такъ кого?

— А кого? И самъ не знаю, кого. Всѣхъ жалко. У тѣхъ жены, дѣтки, а Андрюха... Михайло

Захарычъ остановился и взглянулъ на Ивана Никитича. Этотъ и глазомъ не моргнулъ, какъ будто дѣло его не касалось.

— Такъ какъ-же, Андрюху что-ли?

— Да, Андрюху-то приходится больше, только какъ-же?

— А что?

— А Катерина-то твоя, а свадьба-то?

— Свадьба. А что?

— Такъ, значитъ, выходитъ свадьбѣ ужъ... Тутъ Михайло Захарычъ опять взглянулъ на Ивана Никитича, и замѣчая, что и эти слова не произвели на него никакого дѣйствія, умолкнулъ. Лучше ему ничего не говорить, подумалъ онъ: у него еще нѣтъ на умѣ, что свадьбѣ не бывать, коли Андрюхѣ лобъ.

— Такъ вотъ какія дѣла-то, продолжалъ онъ вслухъ. Такъ-то, Иванъ Микитичъ. Ужъ и не знаю, какъ дѣло-то порѣшить, то-есть на счетъ ребятъ-то: всѣхъ жаль, а Андрюхѣ больше линія подходитъ.

— Да, Андрюхѣ больше...

— Да, вѣдь, жаль: малой-то хорошъ.

— Жаль-то жаль.

— А я вотъ что полагаю, Иванъ Микитичъ...

— Что?

— Наймиста купить — я не при такихъ деньгахъ, а думаю — и тутъ онъ сталъ говорить въ полголоса — думаю то-есть такъ, чтобы дѣлу потрафить: сходить къ Осипу Степанычу, да то-есть, напримѣръ, поклониться, хоша-бы примѣрно, четвертью что-ли, али что, да и попросить его, что вотъ, молъ, такъ и такъ, Осипъ Степанычъ, что, молъ, нельзя-ли, то-есть, попросить Матрену-то Ѳоминишну, чтобы примѣрно, то-есть на счетъ барскаго приказанія, что-

бы ослободить Андрюху, а на мѣсто его Ѳедора кузнеца поставить, а мы, молъ, молитвенники ваши всегдашніе. Что-же, то-есть, примѣрно, паче чаянія, Матрена Ѳоминишна пожелаетъ этакъ ублаготвореніе какое ни на есть: — можно, не постоимъ, а всегда, то-есть, ваши-де, богомольцы будемъ. Такъ вотъ я что полагаю, Иванъ Микитичъ. Какъ ты?

— Ничего. Это дѣло, какъ есть . . .

— Пра . . . И Ѳедоръ-то кузнецъ въ бѣдности живетъ, и недоимки на немъ много.

— Много.

— Ему что?

— Что ему! . .

— Пра . . . И малой-то такой здоровякъ — уйдетъ.

— Какъ не уйти.

— Такъ вотъ, Иванъ Микитичъ, пойдемъ-ка вмѣстѣ.

— А дорого, вѣдь, чай, возьметъ Матрена-то Ѳоминишна, тоже, вѣдь, барская воля.

— Ну, да ужъ что ни возьметъ, а все не двѣсти рублевъ: рублевъ, чай, пятьдесятъ возьметъ, такъ вотъ-бы ты половину, а другую я.

— Да, вѣдь, деньгами-то бьюсь.

— Эхма, полно, Микитичъ. Что Бога-то гнѣвить? Извѣстно дѣло, ты при деньгахъ, только вотъ такъ прикидываешься.

— Ну, это вы напрасно говорите, Михайло Захарычъ. Какія у меня деньги?

— Э, полно! Ну, ужъ вино-то я на себя возьму, а только въ деньгахъ-то держи половину.

— Нѣту, у меня никакихъ нѣтъ денегъ.

— Такъ неужто тебѣ сынъ-то дешевле двадцати-то рублей? Экой клянча, а!

— Да, вѣдь, вы попросите, такъ вѣдь, въ перву голову и уйдетъ Ѳедоръ кузнецъ. Петруху развѣ на подставу свозятъ.

— Экой жидъ, даромъ что дуракъ! подумалъ Михайло Захарычъ.

— А ну, какъ твоего поставятъ въ первую голову, такъ тутъ что?

— Да я, пожалуй, изволь, десятокъ рублей дамъ, и то изъ остальныхъ, какіе естъ.

— Эхъ, Иванъ Микитичъ, Бога въ тебѣ нѣтъ: развѣ я богаче тебя-ка? За что это я стану одинъ отвѣчать? ну, ужъ честь, неча сказать. А еще, Богъ дастъ, може сватомъ будешь.

— Гдѣ-же взять-то, Михайло Захарычъ, когда негдѣ? Я, пожалуй, ужъ такъ, по сватовству, прибавляю еще пять рублей, да ужъ парнюху-то жаль, ей-же Богу, послѣдніе отдаю.

— Ну, ужъ человѣкъ только! Да полно пойди въ половину — постыдись.

— Это какъ хочешь, а нѣтъ, такъ нѣтъ: четыре цѣлковыхъ сказалъ — возьми.

— Теперь четыре цѣлковыхъ. Ахъ, ты клянча...

— Ну, ну, пятнадцать, а то нѣтъ. такъ нѣтъ.

— Что съ тобой станешь дѣлать... Ну, ужъ человѣкъ! Есть-ли Богъ-отъ тебѣ?.. Такъ завтра и пойдемъ праздничнымъ дѣломъ.

— Ладно, завтра пойдемъ.

— А что твоя Катерина?

— Ничего.

— Ты не забудь своего обѣщанія. За Катюхой: сарафанъ левантинной, да французской, три ситцевыхъ, три холстинковыхъ, двѣ шубы суконныхъ...

— Одна суконная, да двѣ нанковыхъ.

— Какъ, Иванъ Микитичъ, и въ этомъ при-

жимка? Нѣтъ, ужъ ты говорилъ и жена говорила: двѣ шибы суконныя, одна на зайцѣ, съ куньимъ воротникомъ, съ лисьей опушкой; другая попроще, да еще одна нанковая. Нѣтъ, ужъ ты своему слову не измѣняй. Еще шубейка, два холодника, шелковой платъ, да французской платъ, да два плата похуже. Это ужъ собственно, Иванъ Микитичъ. Что выговорено, то чтобы и было. Вѣдь, ты помни то, что за твою Катюху я тебѣ триста пятьдесятъ рублей отсыпалъ, такъ ты это помни.

— Ну, ужъ извѣстно, что выговорено, то такъ и будетъ.

— Такъ до завтра, Иванъ Микитичъ?

— Ладно, ладно.

— Счастливо оставаться.

Они приподняли шапки и разошлись. Михайло Захарычъ пошелъ домой. Иванъ Никитичъ присѣлъ на стоявшіе у воротъ козлы, на которыхъ пилятъ дрова, и сталъ опять посматривать во всѣ стороны.

Михайло Захарычъ вообще не любилъ повѣрять семьѣ своихъ замысловъ и намѣреній, и если удостоивалъ довѣрія, то развѣ только одного старшаго своего сына. А потому, когда онъ возвратился домой, Андрей просилъ старшаго брата повыспросить у отца, что они порѣшили съ Иваномъ-Корытомъ Тотъ согласился.

— Ну, что, батюшка, спросилъ онъ, на чемъ положили съ Иваномъ Микитинымъ?

— Э, что съ нимъ сдѣлаешь, со скаредомъ эдакимъ?

— А что?

— Что? Жидъ, жидъ и есть.

— Одначе, вѣдь, надумали же что-нибудь, вѣдь, былъ же разговоръ какой?

— Поди ты толкуй съ нимъ: развѣ онъ что разумѣетъ? Клянча, какъ есть.

— Такъ такъ ничего и не порѣшили? Наймиста не хочетъ покупать замѣсто Петрухи?

— Гдѣ ему жиду купить! Денегъ-то, чай лопатой не проворотишь, а ему Матренѣ Ѳоминишнѣ двадцатью рублями поклониться за сына — такъ жаль. Вотъ онъ каковъ!

— Такъ нѣшто Матрену Ѳоминишну хотите просить? Это дѣло: барыня ее слушаетъ. Только, вѣдь, безъ денегъ дѣло не сладится.

— Безъ денегъ когда же? То-то и клянчитъ Иванъ-отъ, что денегъ, чу, нѣтъ. Вѣдь, жидъ-же окаянный!..

Этотъ разговоръ совершенно успокоилъ всю семью и усилилъ въ то же время во всѣхъ чувство обычнаго уваженія и довѣрія къ Михайлу Захарычу. Марѳа не знала какъ угодить мужу, противъ котораго такъ было-воружалась поутру: она вполнѣ сознала теперь и его умъ, и его изворотливость, видѣла и заботливость о сынѣ. „Вотъ отецъ-отъ, прямой радѣльщикъ! говорила она Андрею, поглаживая его голову и разбирая его волосы, — все молчалъ, а самъ про себя думалъ, какъ дѣлу помочь, и видно, что родной отецъ, дай Господи ему много лѣтъ здраствовать. Никто этакъ объ насъ не станетъ заботу имѣть; пропадемъ мы безъ него низа-что!“

II.

Подъ вечеръ того же дня Андрей поджидалъ на улицѣ свою невѣсту. Въ деревняхъ не водится, чтобы женихи до свадьбы ходили въ домъ своихъ

невѣстъ. Нѣсколько разъ проходилъ Андрей мимо Катерининой избы, но она или не замѣчала, или не отгадывала желанія своего жениха и не выходила. Морозило порядкомъ. Солнышко почти совсѣмъ сѣло за горой, небо выяснялось, обѣщая ночь свѣтлую и морозную. Щеки Андрея сильно пощипывало, но онъ былъ терпѣливъ какъ истый любовникъ. Наконецъ онъ увидѣлъ свою Катерину: она вышла изъ дому, съ коромысломъ на плечѣ, и побѣжала къ колодцу. Андрей какъ разъ подоспѣлъ къ ней.

Катерина была дѣвушка высокая, полная, румяная, съ немного вздернутымъ носомъ, алыми губками, голубыми плутоватыми глазами и бѣлокурыми волосами, однимъ словомъ — совершенно не похожа на отца. Городскому жителю она никогда бы не понравилась, но для деревенскаго вкуса она была красавица.

— Здорово, Катюша! сказалъ Андрей, подходя къ колодцу.

— Ахъ, Андрей Михайлычъ, какъ живете-можете? Что, али водицы накачать хотите подсобить?

— Эхъ, Катюша, Катюша, ты, видно, не знаешь нашего горя.

— Какого горя, Андрей Михайлычъ? Кажись, нѣтъ никакого.

— Да вѣдь меня въ некруты везутъ!

— Полно, чтой-то, Андрей Михайлычъ, какія шутки подводишь.

— Какія тутъ шутки, настоящее дѣло! Пра, въ некруты везутъ.

— Полно вамъ. Ишь ты какую дуру нашелъ: небось и повѣрила . . . Тотчасъ, какъ же! . .

— Пра, Катя, ты не смѣйся.

— Чтой-то, ну-ка полно, индо страшно стало.

— Ну, вотъ тебѣ Богъ, не лгу.

— Какъ же это, Андреюшка, нешто въ солдаты?

— То и есть.

— Что ты это, Андрюшенька, болѣзный, голубчикъ! И Катерина хотѣла броситься къ нему на шею, но почему-то остановилась, можетъ быть, по чувству приличія, которое, безспорно, есть и въ деревнѣ. Она горько заплакала.

— Ахъ ты, золотой мой, писаной, радость ты моя, такъ неужто мы съ тобой разстанемся? Вотъ не чаяла-то, не гадала. Ахъ ты батюшки! продолжала Катерина, всхлипывая. Какъ же быть-то? Не хочу за немилова: только и свѣту у меня въ очахъ, что ты.

— Такъ тебѣ разѣ жаль меня, Катя?

— Еще бы нѣту! Ты мой суженой. Ты мнѣ и на гаданьѣ вышелъ о запрошлыя святки.

— Такъ вотъ что, Катя. Тамъ что будетъ, то будетъ, а ты выходи ужотка ночью.

— Нашто эвто?

— А коли любишь — выходи, мы съ тобой про любовь побаемъ; выходи, голубка, Катя. Подумай, може, не достанешься мнѣ. Выйдешь ли? скажи рѣшеніе.

— А какъ увидятъ, Андрюша? Боязно.

— Ну, знать, не милъ я тебѣ.

— Нѣту, голубчикъ: вотъ-те Богъ, всякой часъ при сердцѣ держу. Больно мнѣ тебя жаль.

— Такъ кто же увидитъ? Выйди, касатка, не бойся, я у крыльца буду ждать. Какъ поулягутся всѣ, такъ и выходи: въ первой-то спень никто не услышитъ.

— Ну, инъ ладно, выду. Охъ, батюшки! Прости доколева.

— Прощай, Катюша; мотри-же!

— Катерина накинула коромысло на плечо и пошла къ дому, всхлипывая, утирая рукавомъ слезы и приговаривая: охъ, чтой-то это, Господи . . . Эка напасть! . . Не ждано-не гадано! . .

Въ деревнѣ все уже спало и все безмолвствовало. Лишь изрѣдка протявкаетъ неугомонная дворняшка, услыша безпокойный шелестъ куриць на нашестѣ, да прокричитъ свою обычную пѣсню страдающій безсонницей пѣтухъ. Свѣтился огонекъ лишь въ сторонѣ, въ барскомъ домѣ, да и тотъ скоро погасъ. Ночь была чудная, свѣтлая, морозная. Небо подернуто самыми свѣтлыми, легкими, прозрачными облаками и казалось мраморнымъ. Полный мѣсяцъ спокойно плавалъ по немъ, то скрываясь за облаками, какъ за самымъ тонкимъ дымчатымъ покровомъ, то снова сіяя во всемъ своемъ блескѣ. Тогда темнѣе и длиннѣе ложилась по землѣ тѣнь отъ посеребренныхъ инеемъ деревьевъ и высокаго оцѣпа, который гордо и неподвижно стоялъ среди улицы, лишь изрѣдка поскрипывая. Андрей уже ожидалъ Катерину у крыльца ея избы. Сердце его сильно билось и замирало. Морозъ пробиралъ до костей, а между тѣмъ его и безъ того била внутренняя лихорадка. Наконецъ щеколда у дверей надъ лѣстницей тихо щелкнула, и Андрей мгновенно согрѣлся. Показалась Катерина. Осторожно спустилась она по ступенямъ, скользкимъ и неровнымъ отъ намерзшаго на нихъ снѣга, и безпрестанно оглядывалась, какъ будто опасаясь погони. Андрей горячо ее обнялъ и поцѣловалъ.

— Что ты дрожишь, Катюша?

— Ахъ, Андрюша, что-то больно боязно.

— Небойся ничего. Пойдемъ.

— Куда?

— Ну, пойдемъ . . . Здѣсь холодно.

— Ай, нѣту, на што,* зачѣмъ? Не ходи, Андрюша, голубчикъ!

— Полно, не бойся, пойдемъ.

Андрей еще крѣпче обнялъ ее и поцѣловалъ.

— Нѣту, нѣту, не пойду. Пусти, я лучше домой пойду.

— На што?

— Да такъ, да пусти! Ну, что . . . п-о-лно! говорила она, задыхаясь.

— Такъ эдакъ-то ты меня любишь, Катя! говорилъ Андрей, увлекая ее.

— Я больно люблю тебя, Андрюша. Да што-то такъ нешто . . . Ахъ, экой ты! И она невольно слѣдовала за Андреемъ.

— Вотъ, вотъ не далеко, пойдемъ. Касатка ты моя, радость, голубка! . .

Они скрылись за низенькой дверью полуразвалившагося деревяннаго строенія, а ночь и безмолвіе скрыли до времени ихъ любовную бесѣду.

III.

На другой день въ домѣ Михайлы Захарыча поднялись довольно рано, и всѣхъ прежде Марѳа. Всю ночь ей грезились какіе-то страшные сны, и проснулась она съ тяжелымъ оханьемъ и стонами.

— О-о-й, о-о-й! Господи Іисусе! проговорила Марѳа, слѣзая съ печи и потирая поясницу. Потомъ она ощупью пошла къ шестку, отыскала въ горнушкѣ сѣренки, вздула огня, зажгла лучину, воткнула въ свѣтецъ, и вышла вонъ изъ избы. На дворѣ

она положила по поклону на всѣ четыре стороны, и потомъ опять воротилась въ избу, поглядѣла въ окно на темную ночь, вздрогнула, охнула, потомъ умылась, зажгла красную восковую свѣчку передъ образами, дунула на пальцы и начала молиться Богу.

Черезъ нѣсколько времени проснулся и Михайло Захарычъ. Полуразжавши глаза, взглянулъ онъ на лучину, и снова закрылъ ихъ, потомъ потянулся, зѣвнулъ протяжно, и съ небольшимъ завываньемъ, перекрестилъ ротъ, присѣвъ на своемъ ложѣ, поднялъ вверхъ руки, опять потянулся и опять зѣвнулъ. Далѣе, просидѣвъ съ минуту молча и неподвижно, крякнулъ и быстро всталъ съ лавки, на которую перешелъ ночью съ печки отъ несноснаго жара на послѣдней; потомъ опять постоялъ нѣсколько минутъ неподвижно, сказалъ протяжное „у-ухъ!“ и сталъ надѣвать свой полушубокъ, подъ которымъ спалъ. Надѣвши его, онъ отыскалъ на полкѣ шапку, и также, какъ жена, вышелъ на дворъ и также, какъ она, перекрестился на всѣ четыре стороны. Возвратившись со двора, Михайло Захарычъ присѣлъ на лавку, положилъ возлѣ себя шапку, оперся руками въ колѣни, посидѣлъ нѣсколько минутъ, опустя внизъ голову, потомъ взглянулъ въ окно, еще разъ зѣвнулъ, подошелъ къ умывальнику, вплеснулся одинъ только разъ водой изъ него, отеръ лице полотенцемъ, висѣвшимъ на веревкѣ близъ печки, встряхнулъ волосами и сталъ усердно класть земные поклоны передъ образами, читая молитву.

Свидѣтелями всей этой сцены были только Андрей, который недавно возвратился изъ ночнаго похожденія и не успѣлъ еще уснуть, хотя и громко притворно храпѣлъ, замѣтивъ, что поднялись отецъ съ матерью, да еще сѣрая кошка, которая то дре-

мала, прищуривая глаза, то, мигая, смотрѣла на огонь, бѣгавшій по лучинѣ, то усердно начинала лизать свою грудь. Всѣ прочіе члены семьи спали еще крѣпкимъ сномъ, лишь изрѣдка повертываясь съ боку на бокъ, и въ это время всхрапывая еще сильнѣе.

Послѣ молитвы Михайло Захарычъ усѣлся на лавку и сталъ безсознательно, по-видимому, а можетъ быть и съ какой-нибудь мыслью, осматривать избу во всѣхъ ея подробностяхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ поглядывать изрѣдка и на жену, которая въ это время суетилась около печки: наклала въ нее дровъ, затопила и начала преусердно перемывать разные горшки, лоханку, деревянныя чашки и пр. Кончивши все это, она принялась мѣсить квашню — трудъ весьма тяжелый для слабой груди, но развивающій ручныя мышцы, которыми Марѳа могла похвалиться, не смотря на свою худобу.

— Что еще къ завтренѣ не чуть? спросилъ наконецъ Михайло Захарычъ.

— Нѣтутка, кажись, не чуть! отозвалась Марѳа, но вслѣдъ за тѣмъ открыла половинку окна, съ величайшимъ трудомъ просунула въ нее свою голову и слушала въ продолженіи нѣсколькихъ секундъ.

— А то не знаю: ни то благовѣстятъ, ни то что. Послушай самъ: глуха я стала ноньче, Михайло Захарычъ.

Михайло Захарычъ высунулъ также въ окно свою голову, послушалъ, сказалъ: „благовѣстятъ!“ всталъ со скамейки, надѣлъ синій кафтанъ, подвязалъ его подъ-брюхо краснымъ кушакомъ, взялъ шапку и собрался идти.

— Куда ты, Михайло Захарычъ, къ завтренѣ что ли?

— Нешто. Эй, Митюхъ, Мишанка, Андроиха!.. Митюхъ, слышишь-ли?... Экъ, заспались, протолкай ихъ! прибавилъ Михайло Захарычъ, обращаясь къ женѣ. Пусть идутъ къ завтренѣ.

Онъ ушелъ, и Марѳа стала будить, но сначала не сыновей, а снохъ.

— Чтой-то, матки, спите не въ свою голову? Люди Богу молятся, а онѣ спятъ. Путное-ли это дѣло: молодыя бабекни! а вы встали бы, да и мужьевъ-то подняли. Ну-ка, полно, манежиться-то. Нешто не проспались?.. эко дѣло, подумаешь!..

Потомъ Марѳа начала будить сыновей.

— Митреюшка... а, Митюхъ, Михайлушка... вставайте! Экъ, болѣзные, разоспались. Ну, вставайте-же, вставайте. Отецъ-отъ велѣлъ къ завтренѣ идти. Мотрите — проспите, бранить будетъ. О, охъ, молодая-то сила, такъ и спится. Ну, родные, вставайте-же... А ты что, Андреюшка, голубчикъ, вставай и ты, родной. Что охаешь? головушка что-ли болитъ?

— Да, нешто... Ровно, болитъ, матушка! отвѣчалъ Андрей.

— Ну, то-то, родной мой, это со вчерашняго. Ну, спи, голубчикъ, ребячьимъ дѣломъ: съ тебя Богъ не взыщетъ. Спи, кормилецъ! И она начала перебирать его волосы и гладить его голову и и спину, позабывши, что ее дожидается печка и стряпня.

— А вы что ворочаетесь? Э-эхъ, спали-бы, спали! Ну, что глазѣете? продолжала Марѳа, обращаясь къ ребятишкамъ, которые спали въ повалку на полу.

— Я, баба, къ завтренѣ пойду съ тятей! отозвался одинъ изъ нихъ, лѣтъ девяти или десяти.

— Охъ, ты мой родной! Богомольщикъ нашъ! Ну, поди, поди, помолись, чтобы дядю Андрея въ некруты не взяли. Подь сюды: умою. И Марѳа начала умывать мальчишку, преимущественно теребя его за носъ, отчего тотъ барахтался у нея въ рукахъ и отварачивалъ голову.

Черезъ нѣсколько времени два старшіе сына Михайлы Захарыча, съ однимъ изъ его внуковъ, ушли въ церковь, а Марѳа со снохами занялась хозяйствомъ.

Село, въ которомъ молился Михайло Захарычъ съ сыновьями, находилось въ разстояніи полуторы версты отъ деревни, а потому онъ воротился домой, какъ только стало свѣтать. Пришедши, онъ тотчасъ сдѣлалъ выговоръ Андрею, зачѣмъ онъ не былъ у заутрени.

— Не думаешь ты, видно, о своей головѣ! говорилъ онъ. Кто Бога забываетъ, того и Богъ забудетъ. Развѣ не знаешь, какая на тебя напасть?..

Но Марѳа вступилась за Андрея.

— Полно, полно, Михайло Захарычъ! сказала она. Онъ еще, чай, отъ вчерашняго-то переполоху не очнулся. Взглянь-ка на него: ишь какъ передернуло! Да еще велики-ли его года-то: съ него и Богъ-отъ не взыщетъ!

— Ну, ты потакай ему. Что я говорю, такъ дѣло. За Богомъ молитва не пропадетъ.

— Ну, онъ у меня ужо-тка въ к-обѣднѣ пойдетъ и помолится. О, охъ, Господи помилуй!

Потомъ Михайло Захарычъ потребовалъ у жены ключъ отъ сѣнника[1], отправился туда одинъ, и какъ только вошелъ, тотчасъ заперъ за собою дверь деревянной заверткой. Въ этомъ сѣнникѣ висѣло

[1] Холодная комната, черезъ сѣни противъ избы.

разное платье, мужское и женское, лежали шубы, валялись старые сапоги, прислонясь къ стѣнѣ стояло колесо льну [1], рядомъ съ нимъ два берда и на лавкѣ корзина съ веретенами и цѣвками. Лѣтомъ въ этомъ сѣнникѣ обыкновенно помѣщается ткацкій станъ, теперь-же, зимою, онъ перенесенъ въ избу, потому что въ сѣнникѣ холодно работать. Михайло Захарычъ подошелъ къ одному углу сѣнника, отбросилъ разную дрянь, которая лежала въ немъ и вытащилъ изъ-подъ скамьи деревянную коробку. Тутъ онъ оглянулся назадъ, и потомъ отперъ висящій у коробки замокъ ключемъ, который висѣлъ у него на поясѣ. Открывши крышку, онъ снялъ съ самаго верху, старый, синій женскій передникъ, которымъ прикрывалось все, заключавшееся въ коробкѣ, потомъ сталъ вынимать оттуда одну вещь за другою: новую синюю суконную чуйку, два красныхъ кушака, изъ нихъ одинъ шелковый, двое плисовые штаны, нѣсколько носовыхъ платковъ, преимущественно красныхъ съ желтыми мушками, двѣ или три красныя рубашки, и, наконецъ, два куска полотна, весьма тонкаго. Внизу, на днѣ коробки, осталось какое-то тряпье. Когда дошло дѣло и до него, Михайло Захарычъ опять оглянулся, потомъ пошарилъ рукою подъ этими тряпками, и вытащилъ изъ-подъ нихъ что-то въ родѣ чернаго кожаннаго бумажника. Осторожно развернувши его, Михайло Захарычъ вынулъ изъ него нѣсколько ассигнацій, потомъ опять поспѣшно свернулъ, перевязалъ бумажникъ веревочкой, и положилъ на прежнее мѣсто, а деньги, опустилъ въ кошель изъ желтой, оторо-

[1] Извѣстно, что ленъ, послѣ предварительной обработки и приготовленія, навивается на обручъ для того, чтобы онъ не мялся, и въ такомъ видѣ сохраняется и возится на продажу.

ченной краснымъ, кожи, задернулъ его, пощупалъ, въ немъ-ли деньги, привязалъ кошель на крестъ, завернулъ его въ синій носовой платокъ и положилъ за пазуху. Потомъ онъ также вещь за вещью уложилъ въ коробку все, что вынулъ изъ нея, исключая чуйки и одного краснаго кушака, покрылъ опять все тѣмъ-же передникомъ, заперъ коробку, поставилъ ее на прежнее мѣсто и прикрылъ тѣмъ-же хламомъ, который лежалъ на ней прежде и скрывалъ ее отъ любопытныхъ глазъ, а можетъ быть и рукъ. Лѣтомъ эту коробку Михайло Захарычъ пряталъ куда-нибудь въ другое мѣсто и преимущественно въ анбарѣ, въ сусѣкѣ, подъ рожь или овесъ. Захвативши съ собой чуйку, кушакъ и шапку получше, которая висѣла на стѣнѣ, Михайло Захарычъ вышелъ изъ сѣнника, заперъ его и вошелъ въ избу, какъ ни въ чемъ не бывало.

Переодѣвшись въ новую синюю чуйку, подпоясавшись принесеннымъ изъ сѣнника кушакомъ, Михайло Захарычъ собрался идти, ни слова не сказавши домашнимъ, и когда Марѳа спросила его съ робкимъ любопытствомъ:

— Что, Михайло Захарычъ, къ Матренѣ Ѳоминишнѣ что-ли смѣкаешь пойтить? онъ сказалъ только: „може статься!.. не знаю еще какъ...“ и вышелъ изъ избы. Онъ отправился къ Ивану Корыту.

Домъ послѣдняго былъ построенъ изъ крупнаго и крѣпкаго лѣса, но смотрѣлъ какъ-то грязно. Дворъ его весь былъ заваленъ тесомъ: въ избѣ одинъ уголъ занятъ разными принадлежностями ремесла хозяина, въ другомъ углу висѣла люлька, въ третьемъ, по обычаю русскаго человѣка, на тяблѣ стояли образа, передъ которыми горѣла маленькая восковая свѣча и, наконецъ, четвертый уголъ, противуположный по-

слѣднему, былъ весь занятъ печкой, которая выбѣгала на самую средину избы. У стѣны, въ которой находилась входная дверь, стояла большая колода; изъ нея ѣли три коровы свой кормъ. Когда Михайло Захарычъ вошелъ въ избу, Иванъ Никитичъ и его сынъ сидѣли, одѣтые по праздничному, съ шапками въ рукахъ, готовые отправиться, должно быть, въ церковь за обѣдню, и, вѣроятно, поджидая, одинъ сноху, другой жену, которая наряжалась, безпрестанно поглядывая въ истрескавшійся верешокъ зеркала, оклеенный въ синюю сахарную бумагу и повѣшенный на стѣнѣ. Катерина сидѣла у люльки, качала въ ней своего маленькаго племянника, и въ то-же время кормила кашей другаго по-старше, который сидѣлъ на лавкѣ, рядомъ съ ней, и безпрестанно лазилъ руками въ горшокъ, пачкая потомъ свою рожицу. При входѣ Михайла Захарыча она почему-то весьма сконфузилась, зардѣлась, и, чтобы скрыть свое смущеніе, начала быстро и съ силой качать свою люльку такъ, что оцѣпъ, на которомъ она висѣла, сгибался въ дугу. Мать Катерины въ это время возилась около коровъ и печки, безпрестанно подметала полъ и тотчасъ-же сорила на него, также часто мыла руки и снова опять ихъ пачкала. Это была женщина лѣтъ 45, низенькая, толстенькая, съ бѣловато-рыжеватыми волосами, чрезмѣрно живыми пріемами и весьма непривлекательнымъ лицемъ. На послѣднемъ прежде всего, бросались въ глаза: вздернутый носъ, приставленный къ лицу почти подъ прямымъ угломъ и небольшіе сѣрые, съ весьма нахальнымъ выраженіемъ глазки. Она была нѣкогда дворовой дѣвушкой, и за свое проворство и смѣтливость, удостоилась расположенія своей барыни: послѣдняя любила иногда послу-

шать болтовню Машки и посмѣяться надъ ея кривляньями, которыми она заслужила общую извѣстность во всей дворнѣ, гдѣ недовольные ею, при явномъ огорченіи, ограничивались замѣчаніемъ. „Экой воръ дѣвка: мертваго разсмѣшитъ!“ Но, наконецъ, съ лѣтами въ Марьѣ развились двѣ страсти и два новыхъ таланта, которые порѣшили ея участь. Эти страсти: во-первыхъ, ко всему чужому, и, во-вторыхъ, къ мужскому полу; а таланты: необыкновенное умѣнье воровать и необъяснимая, при ея неблаговидной наружности, способность привлекать къ себѣ сердца молодыхъ людей. Наконецъ, Марья, послѣ многихъ похожденій, вышла замужъ за Ивана Никитича, мужика зажиточнаго и красиваго. Иванъ-Корыто, хотя и угрюмый, и молчаливый, оказался, однако, характера мягкаго и уступчиваго, такъ что Марья какъ разъ овладѣла имъ и совершенно покорила своей волѣ. Марья, вышедши замужъ, скоро привыкла къ новой жизни, остепенилась и слыла лишь за бабу болтушку колотовку и сплетницу, но работящую и негулящую.

Когда Михайло Захарычъ вошелъ въ избу и сталъ молиться образамъ, она въ десятой разъ подметала полъ. Увидѣвши его, она заговорила первая.

— Ахъ, Михайло Захарычъ, добро пожаловать! По добру ли, по здорову? Какъ живете-можете? Въ церковь что ли собрались? Съ Богомъ, вотъ вмѣстѣ съ нашими — и они идутъ.

Но Михайло Захарычъ не поторопился отвѣчать, а сначала кончилъ молитву, потомъ поклонился всѣмъ по-очередно.

— Здорово живешь, Иванъ Микитичъ!.. Марья Трофимовна! Петру Иванычу! Катеринѣ Ивановнѣ!

— Что, молъ, въ церковь что ли собрамшись? отозвалась Марья Трофимовна. Доброе, молъ, дѣло!

— Нѣтъ, вотъ я къ Ивану Микитичу, на счетъ своего дѣла.

— Какого это дѣла? Нешто мнѣ не въ домекъ?

— Да такъ, то есть, у насъ свое дѣло имѣется. Что же, Иванъ Микитичъ, на счетъ... Отправимся-что ль, аль ты меня и поджидалъ?

— Нѣту, я въ село было-хотѣлъ пойти къ обѣднѣ.

— Такъ какъ же, а вчерашнее-то дѣло позабылъ?

— Да я... не знаю... вѣдь, може, ты безъ меня сходишь... говорилъ Иванъ Никитичъ, почесывая затылокъ.

— Да какое-то это дѣло? чтой-то это ты, что у тебя жена-то? — али ужъ не нужна, что и не скажешь, какіе тутъ еще фокусы промышляешь? спрашивала Марья Трофимовна.

— Такъ, у насъ свое рѣшеніе, то есть, было, возразилъ Михайло Захарычъ.

— Да чтой-то это, Михайло Захарычъ, нешто жена-то у него съ боку припека, коли онъ станетъ только своимъ умомъ жить! Ишь ты какой! О чемъ это задумалъ, а?

— Да, вѣдь, я-то... я, вѣдь, не то что... я, пожалуй, не пойду, Михайло Захарычъ; ты поди одинъ.

— Да ты скажи мнѣ лучше, Михайло Захарычъ... Коли дѣло, такъ я его прошлю, а то сидитъ у меня; вѣдь, что съ нимъ? Мужикъ-мужикомъ! Ты скажи мнѣ.

— Вѣдь, это дѣло-то не женскаго положенія, Марья Трофимовна, дѣло-то это мужское.

— Чтой-то, Михайло Захарычъ? Знать, у тебя жена-то ни въ тѣхъ, ни въ сѣхъ. Неужто, коли мужъ что задумаетъ, такъ женѣ и знать не приходится. Ты человѣкъ умный: этого, кажись, и въ Писаніи нѣтъ.

— А какъ же сказано: „жена да боится своего мужа?“ значитъ, ужъ, то есть, что какое дѣло этакое, такъ мужъ и дѣлай, а жена, то есть, да убоится своего мужа.

— Говори, говори! Я знаю тебя, ты какъ захошь, такъ и не это подведешь... Нѣту, ты, полно, молви мнѣ. Право лучше будетъ. Вѣдь, онъ у меня что?. Ничего... Только денегъ не даетъ, коли попросишь, а то, вѣдь, ничего, все, вѣдь, я заботься, да для дома добывай. Право, скажи.

— Да, вѣдь, сказать — не стать. Для-че не сказать. Сказать можно. Дѣло не такое, чтобы этакое... а и ваша кровь то есть, къ этому дѣлу принадлежитъ.

И Михайло Захарычъ разсказалъ все дѣло и всѣ свои замыслы, но весьма кратко и съ очевиднымъ неудовольствіемъ, что онъ долженъ брать участницей въ свое намѣреніе женщину. Его поддерживала лишь та надежда, что Марья скорѣе пошлетъ съ нимъ мужа, да еще, можетъ быть, велитъ дать и половину денегъ.

— Такъ вотъ какое дѣло-то! заключилъ свой разсказъ Михайло Захарычъ. Этакимъ способомъ вы, Марья Трофимовна, половину-то и поддержите. Это, то есть, дѣло неизвѣстное. Что ужъ тамъ Матрена Ѳоминишна положитъ, это дѣло темное, какъ Богъ ей на душу положитъ: сколько, то есть, примѣрно, благодарности взять, а вы ужъ половинку-то и придержите.

— Какъ же, батюшка, Михайло Захарычъ, я очинно тебя благодарна, что ты мнѣ все дѣло открылъ, изволь, родной, для чего же и не половину? Вѣдь, родное дѣтище-то: самъ ты разсуди, пожалѣю ли чего. Ну, а, вѣдь, вотъ, какъ не скажешь, Михайло Захарычъ, вѣдь,. вотъ человѣкъ — отецъ, вѣдь, кажись, мужъ, вѣдь, называется, а нѣтъ заботы, убей Богъ, нѣтъ. Что онъ? Пришелъ что ли, да женѣ сказалъ, что вотъ, молъ, дѣло какое, такъ и такъ. Какъ же, жди, дожидайся! Придетъ, скажетъ, небось! Вѣришь ли истинному Богу: вѣдь, и объ Петрухѣ не отъ него узнала, а отъ людей. Ну-ка, посуди, а? О своемъ-то родномъ дѣтищѣ, да отъ людей узнала!.. Не злодѣй ли онъ мнѣ, Михайло Захарычъ, а? Самъ ты разсуди, а? Ну, что сидишь, да глазами-то поводишь, продолжала Марья Трофимовна, обращаясь къ мужу, который, въ продолженіи всего разговора ея съ Михайломъ Захарычемъ, оставался безмолвенъ, какъ рыба: что ты это, впрямь, рехнулся ужъ совсѣмъ что ли? Поди-ка, поди, благо добрый человѣкъ нашелся. А то, вѣдь, ты, аспидъ этакой, ты бы сына-то пожалѣлъ что ли? Не пожалѣлъ бы, вѣдь: знаю я тебя! Поди, говорятъ, да возьми денегъ-то.

Иванъ Никитичъ нехотя, но безмолвно вышелъ изъ избы, вѣроятно, для совершенія такого-же процесса выниманія денегъ, какой совершилъ и Михайло Захарычъ.

— А ты, подь, Петрунька, съ женой-то въ церковь, помолитесь, авось Богъ подастъ свою милость Божескую. Подите.

— А Катерина Ивановна что-же, не пойдетъ? спросилъ Михайло Захарычъ. Вѣдь, и у нея, кажись, есть о чемъ помолиться: власть Божія неисповѣдима.

— Нѣту, Михайло Захарычъ, отвѣчала мать: нешто она сегодня сердцемъ бьется. Такъ: говоритъ, сердце болитъ, такъ, чу, и подкатитъ, подкатитъ. Не знаю, что съ ней попритчилось, и изъ лица-то перемѣнилась, а бродитъ, не лежитъ; говорю — лягъ: не ложится. Разѣ что невѣстинымъ дѣломъ о женихѣ жалко? прибавила Марья Трофимовна съ улыбкой, намекая на Андрея.

— Ну, еще Богъ милостивъ: все перемелется, мука будетъ, Марья Трофимовна.

— Вѣстимо, кормилецъ. Дай-то Богъ! Ахъ, ужъ эти горя, горя — не говори-ка!

Во время этого разговора Катерина находилась въ ужасномъ смущеніи, качала зыбку съ особеннымъ, уже не скрипомъ, а хрипѣніемъ, и, чтобы скрыть свое лицо, опустила голову къ самому ребенку, какъ будто смотрѣла на него.

Между тѣмъ пришелъ Иванъ Никитичъ.

— Что, совсѣмъ? спросилъ его Михайло.

— Совсѣмъ.

— И денегъ взялъ?

— Взялъ.

— Такъ помни, Иванъ Микитичъ, половину держишь?

— Нѣту, сказалъ: четыре цѣлковыхъ — больше нѣтъ.

— Ты сказалъ пятнадцать рублевъ, да Марья-то Трофимовна обѣщала мнѣ половину. Такъ, вѣдь, Марья Трофимовна?..

— Обѣщала-то я обѣщала, да, вѣдь, и то сказать: я вашего дѣла не знаю, какіе тамъ у васъ ни на есть счеты. Вѣдь, онъ денегъ, батюшка, мнѣ недаетъ. Нѣту, нѣту, не даетъ, всѣ у себя держитъ.

Въ этомъ отношеніи дѣйствительно Марья не могла взять верха надъ своимъ мужемъ.

— Такъ какъ-же, Иванъ Микитичъ, ну, ужъ на половинку-то что-ли?

— Нѣту, Михайло Захарычъ, что хошь, нѣту. Слышь, денегъ нѣту — послѣднія.

— Охъ, ты мнѣ!.. нече дѣлать! Прощенья просимъ, Марья Трофимовна, Катеринушка.

— Прощайте, Михайло Захарычъ, дай Богъ счастливо.

IV.

Дружно шли рядомъ будущіе два свата, перекачиваясь съ боку на бокъ и размахивая руками. День былъ праздничный, и деревня смотрѣла по праздничному, и въ воздухѣ было свѣтло и ясно, и солнышко, какъ нарочно, сіяло ярче и даже грѣло немного, даромъ что была зимняя пора. Алмазами горѣли напудренныя снѣгомъ вѣтви деревьевъ, и золотыми полосами скользили солнечные лучи по серебряному покрову широкаго поля; густыми, прямыми столбами поднимался дымъ изъ трубъ, и тамъ вверху сливался съ прозрачнымъ, чистымъ воздухомъ. И любовались на чудный морозный день деревенскія избушки, и алымъ румянцемъ отражали въ себѣ солнце крошечныя стекла ихъ маленькихъ оконъ. Почти все народонаселеніе деревни отправлялось въ церковь къ обѣднѣ. По улицѣ Михайло Захарычъ и Иванъ Никитичъ постоянно встрѣчали сосѣдей и раскланивались съ ними. Вотъ встрѣтился дѣдушка Еремѣй съ бабушкой Ульяной, дружная чета стариковъ, вмѣстѣ жившихъ весь свой вѣкъ, вмѣстѣ иду-

щихъ теперь въ церковь, и, вѣроятно, надѣявшихся вмѣстѣ отправиться въ могилу. Вотъ цѣлая толпа молодыхъ бабъ въ зеленыхъ и желтозеленыхъ нанковыхъ шубахъ и красныхъ платкахъ, съ лицами румяными отъ природы и раскраснѣвшимися еще болѣе отъ мороза. Вслѣдъ за ними такая-же толпа молодыхъ парней, женатыхъ и холостыхъ, въ синихъ чуйкахъ и просто въ сѣрыхъ кафтанахъ, подпоясанныхъ красными кушаками. Впереди, и съ боковъ, и сзади ихъ, несутся толпы ребятишекъ — побогаче въ дубленыхъ желтыхъ шубахъ, побѣднѣе въ простыхъ нагольныхъ, изъ которыхъ иные очевидно имъ не по росту и принадлежатъ либо тетѣ, либо бабѣ, что доказываютъ длинные, висящіе по колѣни рукава и ширина самаго запаха, въ который помѣстилось-бы штуки три такихъ шалуновъ. Весело бѣгутъ они вслѣдъ за старшими, вязнутъ съ суметѣ, коли не стаетъ дороги, подшибаютъ комки снѣга, катятся на ногахъ по гладкой полосѣ, вытисненной въ снѣгу широкимъ полозомъ саней. Нѣкоторые изъ мужиковъ, встрѣчаясь съ двумя сватами, останавливались, спрашивая: куда это Богъ несетъ? — на что Михайло Захарычъ отвѣчалъ неопредѣленно, а Иванъ Никитичъ, по своему обыкновенію, ничего не говорилъ. Наконецъ они дошли до кабака. Деревня, въ которой жили наши герои, была довольно большая. Чрезъ нее проходила проѣзжая дорога, потому не мудрено, что русская выразительная елка привилась на здѣшней почвѣ. Впрочемъ она красовалась надъ убогой, небольшой дряхлой избенкой. Надъ низенькой черной дверью ея когда-то висѣла вывѣска съ надписью: питейный домъ; но теперь хотя она и сохранилась, но представляла изъ себя лишь скоробленный, изогнутый и по краямъ изорванный

кусокъ жести, на которомъ рѣшительно ничего нельзя было разобрать, но елка красовалась надъ нею попрежнему. Внутри, какъ слѣдуетъ, поперекъ избы тянулся прилавокъ, по стѣнамъ красовались полки съ выстроенными по нимъ штофами, полуштофами, косушками и шкаликами, а въ сторонѣ покоилась цѣлая бочка, впрочемъ пустая. Направо отъ входа маленькая дверь вела въ другую комнату, гдѣ проживалъ цѣловальникъ съ своей супругой. При входѣ посѣтителей, онъ тотчасъ-же явился. Это былъ мужчина толстый, коренастый, съ большимъ животомъ, съ краснымъ заплывшимъ лицомъ, въ красной рубашкѣ и въ черныхъ плисовыхъ шароварахъ. Черные его волосы были гладко причесаны, а небольшою черною бородкой не побрезговалъ-бы любой столичный левъ или денди.

— Ахъ, дорогіе гости, очинно рады! Милости просимъ! чего прикажете? спрашивалъ цѣловальникъ, отправляясь за прилавокъ.

— Четверть, отвѣчалъ коротко и ясно Михайло Захарычъ.

— Можно-съ. И цѣловальникъ поставилъ на прилавокъ четверть вина. Что вы, али горе горевать хотите? слышали мы, слышали. Что дѣлать-то, Михайло Захарычъ? Ну, а больше ничего не угодно? На счетъ... здѣсь употребить, ради праздника?

— Нѣтут-ка, еще и къ обѣднѣ не благовѣстили — грѣшно. Михайло Захарычъ не распространялся болѣе, потому что не любилъ людей, подобныхъ цѣловальнику, и никогда, по крайней мѣрѣ, въ трезвомъ видѣ, не унижалъ себя до короткости съ ними. Иванъ Никитичъ молчалъ по привычкѣ.

Недовольный такимъ обращеніемъ, цѣловальникъ сухо сказалъ: „ну, какъ хотите: у насъ принужденья

нѣтъ! — и получивши деньги за вино, холодно простился съ посѣтителями.

Когда Михайло Захарычъ съ Иваномъ Никитичемъ входили въ кабакъ, нѣкоторыя изъ женщинъ замѣтили это и печально покачали головою.

— Эко горе-то, а? Какой человѣкъ-отъ? Первый человѣкъ, вѣдь, а вотъ что горесть-то дѣлаетъ. Ну-ка, вмѣсто обѣдни ужъ съ позаранку. Эхе-хе! говорила одна изъ нихъ.

— Ты говори! отвѣчала лаконически другая.

Назадъ нашимъ мужикамъ должно было идти черезъ всю деревню, потому что кабакъ находился на одномъ краю ея, а господскій домъ на другомъ, противоположномъ.

Когда Михайло Захарычъ съ Иваномъ Никитичемъ шли по деревнѣ, въ ней уже почти никого не было: всѣ отъ мала до велика ушли къ обѣднѣ, оставались лишь только нѣкоторыя бабы, да ребятишки. Увидя Михайла Захарыча съ бутылью въ рукахъ, тѣже кумушки, которыхъ разговоръ мы слышали, предались еще большимъ сожалѣніямъ, для чего одна поторопилась даже побѣжать къ другой, чтобы сказать: видѣла? нашего-то богатѣню, матка?

— Видѣла, видѣла.

— Ну-ка, дѣвка, и тамъ-то выпили, да и съ собой-то взяли. Цѣлую четверть, вѣдь, взяли.

— Да, да! это ужъ ихъ горе-то больно разобрало: такъ ужъ идутъ и не помнятся, и голова-то съ плечъ катится.

— Да, да! ты говори: вѣдь, тоже дѣти. Охъ, матушка, дѣтки. Вѣдь этакое дѣло-то, Ивановна, то скажи: только было сладились, и парень-то, и дѣвка-то молодые, ражіе. Да на обоихъ-то эка напасть вдругъ, а? Матери-то, матери-то, чай?

— Ужъ такъ-то, что ужъ... ну.

Потомъ обѣ кумушки, подпершись руками подъ щеку, посмотрѣли въ землю, потомъ другъ на друга и очевидно не находили что больше говорить.

— Бѣжать! сказала, наконецъ, одна изъ нихъ. Дѣлъ-то, дѣлъ-то что еще... бѣжать! Прости, Ивановна, покудова... бѣжать... Э-эхъ-ма!..

Почти безмолвно, лишь изрѣдка перекидываясь короткими и отрывочными фразами, шли два свата къ барскому двору. Господскій домъ стоялъ въ сторонѣ отъ деревни и отдѣлялся небольшой рѣчкой, черезъ которую былъ перекинутъ мостъ. Архитектура этого дома носила на себѣ ясные слѣды извѣстнаго стиля, самостоятельнаго, разнообразнаго, но представлявшаго нѣкоторыя общія черты, даже въ самомъ своемъ разнообразіи, стиля русскихъ усадебныхъ построекъ. Это былъ домъ деревянный, одно-этажный, выкрашенный желтою краскою. Надъ нимъ съ двухъ сторонъ высились неизбѣжные мезонины съ прикрѣпленными къ нимъ балкончиками. Балкончики поддерживались двумя бѣлыми колонами, основаніе которыхъ покоилось на другомъ балконѣ у нижняго этажа, представлявшаго изъ себя болѣе форму террасы или площадки. Ставни у оконъ были выкрашены бѣлой краской и вооружены длинными желѣзными болтами. Таковъ передній фасадъ дома, таковъ и задній; боковые фасады также были похожи одинъ на другой. Когда знакомцы наши подходили къ воротамъ барскаго дома, изъ этихъ воротъ выѣхало какое-то зданіе на полозьяхъ, которое, можетъ быть, было-бы похоже на возокъ, если-бы не его оригинальная форма, сжатая къ верху и расширенная къ низу, напоминающая собою родъ извѣстнаго устройства головы, которую Гоголь такъ удачно срав-

нилъ съ рѣдькой, хвостомъ вверхъ. Зданіе это было нѣкогда выкрашено темно-коричневой краской, но теперь, вслѣдствіе дѣятельной жизни, не чуждой треволненій и непогодъ, казалось черно-рыжимъ. Окна возка были тщательно закрыты стеклами, около которыхъ виднѣлись остатки существовавшей нѣкогда опушки медвѣжьимъ мѣхомъ. Зданіе влачили три со взъерошенною шерстью коня, запряженные г у с е м ъ, т.-е. одинъ за другимъ. Кучеръ ловко взмахнулъ и щелкнулъ своимъ длиннымъ кнутомъ и лошади сначала шарахнулись въ сторону, потомъ въ другую, передняя-было оборотилась головой къ задней, но, искусно подстегнутая, понесла, какъ слѣдуетъ. Зданіе, выѣхавши изъ воротъ, повернуло на лѣво, и показало свой затылокъ съ длинными тесьмами, которыя болтались вмѣстѣ съ прицѣпившимися къ нимъ двумя огромными гайдуками въ волчьихъ шубахъ.

— Барыня! сказалъ лаконически Михайло Захарычъ, который стоялъ безъ шапки до тѣхъ поръ, пока возокъ не скрылся изъ глазъ.

— Барыня! подтвердилъ Иванъ Никитичъ.

— Знать въ церковь? примолвилъ первый полувопросительно, полу-утвердительно, какъ умѣетъ говорить только русскій крестьянинъ.

— Знать въ церковь! сказалъ, тряхнувши головой, Иванъ Никитичъ.

Потомъ они вошли на дворъ, и, поровнявшись съ крыльцомъ дома, усердно поклонились, потому что на немъ стояла цѣлая толпа прислуги, провожавшая барыню, и теперь слѣдившая глазами за скрывающимся экипажемъ. Тутъ были: Гаврило, Ѳадей Ѳадеичъ, Евпракса Митревна, просто Матвѣевна и сверхъ того: Машутка, Дарюшка, Серашка, Дуняшка, Филь-

ка, и, наконецъ, Пухлышъ — маленькій казачекъ, толстый мальчишка, любимецъ барыни. Вся эта прислуга, достаточно потолкавшись на лѣстницѣ, и поеживаясь отъ морозу, хотѣла-было ужъ цѣлой толпой хлынуть назадъ, когда съ крыльцомъ поровнялись двое нашихъ путешественниковъ. Всѣ, разумѣется, тотчасъ остановились.

— Ахъ, Михайло Захарычъ, Иванъ Микитичъ. Что это? куды! Нешто къ барынѣ? уѣхала, уѣхала! Или въ церковь шли, да зашли? посыпалось со всѣхъ сторонъ на двухъ мужиковъ.

— А это что у тебя? спросилъ Гаврило, указывая на бутыль съ виномъ, которую Михайло Захарычъ держалъ въ рукахъ, тщательно желая скрыть отъ любопытныхъ взоровъ.

Этотъ вопросъ нѣсколько смутилъ Михайлу, но, тотчасъ-же оправившись, онъ отвѣчалъ:

— Что тута? а уксусъ!

— Уксусъ?.. спросилъ протяжно и недовѣрчиво Ѳадей Ѳадеичъ.

— Пра, уксусъ.

— Полно, вѣрно-ли? ровно не уксусомъ пахнетъ.

На крыльцѣ раздался смѣхъ.

— Да ты къ кому?

— Къ Осипу Степанычу! отвѣчалъ, запинаясь, Михайло Захарычъ.

— На што тебѣ его? зачѣмъ?

— Да такъ: свое дѣло есть...

— А, видно что-нибудь похлопотать около Матрены Ѳоминишны — можно.

— Ахъ, батюшки! послышались на крыльцѣ женскіе голоса. Чтой-то, Господи! Хи, хи, хи! Экой человѣкъ! Ну, ужъ, Ѳаддей Ѳаддеичъ! Экой языкъ! просмѣетъ хошь кого!

Эти возгласы сопровождались громкимъ смѣхомъ и хлопаньемъ по фартукамъ.

— Подите, подите къ Осипу! продолжалъ ободренный Ѳаддей Ѳаддеичъ. Онъ вамъ укажетъ фундаментъ. Они съ Ѳоминишной-то свои люди: у нихъ все недѣленое.

Смѣхъ и возгласы удивленія раздались на лѣстницѣ еще громче, и когда Михайло Захарычъ, воспользовавшись удобной минутой, поклонился всей честной компаніи и направилъ шаги свои къ службамъ — Ѳаддей Ѳаддеичъ обратился къ крыльцу, и, входя на него, отпустилъ еще такую шутку, что всѣ всплеснули руками, а одна дѣвка, чтобы яснѣе выразить свое удовольствіе, даже столкнула его съ лѣстницы, сказавши: „экой, вѣдь, озорникъ, право! Не языкъ, — бритва!“ Раздался громкій смѣхъ, и вся ватага съ шумомъ ввалилась въ сѣни, а потомъ и въ прихожую.

Михайло Захарычъ съ товарищемъ направлялись къ людской. Они вошли въ длинныя сѣни, изъ которыхъ были двери направо и налѣво. Они отворили послѣднюю и вступили въ избу, которая, будучи нѣсколько попросторнѣе, нисколько не отличались отъ деревенской избы. Въ ней на этотъ разъ никого не было, но изба эта была раздѣлена перегородкой, и за послѣдней слышалось присутствіе человѣка, курящаго трубку, что свидѣтельствовали страшные клубы дыма, несшіеся изъ-за перегородки и наполнявшіе избу самымъ зловоннымъ, возбуждающимъ головокруженіе запахомъ. Вошедши въ избу, Михайло Захарычъ переглянулся съ Иваномъ Никитичемъ, потомъ громко кашлянулъ.

— Какіе черти тамъ возятся? послышался изъ-за перегородки громкій голосъ.

Михайло Захарычъ опять кашлянулъ, подошелъ къ двери, ведшей за перегородку, поставилъ на полъ бутыль съ виномъ, повздернулъ немного рукавъ лѣвой руки и сталъ отворять дверь.

— Что тутъ за черти? Кто тутъ, спрашиваютъ? послышался опять тотъ же голосъ.

Михайло Захарычъ вошелъ за перегородку, а вслѣдъ за нимъ и Иванъ-Корыто. Ихъ взорамъ предсталъ Осипъ Степанычъ.

Осипъ Степанычь былъ ни кто иной, какъ лакей помѣщицы Михайла Захарыча, но лакей на особыхъ правахъ и пользовавшійся особыми привилегіями, вслѣдствіе крайне дружественныхъ отношеній, въ которыхъ онъ находился съ Матреной Ѳоминишной, главной ключницей, домоправительницей и любимицей барыни. Эти отношенія были предметомъ общаго удивленія и недоумѣнія во всемъ околодкѣ, потому что Осипъ Степанычъ былъ не только невзраченъ, но даже и безобразенъ, такъ что никто не могъ понять, какое чувство могло приблизить его особу къ такому важному лицу, какъ Матрена Ѳоминишна, и неужели она не могла во всей дворнѣ выбрать почище его? Въ самомъ дѣлѣ, наружность Осипа Степаныча, хотя и бросилась бы въ глаза всякому, но никого бы не привлекла къ себѣ. Вообразите себѣ невысокаго, но чрезвычайно широкоплечаго, малаго съ несоразмѣрно развитою головою, которая прикрѣплялась къ плечамъ почти безъ посредства шеи. Далѣе, представьте себѣ лице чрезвычайно подвижное, но не въ томъ отдаленномъ смыслѣ, въ какомъ вы привыкли принимать это слово, но въ буквальномъ его значеніи, т. е. вообразите лице, въ которомъ всѣ мускулы въ постоянномъ движеніи, и особенно тогда, когда на немъ открываются уста. Представьте, что

лѣвый глазъ этого лица постоянно мигаетъ и по временамъ перекашивается, что губы его, толстыя и удлиненныя впередъ, почти выворачиваются на изнанку, когда начинаетъ говорить ихъ владѣтель и вы будете имѣть нѣкоторое понятіе объ Осипѣ Степанычѣ. Не мудрено, что общее мнѣніе деревни затруднялось объясненіемъ связи, таившейся между этимъ существомъ и гордой, неприступной, строгой домоправительницей. Многіе навѣрно предполагали, что Осипъ Степанычъ, просто, обошелъ Матрену Ѳоминишну, приворотилъ ее, да и только. Но какъ бы то ни было, только Осипъ Степанычъ имѣлъ на ключницу удивительное вліяніе: она не только исполняла его личныя желанія, блажныя требованія и прихоти, но даже и въ отношеніи къ другимъ держала себя согласно его вкусу. Что-же касается до съѣдомаго, то въ этомъ отношеніи Осипъ Степанычъ какъ сыръ въ маслѣ катался. „Ему и печонымъ, ему и варенымъ, ему и сырымъ тащитъ господскаго-то добра“, говорили ненавистники и завистники изъ дворовыхъ. „То-ли ему не житье!“ прибавляли они, „не станетъ, не ляжетъ безъ чаю-сахару, да безъ сдобнаго пирога . . .“ Осипъ Степанычъ былъ не глупъ отъ природы и даже нѣсколько добръ, но счастье-ли его избаловало, или ужъ у него былъ такой норовъ, только онъ не могъ говорить, какъ другіе люди, но всегда съ крикомъ, бранью и не могъ ступить безъ нехорошаго слова. Къ тому-же, былъ чрезвычайно раздражителенъ, задоренъ, не терпѣлъ прекословія, и лѣзъ ко всякому съ кулакомъ, надѣясь, можетъ быть, на свою дѣйствительно богатырскую силу и покровительство Матрены Ѳоминишны. Не любилъ онъ дѣла, или, лучше сказать, занимался имъ только припадками; но былъ

большой охотникъ лежать, курить махорку изъ коротенькаго чубука и играть въ три листика съ фалькой, или съ бардадымомъ. Впрочемъ, такъ какъ сѣсть съ нимъ играть — значило непремѣнно разодраться, или по-крайней мѣрѣ быть поколочену, поэтому мало находилось охотниковъ состязаться съ нимъ на этой опасной аренѣ, и Осипъ Степанычъ часто, за неимѣніемъ другихъ партнеровъ, приказывалъ играть съ собой кокому-нибудь дворовому мальчишкѣ, и тогда горько приходилось маленькому бѣдняку. Умъ и доброта Осипа Степаныча выражались тогда, когда онъ бывалъ навеселѣ: неистощимый ручей остроумія струился тогда изъ его усть, и онъ готовъ былъ всякому отдать послѣднюю рубашку. Но если Осипъ Степанычъ напивался допьяна, то становился звѣремъ, теряя все человѣческое: лице его уже не передергивалось, а судорожно корчилось, глаза уже не мигали, а совершенно выворачивались и прыгали. Тогда онъ уже не говорилъ, а хрипѣлъ, и убить человѣка въ этомъ состояніи ему казалось столько-же ничтожнымъ, какъ убить муху, или зарѣзать курицу для супа. Тогда всѣ бѣжали отъ него прочь, и заботились только о томъ, чтобы запереть его въ какой-нибудь темный чуланъ, подвалъ или хлѣвъ, обрекая совершенному уничтоженію все, что только могло попасться въ его руки. Впрочемъ. надобно сказать къ чести Осипа Степаныча, что онъ рѣдко напивался до-пьяна, потому что штофъ только что могъ приводить его въ веселое расположеніе духа. Всѣ эти качества, само собою разумѣется, не могли расположить дворню въ пользу Осипа Степаныча, но всѣ боялись его, какъ за него собственно, такъ и за Матрену Ѳоминишну. Одинъ только остроумный и заслуженный жрецъ лакейскій,

Ѳаддей Ѳаддеичъ, позволялъ себѣ иногда съострить на счетъ Осипа Степаныча, и то не въ глаза. Съ своей стороны неустрашимый и грозный, Осипъ Степанычъ чувствовалъ какой-то, можно сказать, паническій страхъ къ одному бурмистру, хотя онъ и зналъ, что тотъ не могъ ему ничего сдѣлать худаго, подъ защитой Матрены Ѳоминишны. Онъ даже измѣнялъ съ бурмистромъ свой обычный грубый и крикливый тонъ разговора, но изъяснялся просто и уважительно, такъ что тотъ, по слабости человѣческой, въ иной добрый часъ, говаривалъ даже: „за что не любять Осипа: онъ малый добрый и изъ себя не дуракъ: буянливъ маленько, ну, да кто безъ грѣха?“

Когда Михайло Захарычъ вошелъ за перегородку, гдѣ было особое помѣщеніе Осипа Степаныча, и гдѣ онъ теперь лежалъ на лавкѣ и курилъ табакъ, послѣдній закричалъ на него:

— Что тебѣ надо, питерскій проходимецъ?

— Мы, то есть, къ твоей милости, отвѣчалъ съ поклономъ Михайло Захарычъ.

— Какая моя милость, что у меня за милость!... Ишь ты, милость... денегъ-то, чай, съ гору у верблюда экаго, а угостишь-ли когда. Чего надо, какая милость?

— Да вотъ, на счетъ, то есть, въ очереди мы со сватомъ, Осипъ Степанычъ, такъ моему Андрюхѣ, а его Петрухѣ приходитъ линія въ некруты....

— Ну, такъ что? туда имъ и дорога... давно пора.... Ишь ты, и эта пучеглазая ворона.... Обоихъ васъ пора бы въ солдаты-то! прощалыги этакіе....

— Да, вѣдь, мы... сказалъ Михайло Захарычъ, и, какъ опытный тактикъ, быстро поднялъ бутыль

съ виномъ и съ поклономъ поставилъ ее на столъ, въ видѣ бруствера между собой и Осипомъ Степанычемъ. — Мы, вѣдь, не полагай, Осипъ Степанычъ... на счетъ... не откажись принять, пособи только....

Осипъ Степанычъ бросилъ трубку, всталъ, подошелъ къ бутыли, наклонился, ловко вытащилъ пробку, налилъ стаканъ и выпилъ.

— Ну, что же, въ чемъ пособить? — сказалъ онъ.

— А вотъ, Осипъ Степанычъ, изволилъ говорить я тебѣ, что, то есть, на счетъ ребятъ-то... такъ примѣрно, отцовское дѣло, жаль; а наймиста купить не по нашимъ деньгамъ, такъ, то есть, и просимъ тебя на счетъ... попроси Матрену Ѳоминишну, чтобы, сказать къ примѣру, довели барынѣ, то есть, такъ бы, чтобы насъ ослободить этакимъ родомъ, а... на счетъ, примѣрно... какое ни на есть сумнѣніе, на счетъ кого поставить, такъ поставить, молъ, Ѳедора кузнеца... Такъ, что онъ человѣкъ не въ достаткахъ, и къ хозяйству не прилеженъ, да и недоимокъ на немъ много, да и родъ его небольшой... Вотъ, на счетъ... ужъ ты и помоги, Осипъ Степанычъ, а ужъ мы за тебя Бога помолимъ.

Въ продолженіи этого длинаго объясненія, въ которомъ Михайло Захарычъ многое пояснялъ жестами рукъ и движеніемъ пальцевъ, а Иванъ Никитичъ вздохами и киваньемъ головы, — Осипъ Степанычъ успѣлъ выпить еще нѣсколько стакановъ.

— Ладно! сказалъ онъ. Можно. Выпей.

— Нѣтъ, покорнѣйше благодаримъ, Осипъ Степанычъ: еще обѣдня, вѣдь, идетъ.

— Выпей, говорятъ, что тутъ? Развѣ я не знаю, что обѣдня?... Выпей, коли говорю... для компанства.

— Покорнѣйше благодаримъ, Осипъ Степанычъ.

Михайло Захарычъ выпилъ.

— И ты выпей! говорилъ Осипъ Степанычъ, Ивану Никитичу.

— Нѣту, ужъ я... И Иванъ Никитичъ махнулъ руками въ воздухѣ и тряхнулъ головой.

— Ну, что еще?... пей, и я выпью.

Иванъ Никитичъ повиновался.

— Такъ какъ же дѣльце-то, Осипъ Степанычъ? продолжалъ Михайло Захарычъ.

— Дѣльце?... Ничего! Дѣльце можно. Выпьемъ еще.

— Нѣтъ, ужъ ты меня такъ облагонадежь, Осипъ Степанычъ.

— А дай пятьсотъ рублевъ! воскликнулъ вдругъ Осипъ Степанычъ, выпивши еще стаканчикъ. Михайло Захарычъ улыбнулся, Иванъ Никитичъ поблѣднѣлъ.

— Экъ, пошутилъ, Осипъ Степанычъ! Какія у насъ пятьсотъ рублей?

— Ворона-то, ворона-то испугался! кричалъ со смѣхомъ Осипъ Степанычъ. Знаю я тебя, мошенникъ саратовскій, скупъ, какъ жидъ. Дай пятьсотъ рублей, не то въ солдаты отдамъ. А, что, не дашь? Ха, ха, ха! Эй, садись-ка, ребята, да выпьемъ еще. Садись, говорятъ: пей, когда велятъ. Всякой Еремѣй дѣло свое разумѣй.

Сѣли. Выпили еще.

— Такъ на счетъ... ужъ ты скажи мнѣ рѣшеніе, Осипъ Степанычъ, чтобы я былъ, напримѣръ, благонадеженъ.

— Ладно, ладно, ребята. Изволь: коли такъ, такъ такъ, а не такъ, такъ не такъ! Такъ ли?

— Ужъ это конечное дѣло, Осипъ Степанычъ.

— Ну, такъ нече и разговаривать. Пей еще, ребята!

— Такъ ужъ мы такъ и будемъ полагать, Осипъ Степанычъ.

— Ужъ, сказалъ... Ну, дайте еще по цѣлковому, да и ступайте домой, а ужъ тамъ я свое сдѣлаю.... А съ тебя я пятьсотъ рублей сдеру. Право, сдеру. Смотри.

— Мы дать дадимъ, Осипъ Степанычъ, только ужъ ты, то есть, попроси Матрену Ѳоминишну... на счетъ... чтобы она насъ деньгами-то не притѣсняла. Коли ты попросишь, Осипъ Степанычъ, такъ она тебя послушаетъ: поменьше возьметъ....

— Просить! стану я просить!... Зыкну, такъ она у меня знашь... Эхъ, вѣдь... да что говорить... мы про то знаемъ.... Ну, по цѣлковому.

— Изволь, Осипъ Степанычъ, только, чтобы, то есть... своему слову господинъ....

— Ну, извѣстно, что еще!

— Ну, то-то!... Я только такъ, молъ....

— Что же ты-то: давай! говорилъ Осипъ Степанычъ, обращаясь къ Ивану Никитичу. Послѣдній взглянулъ на Михайлу Захарыча и замялся.

— Ну, что же ты-то? Али руки не владѣютъ съ цѣлковымъ-то разстаться? Эхъ ты, жидъ!

— Да, я, вѣдь, на счетъ Матрены Ѳоминишны... а то я...

— Что? заревѣлъ Осипъ Степанычъ. А вотъ я у тебя всю мошну отыму. Подавай что ли цѣлковый! Эхъ, ты!... Ну!

Иванъ Никитичъ подалъ цѣлковый дрожащими руками.

— Ну, такъ ужъ ты потрудись: теперя и сходи къ Матренѣ Ѳвминишнѣ, а мы подождемъ. Ты сходи, да и скажи намъ рѣшеніе.

— А не пойду.

Михайло Захарычъ и Иванъ Никитичъ остановились въ недоумѣніи и замѣшательствѣ, но громкій хохотъ Осипа Степаныча вывелъ ихъ изъ этого состоянія.

— Ха, ха, ха! испугались!... Ужъ сказалъ, что сдѣлаю, такъ сдѣлаю!

И дѣйствительно, Осипъ Степанычъ натянулъ на себя изношенный толстаго синяго сукна сюртукъ, выправилъ на сапоги свои панталоны, что онъ дѣлалъ всякій разъ, какъ шелъ въ комнаты, потому что барыня терпѣть не могла мужицкой привычки заправлять брюки въ сапоги и строго это запрещала, хотя вся дворня, напротивъ, имѣла особенную любовь къ такой формѣ ношенія панталонъ. Потомъ Осипъ Степанычъ сѣлъ на лавку, и снова закурилъ свою трубку, чтобы затянуться на дорогу, какъ онъ выразился. Во время этого куренія, за перегородкой сохранялось безмолвіе, нарушаемое лишь всхлипываніемъ чубука и пискомъ трубки. Осипъ Степанычъ наслаждался. Михайло Захарычъ и Иванъ Никитичъ давно уже задыхались отъ зловоннаго курева, но почтительно дожидались, когда Осипъ Степанычъ кончитъ свою забаву. Сдѣлавши послѣднюю затяжку, отъ которой въ чубукѣ и трубкѣ раздалось какое-то храпѣніе и завыванье, онъ плюнулъ на сторону, застегнулъ сюртукъ на нижнюю пуговицу и собрался идти.

— Такъ ужъ мы подождемъ, Осипъ Степанычъ, а ты поговори, да и скажи намъ рѣшеніе; а мы вотъ тутъ на дворѣ, или здѣсь и подождемъ.

— Ну, ладно, дожидайтесь вотъ здѣсь въ избѣ, а я каморку-то запру. Оставь-ко: такъ сейчасъ все выдудятъ изъ бутыли-то. что есть.

Осипъ Степанычъ вышелъ на дворъ въ сопровожденіи Михайла Захарыча и Ивана Никитича, которые хотѣли видѣть, куда онъ направитъ шаги свои. Осипъ Степанычъ пошелъ къ заднему крыльцу господскаго дома. Дорогой онъ уськнулъ злую дворняшку на козла, который важно пробирался въ конюшню, погрозилъ кулакомъ какому-то мальчишкѣ и показалъ видъ, что хочетъ бѣжать за нимъ, отчего тотъ завизжалъ и бросился со двора стремглавъ, наконецъ, подходя къ самому крыльцу, толкнулъ подъ бокъ краснощекую горничную дѣвку, которая отмахнулась локтемъ одной руки, приговаривая; „экой чортъ!“ Послѣ этого Осипъ Степанычъ скрылся на крыльцѣ.

— Ушелъ! сказалъ наблюдавшій за нимъ Михайло Захарычъ.

— Ушелъ! повторилъ Иванъ Никитичъ.

— Эка прорва окаянная! промолвилъ первый — выпилъ, вѣдь, больше половины бутылки, и хоть-бы въ одномъ глазѣ. Еще по цѣлковому содралъ: мурза этакой!

— А какъ-же, вѣдь, и съ меня взялъ. Ужъ я теперя больше одиннадцати рублевъ не держу, Михайло Захарычъ. Сказалъ: пятнадцать, вотъ цѣлковый и отдалъ, а то, что достальное только и отдамъ.

— Опять клянчить! Эхъ, ты! полно тебѣ! Вѣдь говорили пятнадцать рублевъ Матренѣ Ѳоминишнѣ, а про Осипа Степаныча и рѣчей не было: самъ далъ, самъ и казнись, а это не мое дѣло.

— Нѣтъ, ужъ . . . какъ-же, Михайло Захарычъ? Ужъ какъ тамъ хочешь, а я больше не отвѣчаю . . . и денегъ не взялъ.

— Ну, такъ что? пожалуй, не отвѣчай: Петрухуто и отдадутъ!

— Такъ пусть-же ужъ отдаютъ, я, инъ, домой пойду, а ужъ у меня больше денегъ нѣтъ.

— Поди, пожалуй, а на што-же цѣлковый-то даромъ отдалъ?

Иванъ Никитичъ, который-было сдѣлалъ уже движеніе, чтобы уйдти, при послѣднихъ словахъ остановился съ недовольнымъ видомъ, съ досадой посмотрѣлъ на Михайла Захарыча и тряхнулъ головой.

— Нѣтъ, ужъ это . . . нѣтъ! Ты ужъ это . . . Ну, ужъ . . . И Иванъ Никитичъ усѣлся на лавкѣ съ самымъ разстроеннымъ и недовольнымъ видомъ.

Такъ и сидѣли они безмолвно, покашиваясь другъ на друга до тѣхъ поръ, пока не возвратился Осипъ Степановичъ.

V.

Изъ сѣней задняго крыльца Осипъ Степанычъ вошелъ въ темный корридоръ, изъ котораго въ ту и другую сторону шли двери. Самая первая, справа, вела въ какое-то темное помѣщеніе, въ которое Осипъ Степанычъ не пошелъ, а отворилъ дверь, находившуюся рядомъ съ первой. Глазамъ его представилась небольшая въ два окна комната, вся заставленная мебелью. Прямо въ простѣнкѣ между окнами висѣло зеркальцо въ красной рамкѣ, со звѣздочками изъ позолоченнаго алабастра по угламъ. Одного угла въ зеркалѣ не доставало, и вмѣстѣ него виднѣлся лоскутокъ бѣлой, толстой бумаги, носившей на себѣ, равно какъ и самая рамка, слѣды мухъ и клоповъ. Налѣво, въ переднемъ углу помѣщена была кіота съ образами, передъ которыми теплилась лампада; за кіотой заткнуто было нѣсколько прутьевъ вербы. Къ срединѣ потолка, неизвѣстно ради какой

цѣли, прикрѣплялось изображеніе голубя съ распростертыми крыльями, выкрашенное голубой краской. На окнахъ стояли горшки съ еранью, базиликами и чайникъ безъ горлышка съ бальзаминомъ, извѣстнымъ цвѣткомъ, довольно красивымъ, но которому почему-то строго запрещенъ доступъ во всякій порядочный домъ, который обреченъ судьбою на вѣчное презрѣніе и произрастаніе непремѣнно въ искалеченнымъ чайникахъ. На стѣнахъ комнаты висѣло четыре картины: на одной изображены были двѣ малиноваго цвѣта птицы, сидящія на зеленой вѣткѣ какого-то несуществующаго растенія, на другой извѣстная героиня Бобелина. Третья и четвертая изображала какихъ-то генераловъ въ треугольныхъ шляпахъ съ перьями. Съ лѣвой стороны стояло односпальное ложе изъ двухъ пышныхъ пуховиковъ, прикрытыхъ ситцевымъ на ватѣ одѣломъ, выстеганнымъ разными замысловатыми узорами, въ которыхъ главную роль играло изображеніе лавровыхъ листьевъ. У противоположной стѣны стоялъ старый, красный шкафъ со стеклами, съ находящимся подъ нимъ комодомъ въ четыре ящика, изъ которыхъ каждый вооруженъ былъ двумя ручками. Рядомъ съ нимъ помѣщался зеленый сундукъ съ полукруглымъ дномъ, вслѣдствіе чего онъ, разумѣется, переваливался съ одного бока на другой, какъ только на него опиралась какая-нибудь тяжесть. Подъ зеркаломъ стоялъ столикъ, покрытый синею скатертью, съ бѣловатымъ изображеніемъ домовъ и церквей. Два кресла съ веревочнымъ плетеніемъ, вмѣсто подушки, выкрашенныя нѣкогда бѣлой краской, а теперь порыжевшія, и нѣсколько стульевъ съ кожаными подушками, занимали всѣ пустыя мѣста комнаты. Это было помѣщеніе Матрены Ѳоминишны, ея особенная комната.

Когда Осипъ Степанычъ вошелъ въ нее, сама владѣтельница рылась въ комодѣ, и при неожиданномъ вторженіи посѣтителя, съ неудовольствіемъ былоподняла голову и хотѣла что-то сказать не совсѣмъ ласковое, но, увидя кто вошелъ, промолчала.

Матрена Ѳоминишна происхожденіемъ своимъ обязана была какому-то мелкому чиновнику сосѣдняго уѣзднаго города, который, за отсутствіемъ всѣхъ прочихъ земныхъ благъ, былъ надѣленъ пятью дочерьми, и лицемъ и характеромъ своимъ доказывавшими неизмѣнную вѣрность къ нему его супруги: заимствуя отъ родителя его ростъ, худобу и рыжеватаго цвѣта глаза, — онѣ носили въ себѣ начала той же раздражительной завистливости, любви къ сплетнямъ и деньгамъ, какими отличалась родительница, а у того и другаго вмѣстѣ онѣ позаимствовались больными черными зубами. Высокая, сухощавая, совершенно мужской комплекціи, съ рыженькими злыми глазами, съ необыкновенно тонкими губами и сухимъ горбатымъ носомъ, Матрена Ѳоминишна умѣла, сверхъ того, придать своей физіономіи выраженіе благочестиваго смиренія, и, не смотря на свою раздражительность, оказываемую ею къ подчиненнымъ, имѣла привычку во всемъ соглашаться съ людьми важными, значительными и нужными для нея. Эти двѣ важныя особенности Матрена Ѳоминишна пріобрѣла, вѣроятно, въ суровой школѣ жизни, среди постороннихъ людей, въ чужихъ домахъ, къ которой она была обречена съ малолѣтства. Отданная родителями еще ребенкомъ на воспитаніе одной богатой помѣщицѣ, которая имѣла большое семейство и для счастья его считала необходимостью завестись пріемышемъ, — всегда приносящимъ въ домъ благословеніе судьбы, — Матреша много стра-

дала отъ маленькихъ дѣтей помѣщицы, хотя сама въ то же время слыла за дѣвочку злую, ехидную и неблагодарную. Когда дѣти помѣщицы подросли, и сама Матреша вошла въ годы и въ полный разсудокъ, она стала просить свою благодѣтельницу отпустить ее въ экономки, чтобы самой собою промышлять себѣ хлѣбъ. Помѣщица согласилась на это, хотя и не безъ колкихъ замѣчаній. И съ тѣхъ поръ Матреша переходила изъ дома въ домъ, становясь постепенно изъ Матреши Матренушкой и наконецъ Матреной Ѳоминишной. Всего больше посчастливилось ей у послѣдней помѣщицы, женщины доброй и безхарактерной. Живя одна въ деревнѣ, эта помѣщица рада была умной, словоохотной компаньонкѣ, которая умѣла говорить обо всемъ и особенно хорошо отъ Божества. Матрена Ѳоминишна успѣла представить свою прежнюю судьбу въ самыхъ грустныхъ чертахъ, чрезъ что возбудила къ себѣ ея состраданіе, а постоянною покорностью, угодливостью, ловкой, незамѣтной лестью и выраженіемъ полной преданности успѣла не только заслужить любовь и довѣренность со стороны помѣщицы, но даже совершенно покорить ее своей волѣ, такъ что послѣдняя ни на что не рѣшалась, ничего не предпримимала безъ совѣта Матрены Ѳоминишны, и никому не довѣряла больше ея. Что касается до нравственныхъ достоинствъ Матрены Ѳоминишны, то добрая помѣщица вѣрила въ нихъ больше, нежели въ свои собственныя. Хотя до нея иногда и доходили странные слухи, что будто бы Матрена Ѳоминишна продаетъ частенько, въ тихомолку, за свои собственныя — барскія полотна, яица, скоромное масло, что часто обижаетъ дворовыхъ и мужиковъ, заставляетъ ихъ ходить къ себѣ на имянины съ по-

клономъ, сбирать лѣтомъ грибы, ягоды, которыя потомъ продаетъ; но госпожа не хотѣла этому вѣрить, зная благочестивыя правила своей экономки, такъ часто ею высказываемыя. Когда же кто-то сталъ намекать однажды ей о связи Матрены Ѳоминишны съ Осипомъ Степанычемъ, то она даже сильно разсердилась и сказала, что, еслибъ она видѣла даже своими глазами что-нибудь такое, такъ и тутъ не повѣрила бы, а сочла бы за дьявольское навожденіе. Пользуясь такимъ выгоднымъ положеніемъ, Матрена Ѳоминишна имѣла на дворню и крестьянъ огромное вліяніе: всѣ ей покорялись и боялись гораздо больше, чѣмъ самой барыни. Бывали у нея стычки только съ однимъ бурмистромъ, человѣкомъ справедливымъ и умнымъ, котораго она страшно ненавидѣла, тѣмъ болѣе, что не успѣвала никакъ вооружить противъ него барыни, и который иногда осмѣливался не только возражать ей, но и дѣлать противъ ея приказаній.

— Ахъ, Степанычъ! что тебѣ надо? спросила ласково Матрена Ѳоминишна, когда увидѣла своего возлюбленнаго.

Потомъ быстро подошла къ двери, заглянула въ корридоръ и поспѣшно затворила ее.

— Что тебѣ надо? повторила она еще ласковѣе, и съ неудовольствіемъ повела носомъ, который услышалъ невыносимый для него запахъ водки изъ устъ Осипа Степаныча.

— А вотъ что, Матрена Ѳоминишна. Пришли мужики: Михайло Захаровъ, знаете, богатѣня, да Иванъ Никитинъ Корыто: на нихъ, слышь очередь.

— Да, очередь. Ну, такъ что же?

— Вотъ они и пришли: просятъ, чтобы ихъ это . . . отъ очереди-то ослободить.

Осипъ Степанычъ при послѣднихъ словахъ, сѣлъ на кровать, Матрена Ѳоминишна опять отворила дверь, взглянула въ корридоръ и уже заперла ее.

— Какъ-же освободить-то, Степанычъ? Вѣдь, ужъ нельзя, барыня такъ приказала. Да что это ты просишь: развѣ у нихъ самихъ нѣтъ языка?

— Ну, ужъ такъ . . . прошу: значитъ, такъ ужъ быть, слѣдовать должно.

— Такъ, вѣдь, нельзя, Степанычъ, никакъ нельзя . . .

— А коли можно?

— Никакъ нельзя! повторила Матрена Ѳоминишна протяжно и нетвердо, взглянуши въ то же время недовѣрчиво на Осипа Степаныча.

— А коли я говорю, что можно! . . . возразилъ онъ, возвысивши голосъ.

— Какъ же можно-то, Осипъ Степанычъ? Я не знаю . . . Да, вѣдь, и что они, жиды: они богаты, вѣдь. Имъ бы можно и съ поклономъ придти, а не то, что тебя тревожить . . .

— Ну, ужъ это мое дѣло! . . . а коли я говорю, что можно . . .

Ммтрена Ѳоминишна молчала.

— Слышите: я говорю можно.

— Не знаю! . . . отвѣчала коротко и холодно Матрена Ѳоминишна.

— А коли я говорю, что знаете . . . Коли пойдете къ барынѣ, да подведете резоны.

— Да что это тебѣ въ нихъ за нужда, Степанычъ? Не хочешь ли вчерашняго пирожка, или чего? . . . спрашивала Матрена Ѳоминишна, и сама думала: „вишь ты, мошенники, какую дорогу выдумали! я нарочно поддакивала, когда ихъ назначали въ очередь, авось, молъ, придутъ, да поклонятся, а

они вонъ какъ . . . постой же!“ И глазки ея сверкнули, и тонкія губы раздвинулись въ сторону и сдѣлались еще уже.

— А, рѣчь заминаете! . . . сказалъ смѣтливый Осипъ Степанычъ. Такъ нѣтъ же! — прибавилъ онъ. Я говорю: подите къ барынѣ, да подведите ей резоны, что, молъ, не рука ихъ семейства разбивать, вотъ и все тутъ.

— Какіе резоны? . . . резоновъ-то никакихъ нѣтъ.

— А вотъ какіе резоны: Андрюхѣ барыня невѣсту даетъ, Иванову дочь, такъ ихъ и слѣдуетъ, молъ, обженить: мужики, молъ богатые, заправные, зачѣмъ ихъ изъянить? А поставить лучше Ѳедора кузнеца: онъ бѣдный мужикъ и недоимки на немъ много, и получить ее надежи нѣтъ . . . вотъ . . . Да что, точно сами не знаете? . . .

— Да коли такое твое въ нихъ участіе, Степанычъ, такъ пришли ихъ ко мнѣ: я сама съ ними поговорю и посовѣтуюсь . . .

— Эвто можно . . . Да вотъ что, Матрена Ѳоминишна, вы съ нихъ много не берите.

— Ахъ, мошенники! каковы? подумала экономка. Помилуй, Степанычъ, да для чего же мнѣ съ нихъ брать? Какъ это можно!

— Ну, ужъ тамъ это ваше дѣло . . . Ужъ я знаю: возьмете, только что не много берите. Вотъ что! . . . Я имъ обѣщалъ, такъ чтобы было, Матрена Ѳоминишна, а то послѣ этого я вамъ непріятенъ буду . . . Слышите? Ну, вотъ что!

Матрена Ѳоминишна была чрезвычайно раздражена хитрой стратегіей, но знала, что сдѣлать напротивъ Осипу Степанычу не такъ-то для нея удобно, а ,можетъ быть, и самая любовь не позволяла ей не исполнить воли любимаго человѣка.

— Изволь, Степанычъ. Я, ты знаешь, для тебя ничего не могу отказать: попросить, я попрошу бабыню, а брать я и безъ того ничего не возьму.

— Ну, да я вамъ говорю: тамъ какъ хотите, а больше пятидесяти рублей не брать съ обоихъ. Слышите? Ну, чтобы такъ и было . . . Я ихъ сейчасъ пришлю . . .

Итакъ, какъ видите, Осипъ Степанычъ, при всѣхъ прочихъ своихъ достоинствахъ, былъ человѣкъ въ своемъ родѣ честный и своему слову господинъ: взявшись за дѣло и принявши благодарность, исполнялъ его добросовѣстно. Къ тому же его самолюбію льстила просьба, съ которой къ нему обратились, и увѣренность, которую полагали въ его вліяніи на Матрену Ѳоминишну. Онъ ушелъ довольный собою, а послѣдняя между тѣмъ осталась въ самомъ раздраженномъ состояніи духа. „Каковы? каковы?“ шептала она. Но вдругъ свѣтлая мысль блеснула въ ея головѣ, и она сказала про себя: „погодите же, мошенники!“

Михайла Захарычъ встрѣтилъ своего протектора съ озабоченнымъ видомъ.

— Ну, что, Осипъ Степанычъ? спросилъ онъ его.

— Ничего. У меня, знаешь: сказано — сдѣлано. Подите сами.

— Да, нѣтъ, то есть какъ на счетъ . . . благодарности . . . какое рѣшеніе Матрены Ѳоминишны?

— Сказано ужъ: ничего! Больше пятидесяти не возьметъ, что меньше!

— Много благодарны, отецъ и благодѣтель, Осипъ Степанычъ: по гробъ жизни своей не забуду этакаго, то есть твоего участія; всегдашніе твои молитвенники, по вѣкъ! . . .

Но Осипъ Степанычъ не дослушалъ благодарности и ушелъ за свою перегородку. Впрочемъ,

когда Михайло Захарычъ собирался-было ужъ выйдти изъ избы, — онъ высунулся изъ-за перегодки и закричалъ: „стойте, стойте!“

— Что прикажешь, батюшка, Осипъ Степанычъ?

— Что же пятьсотъ-то рублевъ? подавай! говоонъ, обращаясь къ Ивану Никитичу. Подавай, говорятъ, а то въ солдаты . . . право, въ солдаты.

— Какіе у меня пятьсотъ рублевъ, Осипъ Степанычъ!

— Какъ, какіе? подавай же сейчасъ! закричалъ онъ, хватая за воротъ Ивана Никитича: подавай, что ли?

Иванъ Никитичъ оробѣлъ и смѣшался, а Осипъ Степанычъ, потѣшаясь страхомъ жертвы своей шутки, разразился громкимъ хохотомъ, и въ доказательство своего дружескаго и добраго расположенія толкнулъ Ивана Никитича въ шею, который и поспѣшилъ тотчасъ выйти изъ избы вмѣстѣ съ Михайломъ Захарычемъ.

Смиренно, съ наклоненными и непокрытыми головами, переходили два свата черезъ дворъ, направляясь къ заднему крыльцу господскаго дома. Вошедши на это крыльцо, они переглянулись, вздернули вверхъ рукава на лѣвыхъ рукахъ, кашлянули, опять переглянулись, и Михайло Захарычъ, обмахнувши снѣгъ съ сапоговъ, взялся за дверь, отворилъ-было ее, но опять затворилъ и опять кашлянулъ, и отерся рукавомъ; потомъ снова отворилъ дверь, и на этотъ разъ уже вошелъ въ извѣстный намъ коридоръ съ дверью на право въ какое-то темное помѣщеніе. Въ слѣдъ за нимъ вошелъ и Иванъ Никитичъ. Вошедши въ коридоръ, Михайло Захарычъ опять кашлянулъ.

— Кто тутъ? послышалось изъ комнаты Матрены Ѳоминишны. На вопросъ этотъ посѣтители отвѣчали глухимъ робкимъ кашлемъ.

— Кто тутъ? опять повторилъ тотъ же голосъ. И опять въ отвѣтъ — тотъ же кашель, сопровождаемый особеннаго рода мычаніемъ, какой обыкновенно издаетъ заика, который желаетъ что-то сказать, но не можетъ. Матрена Ѳоминишна наконецъ сама высунулась въ дверь.

— Да кто тутъ? спрашиваешь и не отвѣчаютъ. А-а! что вамъ надо? зачѣмъ пришли?

Михайло Захарычъ откашлянулся. Иванъ Никитичъ тоже; оба поклонились.

— Да, вотъ, къ твоей милости! на счетъ...

— Что надо еще? спросила сурово Матрена Ѳоминишна.

Просителей озадачила эта суровость: они немного попятились назадъ.

— То есть... на счетъ... примѣрно... доводилъ твоей милости Осипъ Степанычъ на счетъ... то есть... Осипъ Степанычъ изволилъ докладывать тебѣ...

— Что мнѣ за дѣло до твоего Осипа Степаныча, какой тутъ у васъ Осипъ Степанычъ?... Что онъ у васъ стряпчій что-ли какой ни на есть?...

Мужики еще попятились такъ, что Михайло Захарычъ прижалъ Ивана Никитича къ самой двери.

— Какое у васъ дѣло: сказывайте мнѣ... Да подите лучше сюда въ комнату.

Они повиновались, но робко: вошли, помолились, заложили по пальцу за кушаки и встали молча и неподвижно.

— Ну, что же, говорите: какое у васъ дѣло? что за нужда пришла?

— Да извѣстно твоей милости, робко началъ Михайло Захарычъ, что на меня, вотъ, со сватомъ

чередъ пришелъ, какъ есть, въ некруты: ему, то есть, своего Петрушку, а мнѣ линія выходитъ, примѣрно, Андрюху своего везти... Ну, такъ... на счетъ, милости просимъ... оелободить.

— А, такъ вы объ этомъ вздумали сначала Осипа Степаныча просить, такъ вы къ нему сначала, а не ко мнѣ? Да что онъ вамъ, какая родня? Съ чего вы вздумали его подсылать, а? Ну-ка, скажи мнѣ. Ну, скажи! что стоите, а?

— Мы, ваша милость, Матрена Ѳоминишна, не то, чтобы... а то есть, такъ... по вашему, то есть... Михайло Захарычъ хотѣлъ сказать: знакомствію съ Осипомъ Степанычемъ, но одумался и остановился во-время.

— Что? что? Знаю я тебя — штука ты не послѣдняя. Вотъ пришло время, такъ и Матрена Ѳоминишна понадобилась, а то и знать никогда не хочешь, и ты тоже, пучеглазое чучело. А вотъ какъ понадобилось, такъ и матушка, Матрена Ѳоминишна, Матрена Ѳоминишна, да и теперь-то что? пришли что-ли путемъ, да поклонились, да попросили, такъ нѣтъ: съ заводами, да обходами, — подсылать стали... Охъ, вы мнѣ!

— Вѣдь мы и не того, чтобы не желали, Матрена Ѳоминишна, на счетъ, если... милости твоей угодно... напримѣръ, какой благодарности, али что? Будь только мать родная, а то мы твои вѣковѣчные богомольцы...

— Ну, то-то! Такъ и нечего-бы въ щели-то пролѣзать, а шли-бы прямо, безъ штукъ. А то, ну-ка, просителя сначала подпустили.

— Ужъ будь милосерда, Матрена Ѳоминишна! Коли не ты, къ кому-же намъ и голову свою приклонить?

— Такъ какъ-же васъ освободить-то? Кого-же на ваше-то мѣсто?

— Коли такая твоя милость будетъ, такъ всего-бы подходящѣе, то есть, напримѣръ, Ѳедора кузнеца: бѣдность, въ домѣ во всемъ недостача, да и недоимки много.

— Да, вѣдь, было-бы изъ-за чего хлопотать-то, барыню-то безпокоить.

— Матушка, Матрена Ѳоминишна, вѣдь, вотъ какое дѣло, я тебѣ скажу: мы у тебя-ка въ рукахъ, а дѣтки-то, вѣдь, наши: что пожелаешь, такъ, вѣдь, ужъ... какъ тутъ. Коли Бога побоишься, да нашей крови пожалѣешь, по конецъ вѣку станемъ молиться, а, вѣдь, и то сказать: какъ тебѣ, то есть... какое твоей милости рѣшеніе?.. Пожалѣй и насъ-то!

— Пожалѣй васъ, а много-ли вы господъ-то своихъ жалѣете? Что, развѣ барынѣ-то не всѣ вы равны: что ты-то, что Ѳедоръ-то кузнецъ? За что-же она станетъ васъ миловать, а его обижать?

— Вѣдь, ужъ я изволилъ тебѣ докладывать, матушка Матрена Ѳоминишна, — бѣдность-вѣдь, убогое житье, кругомъ недоимка...

— Что-же? коли бѣдность, такъ, по твоему, и обижать нужно, а Богъ-отъ?

— Да, вѣдь, матушка, дѣло-то какое, сама ты вѣдаешь: дѣтки, вѣдь, свои, кровные: жаль, вѣдь, пуще ни вѣсть чего.

— Такъ что? тебѣ сына жаль, а у него у самого дѣтки малъ-мала меньше: куда они дѣнутся безъ отца-то? Сгинутъ, да пропадутъ! Такъ, вѣдь, Богъ-отъ не велитъ обижать сирыхъ, да несчастныхъ.

— Это что говорить, конечно дѣло. Твое дѣло, матушка, Матрена Ѳоминишна, всегда будетъ право... Что дѣлать? наша вина! За то, вѣдь, то есть, и винимся: прими только, да будь мать благодѣтельница...

— Хорошо тебѣ говорить-то: мать-благодѣтельница, а я-то, вѣдь, своей душой должна покривить, да и барыню безпокоить, а какъ я да черезъ васъ ея милость потеряю: тоже, вѣдь, одинъ разъ попросишь, — другой не проси: такъ за васъ-то выхлопочешь, а тутъ свое горе придетъ, такъ смотри, да казнись, а ужъ подступу-то и не будетъ. И то, дескать, не мало для тебя дѣлала одолженія, и постыдилась бы... Такъ, вѣдь, вотъ что!.. А вы думали, что вотъ я такъ взяла, да и выложила. Нѣтъ, еще и Богъ вѣсть сколько ломки-то будетъ съ барыней, да и съ благодѣтелемъ-то вашимъ, съ бурмиструшкомъ-то вашимъ. Тоже, вѣдь, поди-ко...

— Это совершенно, Матрена Ѳоминишна... Да, вѣдь, ужъ мы-то и кланяемся твоей милости: возьми, да сдѣлай.

— Возьми! а сколько возьми?.. Вы мужики-то богатые. Дадите-ли пятьдесятъ серебромъ оба-то: ужъ по душѣ только, какъ передъ Богомъ; знаю, что дѣтей жаль, такъ по крайности Бога помолите.

При этомъ требованіи оба мужика смутились крайнимъ образомъ, и въ этотъ разъ Михайло Захарычъ не менѣе Ивана Никитича. Мужество послѣдняго еще поддерживалось тою мыслью, что онъ не обѣщался давать больше пятнадцати рублей ассигнаціями, и не дастъ, чтобы тамъ ни требовала себѣ Матрена Ѳоминишна. „Вотъ тебѣ разъ!“ думалъ про себя Михайло Захарычъ: „вотъ они пятьдесятъ то рублей какіе“. Зачѣмъ-же я и къ Осипу-то Степанычу ходилъ, зачѣмъ четверть-то покупалъ, зачѣмъ цѣлковый-то далъ!

— Матушка, Матрена Ѳоминишна сказалъ онъ, наконецъ, въ-слухъ. Пожалѣй и души своей. Какія у насъ этакія деньги? гдѣ ихъ взять нашему

брату?... Да какъ-же, вѣдь и Осипъ Степанычъ...

— Да, что ты ко мнѣ привязался со своимъ Осипомъ Степанычемъ? Осипъ Степанычъ, да Осипъ Степанычъ! Да что мнѣ въ твоемъ Осипѣ Степанычѣ? Что онъ тебѣ родной, что-ли? а мнѣ ровно какъ ничего. Что Осипъ-то Степанычъ, что послѣдній халуй — все равно, вотъ послѣдній мальчишка дворовый — Пухлышъ, такъ и тотъ мнѣ дороже; по крайности его барыня своей милостью жалуетъ. А то ну-ка: и въ пиръ, и въ міръ, и въ добрые люди все носятся со своимъ Осипомъ Степанычемъ! Убирайтесь коли вы отъ меня съ глазъ долой. Не хотите, чтобы барыню просила, ну, такъ и скажи: нечего по-пусту и трезвонить... Подите-ка лучше по домамъ, да копите свои денежки, а сыновьямъ-то вотъ лобъ забрѣютъ.

— Матушка, Матрена Ѳоминишна, смилуйся: не бери грѣха на душу! Бѣднаго человѣка изобидѣть можно, да что въ томъ, грѣхъ только!

— А развѣ я не беру грѣха на душу изъ-за васъ! Эки еще бѣдняки выискались. изволишь видѣть. Дай Богъ всѣмъ этакими бѣдняками быть. Небось Ѳедоръ-то побѣднѣе васъ, а вы еще на него руку поднимаете. Подите-ка, подите: ишъ ты, бѣдняки какіе выискались. Это имъ тяжело по двадцати пяти рублей серебромъ дать! Да снаряжать сына-то будешь, такъ больше изойдетъ. Да что съ вами говорить: въ васъ стыда нѣтъ, такъ нечего съ вами и церемониться. Хотите, такъ дадите, а то убирайтесь-ка вонъ: барыня скоро пріѣдетъ — не до васъ.

— Да хоть сбавь что-нибудь: заставь за себя Бога молить.

— Нѣту, нѣту, нечего: и безъ того много милости, что еще просить-то за васъ хочу, колотырниковъ этакихъ.

Михайло Захарычъ силился-было еще убѣждать Матрену Ѳоминишну, но видя, что она остается непреклонною, и даже не соглашается взять полтораста рублей ассигнаціями, глубоко вздохнулъ, развелъ руками и взглянулъ на Ивана Никитича, впрочемъ, не могъ прочесть во взглядѣ послѣдняго ни возраженія, ни согласія, такъ онъ былъ тупъ и безсмысленъ.

— Ну, нечего дѣлать, сказалъ со вздохомъ Михайло Захарычъ; вынимай, сватъ, деньги, — видно, такова власть Божія.

Потомъ оба мужичка отвернулись въ разные углы, пошарили глубоко за пазухой, вытащили по кошелю, завернутому въ синіе платки и вынули оттуда деньги.

— Изволь, матушка Матрена Ѳоминишна, ужъ изволь, возьми, только, то есть, не обмани, чтобы, напримѣръ, дѣло было вѣрно.

— Ужъ, это не безпокойся — будетъ вѣрно.

Потомъ безмолвно подалъ деньги Иванъ Никитичъ.

— Что-же ты? спросила его Матрена Ѳоминишна. Тутъ всего три цѣлковыхъ — бумажка, да четвертакъ, да двѣ семитки [1].

— Такъ точно, вѣрно! отвѣчалъ утвердительно и спокойно Иванъ Никитичъ.

— Да что, съ глупу-то, али счету не знаешь: съ тебя слѣдуетъ 25 цѣлковыхъ — восемьдесятъ семь съ полтиной, а ты что подаешь? Въ умѣ-ли ты, батька?

— Нѣтъ, такъ, вѣрно, матушка Матрена Ѳоминишна: я такъ и Михайлу Захарычу говорилъ: что,

[1] Семиткой называютъ въ простонародьдаи мѣдную монету въ 2 коп. сер.

молъ, не дамъ больше пятнадцати рублевъ. Цѣлковый я отдалъ Осипу Степанычу, а вотъ, что тутъ выходитъ? одиннадцать рублевъ еще съ копѣйкой твоей милости.

— Что ты, дуракъ!.. подавай еще, что ли?

— Иванъ Микитичъ, да развѣ ты не слыхалъ разговору-то?.. совсѣмъ вышло другое рѣшеніе.

— Нѣту, Михайло Захарычъ, нѣту! ужъ и то я изъ послѣднихъ. Какъ хочешь, самъ доправляй остальныя, а у меня и денегъ больше нѣту, хошь обыщи.

— Вотъ, Матрена Ѳоминишна, доложу твоей милости: завсегда онъ такой, а еще сватомъ называется, свой человѣкъ, да и денегъ-то четверикомъ не загребешь.

— Нѣтъ, ужъ это вы напрасно, Михайло Захарычъ: какія у меня деньги!

— Такъ что же ты, дашь или нѣтъ?

— Нѣту, Матрена Ѳоминишна, нѣтъ, такъ негдѣ взять.

— Экой, братецъ, ты какой, Иванъ Микитичъ: не дорого тебѣ твое дѣтище. Вотъ мое ужъ какое положеніе супротивъ тебя, да кажется, за свое родное крови не пожалѣешь...

— Это, какъ вы хотите, Михайло Захарычъ а сказалъ нѣтъ, такъ нѣтъ, а что выговорено, такъ дано.

— Вѣдь, вотъ, Матрена Ѳоминишна, весь вѣкъ свой такъ живетъ. Я за дочь ему триста пятьдесятъ рублевъ отсыпалъ, а денегъ нѣтъ, да и въ приданомъ-то оттягиваетъ. Выговорено двѣ шубы суконныя: одна получше, другая похуже, а онъ говоритъ, одна, говоритъ, то есть суконная... А и что онъ какую корысть себѣ полагаетъ получить; пятнадцать-то рублей теперь отдалъ, ужъ Осипъ Степанычъ, какъ есть, цѣлковаго назадъ не отдастъ, не знаю, какъ твоя

милость, Матрена Ѳоминишна, отдасть ли? для-че, чай, отдавать, коли дѣло порѣшено? Такъ, напримѣръ, пятнадцать-то рублей потеряешь, Иванъ Микитичъ, да и Петруха-то уйдетъ, такъ вотъ тебѣ-ка и вся корысть. А ты лучше поклонись, да съ благодарностью, на счетъ... примѣрно, поднеси сколько слѣдуетъ, такъ оно и превосходнѣе будетъ гораздо...

— Нѣтъ, ужъ это.. нѣтъ ужъ.. это, Михайло Захарычъ, выходитъ не то... Ужъ это, чтобы.. нѣтъ ужъ... Ты эвто подводишь только...

— Эхъ, Иванъ Микитичъ, Иванъ Микитичъ! Ты, вѣдь, чай, мнѣ не чужой: деньги-то наживное дѣло, а дѣтище, напримѣръ.. единово родится, единово и умираетъ, такъ ты эвто разсуди...

— Да что тутъ за разсужденія: вишь, пустились въ какіе резоны... Вынимай, что ли, скорѣй остальныя-то, а то пошелъ вонъ, дурень! — Останешься, впрямъ, и безъ денегъ, и безъ сына.

— Матушка, Матрена Ѳоминишна, эвто выходитъ.. прижимка.

— Что-то? прижимка? а кто тебя сюда присылалъ? Зачѣмъ ты ходишь съ такими дѣлами въ господскій домъ, да мимо барыни, да ко мнѣ! Смотри, я доложу обо всемъ барынѣ. Что ты меня подкупать приходилъ, что ли? Что я у тебя отняла что ли деньги-то? самъ отдалъ. Прижимка! прижимка! смотри пожалуй, прижимка!.. Я те прижму языкъ-то...

Иванъ Никитичъ сильно оробѣлъ; Матрена Ѳоминишна это замѣтила.

— Ну, что же, отдашь что ли деньги-то? надоѣлъ ты мнѣ, окаянный! Объ его же пользѣ пекутся, а онъ ну-те-ка что? и не понимаетъ! благодѣянія-то не понимаетъ. Подавай, что ли, скорѣй, а то пошелъ вонъ.

Иванъ Никитичъ ничего не отвѣчалъ. Онъ совершенно растерялся. Страхъ и скупость подняли такую сумятицу въ его, и безъ того слабой, головѣ, что онъ не зналъ что дѣлать, что говорить. Михайло Захарычъ видѣлъ и понималъ все это не хуже самой проницательной Матрены Ѳоминишны, и такъ какъ его собственныя выгоды требовали, чтобы Матрена Ѳоминишна получила больше денегъ, ибо въ такомъ случаѣ она стала бы усерднѣе хлопотать и не потребовала бы отъ него прибавки, убѣждалъ Ивана Никитича отдать поскорѣе деньги.

— Полно, говорилъ онъ: — не гнѣви ея милости: и самъ-дѣлѣ, не для чьей, для твоей же пользы, хошь бы и Матрена Ѳоминишна хочетъ безпокоиться. Нука, вынимай: много ли у тебя тутъ въ мошнѣ-то.

— Да у меня всего-то тутъ только еще бумажка — пять цѣлковыхъ.

— Ну, вотъ хоть это покамѣсь и отдай, а достальныя опосля принесешь... Матрена Ѳоминишна смилуется: подождетъ до ужотка.

— Да это что? подождать можно. Давай же хоть это скорѣе!

Иванъ Никитичъ дрожащими руками и почти безсознательно вынулъ мошну, досталъ деньги, но держа въ рукахъ, все еще не рѣшался подать, такъ что Матрена Ѳоминишна была принуждена быть снисходительною до такой степени, чтобы самой взять деньги изъ трепетныхъ рукъ бѣднаго, растерявшагося Ивана Корыто.

— Ну, изволь, сказала она, — я подождать — подожду, только ты ужо, какъ барыня ляжетъ послѣ обѣда отдыхать, принеси остальныя: сколько тутъ приходится? пять, да три — восемь, а съ тебя двадцать пять. Ну, такъ семнадцать цѣлковыхъ ты принеси-

же ужо, а то и эти деньги потеряешь, и сынъ въ солдаты уйдетъ... Ну, теперь ступайте съ Богомъ! — милостиво заключила великодушная Матрена Ѳоминишна.

Оставшись одна, Матрена Ѳоминишна поспѣшно приперла дверь своей каморки, сосчитала нѣсколько разъ полученныя деньги, любовно, очень любовно посмотрѣла на нихъ, разсматривая каждую бумажку до малѣйшихъ подробностей, потомъ отперала свой большой съ круглымъ дномъ сундукъ, откинула какую-то дрянь, которая лежала сверху, покрывая все остальное, все ея богатство, всѣ сокровища, всю ея жизнь со всѣми подвигами, порылась въ одномъ углу сундука, вытащила изъ него нѣсколько разной величины узелковъ, наконецъ съ самаго дна сундука достала небольшой ящикъ, красный, обитый желѣзомъ. Матрена Ѳоминишна поставила этотъ ящикъ на столъ, задернула, изъ предосторожности отъ любопытныхъ, каленкоровыя бѣлыя занавѣски оконъ и открыла ящикъ. На внутренней сторонѣ крышки его было налѣплено нѣсколько картинокъ: въ срединѣ картинка моды изъ какого-то журнала; внизу ея приклеенъ былъ, неизвѣстно для чего, конфектный билетикъ состишкомъ:

И ревомъ скрипокъ заглушенъ
Ревнивый шопотъ модныхъ женъ.

Кругомъ этой картинки красовались другія, съ конфектъ и помадныхъ банокъ. Въ ящикѣ оказалось великое множество другихъ ящичковъ, ларцевъ и ларчиковъ, баульчиковъ, коробочекъ и разныхъ грибковъ[1]. Каждый изъ нихъ былъ преисполненъ мелкими вещицами, и дорогими и дешевыми, начиная съ серебряныхъ вызолоченыхъ серегъ и настоящаго зо-

[1] Деревянныя въ формѣ грибка точеныя вещицы, назначаемыя для храненія разныхъ мелочей, преимущественно бисера.

лота супирчиковъ, до мѣдныхъ мужскихъ пуговицъ и желѣзной, заржавѣвшей удочки съ отломленнымъ жаломъ. Матрена Ѳоминишна вынула одинъ ящичекъ побольше объемомъ съ маленькой, жесткой, какъ камень, швейкой на верхней сторонѣ крышки, и съ зеркальцемъ, въ которое можно разсмотрѣть только кончикъ носа, — на нижней — открыла его и снова, пересчитавши и пересмотрѣвши ассигнаціи, положила ихъ ко многимъ другимъ, число которыхъ извѣстно было только ей одной. Потомъ она вынула грибочикъ, достала изъ него вязаный кошелекъ и въ послѣдній опустила два пятачка серебра, которые оказались въ числѣ полученныхъ денегъ, а остальное серебро покрупнѣе помѣстила въ другой кошелекъ, находившійся въ другомъ ящичкѣ. Далѣе уложивши все это аккуратно на прежнее мѣсто, ящички и грибокъ въ большой ящикъ, а большой ящикъ къ сундукъ, и заложивши одинъ уголъ по прежнему узелками, Матрена Ѳоминишна посмотрѣла на всѣ свои сокровища такимъ взглядомъ, какъ будто хотѣла сказать: „на какія бы блага міра промѣняла я все это?“ Она сладка вздохнула и медленно, кажется, съ грустью, опустила крышку сундука, заперла его и задумалась... о чемъ?.. мудрено сказать!.. можетъ быть подводила итоги... Но думала она долго, до тѣхъ поръ, пока не постучались и не сказали, что барыня пріѣхала.

А между тѣмъ, что наши мужички?.. Они оба вышли, задумчивые и недовольные. Шли черезъ дворъ безъ шапокъ, съ поникшими головами и самымъ медленнымъ шагомъ. Михайло Захарычъ горевалъ о томъ, что удалось не совсѣмъ такъ, какъ онъ надѣялся: хитрый разсчетъ не совсѣмъ удался. Думалъ было онъ отдѣлаться двадцатью пятью рублями ассиг-

націями, предполагая свалить другую половину платежа, такимъ же порядкомъ, какъ и теперь, на будущую роденьку, хотя и согласился, по видимому, на пятнадцать рублей, предлагаемыхъ Иванъ Никитичемъ, — да Матрена Ѳоминишна, видно, перехитрила и Осипъ Степанычъ надулъ. А Иванъ Никитичъ сначала вовсе не могъ хорошенько сообразить что съ нимъ случилось, только чувствовалъ, что на сердцѣ у него что-то очень тяжко и нехорошо, а потомъ, когда стало у него понемногу проясняться на душѣ и въ головѣ, первая его мысль была: „ну, ужъ, по-крайнеймѣрѣ, онъ не отдастъ проклятой Матренѣ Ѳоминишнѣ остальныхъ-то денегъ!.. А что же станется съ Петрухой? зачѣмъ же онъ изъянился? зачѣмъ эти-то деньги отдалъ?“

И опять спутался въ своихъ мысляхъ Иванъ Никитичъ и чувствовалъ только злую досаду и негодованіе на будущаго свата за то, что тотъ втянулъ его въ это дѣло; но эти чувства Иванъ Никитичъ не хотѣлъ выражать; человѣкъ онъ неговорливый, да и зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, попусту слова терять! А потому, когда, на половинѣ двора, Михайло Захарычъ пріостановился и сказалъ ему:

— А что, Иванъ Микитичъ, вѣдь Осипъ-то надулъ насъ? — Иванъ Никитичъ отвѣчалъ только, надулъ! и какъ-то вкось, недоброжелательно, взглянулъ на свата.

— Зайдемъ къ нему, да выговоримъ.

— Нѣтъ, не пойду.

— А что?

— Да на что? — не надо.

— Ты, ровно, на меня въ сердцахъ, Иванъ Микитичъ. За что на меня-то?

— Нѣту, что мнѣ! отвѣчалъ онъ, но опять бросилъ такой же косой и непривѣтливый взглядъ.

— Да ужъ я вижу, что въ сердцахъ. Что дѣлать-то, Иванъ Микитичъ! Такое дѣло вышло... Такъ не пойдешь къ мошеннику-то?

— Да что итти-то?

— Ну, какъ хошь, а я зайду. Счастливо.

— Счастливо. И Иванъ Никитичъ поплелся домой, разстроенный, огорченный, сердитый, еще болѣе молчаливый и угрюмый, а Михайло Захарычъ вошелъ въ избу и за перегородку, но тамъ не нашелъ никого, кромѣ пустой бутыли, да недокуренной трубки рядомъ съ ней.

Осипа Степаныча онъ встрѣтилъ въ деревнѣ по направленію изъ питейнаго дома, объ руку съ Ѳаддеемъ Ѳаддеичемъ. Послѣдній, какъ говорится, уже не вязалъ лыка, а Осипъ Степанычъ, хотя и сильно покачивался, но не дошелъ еще до послѣдней степени и былъ, какъ видно, въ самомъ веселомъ расположеніи духа. Оба шли они обнявшись, широко размахивали руками и громко распѣвали какую-то пѣсню. Но пѣлъ ее собственно Осипъ Степанычъ, а Ѳаддей Ѳаддеичъ только подтягивалъ. Дружно шли они, какъ видно, полюбовно. Осипъ Степанычъ часто подымалъ товарища и усердно надѣвалъ то на затылокъ, то на носъ шапку, которая за-частую падала на-земь. Михайло Захарычъ хотѣлъ-было миновать пріятелей, но Осипъ Степанычъ замѣтилъ его и остановилъ.

— Ну, что, пріятель? спросилъ онъ его, совершенно выворачивая на изнанку губы и закрывая лѣвый глазъ.

— Что? надулъ, братъ!

— Какъ надулъ?.. кто надулъ?.. я надулъ?.. Врешь... я не надувалъ; ты не теленокъ, я не мясникъ...

Да-а! толкуй! Сказалъ, что больше пятидесяти рублевъ не возьметъ, она и взяла пятьдесятъ, только не рублевъ, а цѣлковыхъ...

— Кто? она взяла?.. Гдѣ она? Ахъ, она мошенница!.. Понимаю!.. понимаю!.. Я ей не сказалъ какихъ рублей... Ахъ, она мошенница!.. Слушай, братъ, Миша; возьми свой цѣлковой, не надо мнѣ твоего цѣлковаго.

И Осипъ Степанычъ опустилъ руку къ карманъ, но вынулъ оттуда не цѣлковый, а ту же пустую руку, которою сдѣлалъ въ воздухѣ нѣсколько замысловатыхъ движеній, сказавъ: „у-ухъ!“ и сталъ поднимать своего товарища, который снова упалъ.

Михайло Захарычъ махнулъ рукой и пошелъ въ свою избу.

Въ тотъ же день чрезъ нѣсколько часовъ прибѣжала къ Михайлу Захарычу Марья въ ужасныхъ попыхахъ.

— Что надѣлалось у Матрены Ѳоминишны? спрашивала она. Билась, билась у своего-то, ничего не могла дознаться. Сидитъ, да глазами поводитъ, точно пень какой.

Михайло Захарычъ разсказалъ ей въ чемъ дѣло, оправдавши, разумѣется, себя, сколько возможно, и посовѣтовавъ Марьѣ непремѣнно послать Ивана Никитича къ Матренѣ Ѳоминишнѣ съ остальными деньгами.

— Какъ же, какъ же, Михайло Захарычъ, неужто я не мать? пожалѣю ли я чего для своего дѣтища!

Но большихъ хлопотъ, многихъ слезъ, брани, выговоровъ, крику, а можетъ быть, чего-нибудь и больше стоило Марьѣ заставить своего мужа снести остальныя деньги. Ея вліяніе побѣдило, но и тутъ Иванъ Никитичъ не донесъ полтинника, за что Ма-

трена Ѳоминишна порядочно намылила ему голову и велѣла непремѣнно представить завтра же.

Домашніе Михайла Захарыча узнали подробности похожденія его къ Матренѣ Ѳоминишнѣ только изъ разговоровъ его съ Марьей. Михайло Захарычъ, какъ извѣстно, не любилъ говорить и разсказывать о томъ, что задумывалъ и что дѣлалъ.

Въ тотъ день Марѳа была вполнѣ счастлива и не спускала головы Андрея со своихъ колѣней.

VI.

Матрена Ѳоминишна, по первому призыву, поспѣшно побѣжала чрезъ корридоръ и потомъ ближайшія комнаты къ прихожей, чтобы встрѣтить свою благодѣтельницу - помѣщицу, но, къ крайнему прискорбію своему, опоздала: барыня сидѣла уже въ столовой на большпхъ покойныхъ креслахъ у чайнаго стола и освобождала голову отъ послѣднихъ покрововъ, которыми обезопашивала ее отъ зимняго холода во время дальнихъ переѣздовъ изъ дому въ церковь, или къ сосѣдямъ; главный-же покровъ — огромный теплый капоръ — она сняла еще въ прихожей.

Аглаида Марковна Финикова (такъ называли помѣщицу) была уже старушка. Во всѣхъ чертахъ ея лица, во всей ея фигурѣ проглядывали добродушіе, легковѣріе, спокойная, безмятежная жизнь, не знавшая ни глубокой мысли, ни сильнаго чувства, а тѣмъ болѣе никакого труда, или горя. Это выражалось и въ благородной, но не безобразной полнотѣ старушки и въ ея спокойныхъ, плавныхъ манерахъ, и въ ея кругломъ, полномъ и бѣломъ лицѣ, и въ ея голубыхъ свѣтлыхъ глазахъ, и въ ея

улыбающихся устахъ и, наконецъ, въ самыхъ полныхъ и бѣлыхъ, какъ молоко, весьма небольшихъ и красивыхъ рукахъ. И въ самомъ дѣлѣ жизнь Аглаиды Марковны есть ни что иное, какъ рядъ самыхъ обыкновенныхъ, самыхъ простыхъ случаевъ жизни, какъ галлерея картинъ, въ которыхъ вездѣ видны свѣтлое небо, прозрачная, голубая, спокойная вода, яркое солнце, ароматная тихая ночь, сельскіе виды со сверкающими вдали главами церквей городскихъ, семейная, уютная жизнь, полная мира, любви и спокойствія.

Аглаида Марковна родилась въ деревнѣ и все свое дѣвичество провела въ ней почти безвыѣздно, лишь изрѣдка, на святкахъ, посѣщая иногда губернскій городъ и то не каждый годъ. Она была недурна, миловидна и умѣла заинтересовать собою гусара-ремонтера: онъ просилъ ея руки, она отдала ему свое сердце. Гусаръ на первыхъ порахъ супружества повезъ ее въ Москву, потомъ въ Петербургъ и черезъ годъ послѣ того вышелъ въ отставку и поселился въ своей деревнѣ.

Онъ оказался человѣкомъ добрымъ, простымъ, правда, не далекимъ и съ остаткомъ нѣкоторыхъ старыхъ гусарскихъ замашекъ и привычекъ, какъ, напримѣръ: съ особеннымъ расположеніемъ къ шампанскому, картишкамъ и всякимъ разнымъ этакимъ глазкамъ съ поволокой и губкамъ маслянымъ, но все это не считается бѣдою въ семейной деревенской жизни, лишь-бы не доходило до крайности. Къ тому-же онъ былъ добръ, уступчивъ, любилъ Аглаиду Марковну, разумѣется, какъ могутъ любить подобные люди; рѣдко въ чемъ-нибудь противорѣчилъ, а потому — странно-ли, что жизнь ихъ текла, мирно, счастливо и спокойно... Если иногда Аглаида Марковна и замѣчала кой-какія шалости или

шуточки со стороны своего супруга въ отношеніи смазливыхъ горничныхъ дѣвушекъ, но не предполагая, чтобы тутъ могло быть что-нибудь такое... она смотрѣла на это равнодушно, сквозь пальцы, тѣмъ болѣе, что нѣжная любовь къ ней супруга была очевидно доказана въ лицѣ троихъ маленькихъ птенчиковъ, которые росли и хорошѣли съ каждымъ годомъ. Они росли, а Аглаида Марковна и супругъ ея старѣлись, но онъ больше, чѣмъ она, потому что прежняя гусарская жизнь оставила свои слѣды въ его организмѣ.

И вотъ сынки подросли, пошли сначала въ науку, потомъ въ службу. Аглаида Марковна плакала, тосковала при разлукѣ съ ними и утѣшалась при первомъ письмѣ. Но скоро больше слезъ должна была она пролить, больше тоски вынести: далеко, на вѣки, унесся въ иной міръ ея милый другъ — ея мужъ; горько и долго тосковала и плакала Аглаида Марковна послѣ смерти мужа, даже горьче и дольше, нежели тогда, какъ онъ вышелъ въ отставку и снялъ свой прекрасный мундиръ и эполеты, которые она такъ любила, но эти слезы изсякли и это горе прошло, не оставивъ глубокихъ слѣдовъ на полномъ лицѣ старушки. Она вполнѣ посвятила себя дѣтямъ и деревенской жизни, и изрѣдка лишь вздыхала она, взглянувши на портретъ мужа, плакала о немъ два раза въ годъ — въ день его смерти и въ день его имянинъ, когда служила о немъ панихиду.

Аглаида Марковна считалась помѣщицей достаточной и пользовалась уваженіемъ сосѣдей. Уединенная деревенская жизнь, особенно послѣ смерти мужа, развила въ ней значительную болтливость: самая жестокая непріятность для нея была — молчать, а потому она очень рада была такой говор-

ливой собесѣдницѣ, какъ Матрена Ѳоминишна, и, можетъ быть, за эту-то говорливость больше всего и полюбила ее. Къ тому-же Аглаида Марковна не чужда была страстишки посудить о чужихъ дѣлахъ, порадоваться чужой радости, покручиниться о чужомъ горѣ. Въ гости Аглаида Марковна ѣздила очень рѣдко, но любила, чтобы къ ней пріѣзжали: тогда бесѣда становилась оживленною и сама хозяйка какъ-будто молодѣла. Безъ гостей занималась она только вязаньемъ чулка, при чемъ носъ ея постоянно вооружался серебряными очками. За этой работой какъ-то и разговоръ-то больше вязался. Часто любила Аглаида Марковна разсказывать о своей прежней жизни. Среди этихъ воспоминаній, въ самомъ яркомъ свѣтѣ представлялись ей сватовство ея мужа, да впечатлѣніе, произведенное на нее Москвою, а еще болѣе Петербургомъ, откуда она вывезла совершенное отвращеніе къ панталонамъ, заправленнымъ въ сапоги, что было строго воспрещено всѣмъ дворовымъ.

Матрена Ѳоминишна стремительно вошла въ столовую, бросилась къ ручкѣ Аглаиды Марковны, нѣжно, горячо, поцѣловала ее и поздравила съ праздникомъ.

— А ты, Матрешенька (такъ имѣла привычку называть Матрену Ѳоминишну Аглаида Марковна), меня сегодня и не встрѣтила! съ шутливымъ упрекомъ сказала послѣдняя.

— Ахъ, маменька - благодѣтельница (такъ имѣла привычку называть Аглаиду Марковну Матрена Ѳоминишна, хотя по лѣтамъ и законамъ физическимъ Аглаида Марковна никакъ не могла придтись ей въ матери): совсѣмъ захлопоталась, то да се — и не замѣтила, какъ время-то прошло.

— Что и говорить-съ: хозяйство ужъ такое дѣло хлопотливое! Здравствуйте, матушка Матрена Ѳоминишна, какъ ваше драгоцѣнное здоровье-съ? отозвалась какая-то крошечная особа, незамѣченная сначала Матреной Ѳоминишной.

— Ахъ, матушка, Филисата Ивановна! Скажите, а я изъ-за самовара-то васъ и не вижу. Какъ ваше здоровье?

Знакомки поцѣловались. Филисату Ивановну привезла къ себѣ изъ церкви Аглаида Марковна. Въ особѣ ея представлялась бѣдная, природная помѣщица, сосѣдка Финиковой, маленькая старушка, съ живыми глазами, съ безпрестанно ужимающимся въ копѣечку ртомъ и чрезвычайно хлопотливыми руками, которыя то и дѣло что-нибудь поправляли и одергивали. На этой живой фигурѣ было надѣто клѣтчатое шерстяное платье, желтый платокъ, на рукѣ безмѣрный ридикюль, а на головѣ бѣлый чепецъ съ огромными, плохо-накрахмаленными оборками.

— Ну-ка, Матрешенька, наливай-ка чайку. Что-то точно прозябла я маленько.

Но Матрешенька знала, что такъ начинается каждое воскресное чаепитіе.

Немедленно всѣмъ были налиты чашки и Филисата Ивановна, послѣ двукратнаго приглашенія Аглаиды Марковны и троекратнаго присѣданія и пятикратнаго одергиванія платья, взяла свою чашку, и при первомъ поспѣшномъ хлебкѣ немного обварила губы, но великодушно это перенесла и скрыла. Зрителями этой сцены были только двое: Гаврило и дворовый мальчикъ, Пухлышъ, который появился тотчасъ, какъ пріѣхала барыня, и сталъ у косяка дверей, пристально вглядываясь въ крендели и булки.

— А, Пухлышъ, ты здѣсь! сказала Аглаида Марковна, замѣтивши своего любимца. Поди сюда...

— Что-же ты не поздравляешь барыню съ праздникомъ? спросила Матрена Ѳоминишна.

— Поздравляй, миленькой: цѣлуй у своей барыни-благодѣтельницы ручку, сказала Фелисата Ивановна. Ахъ, ужъ это точно благодѣтельница! прибавила она, вздыхая, и бросила косвенный, неопредѣленный взглядъ на Матрену Ѳоминишну.

— На, вотъ, тебѣ булку: поди съѣшь! сказала сама барыня. Пухлышъ взялъ булку.

— Кланяйся, благодари, миленькой, цѣлуй у барыни ручку! говорила Фелисата Ивановна, припрыгивая, но Пухлышъ зналъ это дѣло безъ подсказыванья и, изъявивъ свою благодарность, поспѣшно вышелъ въ другую комнату, куда заглянулъ вслѣдъ за нимъ и Гаврило, послѣ чего утеръ рукавомъ носъ, ротъ и взглянулъ на барыню.

Пухлышъ живо управился съ булкой и черезъ минуту снова стоялъ у притолоки, какъ ни въ чемъ не бывало.

— Ты ужъ и съѣлъ? спросила барыня. Молодецъ, скоро! Поди сюда, на, вотъ, тебѣ еще сахару... Покойникъ любилъ всю ихъ семью! прибавила Аглаида Марковна со вздохомъ.

— И онъ-съ васъ очень любитъ-съ! поспѣшила сказать съ своей стороны Фелисата Ивановна, и чрезвычайно тѣсно сжала свои губы, и въ то же время бросила косвенный взглядъ на Матрену Ѳоминишну.

Кончили чай.

— Подайте-ка карты: разложить было до обѣда-то! сказала Аглаида Марковна.

— Ахъ, маменька-благодѣтельница, разложите-ка и самъ-дѣлѣ: кому слѣдъ идти нынче въ рекруты.

— А что?

- Да, такъ, разложите!

— Да, вѣдь, ужъ въ очереди Михайло Захаровъ, да Иванъ Никитичъ, такъ ихныхъ сыновей и повезутъ.

— Ахъ, маменька-благодѣтельница, то-то и есть, что ужъ развѣ сказать правду? Весь день сегодня я, какъ не своя: вѣрите ли Богу, какъ сумасшедшая или полоумная какая хожу.

— Скажите, пожалуйста! замѣтила на распѣвъ Фелисата Ивановна.

— Да, вѣдь, не повѣрите, Фелисата Ивановна, если у меня что ляжетъ на душу, такъ, вѣдь, ровно камень, словно змѣя, такъ и сосетъ.

— Скажите на милость! Да мудреное ли дѣло, матушка, Матрена Ѳоминишна!.. Вы говорите! тоже, вѣдь, мы люди передъ Господомъ Богомъ!..

— Да что, что такое? спросила хозяйка. Разскажи.

— Ахъ, маменька-благодѣтельница, боюсь и безпокоить-то васъ, да и совѣсть-то меня замучитъ, коли не скажу: какъ, молъ, я не разсказала, не открыла души своей матери-благодѣтельницѣ... И Матрена Ѳоминишна въ порывѣ нѣжныхъ чувствъ поцѣловала руку своей названой маменьки.

— Да, ну, ну, говори. Вѣдь, ты знаешь, что и я тебя люблю; что съ тобой случилось?

— Ахъ, маменька-благодѣтельница! вѣдь, не мое, матушка, дѣло-то ваше; вѣдь то-то меня больше и сокрушаетъ...

— Такъ говори поскорѣе...

— Ахъ, Господи, вѣрите ли истинному Богу: я сегодня весь день какъ сама не своя, хожу вотъ изъ угла въ уголъ, мечусь, а ничего мнѣ хорошенько-то и не въ домекъ, словно, и руки-то не

свои, право. Вотъ, матушка, какое дѣло: встала я сегодня, умылась, ну, все ничего. Вотъ стала на молитву: поминаю родныхъ, присныхъ, знаемыхъ, благодѣтелей, одолжателей, ругателей, молителей, хвалителей — я всегда всѣхъ поминаю. Только что слушаю: у меня на языкѣ-то все Михайло, да Иванъ, Андрей, да Петръ. Что, думаю, Господи, за искушеніе? Вотъ я и стала ужъ нарочно эти имена-то поминать, да поклоны класть. Что же вы думаете? Меня точно что осѣнило, этакъ въ головѣ-то и начало у меня просвѣтляться. Я и ну думать, да думать, да какъ разобрала все дѣло-то, какъ поразсудила, что мнѣ это въ мысляхъ-то изобразилось, такъ у меня, вѣрите ли, ноги-то задрожали, да и подкосились, такъ я тутъ и кувырнулась, ровно какая обезпамятѣлая: Господи, думаю, вотъ бы мы съ маменькой-благодѣтельницей души-то погубили ни за что, ни про что, изъ-за чужаго оговора, да злаго совѣта...

— Скажите на милость! замѣтила протяжно Фелисата Ивановна.

— Да, вѣдь, мнѣ не то, Фелисата Ивановна, чтобы... а то думаю: Господи, говорю, избралъ ты меня, недостойную, сосудомъ своимъ, вложилъ ты мнѣ въ душу это сомнѣніе, а то что мы были...

— Вы говорите! замѣтила Фелисата Ивановна, сжимая губы и потрясая оборками своего чепца. Это именно, что васъ Господь посѣтилъ своею милостію! Ужъ подлинно!

Фелисата Ивановна глубоко вздохнула.

— Ну, что же ты подумала-то, Матрешенька? вѣдь ты еще не сказала.

— А вотъ-съ... я и думаю: Господи, говорю, ахъ, маменька-благодѣтельница какой было мы съ

вами грѣхъ на душу взяли: въ очередь поставить Михаила да Ивана! У одного трое сыновей: двое женатыхъ, остается одинъ холостой. Кого отдать? Его? А вѣдь и ему-то ужъ невѣста выбрана и деньги за нее отецъ отдалъ. Что же думаю это? Вѣдь это все равно, что законъ разорвать, да еще и грѣшнѣе... Опять этотъ-то грѣхъ сдѣлать: Иванову-то дочь мужа лишить, да и Петруху-то у него взять, сына-то. Что же, молъ, на что же это будетъ похоже? Вѣдь, это, значитъ, цѣлую семью искоренить...

— Да, да, да!.. такъ, такъ, матушка!.. Такъ! это подлинно!.. Что и говорить! — подхватила Фелисата Ивановна.

— Вотъ, вѣдь, это-то меня и ошеломило. Господи, думаю, помиловалъ ты меня, грѣшницу: видно, замолилъ кто-нибудь; вѣдь и я совѣтовала этихъ мужиковъ назначить. Да пуще всего мнѣ маменька-то благодѣтельница... Это-то, вѣдь, меня всего пуще и сокрушало... Кто же, думаю, станетъ ей правду говорить, коли я не стану... Вотъ это меня-то все и мучило.

— Ужъ конечное дѣло, матушка Матрена Ѳоминишна! ужъ кто же и порадѣетъ-съ, какъ не вы?.. А какъ это Господь-то умудряетъ человѣка Ужъ подлинно, только Господи... Фелисата Ивановна глубоко вздыхала и сильно потрясала оборками чепца своего.

Аглаида Марковна, по природному своему легковѣрію и легкомыслію, вполнѣ согласилась со словами Матрены Ѳоминишны, не говоря уже о томъ, что она отъ чистаго сердца ей повѣрила. Добрая старушка задумалась, и еще страшнѣе показался ей тотъ грѣхъ, въ который она было впала, и еще

ужаснѣе то несчастіе, которое она приготовила было двумъ этимъ семьямъ: воображеніе старушки вообще было пугливо.

— Ужасно, ужасно! сказала она. Благодарствуй, Матрешенька, другъ мой: Богъ тебя мнѣ послалъ. Ну, кого же ты думаешь на мѣсто-то ихъ!

— А коли не противно мое мнѣніе, такъ никто, по моему, не подходитъ сюда, какъ Ѳедоръ кузнецъ. Первое дѣло: безродный. Есть двое ли, трое ли дѣтокъ, да коли милость господская взыщетъ, не пропадутъ: можно раздать въ люди; бѣдность страшельная: пить-ѣсть нечего, живаго лоскутка на тѣлѣ нѣтъ, да и малой-то не такъ, чтобы надежной, что, молъ, оправится когда-нибудь. Второе дѣло: пьяница, третье дѣло: недоимки на немъ много... А то не знаю какъ. Вѣдь, это, конечно, мое только разсужденіе, а воля ваша, маменька-благодѣтельница, только я такъ полагаю, что ему бы... если бы такъ положить... кажется, всего ближе... Конечно, жалко: малыя дѣтки, сироты останутся, да, вѣдь, и то сказать, малыя-то еще лучше: сирыхъ Богъ не оставляетъ. Ну, на первыхъ порахъ поплачутъ, поплачутъ, да и перестанутъ: стерпится-слюбится, а ужъ большой-то все не то, все ужъ человѣкъ какъ есть... Вотъ мое какое разсужденіе, а тамъ какъ ваша воля, а я такъ бы: лучше, кажись, не надо.

— Это истинная правда! замѣтила Фелисата Ивановна. Что маленькой? онъ и горя-то такъ не чувствуетъ, какъ большой... Ужъ это что и говорить!

— Такъ, вѣдь, надо, Матрешенька, поскорѣе распорядиться. Кажется, вѣдь, ужъ скоро и везти надобно.

— Да на этой недѣлѣ бурмистръ непремѣнно сбирался: говоритъ, пора.

— Такъ послать за нимъ, да приказать: поди-ка, чай, тамъ глазъ не осушаютъ съ горя; велѣть поскорѣе сказать имъ радость. Какъ ты думаешь, Матрешенька?

— Не знаю, какъ ваше намѣреніе, а, по моему, коли Богъ внушаетъ этакое дѣло, такъ что откладывать.

— Правда, правда, матушка!.. что говорить! подхватила Фелисата Ивановна.

— Эй, Пухлышъ, поди скажи въ лакейской тамъ кому-нибудь, чтобы поскорѣе кликнули ко мнѣ бурмистра.

— Только вотъ—что, маменька-благодѣтельница, вѣдь, вы знаете, что бурмистръ настаивалъ, чтобы назначить въ очередь Михайла, да Ивана, такъ онъ и теперь станетъ тоже говорить, — вы его не слушайте. Онъ, вѣдь, ужъ извѣстный человѣкъ. Всѣмъ бѣднякамъ, да, вотъ, этакимъ оборванцамъ поблажаетъ, а богатому, да заправному мужику отъ него всегда прижимка. Такой ужъ онъ человѣкъ! прибавила она, обращаясь къ Фелисатѣ Ивановнѣ.

— Скажите! воскликнула послѣдняя.

— Это что и говорить, оборони меня Господи взять грѣхъ на душу. Добродѣтельной онъ человѣкъ и милостыню щедрой рукой раздаетъ и бѣдному помогаетъ, да ужъ за то и богатыхъ не любитъ. А что, вѣдь, я полагаю: это грѣхъ и передъ Господомъ Богомъ: чѣмъ человѣкъ виноватъ, что ему было благословеніе скопить себѣ трудомъ, да хлопотами?.. Еще по моему ему надлежитъ и почету больше и уваженія, что, значитъ, человѣкъ промышляетъ о себѣ... Такъ, нѣтъ, матушка, у него бѣдный всегда первый человѣкъ! во всемъ ему и почетъ, и первое мѣсто. Такой ужъ онъ Фила-

ретъ и Антропій... Вѣдь, вотъ онъ и теперь, навѣрное значитъ, станетъ говорить, что какъ, дескать, можно обижать бѣднаго мужика, а богатому потрафлять, а того не знаетъ, что вѣдь, что бѣдный, что богатый — все одинъ человѣкъ, все одни чувствія. А, вѣдь, онъ этого не понимаетъ, а маменька-благодѣтельница изволятъ его слушать.

— Нѣтъ, нѣтъ, ужъ сегодня ни за что не послушаю: не бойся.

Черезъ нѣсколько времени явился бурмистръ, сѣдой старикъ, но бодрый, здоровый и высокій. Его открытое, благородное лицо дышало добротой и простодушіемъ; но высокій лобъ, взглядъ свѣтлый, твердый, самоувѣренный, губы крѣпко сжатыя, и вообще какое-то стоическое спокойствіе, которое проглядывало во всей его фигурѣ, доказывало въ немъ большой умъ и волю непреклонную, даже нѣсколько упрямую. Таковъ и былъ дѣйствительно бурмистръ Анфиногенъ Дормидонычъ. Имя его для всѣхъ тѣхъ, которые къ нему прибѣгали, обѣщало миръ, благодѣяніе и покровительство. Анфиногенъ Дормидонычъ былъ благодѣтелемъ для всего околотка: онъ былъ богатъ, и удивительная щедрость его не знала границъ. Сгоритъ-ли деревня — Анфиногенъ Дормидонычъ одѣлялъ каждый домъ, каждое семейство. Нуждался-ли мужикъ въ хлѣбѣ, онъ смѣло шелъ къ нему и получалъ сколько было нужно, а нищіе никогда не уходили отъ него съ пустыми руками. Хотя Матрена Ѳоминишна и говорила, что онъ Филаретъ и Антропій, то есть, филантропъ, но Анфиногенъ Дормидонычъ вовсе не былъ имъ. Онъ дѣлалъ добро безъ всякой задней мысли, не по разсчету, не по логическому выводу, а единственно по побужденію своего добраго сердца. Правда, онъ былъ нѣсколько

резонеръ и любилъ побранить за лѣнь, нерадѣніе и незаботливость о самомъ себѣ, но при всемъ томъ дѣлалъ добро щедрою рукою всякому просящему. За всѣ эти качества въ околоткѣ его называли просто: „кормильцемъ“, такъ что это названіе мало по малу обратилось въ его прозвище.

У Анфиногена Дормидоныча были нѣкоторыя особенныя убѣжденія, какъ напримѣръ, что люди имѣютъ богатство не для себя, но для того, чтобъ дѣлиться имъ съ бѣдными; что богатствомъ своимъ человѣкъ не бываетъ никогда обязанъ самому себѣ, но случаю и волѣ судьбы; что съ богатаго должно во всемъ больше взыскивать, а бѣдняку снисходить; что машины вредны для промышленности, отбивая трудъ у ремесленниковъ и уничтожая домашнее рукодѣлье, которое, по его понятіямъ, гораздо полезнѣе фабричнаго; что русская земля никакъ не станетъ родить, если ее будутъ обработывать аглицкими машинами, а не косулей, сохой и бороной; что чѣмъ грубѣе и проще образъ жизни, чѣмъ меньше удобствъ въ жизни, тѣмъ лучше, и что, наконецъ, чай для крестьянина есть первое зло и пагуба...

Старикъ былъ чрезвычайно упрямъ въ своихъ убѣжденіяхъ, и никакіе доводы не могли доказать неосновательности того, что онъ однажды принялъ за непреложную истину. Онъ былъ преданъ помѣщицѣ своей до безконечности; интересы ея ставилъ выше своихъ, и Аглаида Марковна умѣла понимать эту преданность, а твердость и непреклонность бурмистра дѣйствовали на ея безхарактерность такъ сильно, что она во всемъ почти съ нимъ соглашалась, кромѣ развѣ только тѣхъ случаевъ, гдѣ дѣйствовала на нее противоположнымъ образомъ Матрена Ѳоми-

нишна. Въ такихъ обстоятельствахъ Финикова часто совершенно терялась, и не знала чью сторону она должна принять. Впрочемъ домоправительница чаще одерживала верхъ, потому что знала лучше характеръ помѣщицы, и, находясь постоянно при ней, имѣла болѣе времени дѣйствовать на нее, чтобы направить въ ту или другую сторону.

Матрена Ѳоминишна и Анфиногенъ Дормидонычъ взаимно не любили другъ друга, но нелюбовь эта была различна, какъ по источникамъ своимъ, такъ и по сущности. Домоправительница не любила бурмистра инстинктивно и изъ боязни, какъ зло ненавидитъ и боится добра, сверхъ того ее бѣсило то вліяніе, которое онъ имѣлъ на помѣщицу, то, что онъ не давалъ ей полной свободы распоряжаться. Бурмистръ не любилъ домоправительницу за всѣ ея подвиги, которые ему хорошо были извѣстны, и за то, что она, по его выраженію, совсѣмъ сбивала барыню съ толку, и распоряжалась всѣмъ, какъ барыня, а что она? — хуже всякой холопки.

Матрена Ѳоминишна, впрочемъ, какъ женщина хитрая, не показывала явно своей ненависти, и зная образъ мыслей своей маменьки-благодѣтельницы о бурмистрѣ, позволяла себѣ даже изрѣдка похваливать его, но такъ, что среди этой похвалы всегда проскользало какое-нибудь ядовитое или колкое замѣчаніе. Анфиногенъ Дормидонычъ, человѣкъ простой и нелукавый, часто выражалъ ясно и рѣзко свое нерасположеніе къ Матренѣ Ѳоминишнѣ, но не желалъ ей зла, не наговаривалъ на нее въ тихомолку, хотя искренно просилъ Бога, чтобы Онъ вразумилъ барыню, открылъ ей глаза и показалъ домоправительницу въ настоящемъ свѣтѣ. Агланда Марковна, замѣчая частыя размолвки между главными своими пред-

ставителями, нерѣдко говаривала: „вотъ не далъ Богъ совѣту, да любви моему бурмистру съ Матрешенской: — вѣкъ свой ссорятся!“ — Это все отъ преданности! возражала на это послѣдняя, цѣлуя Аглаиду Марковну въ плечико, — все отъ преданности: бурмистръ васъ любитъ, а я больше того, всякому хочется услужить — вотъ мы какъ-никакъ, да и столкнемся. Уступить-то ни которому не хочется, а всякому хочется услужить вамъ, вотъ мы и поссоримся! — „Спасибо вамъ, дай Богъ здоровья!“ говорила добрая Аглаида Марковна, а Матрена Ѳоминишна опять цѣловала ее въ плечико, приговаривая: „ахъ, маменька-благодѣтельница, въ кого же мнѣ и жить-то, какъ не въ васъ. У бурмистра хоть семья есть: все онъ ей больше наровитъ, а у меня только и свѣту въ окошкѣ, что вы... что я безъ васъ? какъ былинка пропаду!“ И Матрена Ѳоминишна опять цѣловала въ плечико Аглаиду Марковну, а у послѣдней навертывались слезы отъ умиленія, и она мысленно благодарила Бога, что послалъ ей такую преданную сожительницу въ ея одиночествѣ.

Но сколько эту преданную сожительницу всѣ окружавшіе и имѣвшіе до нея дѣло ненавидѣли, столько бурмистра любили и уважали, ибо хотя послѣдній былъ и строгъ, и взыскателенъ, но всегда справедливъ, а русскій человѣкъ, хотя и почесываетъ затылокъ, когда его наказываютъ за дѣло, и недоброжелательно смотритъ на безпристрастнаго судью, осуждающаго его, но внутренно сознаетъ свою вину, уважаетъ правду и ея вѣрнаго служителя. Матрена Ѳоминишна держала себя гордо, была требовательна, какъ барыня, любила поклоны, гнала тѣхъ, которые не умѣли, или не хотѣли ей льстить и кланяться, а русскій человѣкъ куда не любитъ тѣхъ, которые рядятся не въ свои перья.

Впрочемъ Матрена Ѳоминишна совершенно измѣня-

лась, когда къ Аглаидѣ Марковнѣ пріѣзжали гостить ея сыновья; тогда любопытно было слѣдить и изучать, до какой тонкости и ловкости можетъ дойти изворотливый человѣкъ. Во все это время она дѣлалась чрезвычайно скромна, снисходительна, предъ всѣми искательна, уклончива, даже добра. Въ отношеніи Аглаиды Марковны она становилась такъ услужлива и внимательна, какъ послѣдняя горничная, но держала себя далеко въ сторонѣ, не допускала прежнихъ короткихъ отношеній, не входила въ прежнія, близкія бесѣды, не называла Аглаиду Марковну „маменька-благодѣтельница“, ни въ чемъ не распоряжалась непосредственно и самопроизвольно; во всемъ, даже въ самыхъ мелочахъ, испрашивала приказанія госпожи, однимъ словомъ, всѣми силами старалась показать, что она въ домѣ не болѣе, какъ вѣрная, исправная ключница. И когда сынокъ Аглаиды Марковны, небрежно развалясь иногда на диванѣ и, съ сознаніемъ собственнаго достойнства, разсматривая, сквозь дымъ трубки, окружающія его стѣны, столы, стулья, а отчасти и людей, и покручивая усъ, спрашивалъ, бывало: „маменька, что это у васъ за созданіе живетъ: длинное, такое сухое, въ родѣ помела?..“

— Ахъ, не смѣйся, милушка, надъ ней: это одна бѣдная дѣвушка, очень преданная мнѣ, — отвѣчала мать.

— Гмъ! возражалъ сынокъ, еще съ большимъ сознаніемъ своего достоинства посматривая на все окружающее: — гмъ, я думаю, эта преданная славно васъ обираетъ.

— Ай, ай, нѣтъ! не грѣши, моя душа! Нѣтъ, ужъ этакой честности, да преданности найдти невозможно: она меня, какъ мать родную, любитъ.

— Гмъ! опять возразитъ, бывало, сынокъ, пуская страшную тучу дыма прямо въ носъ висящему на стѣнѣ бабушкину портрету. Мнѣ она нравится за

то, что свое мѣсто знаетъ и не въ свои дѣла не суется, а то, вѣдь, эта сволочь... И опять бросаетъ самый презрительный, уничтожающій взглядъ на окружающіе его столы и стулья. Но Матрена Ѳоминишна не страдала отъ этихъ взглядовъ и когда уѣзжалъ гостекъ, она, пославши ему въ путь своего рода благословеніе, снова и съ большими правами вступала въ прежніе предѣлы своей власти.

Итакъ очевидно изъ предыдущаго, что положеніе Матрены Ѳоминишны было прекрасно гарантировано въ домѣ Финиковой: ей могъ мѣшать дѣйствовать такъ или иначе одинъ лишь только бурмистръ, и поэтому она ненавидѣла его всею силою души своей. Бурмистръ былъ опасенъ для нея особенно въ то время, какъ пріѣзжали къ помѣщицѣ сынки. Молодые люди инстинктивно чувствовали превосходство надъ собой простаго умнаго мужика, хотя не только предъ другими, но даже внутри самихъ себя никакъ не согласились бы въ этомъ превосходствѣ и между тѣмъ невольно уважали его; часто не могли не соглашаться съ его свѣтлой мыслью, хотя и позволяли себѣ подсмѣиваться надъ нимъ. Намъ нерѣдко случалось слѣдить за этимъ любопытнымъ фактомъ, что благородная простота, твердыя, стойкія убѣжденія и безукоризненная честность побѣждали и привлекали къ себѣ натуры тщеславныя, самолюбивыя, убѣжденныя въ своемъ превосходствѣ и получившія болѣе блестящую, внѣшную полировку... Но это между прочимъ.

Неблагопріятные отзывы бурмистра предъ молодыми господами могли бы много повредить Матренѣ Ѳоминишнѣ, потому она, во все время пребыванія молодыхъ гостей, угождала бурмистру, не вмѣшивалась въ его дѣла и во всеуслышаніе при каждомъ удобномъ случаѣ, и особенно при гостяхъ, старалась на-

хваливать его, такъ что неблагопріятные отзывы хотя дѣйствительно и доходили до слуха малодыхъ людей, но, видя, какъ Матрена Ѳоминишна превозноситъ бурмистра, того самаго бурмистра, который такъ невыгодно отзывался объ ней, молодые люди не знали, какъ понять это обстоятельство. Мало знакомые съ человѣческимъ сердцемъ, они даже удивлялись великодушію Матрены Ѳоминишны и, чтобы много не думать о такомъ вздорѣ, оставляли въ покоѣ и бурмистра и ключницу.

Анфиногенъ Дормидонычъ, войдя къ столовую, по русскому святому обычаю, сначала помолился, потомъ низко поклонился барынѣ, легкимъ, общимъ поклономъ едва-удостоивъ ключницу и Фелисату Ивановну, и обратился къ помѣщицѣ.

— Что прикажете, матушка, Аглаида Марковна?

— Я нарочно посылала за тобой, Дормидонычъ.

— Чего изволите, матушка?

— Вотъ видишь, Дормидонычъ: я передумала на счетъ Михайла, да Ивана, что назначили въ очередь: я думаю ихъ освободить!

— На что-же, матушка? вѣдь, ужъ это дѣло рѣшеное, и имъ сказано, чтобы изготовлялись.

— Такъ, Дормидонычъ, да я передумала.

— Напрасно, матушка! Имъ какъ есть чередъ подошелъ — лучше этого ужъ и не выдумаешь.

— А вотъ что я выдумала, Дормидонычъ: они оба мужики богатые, исправные, скоро породнятся: за чѣмъ-же я буду ихъ изъянить, да и что мнѣ за выгода богатыхъ мужиковъ тормашить? Ты, вѣдь, умный мужикъ, слава Богу, знаешь: богатые у помѣщицы крестьяне — и она богата, а лучше мнѣ выбрать, да съ рукъ сбыть бѣдность, да голь.

— Нѣтъ, матушка, у тебя этакой бѣдности нѣтъ,

чтобы у мужичка нечего было, напримѣръ, поглодать или на плечи накинуть; а такую бѣдность, которая объ себѣ радѣетъ, да думаетъ, какъ-бы что себѣ приспособить, да какъ-бы управиться, и обижать грѣшно. Богъ поможетъ, бѣдность оправится и станетъ тебѣ лучше богатства. Зачѣмъ-же ее трогать? А Михайлу, да Ивану встать въ очередь никакой обиды нѣтъ: у одного три сына, и всѣ въ годахъ, у другаго, коли и старшаго сына взять, другой въ женихахъ, такъ, коли милость Божія, да господская будетъ, женить можно, а дочку замужъ выдать, какой-же имъ изъянъ? И обиды никакой нѣтъ: это вы напрасно, матушка, изволите безпокоиться.

— А всего-бы лучше, Дормидонычъ, какъ-бы вмѣсто ихъ да какого бѣдняка ненадежнаго поставить.

— Ужъ это само собой, подхватила Матрена Ѳоминишна, которая стояла на стражѣ и пристально слѣдила за всѣми сокровенными движеніями души Аглаиды Марковны. Какъ-же можно: огурцы ли на грядѣ оставлять, а полынь, да крапиву выдергивать, или полынь ростить, а огурцы вонъ изъ гряды? ужъ это конечное дѣло.

— Правда, правда! матушка... подхватила Фелисата Ивановна. Ужъ это что и говорить! Ужъ это подлинно-съ!..

— Не въ ту сторону изволишь брать, доложу тебѣ, Матрена Ѳоминишна: траву полютъ тогда, какъ она есть, а какъ нѣтъ, такъ нечего и полоть. А у насъ, слава Царю Небесному, такихъ нѣтъ, чтобы безнадежныхъ: пьяницы-ли, воры-ли, распутные что-ли какіе, или недоимки-бы на комъ много было, такихъ нѣту, слава Богу, а зашалитъ мужикъ маленько, сшибется съ пути — нельзя-же безъ грѣха — нуя накажи его, направь на путь, вотъ онъ и идетъ...

— Да ужъ это извѣстно, Дормидонычъ, что ты бѣдности потатчикъ...

— Не потатчикъ я, Матрена Ѳоминишна, а люблю, правду, да чтобы во всемъ была справедливость: я ужъ не противъ твоего на свѣтѣ-то живу — всего много видѣлъ. А что, молъ, нѣтъ у насъ такихъ, чтобы безнадежныхъ, такъ нѣтъ и есть.

— А вотъ, Ѳедоръ кузнецъ... замѣтила барыня.

— Что-же, матушка, онъ хоть мужикъ бѣдный, да сталъ справляться: и лошаденку завелъ, и коровка у него есть — все какъ быть слѣдовать должно. Онъ мужикъ хорошій, честный, непьющій.

— А я было его вмѣсто тѣхъ въ рекруты...

— А ты, матушка, Аглаида Марковна, Господь съ тобой, что ты! Мужикъ одинокій, безродный, дѣтки малъ-мала меньше. Это душу свою надо губить — его трогать. Нѣтъ, ты это, кормилица, отложи, это не схоже...

— Да, вѣдь, на немъ недоимки много...

— Много, не много, а что есть: онъ выплатитъ, ужъ я тебѣ за это отвѣтъ дамъ, только ты не дѣлай экаго дѣла — избави Богъ, не обижай мужика...

— Вѣдь, вотъ я вамъ говорила, маменька-благодѣтельница, что Дормидонычъ за бѣдняковъ, да оборванцевъ, что чужой хлѣбъ ѣдятъ — горой стоитъ! насмѣшливо сказала Матрена Ѳоминишна. А вы, пожалуй, его слушайте: вѣдь, онъ, извѣстное дѣло, упрямъ, хоть и хорошій человѣкъ: ему не то, чтобы господскую волю исполнить, да по справедливости сдѣлать, а вотъ уперся, такъ, чтобы на своемъ поставить...

— Нѣтъ, не то, Матрена Ѳоминишна... хотѣлъ было возразить бурмистръ, но Матрена Ѳоминишна продолжала, заминая его рѣчь.

— Онъ, вотъ, всегда такъ всѣ ваши-то приказанія исполняетъ: вы ему то, а онъ другое, и ужъ всегда на своемъ поставитъ, а не то, чтобы исполнять господскую волю, какъ слѣдуетъ, съ раболѣпствіемъ, а вы послѣ предъ Богомъ-то отвѣчайте за него... Вѣдь вотъ, какъ не скажешь, взаправду, вѣдь, вотъ, при немъ говорю: добрый, хорошій человѣкъ, умный, кажись, а какъ поступаетъ: точно барская воля ему ни почемъ...

— Нѣтъ, Матрена Ѳоминишна, не тебѣ-бы это говорить, а не мнѣ-бы слушать: ты давно-ли у насъ? А у меня на глазахъ и барыня-то, да и молодые господа, выросли, такъ ужъ мнѣ барское-то добро дороже, чѣмъ тебѣ, такъ это тебѣ не слѣдъ-бы и говорить... вотъ что!..

Матрена Ѳоминишна взглянула на барыню и тотчасъ замѣтила, что ею овладѣла сильная нерѣшительность. Вдругъ Аглаида Марковна сказала бурмистру:

— Поди, пока. Дормидонычъ...

— А приказъ-то вашъ какой-же будетъ, матушка?

— Да поди, покамѣсть, я еще подумаю...

Бурмистръ поклонился и лѣниво вышелъ.

— Ахъ, маменька-благодѣтельница! заговорила Матрена Ѳоминишна: что вы дѣласте съ собой! Ну, что слушать полоумнаго старика? вѣдь, вы знаете какой онъ упрямецъ. Чтой-то это? что онъ вамъ наговорилъ турусы на колесахъ, такъ вы и растаяли. Ну, неужто-же меня-то Богъ напрасно испытывалъ — это подумайте. Эй, маменька-голубушка, мнѣ, конечно, что? — чужое дѣло, а возьмете вы грѣхъ на душу, большой грѣхъ.., Правда-ли, Фелисата Ивановна?

— Точно, точно-съ!.. Ужъ это подлинно, что грѣхъ... Что и говорить. И Фелисата Ивановна

взглянула на Аглаиду Марковну, чтобы прочесть на ея лицѣ, кстати-ли она выразила свое согласіе. Финикова задумчиво раскладывала гранъ-пасьянсъ.

— Что-же, маменька-благодѣтельница, вы такъ и отложите свое доброе намѣреніе, такъ хорошимъ да добрымъ людямъ и погибать? А еще давича сказали, что не послушаете бурмистра!.. Видно, онъ изъ васъ все-то, все-то дѣлаетъ. А дадите вы Богу отвѣтъ изъ-за него, большой отвѣтъ. Ужъ это чтой-то, Господи помилуй, рабу своему покоряться такъ, чтобы и воли своей не было... Такъ-ли, Фелисата Ивановна?

— Воротите-ка бурмистра-то! закричала вдругъ Аглаида Марковна, обращаясь къ двери.

— Вотъ этакъ-то лучше. Благословитесь-ка, да рѣшитесь съ Богомъ, а то чтой-то это, Господи, со своими людьми, да воли не имѣть.

Бурмистръ снова явился.

— Я положила, сказала ему госпожа, непремѣнно поставить Ѳедора кузнеца, а очередныхъ не безпокоить...

— Полноте, матушка, не берите грѣха на душу!..

— Нѣту, нѣту, Дормидонычъ! ужъ я крѣпко это надумала.

— Такъ это ваше рѣшеніе?

— Рѣшеніе, рѣшеніе!.. И не говори больше, сказала Аглаида Марковна поспѣшно, какъ-бы сбрасывая съ себя тяжелое бремя.

— Ну, матушка, коли такъ, такъ ужъ позволь и мнѣ свое рѣшеніе исполнить.

— Какое?

— А вотъ какое: я тебѣ, матушка, докладывалъ по правдѣ, какъ твой вѣрный человѣкъ, ты меня не изволила послушать; а хочешь бѣднаго мужика оби-

жать, такъ ужъ мнѣ совѣсть перечитъ: у меня у самого трое сыновей большихъ, я своего Алеху возьму на подставу и стану ставить его въ перву-голову.

— Ишь, какъ онъ васъ запугиваетъ! сказала Матрена Ѳоминишна такимъ тономъ, по которому слова ея можно было принять и за шутку, и въ серьезномъ смыслѣ.

— Нѣтъ, не запугиваю, а говорю, — такъ сдѣлаю. Куда какъ ты проворна, Матрена Ѳоминишна, свой толкъ словамъ давать.

— Какъ знаешь, батька, что мнѣ? только ты барыню-то тоже не запугаешь: она своимъ умомъ живетъ, не чужимъ.

— Послушай, Дормидонычъ, ты не говори вздору, а дѣлай, какъ приказываютъ, сказала барыня.

— Я матушка, приказъ исполню, да и свое дѣло сдѣлаю, что мнѣ Богъ на душу положилъ.

— Ну, полно, въ самомъ дѣлѣ! Что ты меня, дуру что-ли нашелъ. Ступай съ Богомъ.

Бурмистръ поклонился и вышелъ.

— Видишь еще какой! сказала Матрена Ѳоминишна съ насмѣшкой.

— Да, да! скажите! замѣтила Фелисата Ивановна.

Помѣщица улыбнулась, а домоправительница поспѣшила обратить разговоръ къ другому предмету, опасаясь, чтобы нерѣшительная Аглаида Марковна опять не раздумала.

VII.

Въ тяжкомъ раздумьѣ и съ печальной душой вышелъ Афиногенъ Дормидонычъ изъ господскаго дома. Два горя въ одно время одолѣли его. Одно горе онъ самъ себѣ нанесъ своею рѣшимостью по-

жертвовать сыномъ. Другое горе составляла непріятная обязанность объявить Ѳедору кузнецу неожиданное распоряженіе барыни.

Ѳедоръ кузнецъ дѣйствительно былъ мужикъ добрый, честный, но пугливый, малодушный, котораго совершенно уничтожало всякое горе. Исторія его жизни проста, весьма обыкновенна, но тѣмъ не менѣе печальна и драматична. Былъ онъ нѣкогда мужикъ зажиточный, хоть и не богатый, жилъ хорошо и исправно, велъ себя честно, трезво, однимъ словомъ былъ мужикомъ примѣрнымъ. Кузнецъ онъ былъ не только по прозвищу, но и на самомъ дѣлѣ. И хлѣбъ, и одежду, и остатокъ въ домѣ — все доставляла ему кузница. Она перешла къ нему отъ отца и хоть была не велика, но вполнѣ его обезпечивала.

Ѳедоръ никого никогда не обижалъ, никому не дѣлалъ зла; съ душою доброй, незлобивой, соединялъ робость, необыкновенную уступчивость, такъ что въ деревнѣ слылъ тихоней, а насмѣшники называли его мокрой курицей и даже считали дуракомъ, хотя всѣ любили его. Но Ѳедоръ вовсе не былъ глупъ, а только чрезвычайно тихъ, легковѣренъ, пугливъ, малодушенъ и нервно - раздражителенъ. Всякая радость, весьма обыкновенная въ жизни, восхищала его до нельзя, за то и малѣйшее огорченіе совершенно разстроивало и уничтожало. Бывало, затѣйники, особенно изъ дворовыхъ, нарочно сплетутъ какую-нибудь сказку: скажутъ, напримѣръ, что его уличаютъ въ какомъ-нибудь воровствѣ и что барыня велѣла бурмистру высѣчь его. Или прибѣгутъ къ нему на кузницу и скажутъ, что жену его схватило и она умираетъ, или, наконецъ, что горитъ его кузница. Ѳедоръ отъ всѣхъ этихъ обмановъ чрезвычайно растроивался, совершенно терялся, а легковѣріе под-

стрекало его вѣрить всѣмъ этимъ сказкамъ. Особенно боялся Ѳедоръ пожара въ кузницѣ: съ малолѣтства привыкши къ одной работѣ, онъ зналъ, что не въ силахъ научиться ничему другому и что кузница есть единственный источникъ его существованія.

И вотъ наконецъ однажды ночью къ нему прибѣжали сказать, что кузница его загорѣлась, но, какъ нарочно, Ѳедоръ, можетъ быть, первый разъ въ жизни, рѣшился не вѣрить этимъ разсказамъ, предполагая, что его опять обманываютъ. Но рядъ горестныхъ вѣстниковъ увеличивался, въ деревнѣ поднялся шумъ, крикъ, бѣготня. Наконецъ прибѣжалъ къ Ѳедору десятскій, и въ доказательство, что пожаръ дѣйствительно случился, назвалъ Ѳедора дуракомъ, полоумнымъ. Тогда онъ повѣрилъ, затрясся, бросился вонъ изъ избы и дѣйствительно сдѣлался полоумнымъ.

Когда онъ добѣжалъ до кузницы, она вся уже была охвачена пламенемъ; туча дыму висѣла надъ деревней, милліоны искръ носились въ этой тучѣ, вѣтеръ игралъ огнемъ и поднималъ его къ небу длинными языками, огненныя галки съ трескомъ выдѣлялись изъ горящей массы и неслись на деревню; на небѣ занималось зарево. Мужики толпились вокругъ кузницы: суетились, бѣгали, кричали, поднимали руки и махали ими, бросались въ безполезную опасность, кидались къ огню и отскакивали отъ него съ опаленными бородами, ребятишки визжали и плакали, бабы кричали еще больше, читали молитвы и стояли съ образами около деревни. На лицахъ у всѣхъ блѣдность, страхъ и опасеніе за свою собственность.

Вся эта картина отражалась въ вытаращенныхъ глазахъ Ѳедора, но какъ-то тупо переходила къ его сознанію. Онъ понималъ, что горитъ его кузница, онъ чув-

ствовалъ, что съ нимъ случилось большое несчастіе, давно имъ ожидаемое и какъ будто предчувствуемое, но онъ не могъ еще отдать себѣ отчета въ немъ. Безмолвенъ, блѣденъ и неподвиженъ, съ крѣпкосложенными руками стоялъ онъ передъ страшнымъ зрѣлищемъ и смотрѣлъ на него дикими глазами, а кузница все горѣла, да горѣла, огонь все игралъ своими сокрушительными волнами, зарево разгоралось все сильнѣе и сильнѣе. Наконецъ — зданіе рушилось, огонь на мгновеніе почти скрылся, взлетѣло цѣлое облако дыму, огонь опять прорвался съ новой силой — и съ кузницей все было кончено, но въ душѣ Ѳедора драма только что начиналась.

Стало свѣтать. Вмѣсто прежней кузницы тлѣлись однѣ лишь только головни, а Ѳедоръ все по-прежнему стоялъ неподвижно.

— Что, братъ, дѣлать, Ѳедя, видно, такова власть-воля Божія! Не надо отчаяваться, надо Богу молиться! говорилъ бурмистръ, но Ѳедоръ не слыхалъ его словъ.

Подходили и другіе мужики и всякій по своему выражалъ свое сострадание и старался утѣшить бѣдняка, но Ѳедоръ не понималъ и ихъ утѣшеній.

Стояла съ нимъ рядомъ жена, горько плакала, рыдала и завывала, но Ѳедоръ остался глухъ и къ этимъ стенаніямъ.

Мужички начали мало-по-малу расходиться по домамъ, тужили о чужомъ горѣ, сильно качали головой и широко разводили руками, а Ѳедоръ все оставался неподвиженъ на одномъ и томъ же мѣстѣ.

Наконецъ опять подошелъ къ нему бурмистръ. — Что стоять-то, Ѳедоръ: нечего дѣлать, видно. Поди съ Богомъ домой! Ѳедоръ повиновался.

Его привели въ избу, посадили на лавку. „Столбнякъ

нашелъ на него, младенческая: надо опрыснуть!“ сказала забѣжавшая въ избу, чтобы посмотрѣть на чужое горе, старуха. Но въ это время вдругъ заплакалъ меньшой сынъ Ѳедора и закричалъ „мама!“ Какъ сидѣлъ Ѳедоръ, такъ и повалился на лавку, и горькія слезы облегчили его душу, но не на долго: въ головѣ его прояснилось, и онъ понялъ тогда вполнѣ, что значитъ для него постигшее его несчастіе. Глубокая, безвыходная тоска и отчаяніе овладѣли его душею, онъ считалъ и себя, и свое семейство погибшимъ безвозвратно.

И потянулись послѣ того длинные, печальные дни. Тоска грызла сокрушала его, голова не въ силахъ была связать двухъ простыхъ мыслей, руки его не поднимались на работу, да онѣ и не умѣли ничего дѣлать, кромѣ кузнечнаго дѣла: Ѳедоръ мало работалъ и на полѣ, нанимая для этого особеннаго работника. Наконецъ, однажды горе такъ мучило, тѣснило грудь Ѳедора, что онъ, по русскому обычаю, рѣшился искать успокоенія у знакомаго уже намъ тучнаго господина съ красивой бородкой и нашелъ, если не совершенное спокойствіе, то значительное облегченіе. Это понравилось Ѳедору, онъ сталъ ходить къ нему каждый день и наконецъ сдѣлался горькимъ пьяницей.

Тогда-то настала тяжкая пора для его семьи: не было денегъ, Ѳедоръ тащилъ закладывать платье; не стало платья, онъ потащилъ послѣдній коровай хлѣба. Бурмистръ давалъ было сначала денегъ на разживу, чтобы помочь Ѳедору подняться, но деньги эти скоро ушли къ тому же господину съ красивой бородкой. Бурмистръ хотѣлъ было запретить послѣднему продавать Ѳедору вино, но надзоръ Анфиногена Дормидоныча былъ слишкомъ слабъ для подкрѣпленія этого приказанія, и Ѳедоръ былъ пьянъ

безъ просыпа. Въ самомъ дѣлѣ, въ десяти верстахъ отъ деревни былъ еще кабакъ: развѣ Ѳедоръ не могъ покупать тамъ вино?

Такъ проходили мѣсяцы, такъ прошли два года. Ѳедоръ похудѣлъ, позеленѣлъ, глаза его постоянно были воспалены и пріобрѣли какое-то глупо - восторженное выраженіе. Нищета и голодъ дѣйствительно закрались въ избу, и сама она, доставшаяся ему въ наслѣдство послѣ отца, осталась безъ присмотра, покачнулась на бокъ, сморщилась и какъ будто грустно задумалась о былыхъ, хорошихъ временахъ. Анфиногенъ Дормидонычъ употреблялъ разныя средства направить Ѳедора на прямой путь, но ничто не помогало. Онъ продолжалъ пить, разумѣется, не платилъ оброку и сдѣлался хуже послѣдняго мужика.

Наконецъ, бурмистру пришла очень счастливая мысль, какъ будто слетѣвшая съ неба и прямо изъ рукъ Ѳедорова Ангела Хранителя. Вотъ что задумалъ бурмистръ. Никому не говоря ни слова, онъ нанялъ плотниковъ и велѣлъ срубить кузницу, потомъ сложилъ въ ней печь, купилъ молотъ, наковальню и все нужное, привелъ въ нее Ѳедора и сказалъ: „Вотъ, Ѳедоръ, тебѣ кузница и вотъ тебѣ десять рублей на разживу. Если пропьешь эти деньги, не станешь работать, тутъ тебѣ и конецъ: упрошу барыню, чтобъ сослала тебя на поселенье или отдала бы не въ зачетъ въ солдаты, больше съ тобой дѣлать нечего; а будешь работать, да уймешься отъ своего грѣха — ну, Господь тебя наградитъ успѣхомъ и счастьемъ "

Тутъ надобно было видѣть Ѳедора, чтобы поплакать вмѣстѣ съ нимъ. Какъ увидѣлъ онъ кузницу, да сказалъ ему бурмистръ, что она его, такъ онъ и бросился безъ памяти въ ноги Анфиногену Дормидонычу, долго лежалъ, плакалъ, цѣловалъ его грязь-

ные сапоги и не хотѣлъ никакъ подняться. Потомъ вскочилъ, какъ полоумный, сталъ всему улыбаться, кланяться, иное цѣловалъ, иное обнималъ и опять вдругъ такъ и бросился на шею къ бурмистру, позабывши всякое чинопочитаніе, такъ и прильнулъ къ нему, а потомъ стрѣлой побѣжалъ къ избѣ, перепугалъ жену и дѣтей своимъ неистовымъ радостнымъ крикомъ, перецѣловалъ ихъ, у всѣхъ просилъ прощенія, плакалъ, смѣялся, но никакъ не могъ объяснить причины своей радости, и, чтобы заставить говорить вмѣсто себя само дѣло, повелъ жену и дѣтей къ кузницѣ, и могъ выговорить только: „мое... это мое... Финогенъ Римедонычъ... батюшка... дай Богъ ему... награди его...“

Такъ, благодаря бурмистру, совершился переломъ въ жизни Ѳедора. Онъ пересталъ пить, началъ усердно работать и сталъ мало-по-малу поправляться. Теперь понятно, почему Анфиногенъ Дормидонычъ любилъ и такъ жалѣлъ Ѳедора. Кромѣ того, онъ былъ дорогъ его сердцу, какъ существо, обязанное этому сердцу своимъ существованіемъ; онъ зналъ его натуру и боялся, чтобы вѣсть о назначеніи въ солдаты опять не произвела на него такого же пагубнаго дѣйствія, какъ пожаръ въ кузницѣ. Понятно тяжелое раздумье, въ которомъ шелъ бурмистръ по деревнѣ и приближался къ дому Ѳедора. Наконецъ онъ поровнялся съ нимъ. Изба эта напоминала собою тѣло человѣка, душа котораго долго страдала, изнуряя и разрушая его организмъ, и потомъ стала постепенно выздоровливать, вливая новыя силы и жизнь и бодрость въ ослабѣвшія мышцы. Изба эта была поднята и два свѣжія бревна виднѣлись въ ней, новые столбы поддерживали крышу двора, и въ самыхъ воротахъ погнившія и испортившіяся тесины замѣнены были свѣжими.

Бурмистръ вошелъ въ избу. Жена Ѳедора, Агафья, сидѣла у окна и смотрѣла на улицу. Приходъ бурмистра и обрадовалъ, и испугалъ ее.

— Здорово, Агафья.

— Добро пожаловать, батюшка Финогенъ Римедонычъ.

— А гдѣ Ѳедюха-то твой?

— Прилегъ соснуть кормилецъ. Я вотъ тотчасъ его подниму.

— Не тронь, не тронь! Не надо.

— Какъ можно? Нѣтъ, я тотчасъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, не буди, говорю, не тронь, не надо.

— Да чтой-то это, Финогенъ Римедонычъ. Какъ можно? Ну-ка, экой гость у насъ дорогой, а онъ спитъ.

— Ну, и пусть его спитъ, коли спится!

Агафью какъ будто кольнуло въ самое сердце. При этихъ словахъ она остановилась.

— Ну, какъ вы поживаете?

— Слава Господу, батюшка Финогенъ Римедонычъ, благодарны твоимъ милостямъ, да святымъ молитвамъ. Нече сказать, не по прежнему, дай Богъ въ добрый часъ молвить.

— Ну, и слава Богу!.. И здоровы оба?

— Слава-те Господи, кормилецъ.

Разговоръ остановился; оба затруднялись его продолженіемъ.

— Ну, а дѣтки что?

— Ничего и дѣтки: всѣ слава Богу...

Опять молчаніе.

Въ это время проснулся Ѳедоръ и, увидя у себя своего благодѣтеля, также какъ и жена обрадовался, но и испугался нѣсколько, потому что посѣщенія

бурмистра къ мужикамъ, исправно живущимъ, были чрезвычайно рѣдки, и съ тѣхъ поръ, какъ Ѳедоръ совершенно остепенился, онъ почти ни разу не бывалъ у него въ избѣ.

— Здорово, Ѳедоръ, сказалъ бурмистръ какъ можно ласковѣе.

— Ахъ, батюшка Финогенъ Ремидонычъ! прощенія просимъ, извините: не знали, что дорогой гость пожалуетъ, не чаяли.

— Дорогъ ли, не дорогъ ли, а вотъ и пожаловалъ. Садись-ка.

— Нѣту, ужъ я постою, Финогенъ Ремидонычъ.

Ѳедоръ понравился бы каждому съ перваго раза: такъ много было въ лицѣ его доброты, простоты и искренности. Высокій, здоровый на видъ, онъ не казался такимъ робкимъ и пугливымъ, какимъ былъ въ самомъ дѣлѣ. Только необыкновенно мягкій, ласковый, какъ будто умоляющій и вмѣстѣ нетвердый взглядъ не говорилъ за силу его воли и за его мужество.

— Ну, что, какъ идетъ у тебя работа? спросилъ бурмистръ.

— Слава Царю Небесному! работаю! батюшка по твоимъ великимъ милостямъ. Безъ работы не сижу.

— Ну, это хорошо! Да укрѣпился ли ты сердцемъ-то, пересталъ ли всего-то бояться? Вотъ ты мнѣ что скажи.

Ѳедоръ улыбнулся и не отвѣчалъ.

— Что, или не совсѣмъ еще ото всѣхъ грѣховъ своихъ отошелъ? Э, эхъ ты, Ѳедя! Да скажи ты мнѣ, что это съ тобой такое дѣлается?

— А и самъ не могу въ разумъ взятъ, Финогенъ Ремидонычъ. Вотъ схватитъ за сердце, схватитъ —

схватитъ, да такъ его точно и потянетъ — потянетъ, такъ равно духъ перехватитъ, подколѣнки затрясутся, затрясутся руки за дрожатъ, по тѣлу начнетъ ровно что бѣгать, да вотъ по затылку, такъ ровно что холодное прикладываютъ, такъ и изомру весь.

— Экой ты какой! А ты Богу бы молился, чтобы Онъ тебя избавилъ отъ этакаго искушенія. Вѣдь, это искушеніе: право! Ну, неужто бы это ты испугался и теперь, еслибъ стали тебя опять дураки чѣмъ ни на есть пугать?

— Зачѣмъ пугаться!.. отвѣчалъ нерѣшительно Ѳедоръ и вздрогнулъ, потомъ взглянулъ на жену, какъ бы желая ее спросить: не случилось ли ужъ чего? Агафью опять, какъ будто, что кольнуло въ сердце.

— Вотъ ты и теперь чуть не испугался! Эхъ, ты какой, братецъ мой, а ты крѣпись. Вѣдь ты не баба, не Агафья, да и она такъ тебя за поясъ заткнетъ. Заткнешь, вѣдь, Агаша?

Всѣ улыбнулись.

— Эхъ, Ѳедоръ! мало ли, братецъ, есть какихъ случаевъ! не то, что — такіе пустяки, а такъ тебя иной разъ заберетъ за живо, а терпишь... Ну, вѣдь, ты знаешь, что я тебѣ-ка зла не желаю, знаешь, вѣдь?

— Какъ это возможно... Финогенъ Ремидонычъ!

— Ну, такъ, еслибы я тебѣ что сказалъ этакое... ну, испытанье бы, тебѣ далъ, испугалъ бы тебя... Чтобы ты, повѣрилъ бы, испугался!

— Зачѣмъ пугаться! отвѣтилъ опять нерѣшительно Ѳедоръ.

— Ну, слушай же, да смотри: не дурить, не трусь. Я своего Алеху въ некруты везу и буду ставить въ перву голову, а тебя такъ возьму для

отводу только, какъ будто на подставу... Что ты, что ты? да, вѣдь, тебя не поставятъ.

Но Ѳедоръ уже растерялся, отъ него не укрылось желаніе бурмистра приготовить его къ какой-то непріятной вѣсти, и вотъ наконецъ эта вѣсть: онъ долженъ быть солдатомъ. Ѳедоръ стоялъ передъ бурмистромъ блѣдный, какъ полотно.

— Да ты не трусь, говорятъ. Слушай же, я разскажу тебѣ все дѣло. Были на череду Михайло Захаровъ, да Иванъ Корыто, да вдругъ барыня что-то раздумала; вѣрно эта подлая Матрена Ѳоминишна тутъ что-нибудь, она же и юлила больно. Ну, ставь, говорить, тебя... да ты не бойся... А я не хочу, чтобы ты шелъ, а поставлю своего Алеху въ перву голову. Онъ малый бравой, уйдетъ какъ разъ... Чего же ты боишься-то? ты только такъ съѣздишь въ городъ, на подставу.

Но Ѳедоръ давно уже обрекъ себя въ солдаты. Какъ ни былъ благодѣтеленъ и великодушенъ бурмистръ, но пожертвовать сыномъ за посторонняго казалось невозможнымъ. Агафья испугалась не меньше Ѳедора, и въ то время, какъ послѣдній стоялъ передъ бурмистромъ блѣдный и съ поникшей головой, бросилась къ нему въ ноги съ громкими воплями.

— Батюшка, Финогенъ Ремидонычъ, нельзя ли ослободить? Что мы останемся безъ него? пропадемъ, какъ есть пропадемъ.

— Перестань, Агафья. Ахъ, ты, глупая! Чѣмъ бы мужа-то успокоить, она что? сама поджигаетъ. Ну, ужъ чудные вы оба. Сказалъ, что не будетъ онъ солдатомъ, и не будетъ: вотъ вамъ мое слово бурмистрское.

Ѳедоръ и Агафья какъ будто успокоились. Бур-

мистръ ушелъ отъ нихъ довольный успѣхомъ, и нѣсколько разъ напоминалъ имъ, чтобъ не безпокоились, что все будетъ только одна личина; но Ѳедоръ безъ него задумался и затосковалъ.

— Нѣтъ, говорилъ онъ женѣ: ужъ чуетъ мое сердце, что мнѣ быть солдатомъ. Коли ужъ Матрена Ѳоминишна на меня накинулась, такъ не быть добру, и ничего не сдѣлать противъ нея бурмистру. Сына отдастъ замѣсто меня? Нѣтъ, это онъ такъ говоритъ только, да и моя совѣсть развѣ это попуститъ! Быть солдатомъ! Прощай, Агафьюшка; прощайте, дѣтушки! не видать мнѣ васъ больше.

Очень тосковалъ Ѳедоръ весь этотъ день, а на другой пришелъ къ себѣ въ избу крайне-пьяный. Это такъ напугало Агафью, что она тотчасъ же побѣжала къ бурмистру.

— Батюшка, Финогенъ Ремидонычъ, что у меня-то надѣлалось! говорила она, всхлипывая.

— Что такое?

— Мой-то опять запилъ: пришелъ сегодня пьянешенекъ, языкомъ не владѣетъ, на ногахъ не держится. Пропали мы теперя совсѣмъ.

Эхъ, не думалъ! сказалъ бурмистръ. Что ты станешь дѣлать?.. Что онъ теперь, спитъ?

— Спитъ, батюшка.

— Ну, пусть спитъ, а ты за нимъ послѣ хорошенько присматривай, да успокоивай его. Ужъ сказалъ, что ничего не будетъ, такъ не бойтесь; а я ужо самъ побываю... Да слушай, сказалъ бурмистръ тихонько, никому не говори у меня въ домѣ объ Алехѣ, слышишь?

— Слышу, батюшка слышу? А моего-то повезешь?

— Повезти повезу, а ужъ что сказалъ, то будетъ. Помни!

Батюшка, вѣдь мой-то не хочетъ; ни за что, говоритъ, не хочу, чтобы за меня твоего-то Алексѣя ставили... Не позволю, говоритъ, а самъ пойду... Да и какъ, батюшка...

— Ну, ну, поди, это мое дѣло, а что сказалъ: не будетъ солдатъ, такъ не будетъ... Поди-же, а ужо я зайду...

— Бурмистръ не говорилъ домашнимъ о своемъ намѣреніи, а только велѣлъ своему Алехѣ приготовляться ѣхать съ нимъ въ городъ; не хотѣлъ онъ говорить прежде времени для того, чтобы не было лишнихъ слезъ. Но семейство его уже многое слышало и подозрѣвало, а потому находилось въ крайнемъ смущеніи и горѣ. Жена нѣсколько разъ приступала къ старику, требуя подробнаго объясненія, но онъ упорно молчалъ; и когда она передала ему дошедшіе до нея слухи, онъ отвѣчалъ, что все это одни враки. Впрочемъ, самъ онъ не могъ казаться веселымъ, часто смотрѣлъ на Алексѣя съ грустью, мало былъ дома, какъ будто боясь поддаться тоскѣ: все это еще болѣе безпокоило его семейство.

За то полная радость господствовала въ эти дни въ домѣ Михайла Захарыча и Ивана Никитича, которымъ объявили барскую волю. Марѳа безпрестанно обнимала своего Андрея, Андрей на радости видался каждую ночь съ Катериной. Марья говорила безъ умолку и все твердила Ивану Никитичу, что онъ долженъ за Михайла Захарыча вѣчно Бога молить, и Иванъ Никитичъ былъ очень радъ, такъ что самъ, безъ требованія, снесъ Матренѣ Ѳоминишнѣ недоставшій полтинникъ.

Бурмистръ дѣйствительно приходилъ къ Ѳедору, успокоивалъ его, убѣждалъ быть мужественнымъ, говорилъ, что онъ, можетъ быть, не станетъ даже

ставить и своего Алексѣя, если Ѳедоръ не хочетъ этого, но избавитъ его отъ солдатчества другимъ образомъ, но впрочемъ сказалъ, что нужно будетъ ему ѣхать съ нимъ въ городъ такъ, для виду только. Но всѣ убѣжденія были тщетны, а послѣднія слова бурмистра — приказаніе собираться въ дорогу, приводили въ смущеніе даже самую Агафью, и она не въ силахъ была успокоивать мужа.

— Если бы можно было его ослободить, думала она, зачѣмъ-же его въ городъ-то вести? Нѣтъ, тутъ не къ добру. И она горько плакала, а Ѳедоръ каждый день былъ пьянъ, и кузница стояла запертою.

VIII.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ Аглаида Марковна приказала бурмистру взять въ рекруты Ѳедора кузнеца, она сидѣла утромъ, по обыкновенію, въ столовой, вмѣстѣ съ Матреной Ѳоминишной и Фелисатой Ивановной, которая осталась уже гостить на безсрочное время. Только что отпили чай и между собесѣдницами началъ завязываться разговоръ, уже не прерываемый, какъ нѣсколько минутъ назадъ, прихлебываніемъ чая и жеваньемъ булокъ.

— Ну, что нашъ упрямецъ? заговорила Аглаида Марковна: неужели онъ въ самомъ дѣлѣ хочетъ вести своего сына?

— И, полноте, маменька-голубушка: своя рубашка ближе къ тѣлу. Чудетъ того, что поговоритъ, да пострацаетъ: онъ думалъ, что барыня-то за нимъ ужъ такъ станетъ бѣгать, да упрашивать, а вотъ увидѣлъ, что на его штуки не обращаютъ вниманія, такъ и замолчалъ небось.

— Точно, точно! отозвалась Фелисата Ивановна.

— Однако, вчера приходилъ прощаться, продолжала Финикова, такъ я нарочно спросила: что, говорю, повезешь своего Алексѣя; не пропала еще дурь-то твоя? Нѣтъ, говоритъ, матушка, это не дурь, а какъ докладывалъ, говоритъ, такъ и сдѣлаю, потому, говоритъ, моя совѣсть не позволяетъ, чтобы... да, вѣдь, вы сами слышали?.. тутъ, вѣдь, были...

— Слышали, слышали! спѣшила сказать Фелисата Ивановна. Какъ-же, матушка, Аглаида Марковна, тутъ-съ мы обѣ съ Матреной Ѳоминишной были-съ! Такъ, говоритъ, и отдамъ, говоритъ, въ первую, говоритъ, голову поставлю. Скажите, какой!.. Да-съ!

— Вотъ то-то мнѣ и страшно, и безпокоитъ меня. Ну, какъ онъ свое слово исполнитъ? А онъ всегда ужъ дѣлаетъ такъ, какъ скажетъ. Вѣдь, сохрани Богъ. Что-же? я не желаю этого, чтобы...

— А коли и сдѣлаетъ-то, маменька-благодѣтельница, такъ пусть его... самъ виноватъ: отъ своего упрямства, никто не принуждалъ...

— Ахъ, что ты, Матрешенька? Захочу-ли я, чтобъ эта кого человѣка, который и покойнику моему вѣрой и правдой служилъ, и меня всячески успокоиваетъ, чтобы его обидѣть! Сохрани Богъ! Нѣтъ, это на мою душу большой грѣхъ ляжетъ...

Матрена Ѳоминишна хотѣла что-то возражать, но въ это время Гаврило доложилъ, что жена бурмистрова, Аграфена, проситъ позволенія войти.

— Что ей надо? спросила поспѣшно Матрена Ѳоминишна. Позвольте, маменька, я ее спрошу: что вамъ самимъ-то безпокоиться?

— Нѣтъ, нѣтъ, пусть войдетъ; однако она мнѣ поразскажетъ что нибудь. Кликни ее сюда!

Матрена Ѳоминишна была очень недовольна этимъ рѣшеніемъ, и злые глазки ея запрыгали, завертѣлись и заюлили, какъ будто бы чуя приближающуюся опасность.

Аграфена не вошла, а такъ сказать ввалилась въ комнату съ ужаснымъ плачемъ, воемъ и стенаніями. Лице ея было красно и опухло, начиная отъ кончика подбородка до бѣлковъ глазъ: казалось, что она не только плакала нѣсколько дней сряду, но еще безпрестанно собственными своими руками бичевала себя: волосы ея также были растрепаны и прядями торчали изъ-подъ криво-повязаннаго платка. Какъ только вошла Аграфена въ столовую, такъ и бросилась въ ноги Аглаидѣ Марковнѣ, зарыдала и завопила еще громче.

— Что ты, Аграфена? спросила барына съ участіемъ.

Матрена Ѳоминишна сверкнула глазами и навострила уши. Фелисата Ивановна приготовилась слушать, два раза привскочила на стулѣ и ткнула пальцемъ подъ оборки своего чепца, которыя хлопали и болтались, какъ крылья подстрѣленной вороны.

— Ай, матушка, ай, Аглаида Марковна, ай, Господи!..

— Что, что? говори скорѣе.

— До коихъ-то мы поръ дожили? Чтой-то это съ нами подѣялось?.. Служили мы тебѣ службу вѣрную, не чаяли твоей немилости...

— Да что такое? Ты встань, скажи мнѣ.

То ли мы твоему добру не радѣли, матушка?... Агланида Марковна, матушка... За что на насъ эка твоя напасть... немилость?... Матушка... пожалѣй насъ, родная... матушка... кормилица...

— Какая немилость? Я васъ люблю и жалѣю,

и зла вамъ не хочу. Что же надѣлалось? говори скорѣе!..

— Ахъ, матушка... кормилица ты наша... матушка Агланида Марковна... Знаю я, не желаешь ты намъ зла отъ своего добраго сердца... видно злые люди тебя противъ насъ наустили... матушка.

— Аграфена, полно же, встань, да разскажи мнѣ все по порядку. Что тебѣ нужно? я вѣдь ничего не знаю.

— Ахъ, кормилица моя, не чаяла я, не гадала, чтобы мое дитятко отъ моего ретиваго сердца отняли. Ахъ, не ждала, не чаяла...

— Такъ развѣ, въ самомъ дѣлѣ, увезъ?

— Увезъ, матушка, увезъ! молила-просила, въ ножку кланялась — не слушаетъ.

— Да вѣдь онъ, можетъ быть, его опять назадъ привезетъ?

— Нѣтъ, матушка, гдѣ привести... Ахъ, родная, не знаешь вѣдь ты, сколько я кручины-то перенесла, да перетерпѣла...

— Ну, разскажи, разскажи скорѣй. Ахъ, Боже мой, каковъ?..

— Вотъ, матушка, пришелъ онъ домой въ прошедшее-то воскресенье, такой скучной, такой нешто неповадливой, да и говоритъ мнѣ вдругъ: „собери, говоритъ, Алеху; на эвтой, говоритъ, недѣлѣ въ городъ поѣдетъ...“ Ахъ, матушка, ровно что я почуяла, такъ у меня и руки-то и ноги-то такъ и затряслись... Зачѣмъ, молъ, батюшка, Финогенъ Римедонычъ?..“ это я такъ спрашиваю... „Нужно-говоритъ: опять пріѣдетъ скоро...“ Такъ у меня, знаешь, ровно маленько отъ сердца-то и отлегло, а больше спрашивать-то на тотъ разъ не посмѣла... Не любитъ онъ, знашь, какъ къ нему пристаютъ-

то... Тутъ, матушка ты моя, стали до меня недобрые слухи доходить, нехорошіе... придетъ ли кто за дѣломъ, али такъ нарокомъ зайдетъ. Что, молъ, говорятъ, у васъ надѣлалось: Алеху-то, чу, вашего въ некруты... чтой-то, молъ, батюшки, съ чего, молъ, вы эвто берете? а у самой сердце-то такъ и ноетъ, такъ и ноетъ. Стала, матушка, я къ къ своему-то больше, да больше приступать: что, говорю, на что, молъ, ты Финогенъ Римедонычъ, Алеху въ городъ везешь? Надо, говоритъ, за дѣломъ! Такъ скажи, молъ, батька, али я ему не мать? Зачѣлъ, чу, тебѣ-ка знать? Ты, говоритъ, бабьимъ дѣломъ мужниныхъ дѣловъ не происходи... Мы, говоритъ, про то знаемъ... Да такъ ничего мнѣ и не скажетъ, а только уйдетъ разѣ изъ избы, да дверьми хлопнетъ... И все это время, ровно, онъ стѣнь какъ ходилъ: невеселой такой, притуманный... такъ мы эвти три-то дни ни жили, ни что... А ужь у меня сердечушко-то болѣло, болѣло, надрывалось всячески... ужъ подлинно, что горе почуяло... Ну, матушка ты моя: вотъ вчерась мой-отъ, отецъ-отъ, мнѣ и говоритъ: завтра, чу, съ утра поѣдемъ, а все не сказалъ, это, — зачѣмъ. Ну, поплакала я, матушка, ночь-то, всю ночь зги не соснула... Встала чѣмъ свѣтъ до зари, стала все прибирать, да снаряжать къ пути-дорогѣ-то... что дѣлать-то, вѣдь, нельзя?... Ну, да ужъ и то сказать: хожу я это сбираю, а руки у меня такъ и дрожатъ такъ и не владѣютъ... Ну... охъ, матушка.. Агланида Марковна! Жаль больно дитятко-то...

Аграфена опять зарыдала и бросилась въ ноги барынѣ.

— Ну, полно, полно, Аграфена, не убивай себя... Разсказывай скорѣе... что же?

— Ахъ кормилица ты моя... Встали всѣ и Алешунко-то поднялся... Господи, какъ взгляну я на него, такъ ровно сама не своя, такъ сердце и надрывается... Вотъ, матушка, тутъ пріѣхалъ къ намъ это Ѳедоръ кузнецъ съ женою, не говоря дурнаго слова, пьянъ-пьянешенекъ... Чтой-то, молъ, это съ нимъ сдѣлалось? опять на старой ладъ?... А жена-то такъ и виситъ на немъ, такъ и завываетъ... Вотъ ужъ тутъ и сказалъ мнѣ мой-отъ... да что? ужь я сама все сердцемъ узнала... охъ, охъ!... Матушка Агланида Марковна... охъ!

— Ну, говоритъ, продолжала Аграфена, всхлипывая: ну, говоритъ, Алеха, прощайся съ матерью, ты... чу... въ некруты пойдешь... въ царскую службу... Я къ нему... въ ноги... Батюшка, молъ Финогенъ Римедонычъ, неужто это, молъ, барска воля?... Нѣтъ, говоритъ: это моя воля... а барска воля, чтобы вотъ Ѳедора отдать, да и то говоритъ, не барска воля, а злыхъ людей, что наустили нашу кормилицу... А ты, говоритъ... охъ, Господи... ты, говоритъ, Алѣксѣя благослови: первое, что онъ идетъ въ царскую службу, второе — душу, говоритъ, человѣческую спасетъ... Богъ, говоритъ его за это наградитъ, здоровьемъ пожалуетъ, и Государь офицеромъ сдѣлаетъ... Да вотъ, все вотъ такъ и говоритъ, — много говорилъ. Вѣдь, онъ у меня, матушка, сама изволишь знать, языкомъ-то уменъ, шибко уменъ... Только я и не утерпѣла... охъ, материнское сердце... что, я говорю: не за этого ли пьяницу, молъ, сына-то хочешь ставить. Гдѣ, молъ, у тебя сердце-то?... Ахъ, матушка... какъ же онъ у меня разсерчалъ: дура, говоритъ, ты, обумная дура! развѣ, говоритъ, онъ прежде пилъ? это онъ меня спрашиваетъ... нѣту, молъ, батюшка, года два не чуть... Такъ то-то, говоритъ, ты дура

и есть: онъ, говоритъ, это обезумѣлъ отъ горя, что барская воля его не взначай застигла, а выкуплю, говоритъ, его изъ этой бѣды... будетъ, говоритъ, онъ опять по прежнему хорошій мужикъ... Я бы, говоритъ, самъ за него пошелъ, да силъ нѣтъ: старъ сталъ, такъ вотъ сына и посылаю, а онъ, говоритъ, это и долженъ за милость Божью считать, что Богъ приводитъ человѣческу душу спасти... А тутъ жена-то Ѳедорова вопитъ, онъ и къ ней, мой-отъ: ты, говоритъ, о чемъ плачешь? ужъ сказалъ, чу, тебѣ, что привезу назадъ; разѣ, говоритъ, Алеха мой не молодецъ, не уйдетъ, а я, говоритъ, его въ перву голову поставлю.... А Ѳедоръ-то, матушка, такъ и сидитъ, ничего не понимаетъ, только плачетъ... какъ съ пьяна. А мой-то Алешунка ни рвется, ни реветъ, ничего, точно каменный... онъ, больно сробѣлъ... Вотъ матушка, опослѣ того помолились, поревѣли... охъ, батюшки мои... изошла я слезами, изсохло мое сердечушко... Поѣхали. Только мой-отъ и говоритъ: слушай, говоритъ, Аграфена, какая бы тебя кручина ни взяла, ты къ барынѣ не ходи и не проси за Алеху. Ее, говоритъ, подбиваютъ, что я только такъ прикидываюсь, обманываю ее, что сына хочу поставить, такъ я, говоритъ, вотъ это и сдѣлаю... Такъ онъ мнѣ этотъ запретъ и положилъ... Да какъ уѣхали они, матушка, такъ на меня тоска напала, что хоть руки наложить на себя-ка... не утерпѣла... побѣжала къ тебѣ... Охъ, матушка, Аглаида Марковна, пожалѣй насъ, родимая, прикажи отмѣнить, вели его вернуть... ты нашей погибели не пожелаешь... мы знаемъ тебя кормилицу...

— Сейчасъ, сейчасъ пошлю, Аграфена; да давно ли они уѣхали?

— Около часу будетъ...

— Ну, ничего, догонятъ..- Пухлышъ, поди пошли скорѣй Гаврилу.

Надобно было видѣть Матрену Ѳоминишну въ продолженіе всего разсказа: она блѣднѣла, зеленѣла, сверкала глазками; то качала недовѣрчиво головой, когда глаза ея встрѣчались съ глазами помѣщицы, то выражала состараданіе, кагда это казалось ей необходимымъ. При послѣднихъ распоряженіяхъ Аглаиды Марковны, она совершенно превратилась въ грязь, въ тряпку, но тотчасъ же оправилась.

— Что вы это, маменька-благодѣтельница, неужели въ самомъ дѣлѣ хотите посылать догонять бурмистра? спросилб она.

— Да, да, Матрешенька, какъ-же? Сохрани Богъ обидѣть бурмистрово семейство. Я не хочу.

— Да полноте, маменька-голубушка, неужто вы въ самомъ дѣлѣ всему вѣрите? Ну, какой же отецъ разстанется съ сыномъ?.. Правда Фелисата Ивановна?..

Но Фелисата Ивановна только покачала неопредѣленно головой и ничего не сказала, потому что на лицѣ помѣщицы она замѣтила несогласіе со словами ключницы и нетерпѣніе.

— Нѣтъ, нѣтъ! непремѣнно послать! Я этого себѣ никогда не прощу, если что случится... Гаврило, поди скорѣе: скажи кучеру, чтобы онъ взялъ которую-нибудь молодую лошадь, да скорѣе, шибче скакалъ и догналъ бы бурмистра, и какъ догонитъ, тотчасъ бы воротилъ его: сказалъ бы, что барыня требуетъ, очень, молъ, нужно... Слышишь? чтобы непремѣнно воротилъ!

— Слышу-съ.

— Да. Ну, поди же скорѣй. Да чтобы непремѣнно вернулъ его. Слышишь?

— Слышу-съ! отвѣчалъ Гаврило ужъ изъ прихожей.

Аграфена опять бросилась въ ноги барынѣ съ изліяніями самой пламенной, самой искренней благодарности.

— Полно, Аграфена: захочу ли я сдѣлать вамъ какое зло? Я вами благодарна.

Но Матрена Ѳоминишна совсѣмъ иначе смотрѣла на это обстоятельство и съ колкостію сказала своей маменькѣ-благодѣтельницѣ:

— Ну, если вы всѣмъ своимъ людямъ такъ будете потакать, да баловать, такъ они на головахъ пойдутъ. Да и что такое: пришла дура, да поревѣла, вы ужъ и повѣрили, и жалко вамъ стало. А они, просто, васъ обманываютъ.

Эти слова показались Аглаидѣ Марковнѣ нѣсколько дерзки и невѣжливы, но она смолчала, по крайней своей добротѣ и любви къ своей Матрешенькѣ.

Матрена Ѳоминишна между тѣмъ кидала самые недоброжелательные взгляды на Аграфену; ключница опасалась не только возвращенія бурмистра, но предчувствовала болѣе дурныя послѣдствія.

— Ну, поди пока домой, Аграфена.

Аграфена поклонилась и вышла; но не пошла домой, а усѣлась въ прихожей, чтобы дождаться возвращенія мужа. Тотчасъ окружила ее толпа лакеевъ и горничныхъ, прибѣжавшихъ изъ дѣвичей. Начались распросы, возгласы удивленія и искренняго или притворнаго участія. Всѣ удивлялись намѣренію Афиногена Дормидоныча, разводили руками, помахивали головой и приговаривали: „вотъ такъ ужъ это!.. Ужъ это такое, что... Вотъ человѣкъ-отъ: своего не жалко“ и пр., каковыя восклицанія обык-

новенно заключались болѣе или менѣе выразительными жестами или тѣлодвиженіями.

Осипъ Степанѣчъ былъ тутъ же, но не принималъ никакого участія въ разговорахъ: онъ только слушалъ. Прежде еще дошли до него слухи, что бурмистръ хочетъ ставить своего сына вмѣсто Ѳедора, но ему казалось это невѣроятнымъ, невозможнымъ. Теперь же, когда Аграфена кончила свой разсказъ, ему сдѣлалось какъ-то неловко. Его чувствительность, правда, нисколько не была возбуждена, но и до его грубой души доступенъ былъ смыслъ и значеніе той жертвы, которую хотѣлъ сдѣлать бурмистръ. Жертва эта какъ-то тревожила, возмущала его совѣсть. Этотъ человѣкъ былъ безобразенъ тѣломъ, некрасивъ и душею, но онъ не былъ такъ гнусенъ, какъ казался съ перваго взгляда. Въ душѣ его былъ какой-то лучъ добра, который возбуждался иногда, хотя и очень рѣдко, освѣщалъ, согрѣвалъ его душу и показывалъ ему вещи въ настоящемъ свѣтѣ; тогда Осипъ Степанычъ былъ даже способенъ на порядочный поступокъ. Нѣсколько дней назадъ у него была сильная перепалка съ Матреной Ѳоминишной за лишнія деньги, которыя она взяла съ Михаила Захарыча и Ивана Никитича. Матрена Ѳоминишна оправдывалась тѣмъ, что она не такъ поняла его слова, и потому, вмѣсто 50 рублей ассигн. взяла 50 р. сер., но въ сущности она исполнила его желаніе. Осипъ Степанычъ не зналъ что возразить на это ключницѣ, и ограничился тѣмъ, что разбранилъ ее и вышелъ вонъ изъ ея конуры, крѣпко хлопнувши дверью. Матрена Ѳоминишна хотѣла разсердиться и проучить Осипа, но послѣ раздумала и стала сама за нимъ ухаживать. Теперь почему-то ему казался чрезвычайно гнусенъ его собственный поступокъ и поступокъ Матрены Ѳоминишны, и онъ

былъ чрезвычайно радъ, что барыня велѣла воротить бурмистра.

— Такъ, значитъ, дѣло обойдется? сказалъ онъ, обращаясь къ Аграфенѣ.

— Не знаю, батюшка, отвѣчала она, подпершись ладонью правой руки. Вѣдь, какъ барыня. Коли велитъ перемѣнить рѣшенье, да не ставить Ѳедора, ну, такъ-такъ, а то вѣдь мой-то не послушалъ; ужъ никакъ не пуститъ Ѳедора.

— Ужъ, извѣстно, перемѣнитъ! сказалъ Осипъ Степанычъ, обнадеживая Аграфену. Барыня-то, знашь, какъ любитъ всѣхъ васъ.

— Дай ей, Господи, много лѣтъ здравствовать. Это что говорить: барыня-ангелъ. Да, вѣдь, вотъ какъ Матрена-то Ѳоминишна? Она, чу, больно супротивъ Ѳедора-то...

— Ну, это что... возразилъ довольно неопредѣленно Осипъ Степанычъ, и тотъ-же часъ отошелъ прочь. Нѣкоторые изъ дворовыхъ хитро переглянулись.

Часа черезъ два или три послѣ этой сцены, пріѣхалъ бурмистръ. Аграфена, какъ сумасшедшая, бросилась на шею своему сыну.

— А я тебѣ говорилъ, Аграфена, не сказывать барынѣ.

— Ну, ужъ какъ хошь, Финогенъ Римедонычъ, дѣлай, что хошь со мной, а мнѣ ужъ не въ моготу пришлось. И она нѣжно и горячо, со слезами на глазахъ, обнимала, цѣловала и приговаривала сына. Бурмистра позвали къ барынѣ.

— Что это ты, Дормидонычъ, какъ тебѣ не стыдно? Ты, говорятъ, сына повезъ. Что ты мнѣ на зло хотѣлъ это сдѣлать, что ли?

— Матушка, Аглаида Марковна, я вашей милости

докладывалъ. Сохрани меня Господи, чтобы явздумалъ что на зло тебѣ дѣлать, а я такъ хотѣлъ, какъ Богъ мнѣ на душу положилъ, какъ совѣсть мнѣ говорила. У меня три сына, такъ мнѣ не грѣхъ одного отдать Царю, а Ѳедоръ пойдетъ — цѣлая семья сгинетъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не желаю, чтобы и твое семейство было мной огорчено. Я вами довольна. Оставь Алексѣя дома.

— Матушка, Агланда Марковна! Коли моя служба была тебѣ угодна, коли ты считаешь меня своимъ вѣрнымъ рабомъ, такъ либо Ѳедора ослободи, либо позволь мнѣ Алексѣя своего поставить. Не позволишь — замучитъ меня совѣсть, и ты, матушка, большой грѣхъ возьмешь себѣ на душу.

— Да что ты за Ѳедора-то такъ стоишь? Что онъ тебѣ, родня что ли какая?

— Родня, матушка, по душѣ сродственникъ онъ мой. Онъ малой доброй, честной, только-что сталъ было домъ управлять, работать сталъ усердно и вдругъ его такъ обидѣть — грѣшно, матушка. Подумай сама: куда жена-то съ малыми дѣтками дѣнется? Да и онъ? совсѣмъ и его надо сгубить — отдать. И Царю слуга что ли онъ будетъ? нѣтъ, сопьется, какъ есть. Вѣдь только сказалъ я ему твое рѣшенье, такъ, вѣдь онъ и запилъ, а вотъ два года ужъ я самъ за нимъ смотрѣлъ: капли въ ротъ не бралъ. Такъ вотъ что, матушка, не губи души христіанской!.. Никогда я ничего у тебя-ка не просилъ: сдѣлай же ты мнѣ, старику, эту милость... либо позволь мнѣ свое дѣло дѣлать.

— Да кого же вмѣсто его-то поставить?

— А тѣхъ же, матушка, которыхъ прежъ того хотѣла. И повѣрь старику, грѣха не будетъ. У

одного три сына, у другаго — два. Ну, Михайлова въ перву голову и поставить... Да кто тебя это сбилъ? Сама прежде изволила говорить, что нынче чередъ важный пришелъ, не обидный, а тутъ вдругъ!.. Не слушай ты, матушка, недобрыхъ рѣчей. Ужъ ты знаешь меня не первый годъ. Служилъ я и твоему покойнику, да и тятенькѣ-то твоему, дай Богъ царство небесное — такъ ужъ я грѣха на себя не возьму ни изъ какой корысти.

Аглаида Марковна колебалась: но слова старика такъ были убѣдительны, между тѣмъ какъ доводы Матрены Ѳоминишны такъ шатки, что она невольно клонилась на сторону перваго. Потомъ вдругъ ей сдѣлалось стыдно самой себя за свою нерѣшительность, и она поспѣшно сказала:

— Ну, хорошо, я согласна: дѣлай, какъ знаешь.

— Что вы говорите, маменька-благодѣтельница? славно же васъ провели!

Но эта колкость была неосторожна и неумѣстна: она возбудила самолюбіе Аглаиди Марковны.

— Ну, что же дѣлать? Видно, такъ Богу угодно! сказала она довольно сухо. Поди же, Дормидонычъ, да приготовляйся съ Богомъ.

— Матушка, награди тебя Богъ за это рѣшеніе! сказалъ старикъ съ глубокимъ чувствомъ, и вышелъ отъ помѣщицы веселый и довольный, не удостоивъ даже взглядомъ позеленѣвшую отъ злости и скрытаго раздраженія Матрену Ѳоминишну.

Когда бурмистръ вышелъ въ прихожую, къ нему покорно и робко подошелъ Осипъ Степанычъ:

— Что, Финогенъ Дормидонычъ, спросилъ онъ, — все благополучно?

— А тебѣ что?

— Да, такъ, мнѣ очинно было жаль вашего-то Алехи.

— Жалѣй лучше себя-то, беззаботная голова! сказалъ весело и съ шуткой бурмистъ.

— Одначе. какое-же рѣшенье-то, Финогенъ Дормидонычъ? спросилъ ободренный Осипъ.

— Ничего, все, слава Богу, хорошо.

И Осипъ Степанычъ остался также очень доволенъ.

Ѳедоръ отправился въ дорогу пьяный, и потому скоро и крѣпко заснулъ въ саняхъ. Онъ спалъ и тогда, когда бурмистра воротили и проснулся только на господскомъ дворѣ. Здѣсь онъ долго не могъ хорошенько привести въ порядокъ свои мысли и не понималъ что съ нимъ случилось. Жена его, которой бурмистръ не позволилъ слѣдовать за мужемъ въ городъ, какъ только услышала, что мужъ воротился съ бурмистромъ, и что они на господскомъ дворѣ, тотчасъ бросилась туда, и повисла у мужа на шеѣ съ тѣми сладко-горькими слезами, какими плачутъ при неожиданныхъ свиданіяхъ, за которыми должна послѣдовать опять тяжелая разлука. Агафья все еще не вѣрила, что мужъ не будетъ солдатомъ. Слезы Агафьи привели Ѳедора къ полному сознанію. Онъ тяжело вздохнулъ, задумался и опять затосковалъ. Разговоръ его съ женой не вязялся: ни онъ, ни она не могли выражать своихъ чувствъ; Агафья даже не въ силахъ была привывать, по крестьянскому обыкновенію. Въ это время сильнаго, не порывистаго, но тупаго горя, — къ санямъ, изъ которыхъ Ѳедоръ не выходилъ, готовясь снова отправиться въ путь, явился бурмистръ.

— А вы все ревете! сказалъ онъ весело. Ахъ, вы чудные! Не вѣрятъ мнѣ, да и баста. Ну, такъ коли такъ, поѣзжай, Ѳедоръ, съ женой-то къ дому, съ Богомъ.

— А что, разѣ завтра въ городъ-то?

— Нѣтъ, ужъ теперь совсѣмъ не поѣдешь.

Ѳедоръ взглянулъ на бурмистра вопросительно.

— Что смотришь? Такъ совсѣмъ не поѣдешь въ городъ, и будешь, по прежнему, кузнецомъ.

Ѳедоръ и Агафья хотѣли было сказать: „зачѣмъ ты смѣешься надъ нами, Финогенъ Римедонычъ?“ но лице бурмистра было такъ весело, на немъ выражалось такъ много довольства и радости, что оба они стали смотрѣть на него такими глазами, что какъ будто ждали еще одного его слова, чтобы обезумѣть отъ радости. И бурмистръ сказалъ это слово. Тогда повторилась почти такая-же сцена, какъ года два тому назадъ, когда Анфиногенъ Дормидонычъ подарилъ Ѳедору кузницу, такъ что прослезились даже посторонніе, которые стояли толпой около саней Ѳедора и нѣсколько минутъ назадъ жалѣли объ немъ и горевали о несчастной долѣ его семьи. Бурмистръ впрочемъ не позволилъ счастливцамъ много выражать ему ихъ благодарность и велѣлъ ѣхать поскорѣе домой къ дѣткамъ.

Съ тѣхъ поръ кузница Ѳедора не запиралась. Пьянымъ его не видали, и года черезъ три, онъ выплатилъ всѣ свои недоимки и считался однимъ изъ зажиточныхъ мужиковъ.

IX.

Какъ велика радость, которую получаетъ человѣкъ неожиданно, такъ тяжко горе, которое постигаетъ человѣка въ то время, когда онъ вполнѣ счастливъ, доволенъ и считаетъ себя совершенно безопаснымъ именно отъ этого самаго горя. Послѣднее, какъ нельзя сильнѣе, испытали Михайло Захарычъ и Иванъ

Никитичъ, когда имъ объявилъ бурмистръ, что господская воля измѣнилась. Страшная суматоха, удивленіе, негодованіе и слезы поднялись въ семьяхъ обоихъ мужичковъ. Старшіе сыновья Михайла Захарыча бранили бурмистра на чемъ свѣтъ стоитъ, и бѣдная, убитая горемъ Марѳа уже не возражала имъ, но даже торжественно соглашалась. Самъ Михайло Захарычъ упорно молчалъ, хмурилъ брови и посматривалъ искоса на Андрея, который сидѣлъ въ объятіяхъ матери, понуривъ свою голову. По прежнему всталъ Михайло Захарычъ и отправился къ Ивану Никитичу потолковать, но уже не о томъ, какъ-бы освободиться отъ очереди: въ этомъ отношеніи вся надежда была уже потеряна, и изобрѣтательная голова его не находила никакого новаго средства, не строила никакого плана. Онъ шелъ потолковать со сватомъ о томъ, какъ-бы выручить деньги, отданныя даромъ Матренѣ Ѳоминишнѣ.

Въ домѣ Ивана Никитича была такая-же сумятица, какую оставилъ въ своемъ домѣ Михайло Захарычъ. Марья и плакала, и завывала надъ сыномъ, бранила Матрену Ѳоминишну и проклинала бурмистра. Ей вторила жена Петра. Рыдала и Катя, сидя въ уголкѣ, но не столько о братѣ, сколько о миломъ Андреѣ. Вотъ прошли три дня, какъ они были счастливы, покойны, и ужъ навѣрное положили когда быть ихъ свадьбѣ, а теперь?.. Иванъ Никитичъ сидѣлъ безъ дѣла, понуривъ голову, сложа на колѣняхъ руки, и смотрѣлъ, не безъ внутренней тоски, то на печь, то кого-нибудь изъ своей семьи. Приходъ Михайла Захарыча нисколько не нарушилъ этой картины: всѣ такъ были заняты своимъ горемъ, что никто не обратилъ на него вниманія. Только Марья въ своей брани и причитаніяхъ стала обращаться къ нему.

Михайло Захарычъ сѣлъ рядомъ съ Иваномъ Никитичемъ и нѣсколько минутъ молчалъ, посматривая на свата, который также не выговорилъ ни одного слова, и все по прежнему смотрѣлъ на то, что первое попадалось на глаза.

— А я, Иванъ Микитичъ, къ тебѣ... заговорилъ наконецъ Михайло Захарычъ.

Тотъ не отвѣчалъ ни слова, только немного повернулъ голову въ ту сторону, гдѣ сидѣлъ Михайло Захарычъ, да вмѣсто угла печи сталъ смотрѣть на порогъ двери.

— А я на счетъ денегъ-то нашихъ... продолжалъ Михайло Захарычъ.

Иванъ Никитичъ посмотрѣлъ на него, но опять ничего не сказалъ.

— Какъ же ты, Иванъ Микитичъ, полагаешь на счетъ то есть... Вѣдь, не пропадать же деньгамъ-то задаромъ?

— Зачѣмъ пропадать...

— Да, пра! Взяла деньги, такъ дѣлай, а не сдѣлала, подавай назадъ!.. Такъ ли, Иванъ Микитичъ?..

— Вѣстимо, что ужъ...

— Такъ какъ же ты полагаешь?

— А что?..

— Да на счетъ Матрены-то Ѳоминишны... Надо сходить да потребовать, чтобы, примѣрно, отдала назадъ.

— Вѣстимо: надо сходить...

У Ивана Никитича была такая странность въ характерѣ, что, хотя онъ и самъ рѣшился на что-нибудь, но если предвидѣлъ въ предпринимаемомъ дѣлѣ товарища, то любилъ, чтобы его, такъ сказать, вели, да подталкивали: такая ужъ у него была странная натура. Напримѣръ, и въ настоящемъ случаѣ онъ

давно уже самъ рѣшился идти къ ключницѣ, чтобы требовать назадъ деньги, и сдѣлалъ бы это непремѣнно, даже безъ посредства Михайла Захарыча, но онъ былъ очень радъ, что нашелся въ этомъ дѣлѣ товарищъ, и охотно уступалъ ему первенство. Можетъ быть, причина этому заключалась просто въ недостаткѣ мыслительной способности, который сознавалъ въ себѣ Иванъ Никитичъ, и потому, рѣшившись на что-нибудь, очень доволенъ былъ, если за него говорили и дѣйствовали другіе. Впрочемъ, бывали случаи, что онъ, оставаясь безъ помощника и руководителя, поступалъ и самостоятельно, особенно когда дѣло касалось денежныхъ интересовъ.

— Такъ пойдемъ теперь... Оно и барыня-то еще не встала, чай...

Они встали и хотѣли отправляться. Это движеніе замѣтила Марья.

— Куда это еще хотите идти?.. Опять ты... ничего, вѣдь, женѣ не скажетъ... точно я у него не жена...

Иванъ Никитичъ взглянулъ на Михайла Захарыча, какъ будто просилъ его, чтобы онъ отвѣтилъ женѣ вмѣсто него.

— Да это для чего не сказать тебѣ-ка, Марья Торфимовна! Хотимъ, то-есть... на счетъ... деньги назадъ потребовать у Матрены Ѳоминишны. Что она взаправду: взяла, такъ дѣлай, а то за что я ей дамъ... Покрайности, эти деньги въ награду нашимъ ребятамъ пойдутъ...

— Да, подите... Много она вамъ отдастъ — дожидайтесь!.. Нѣтъ, экой жидовки, чай, и нѣтъ другой на всемъ бѣломъ свѣтѣ: ровно, бездонная бочка... Ужъ это что съ возу упало, то пропало... А и то сказать: попытка не шутка, спросъ не бѣда...

Сходите!.. Да вы къ ней хорошенько приступите, а то, вѣдь, и къ барынѣ можно...

— Эхъ, матушка, Марья Трофимовна! Нѣтъ, ужъ это гдѣ къ барынѣ! Нѣтъ коли что возьметъ, такъ развѣ слезы, да поклоны, а то, вѣдь, она со всѣмъ заполонила барыню-то... Эхма, навязался человѣкъ Божій на нашу голову...

По прежнему, отправились два свата къ господскому дому, только ужъ не заходили къ господину съ красивой бородкой, но дорогой рѣшились опять просить протекціи Осипа Степаныча.

— Онъ малой, вѣдь, не такъ, чтобы злющій, а только дури-то много въ немъ: облаетъ человѣка ни за что, ни про что, а онъ будетъ почестнѣе Матрены Ѳоминишны, проклятой. Захочетъ, такъ выжилитъ у нея деньги тотчасъ, говорилъ Михайло Захарычъ.

Осипъ Степанычъ былъ портной и въ будни занимался своей работой въ прихожей, сидя на верстакѣ со сложенными, какъ говорится, калачомъ ногами. Осипъ былъ, какъ мы уже знаемъ, лѣнивъ, но на него находили иногда припадки дѣятельности и тогда онъ сидѣлъ по нѣскольку часовъ сряду, не вставая съ мѣста и забывая даже свою трубку. Во время работы онъ бывалъ особенно угрюмъ, сердитъ и раздражителенъ. Замѣчательно еще то, что эти припадки дѣятельности посѣщали его или послѣ сильнаго кутежа, или предшествовали ему. Когда мужики проходили мимо крыльца господскаго дома, они замѣтили на немъ дворового мальчишку, который, наклонясь надъ самоваромъ и опершись руками въ колѣни, дулъ въ трубу самовара, краснѣя, выкатывая глаза и дѣлая изъ своихъ щекъ подобіе раздувальныхъ мѣховъ.

— Гришанка, а Гришанка! говорилъ Михайло Захарычъ: слышь!

— Ась, что? отозвался мальчишка, оставляя свою работу.

— Слышь, голубчикъ: тутъ Осипъ Степанычъ?

— Тутъ.

— Вышли-ко его, пожалуста. Скажи, Михайло, молъ, изъ деревни спрашиваетъ.

Мальчишка охотно повиновался, но чрезъ минуту возвратился съ неудовлетворительнымъ отвѣтомъ.

— Нейдетъ? Не пойду, чу.

— Эхъ, какъ же это? Да ты скажи ему, что очинно, молъ, надо; крѣпко, молъ, просятъ! нужда — де крайняя.

— Да я боюсь, онъ осерчаетъ — стукнетъ: сердитой такой.

— Пожалуста, голубчикъ. Не бось, не стукнетъ. Сходи пожалуй.

— Ей-Богу, право, боюсь, — прибьетъ!

— Эхма!.. Да тутъ кто еще? есть кто, али никого?

— Есть: Фаддей Фаддеичъ тутъ, а Гаврило зало мететъ. Войдите, ничего.

— Да вышли; пра, не тронетъ.

— Нѣту, не пойду. Что хошь, не пойду. Теперь къ нему не приступайся: шьетъ.

Михайло Захарычъ помялся, но наконецъ рѣшился войти въ прихожую. Осторожно и робко вступилъ онъ въ нее. Осипъ Степанычъ сидѣлъ бокомъ къ двери и не обернулся даже, когда вошелъ Михайло Захарычъ, за то тотчасъ подошелъ къ нему Фаддей Фаддеичъ.

— Что? спросилъ онъ лаконически.

— Да вотъ къ Осипу Степанычу!

Фаддей Фаддеичъ отошелъ прочь.

— Что еще надо? сердито отозвался Осипъ, не подымая головы отъ работы.

Михайло Захарычъ сухо кашлянулъ, потомъ ступилъ съ ноги на ногу, сдѣлалъ неопредѣленное движеніе правой рукой и опять кашлянулъ.

— Выйди-ка, Осипъ Степанычъ, коли можно! сказалъ онъ наконецъ.

— Нельзя! былъ короткій отвѣтъ на эту просьбу.

— Крѣпко нужно, Осипъ Степанычъ... по тому дѣлу...

— Говорятъ, нельзя!

— Будь же другъ, Осипъ Степанычъ, выдь пожалуста. Пра больно нужно, насчетъ...

Осипъ Степанычъ съ минуту оставался безмолвенъ, потомъ сердито бросилъ работу, пробормоталъ что-то и вышелъ на крыльцо, а за нимъ и Михайло Захарычъ.

— Что ты тутъ дѣлаешь? накинулся вдругъ Осипъ Степанычъ на мальчишку.

— Да вотъ, самоваръ раздуваю!..

— Я те дамъ: раздуваю! балуешь, сорванецъ... Пошелъ въ комнату!.. И Осипъ Степанычъ безъ всякой причины дернулъ мальчишку за волосы. Тотъ схватилъ себя за то мѣсто, гдѣ ему было больно, и поспѣшилъ скрыться въ лакейской.

— Ну, что еще?... спросилъ Осипъ Степанычъ. Вѣдь, ужъ барыня въ другой разъ приказала сама.

— Да ужъ мы не на счетъ того, Осипъ Степанычъ... Ужъ это, видно, такая власть Господня... А вотъ насчетъ... Матрена-то Ѳоминишна насъ деньгамъ-то обидѣла.

— Что же мнѣ съ ней дѣлать?.. Я ужъ пыталъ ругать...

— Теперь мы хошь бы ребятъ-то, Осипъ Степанычъ, снарядили этими деньгами... Пожалѣй и насъ... Взять взяла, а дѣла не сдѣлала... Прикажи отдать... будь отецъ-благодѣтель...

— Ладно! я скажу...

— Поговори, сдѣлай милость, Осипъ Степанычъ. А то, ей-Богу, и безъ того такъ сердце болитъ, что ужъ... ну!

— Ладно, подождите около задняго крыльца, а я сейчасъ пойду и скажу вамъ.

Осипъ Степанычъ засталъ Матрену Ѳоминишну молящеюся. Она была очень религіозна, конечно, по своему. Часто она думала совершенно о другомъ, но уста ея регулярно каждое утро и каждый вечеръ произносили опредѣленное число молитвъ. Часто среди молитвы она вспоминала о какомъ-нибудь хозяйственномъ распоряженіи и бѣжала сдѣлать необходимыя приказанія, потомъ снова возвращалась къ прерванной молитвѣ. Почти послѣ каждаго дурнаго поступка, Матрена Ѳоминишна клала по нѣсколько земныхъ поклоновъ, но не думала очистить свою душу. Соблюденіе религіозныхъ обрядовъ она ставила выше самой вѣры и чтобы наказать себя за взятку съ Михайла Захарыча и Ивана Никитича, три дня послѣ того не ѣла съ масломъ.

— Ахъ, Степанычъ. Что тебѣ надо, родной?

— Да вотъ что, Матрена Ѳоминишна, вы, кажись, молились?

— Да, а что?

— Ну, такъ вотъ вамъ есть доброе дѣло сдѣлать.

Матрена Ѳоминишна удивилась мотиву разговора Осипа Степаныча.

— Какое же, Степанычъ? Привелъ бы только

Господи, а коли можно, для чего же, — я съ радостію... Какое же дѣло, Степанычъ?

— Отдайте мужикамъ деньги-то, что которыя взяли съ нихъ, чтобы ослободить отъ очереди...

— Какія деньги, Степанычъ? Я никакихъ денегъ не брала, кажись.

Осипъ Степанычъ посмотрѣлъ на нее съ сердцемъ.

— А еще Богу молится! сказалъ онъ. Эхъ, душа!

Лице у него передернуло, губы съ трудомъ закрылись.

— Да что же сердишься, Степанычъ? Право, я не помню: какія же деньги!

— Полно вамъ со мной-то прикидываться: кажись, не первое время живемъ вмѣстѣ? знаемъ другъ друга...

Матрена Ѳоминишна поспѣшила выглянуть въ корридоръ и запереть дверь.

— Что вы двери-то запираете? Вы не полагайте, что... не за тѣмъ я пришелъ, не то у меня въ головѣ. Что-же, отдадите ли деньги?

— Я, право, не знаю, Степанычъ, даже про какія ты деньги говоришь.

— Ахъ, совѣсть, совѣсть, подъячье отродье, приказная строка!.. Такъ ты не знаешь, какія деньги?

— Не знаю и есть.

— Тьфу тебѣ! стыда въ тебѣ нѣтъ! сказалъ Осипъ Степанычъ, разгорячаясь все болѣе и болѣе, и плюнулъ.

— Что же, Степанычъ, ты самъ стыдъ позабылъ. Что ты ругаешься? Ты забываешь, съ кѣмъ говоришь.

— Да что ты! Плевка не стоишь. Ну, не ты ли мнѣ говорила, что взяла не пятьдесятъ рублевъ, а пятьдесятъ цѣлковыхъ, что-де не поняла, что ты сказалъ? Ну-ка!..

— Не помню я. Можетъ, я сказала, чтобы ты не горланилъ, вотъ какъ теперь, чтобы только отдѣлаться отъ тебя.

— Такъ не отдашь деньги? почти закричалъ Осипъ Степанычъ, и лице его начало передергивать болѣе обыкновеннаго.

— Что ты, что ты орешь! возразила Матрена Ѳоминишна, въ противоположность ему, почти шепкомъ, — нѣту у меня никакихъ денегъ...

— Дрянь ты, больше ничего! сказалъ Осипъ Степанычъ. Не подходи же ты ко мнѣ теперь.

Крѣпко хлопнулъ онъ дверью и вышелъ къ мужикамъ.

— Не отдаетъ! сказалъ онъ холодно и сердито. Поди самъ! И съ этими словами Осипъ Степанычъ скрылся; ему было и досадно, и обидно, и совѣстно.

Мужички наши пошли однако попытать счастья, и на этотъ разъ Иванъ Никитичъ даже понуждалъ Михайла Захарыча.

— Вы что еще? спросила ихъ сердито Матрена Ѳоминишна.

— Какъ же, матушка, Матрена Ѳоминишна, на счетъ денежекъ-то...

— Какихъ еще денежекъ?..

— Какъ, матушка, вѣдь слова-то своего ты не исполнила.

— Какого слова? Что вы тутъ городите!

— А на счетъ... ослободить-то насъ.

— Такъ развѣ я виновата? Бурмистръ барыню подбилъ...

— Такъ ужъ ты, матушка, пожалѣй насъ: отдай деньги-то: онѣ тебѣ въ прокъ не пойдутъ.

— Да какія деньги? отвяжитесь вы: я никакихъ денегъ и въ глаза не видала.

— Какъ, матушка, а что у насъ-то взяла?

— Что вы, съ ума что ли спятили? Какія деньги я у васъ взяла?..

Мужики остолбенѣли отъ удивленія: они не ожидали этого.

— Подите-ко вонъ: у меня, кажись, барыня встала. Нѣкогда мнѣ съ вами толковать.

— Какъ! Да, вѣдь, это выходитъ.. что же это? отозвался Иванъ Никитичъ.

Между тѣмъ Матрена Ѳоминишна вышла изъ своей коморки; за ней вышли и мужики. Она стала запирать дверь, что дѣлала всякій разъ, какъ выходила изъ своей комнаты.

— Отдай деньги, Матрена Ѳоминишна! заговорилъ опять Иванъ Никитичъ.

Матрена Ѳоминишна молчала.

— Эй, отдай! повторялъ Иванъ Никитичъ.

Опять тоже молчаніе.

— Да что же это?.. Вѣдь, мы и барынѣ будемъ жаловаться, сказалъ, выходя изъ себя, Иванъ Корыто.

— Что!.. Ахъ, ты, черномазая чучела! отозвалась Матрена Ѳоминишна, останавливаясь и подходя къ Ивану. Ты къ барынѣ? ты къ барынѣ? Ахъ ты, ворона поганая. Ну, поди, ступай! Много возьмешь. Поди, попробуй.

Иванъ Никитичъ испугался. Матрена Ѳоминишна замѣтила это.

— Я тебѣ дамъ, барыня. Я тебя проучу. Погоди ты у меня!.. Подите вонъ.

И она направила шаги свои по коридору.

Между тѣмъ Иванъ Никитычъ оправился.

— Отдай деньги! говорилъ онъ.

Но Матрена Ѳоминишна скрылась.

Иванъ Никитичъ, въ порывѣ негодованія и тоски,

которая начинала овладѣвать имъ, рванулся - было вслѣдъ за Матреной Ѳоминишной, но тотчасъ же и остановился, не осмѣливаясь идти во внутреннія комнаты. Въ этой позѣ неподвижности среди движенія, которую такъ любятъ схватывать и изображать ваятели, Иванъ Никитичъ находился нѣсколько секундъ, потомъ смиренно опустилъ руки, потупилъ голову и робко посмотрѣлъ на Михайла Захарыча. Послѣдній тоже взглянулъ на Ивана Никитича. Потомъ оба они безмолвно развели руками, покачали головой, тяжело вздохнули и медленнымъ шагомъ отправились вонъ изъ дому. На крыльцѣ впрочемъ они опять остановились, взглянули другъ на друга, почесали затылки и безъ шапокъ поплелись къ воротамъ. У параднаго крыльца Иванъ Никитичъ опять остановился и посмотрѣлъ на Михайла Захарыча: въ его большихъ черныхъ глазахъ, хотя и не очень выразительныхъ, отражалась на этотъ разъ глубокая тоска души.

— Что, Иванъ Микитичъ? спросилъ, также остановившись, Михайло Захарычъ.

Иванъ въ раздумьѣ и нерѣшимости чесалъ затылокъ

— Что надумалъ? спросилъ опять Михайло Захарычъ.

— А къ барынѣ!.. пожаловаться!..

— Эхъ, полно, сватъ... Только шумъ поднимать, огласку дѣлать, а толку не будетъ никакого... Только себѣ горя наживешь... Неужто ты думаешь барыня повѣритъ?.. Она въ проклятую-то, ровно въ себя вѣритъ... Подемъ-ка, полно, домой... Нече, видно, дѣлать... пропадать нашимъ денежкамъ.

Иванъ Никитичъ повиновался, но лишь только дошелъ до воротъ, сердце у него такъ заныло, что онъ снова остановился.

— Нѣтъ, пойду! сказалъ онъ рѣшительно.

— Полно! напрасно, Иванъ Микитичъ.

— Ну, ужъ... что будетъ... не въ моготу... пропадай же я, а ужъ я... ну, ужъ нѣтъ, ужъ... заключилъ онъ рѣшительно. Пойду...

— Ну, какъ хошь... поди, пожалуй, а я подожду здѣсь, коли... неровенъ часъ...

Иванъ Никитичъ рѣшительно взошелъ на крыльцо; но, когда ему нужно было отворить дверь въ прихожую, снова сробѣлъ. Потомъ опять собрался съ духомъ, тряхнулъ головой и сказалъ: „ну, ужъ, нѣтъ ужъ!.. Вслѣдъ за тѣмъ вошелъ онъ въ прихожую.

Осипъ Степанычъ усердно работалъ и не обратилъ на Ивана Никитича ровно никакого вниманія, точно также, какъ часъ назадъ, на Михайла Захарыча. Лице Осипа была очень сердито; рука, вооруженная иглой, быстро, съ сердцемъ дѣлала свое дѣло. Казалось, даже самая игла съ какимъ-то остервѣненіемъ прокалывала насквозь кусокъ сукна, который лежалъ на колѣняхъ Осипа.

И къ Ивану Никитичу также подошелъ Фаддей Фаддеичъ.

— Къ кому ты? спросилъ онъ его.

— Къ барынѣ, отвѣчалъ робко Иванъ.

Осипъ Степанычъ узналъ голосъ и поднялъ голову.

— Зачѣмъ къ барынѣ? спросилъ Фаддеичъ.

— Крѣпко нужно!.. доложите, Фаддеичъ.

Осипъ бросилъ работу и подошелъ къ Ивану Никитичу.

— Зачѣмъ? спросилъ онъ.

Иванъ Никитичъ не зналъ, сказать-ли ему всю правду или не говорить, и переминался.

Скажи мнѣ, Никитичъ.

— Насчетъ денегъ...

— Жаловаться на ту?.. спросилъ живо Осипъ.

— Не то, чтобы... а зачѣмъ не отдаетъ деньги... Мнѣ нужны деньги, деньги мои...

— Важно, Никитичъ: жалуйся! Барыня сейчасъ только встала; кушаетъ чай. Поди, доложи, Гаврило.

Гаврило отправился.

— Къ вамъ Иванъ Корыто пришелъ съ деревни! провозгласилъ онъ, остановившись въ дверяхъ столовой.

— Что ты такъ кричишь? замѣтила Аглаида Марковна. Даже напугалъ. Вѣдь сколько разъ было говорено, докладывать тише... Что ему надо?..

— Говоритъ, къ вашей милости! отвѣчалъ Гаврило почти шопотомъ.

— А, экой дуракъ! вотъ теперь бормочетъ себѣ подъ носъ... Что?

— Къ вамъ, говоритъ, пришелъ... гаркнулъ Гаврило по прежнему.

— Что ему нужно? говорила съ безпокойствомъ Аглаида Марковна.

— Позвольте, маменька-благодѣтельница, я спрошу его, зачѣмъ? что вамъ самимъ-то безпокоиться.

— Сходи, матушка, спроси, да коли онъ о томъ пришелъ просить, такъ скажи... скажи, что, дескать, нельзя, что я рѣшительно бурмистру приказала... Сходи, родная...

— Слушаю-съ.

Матрена Ѳоминишна догадалась, зачѣмъ пришелъ Никитичъ и шла-было съ большою храбростью, чтобы его хорошенько отдѣлать и прогнать; но увидя, что съ Иваномъ стоитъ Осипъ Степанычъ и ведетъ о чемъ-то бесѣду, немного струсила. При ея приближеніи Осипъ тотчасъ сѣлъ за работу.

— Что тебѣ надо? спросила она Ивана.

— Къ барынѣ... отвѣчалъ онъ, смотря на полъ.

— Да барыня велѣла мнѣ тебя отпустить... говорила Матрена Ѳоминишна, съ трудомъ подавляя злобу. Что-же тебѣ?..

— Да я все на счетъ денегъ-то, Матрена Ѳоминишна... не грѣши... отдай...

— Что ты, съ ума что-ли спятилъ: какія деньги я тебѣ отдамъ!..

— А, ей-Богу, отдай, Матрена Ѳоминишна... Будь мать...

И Иванъ Никитичъ упалъ передъ ней на колѣни. Осипъ въ это время изъ-подлобья и весьма сердито посмотрѣлъ на ключницу.

— Что ты, батька, въ умѣ-ли?.. Какія я тебѣ деньги отдамъ, коли никакихъ я денегъ и въ глаза не видала?..

— Какъ не видала! а двадцать-то пять цѣлковыхъ, что взяла... Эй, отдай, Матрена Ѳоминишна...

— Онъ, право, полоумный... Еще пришелъ барыню безпокоить, а о чемъ, — и самъ не знаетъ!.. Пьянъ, видно... Нечего съ тобой толковать... Пошелъ-ка вонъ. Выведите его, заключила она, обращаясь къ лакеямъ, которые съ любопытствомъ смотрѣли на интересную сцену. Я тебѣ дамъ, пьяница, барыню безпокоить! Я тебѣ дамъ, пьяница! прибавила она въ заключеніе особеннымъ тономъ, въ которомъ ясно выражался прямой смыслъ ея словъ, понятный только для Ивана Никитича. И потомъ она пошла назадъ, подтвердивши, чтобы вывели Ивана, и оставивши его въ самомъ безнадежномъ состояніи духа. Но лишь только Матрена Ѳоминишна скрылась, къ Ивану подошелъ Осипъ съ совершенно искривившимся отъ гнѣва лицемъ.

— Нѣтъ, не ходи вонъ. Поди къ барынѣ: проси ее. Я самъ тебя проведу.

И Осипъ почти увлекъ Ивана къ дверямъ столовой.

Матрена Ѳоминишна еще не успѣла разсказать своей маменькѣ-благодѣтельницѣ, какъ Иванъ приходилъ просить... чтобы его освободить отъ очереди, и какъ она увѣщевала его и убѣдила — великодушно покориться своей участи, когда двери столовой растворились и въ нихъ показался самъ Иванъ Никитичъ, страшно поводя своими большими глазами... Матрена Ѳоминишна при этомъ зрѣлищѣ чуть-чуть не подавилась языкомъ. Аглаида Марковна чрезвычайно удивилась дерзости мужика и даже вздрогнула, разсмотрѣвши его разстроенное лице. Фелисата Ивановна запрыгала на мѣстѣ, захлопала оборками чепца и прежде всѣхъ успѣла проговорить:

— Скажите: какая дерзость!

Но никто еще не собрался съ духомъ сдѣлать надлежащій вопросъ Ивану Никитичу, какъ онъ стоялъ уже на колѣняхъ передъ Аглаидой Марковной.

— Ужъ, вѣдь, тебѣ сказано, что нельзя. Что же ты еще?.. сказала ему съ сердцемъ, но нетвердо, Аглаида Марковна.

— Какъ же, матушка, Аглаида Марковна? за что же я этакой изъянъ буду терпѣть? Вѣдь мнѣ двадцать-то пять цѣлковыхъ не даромъ пришли, кровью достались. Вели, матушка, отдать.

— Какіе двадцать пять цѣлковыхъ? Что онъ это говоритъ?

— Да развѣ вы не видите, маменька-благодѣтельница, что онъ пьянъ. Не помнитъ, что говоритъ.

— Ахъ, Боже мой!.. воскликнула Фелисата Ивановна, ужимаясь и помахивая оборками.

— Нѣтъ, матушка Матрена Ѳоминишна, не пьянъ, а хоть ты и запираешься, а ты приняла деньги... Ей-Богу, приняла.

— Видите, онъ самъ не знаетъ, что говоритъ. Совсѣмъ пьянъ. Замолчишь ли ты? Прикажите его, маменька-благодѣтельница, вывести.

— Нѣтъ, матушка-барыня, это Матрена Ѳоминишна отводъ только дѣлаетъ, что я пьянъ, а я, ей-Богу, дѣло говорю: и у меня приняла, и у Михайла Захарыча приняла, чтобы ослободить насъ отъ очереди. Это какъ есть, матушка... И Осипъ Степанычъ про то знаетъ...

Матрена Ѳоминишна позеленѣла отъ злости.

— Замолчишь ли ты, бездѣльникъ?.. Вотъ языкъ болтаетъ, а голова не знаетъ. Охота вамъ, маменька, его слушать... Пошелъ вонъ, безпутный...

— Нѣтъ, Матрена Ѳоминишна, я не пойду... Ужъ пусть же скорбь понесу, а ужъ не тебѣ меня теперь выгнать отсюда. Ужъ, нѣтъ ужъ... Матушка, Аглаида Марковна, хошь голову сними, а она деньги взяла. Вотъ и Осипъ Степанычъ... Ужъ она въ любви съ нимъ, а и онъ скажетъ, что взяла.

— Ахъ, Боже мой! воскликнула Фелисата Ивановна.

Матрена Ѳоминишна просто не въ силахъ была говорить: у нея захватило дыханіе.

Аглаида Марковна также растерялась.

— Чрезъ него, матушка, мы съ Михайломъ Захарычемъ вопервыхъ и дѣло къ ней имѣли!.. продолжалъ Иванъ Никитичъ. Вотъ извольте и его спросить. Будь мать родная, вели, матушка, отдать деньги... Вотъ, матушка, и Михайло Захарычъ стоитъ у крыльца, и его прикажи позвать... Однако же бы я не сталъ изъ головы выдумывать, коли бы да эвтаго дѣла не было..

— Что же это такое? спрашивала, еще болѣе смущаясь, Аглаида Марковна.

— Коли бы она взяла, да дѣло сдѣлала, я и говорить бы не сталъ... ну такъ и быть! А то, за что же я и сына лишуся, и деньги задаромъ брошу? А коли не вѣришь? — да сгинуть мнѣ на этомъ мѣстѣ, совсѣмъ пропасть, коли я возьму этотъ грѣхъ на душу, чтобы соврать не дѣло!..

Аглаидѣ Марковнѣ наконецъ все это обстоятельство стало казаться очень подозрительнымъ. Она вспомнила, какъ Матрена Ѳоминишна защищала мужиковъ, назначенныхъ въ очередь, и ей прояснилась тогда вся нелѣпость той сказки, которая побудила было ее измѣнить свое рѣшеніе относительно Михайла и Ивана. Потомъ странное участіе въ этомъ дѣлѣ Осипа и еще болѣе странныя, хотя и не новыя для Аглаиды Марковны, фразы объ отношеніяхъ его къ Матренѣ Ѳоминишнѣ, и наконецъ, ко всему этому — увѣренность, съ которой говорилъ Иванъ, все это взволновало Аглаиду Марковну и поселило въ ней множество недоумѣній и подозрѣній.

— Что же все это значитъ, Матреш... Матрена Ѳоминишна? спросила она довольно сухо.

— Что же? если вы хотите слушать пьянаго мужика и принимать его слова, такъ и извольте его спрашивать! отвѣчала ключница довольно колко.

— Да, нѣтъ, мой другъ, однакоже... вѣдь, это странно...

— Конечно, если вы больше будете вѣрить пьяницѣ, чѣмъ мнѣ; если вамъ всякій пьяница ближе меня, такъ нечего со мной и говорить.

И первый и второй отвѣтъ показались Аглаидѣ Марковнѣ очень обидны и неблагодарны, какъ она сама послѣ разсказывала.

— Пошлите сюда Осипа! закричала Аглаида Марковна.

— Прикажи, матушка, и Михайла Захарыча позвать; онъ стоитъ у крыльца.

— И Михайла позовите.

— Только этого не доставало! Прекрасно, Аглаида Марковна! вы меня съ своими лакеями судить хотите? чудесно! Вотъ благодарность за всю мою любовь и, подлинно, преданность. И Матрена Ѳоминишна ударилась въ слезы, сопровождаемыя всхлипываніями.

Между тѣмъ явился Осипъ.

— Вотъ, матушка, вотъ спроси его, говорилъ Иванъ, указывая на Осипа, — вотъ они съ Матреной Ѳоминишной свои люди, и коли не захочетъ душой покривить, такъ скажетъ всю правду.

— Къ тебѣ приходили Михайло съ Иваномъ? спросила Осипа барыня.

— Приходили, матушка.

— Зачѣмъ же?

— А чтобы попросить Матрену Ѳоминишну, чтобы она попросила вашу милость освободить ихъ отъ некрутства.

— Зачѣмъ вы приходили къ Осипу вотъ съ нимъ? спросила Аглаида Марковна у только что вошедшаго Михайла Захарыча.

Михайло Захарычъ, хоть и не былъ при началѣ разговора, но тотчасъ понялъ въ чемъ дѣло, а потому и отвѣчалъ не запинаясь:

— Приходили мы, матушка, Аглаида Марковна, на счетъ... напримѣръ, чтобы Осипъ Степанычъ... такъ какъ будто бы они, напримѣръ, то есть, ближе знаютъ Матрену Ѳоминишну, такъ чтобы на счетъ попросить бы ея милость чтобы у твоей милости

выхлопотала бы, напримѣръ, намъ освобожденіе отъ такой напасти...

— Почему же вы именно къ Осипу, а не къ кому другому?...

Михайло Захарычъ понялъ, какъ надобно отвѣчать и на этотъ вопросъ. Сначала онъ, по видимому, замялся, какъ будто не рѣшался, или совѣстился сказать правду, потомъ началъ съ особенной улыбкой:

— Конечно, матушка, Аглаида Марковна, это мы виноваты, что, напримѣръ, то есть... мимо твоей милости... ну, да ужъ такой грѣхъ насъ попуталъ, а пошли бы, напримѣръ, къ Осипу Степанычу, такъ... Конечно, матушка, всякому въ душу не взойдешь, а какъ... то есть въ народѣ говорили, такъ... напримѣръ... не прогнѣвайся, матушка! слухомъ земля полнится, такъ и у насъ въ деревнѣ... то есть, такъ вся деревня полагаетъ, что напримѣръ... не говоря дурного слова, что... то есть, Осипъ Степанычъ съ Матреной Ѳоминишной погуливаютъ вмѣстѣ, такъ такъ мы напримѣръ...

— Ну, ужъ это ни на что непохоже!.. воскликнула Аглаида Марковна.

— Ахъ, Боже мой! отозвалась съ ужасомъ Фелисата Ивановна.

— Ужъ точно ни на что не похоже! зашипѣла Матрена Ѳоминишна, которая перестала плакать, видя что это не помогаетъ, но задыхалась отъ злости, то блѣднѣла, то разрумянивалась багровыми пятнами, которыя выступали по ея лицу и по шеѣ. — Какое послѣ этого уваженіе будутъ имѣть ко мнѣ люди, когда вы всякія сплетни до себя допускаете, всякимъ гадостямъ, что пьяный мужикъ говоритъ, вѣрите!

— Да, нѣтъ, матушка, этому нельзя не вѣрить. когда всѣ говорятъ. Боже мой, Боже мой! и это

въ моемъ домѣ! Ну, Матрена Ѳоминишна, осрамили вы меня!..

— Что же? давно бы вы сказали: если я вамъ въ тягость, я васъ не стану безпокоить: живите съ своими халуями, а я, по крайней мѣрѣ, не такого воспитанія, я не привыкла къ такому обращенію.

— Ахъ, матушка, не милость ли ты мнѣ дѣлаешь, что живешь у меня? Сдѣлай милость, право, не нуждаюсь... Да ты послѣ этого сама хуже всякой холопки, неблагодарная... говорила Аглаида Марковна, которая тоже начинала сильно сердиться.

— Сдѣлайте милость! Я еще не хуже васъ воспитана, только развѣ состоянія то такого не имѣю, а не безпокойтесь, еще вамъ кланяться не стану... Тоже имѣю амбицію... Глаза Матрены Ѳоминишны сверкали, какъ у кошки въ потемкахъ.

— Ахъ, матушка! да кто же тебя заставляетъ кланяться? Только говорятъ, что дѣвушки воспитанныя, коли ты такая, дѣлать того не станутъ.

— Благодарю Аглаида Марковна, за совѣтъ. По моему лучше — взгляните на себя...

— Что? что? Ахъ ты, аспидъ поганый, змѣя подколодная! Какова? Вонъ изъ моего дома, чтобы ноги твоей въ немъ не было.

— Да и не безпокойтесь, — не будетъ. Вы не пожалѣйте меня, а я здѣсь добрыхъ людей найду... И Матрена Ѳоминишна хотѣла-было выдти торжественнымъ шагомъ, но Иванъ Никитичъ загородилъ ей дорогу.

— А деньги-то, Матрена Ѳоминишна? Матушка, Аглаида Марковна, вели ей деньги-то отдать.

— Да, да. Ты не думаешь ли, матушка, что этимъ отдѣлаешься? Нѣтъ, изволь-ка денежки-то отдать.

— Отдавайте вы свои, коли хотите, а я еще не намѣрена. Нѣтъ еще, матушка... Много будетъ...

— Ахъ ты, мрась этакая, да я и сундуки-то твои не отдамъ тебѣ; уѣдешь отъ меня въ чемъ пріѣхала.

— Да вамъ какъ? вы рады и ограбить человѣка, коли вамъ беззащитный человѣкъ попался... Отъ васъ только того и жди.

— Ахъ ты, ядъ этакой: пропади ты съ глазъ моихъ!

Но Матрена Ѳоминишна не дождалась приказанія и, сильнымъ толчкомъ въ грудь Ивану освободивши себѣ дорогу, удалилась съ тріумфомъ.

— Что же, матушка, Аглаида Марковна, деньги-то? спросилъ Иванъ.

— Отступитесь вы отъ меня. Подите вонъ: я сама не своя. Пошлите ко мнѣ бурмистра, я ему прикажу: онъ разберетъ.

Аглаида Марковна была очень разстроена, разсержена, обижена и огорчена. Мы видѣли, какъ она, обыкновенно такая добрая, снисходительная, слабая и безхарактерная, бранилась съ Матреной Ѳоминишной весьма горячо, храбро и даже нѣсколько азартно; но женщина, глубоко оскорбленная, обиженная, никогда не бываетъ похожа сама на себя, какова бы она ни была въ нормальномъ, спокойномъ состояніи духа. Оставшись одна, послѣ нѣсколькихъ еще вспышекъ, Аглаида Марковна даже заплакала: извѣстно, что въ слезахъ разрѣшаются у женщинъ самыя сложныя, самыя многочисленныя и перепутанныя ощущенія.

— Вотъ какая благодарность за всю мою доброту, и ласку, и любовь! вотъ, вѣрь людямъ послѣ этого!

— Полноте, матушка, Аглаида Марковна. Ну,

стоитъ ли вамъ безпокоиться такимъ вздоромъ. Ваша доброта всегда найдетъ себѣ людей преданныхъ! вмѣшалась вдругъ Фелисата Ивановна.

Здѣсь надобно сказать, что для гостьи этой хорошее мѣсто домоправительницы было всегда вожделеннѣйшей мечтой, и положеніе Матрены Ѳоминишны всегда возбуждало въ ней зависть. Фелисата Ивановна была отчасти помѣщица. По первому своему званію она имѣла въ городѣ домикъ, въ которомъ проживала и изъ котораго отправлялась каждый день въ гости, приноравливая къ чаю или обѣду. По званію помѣщицы, она владѣла деревенькой съ пятью душами мужескаго пола, что давало ей возможность ѣздить гостить къ помѣщикамъ. Это составляло чрезвычайно выгодное условіе въ жизни Фелисаты Ивановны. Въ городѣ обыкновенно она всѣмъ твердила о своей деревнѣ, чрезъ что получала всегда радушныя приглашенія и радушный пріемъ. Но лишь только она замѣчала, что запасъ этихъ приглашеній истощался, что она всѣмъ приглядѣлась и, слѣдовательно, наскучила, она тотчасъ же отправлялась въ свою деревню, останавливалась тамъ въ любой мужицкой избѣ и потомъ въ первое же воскресенье являлась за обѣднею въ ближайшемъ селѣ и тамъ ужъ непремѣнно кто-нибудь изъ помѣщицъ приглашалъ ее погостить. Фелисата Ивановна сначала обыкновенно деликатно отказывалась, ссылаясь на хозяйство, которымъ ей нужно заняться въ деревнѣ, для чего она и пріѣхала въ нее, не смотря на то, что ее не отпускали въ городѣ, потомъ великодушно уступала на просьбы и съ внутреннимъ удовольствіемъ садилась въ гостепріимный экипажъ. Какъ видите, Фелисатѣ Ивановнѣ было очень хорошо и привольно жить: она никогда не заботилась о завтрашнемъ днѣ,

не имѣла никакого хозяйства, даже часто по нѣсколько недѣль сряду не приготовляла для себя дома никакого кушанья. Но тѣмъ не менѣе, эта жизнь не совсѣмъ нравилась ей: все переѣзды, да переходы, все угождай, всѣмъ кланяйся, разсуждала она: то ли бы было гдѣ нибудь пристроиться попостояннѣе, чтобы, хоть ужь и угождать, такъ кому-нибудь одному. Да все-таки и уваженія больше: по крайней мѣрѣ живу не даромъ: еще одолженіе дѣлаю, что живу. Ну, и деревня собственная есть: не подумаютъ, что какая-нибудь приживальщица или дармоѣдка. Понятно, что никакое другое мѣсто не могло соотвѣтствовать такъ желаніямъ Фелисаты Ивановны, какъ мѣсто Матрены Ѳоминишны, которое та занимала въ домѣ Финиковой. Поэтому день паденія ея былъ днемъ торжества Фелисаты Ивановны.

Пришелъ бурмистръ. Аглаида Марковна разсказала ему всю драму, только что разыгравшуюся. Разсказъ свой заключила она такими словами:

— Такъ вотъ, Дормидонычъ, до какого я сраму дожила; что въ моемъ домѣ дѣлается! Еслибъ ты зналъ только, какъ я огорчена!.. Завтра же утромъ, чтобы ея не было въ моемъ домѣ, срамницы этакой, такъ и скажи ей, чтобъ глаза мои ее не видали. Змѣю у себя на груди откормила: неблагодарная она этакая!..

— Ужъ это подлинно! замѣтила Фелисата Ивановна. На рѣдкость, чтобы этакая была не благодарность, да, подлинно, нечувствительность... Ужъ какъ вы, матушка, кажется, ее облагодѣтельствовали, а она что?.. Ужъ подлинно, что потерянный человѣкъ!..

— То-то, матушка, Аглаида Марковна, говорилъ въ свою очередь бурмистръ: — не хотѣла ты меня

слушать; а, вѣдь, я твоей милости не разъ докладывалъ, что она недобромъ тебѣ заплатитъ, вотъ такъ и есть... Экая срамница! Вѣдь примѣчалъ я за нею таки-давненько многое, да ну, молъ, думаю, плевать... какъ хотите!.. а до тебя довести, знаю, не повѣришь: подумаешь, что хочу подъ нее подкопаться, такъ и молчалъ.

— Да, а, вѣдь, вотъ привычка-то: вѣдь, ужъ какъ она мнѣ досадила, какъ разобидѣла, а вѣдь, жалко грѣховодницы: кто теперь со мной останется?

— Ахъ, матушка, Аглаида Марковна, боитесь ли вы Бога? кто съ вами останется? да мудрено ли вамъ съ вашими добродѣтелями найти себѣ человѣка? Да вотъ доведись, хоть до меня — все хозяйство брошу, а васъ не покину, коли я вамъ не противна. Только скажите, моя матушка: совсѣмъ къ вамъ переберусь.

— Спасибо тебѣ Фелисата Ивановна, за твою любовь, да вѣдь, у меня скучно: я все больше одна, да одна, а ты къ людямъ привыкла.

— И, полноте, что вы, матушка, да хоть бы какъ привыкла, такъ я для васъ... Да помилуйте: стоитъ ли и говорить объ этомъ? Вѣрьте Богу, я васъ не меньше родной матери люблю, — вотъ какъ! Право ей-Богу! А то къ людямъ привыкла... Полноте, родная... Меня вотъ гдѣ ласкаютъ, да встрѣчаютъ ласково, вотъ я и благодарна... А то ужъ какая я на старости лѣтъ въ людяхъ жить! Вотъ пріѣду къ себѣ въ деревню, такъ ровно я въ раю, право: никто-то меня не трогаетъ, никто-то меня не обижаетъ, мужички меня любятъ, — чего мнѣ больше?.. Право, матушка, коли вамъ не противно, я и совсѣмъ къ вамъ переберусь, съ полнымъ моимъ удовольствіемъ... Право, только скажите, родная...

— Спасибо тебѣ, Фелисата Ивановна: да, вѣдь, у тебя домикъ тоже: ты ужъ привыкла своимъ домомъ жить...

— И, полноте-ка, золотая! Какое ужъ мое житье сиротскіе... Все-то одна, всякой-то меня обидитъ, никто не скажетъ ласковаго слова; а ужъ вы родная, мухи, — какова муха, — не обидите... Право, ужъ мнѣ чего лучше въ моей жизни и желать, какъ не того, чтобы съ этакой благодѣтельницей вѣкъ прожить... А ужъ какъ-то бы я васъ, мою голубушку, успокоила, ужъ не этакъ, какъ... ужъ мнѣ дурь въ голову не полѣзетъ... Ни до чего-то бы я васъ не допустила... Хозяйству-то мнѣ не учиться стать: ужъ не этакъ бы стала управлять, да снаряжать, а чтобы тоже во всемъ порядокъ былъ, да вамъ всякое спокойствіе... Право, матушка, коли вамъ это угодно, я никогда не прочь: съ моимъ полнымъ удовольствіемъ... Прикажите, что ли, родная?

— Да, пожалуй, Фелисата Ивановна, только ужъ не взыщи, чѣмъ богата, тѣмъ и рада, жизнь мою ты знаешь, — не богатая...

— Э, полноте-ка, радость!.. Охота вамъ говорить про это... А извольте... ужъ вы будете мной довольны, ужъ я надѣюсь: вы, вѣдь, знаете меня: человѣкъ я необидчивый, не здорная какая, люблю, чтобы былъ порядокъ; угодить — ужъ никто супротивъ меня не угодить... Это извольте, родная, съ моимъ полнымъ удовольствіемъ, вотъ какъ передъ Богомъ, отъ сердца говорю... Такъ ужъ я такъ у васъ и останусь... а тутъ велю что перевезти.

— Пожалуй, хорошо...

— Извольте, извольте! Почему же? Для васъ, родная, я и не это бы сдѣлала, а то это что? извольте...

— Вотъ тебѣ на! подумалъ Афиногенъ Дормидонычъ. — Только-было отъ одной избавились, другая сѣла на шею. Ну, какова-то эта будетъ? а та, слава-те Господи... можно Бога молить, нечего сказать... Что же, матушка, Аглаида Марковна на счетъ денегъ-то?

— Что? А скажи ей, что я до тѣхъ поръ не выпущу отсюда ея сундуковъ, пока она не отдастъ денегъ, а то и въ судъ ее отправлю.

Бурмистръ пошелъ сообщать Матренѣ Ѳоминишнѣ барское приказаніе, но та не испугалась, а велѣла сказать барынѣ, что денегъ она никакихъ не брала, и потому не отдастъ, и что, если ее станутъ здѣсь притѣснять, такъ она и сама подастъ просьбу въ судъ и такую кашу заваритъ, что они ее ввѣкъ не расхлебаютъ, а коли она дѣйствительно брала деньги у мужиковъ, такъ пусть они покажутъ росписки ея, а безъ росписокъ, какъ извѣстно, никто денегъ не даетъ.

— Что же дѣлать намъ, Дормидонычъ? спросила Аглаида Марковна бурмистра, когда онъ передалъ ей отвѣтъ Матрены Ѳоминишны.

— А что съ ней дѣлать? Наплевать на нее: ей эти деньги въ прокъ не пойдутъ, а наши мужички, Богъ дастъ, наживутъ и больше.

Матрена Ѳоминишна весь этотъ день сидѣла, запершись въ своей коморкѣ, приводила въ порядокъ и укладывала свои вещи. Нѣсколько часовъ, правда, послѣ ссоры она была въ такомъ раздраженіи и такой злости, что ничего не могла дѣлать, ни о чемъ не могла думать; потомъ, мало по малу, когда внутренняя буря поутихла и когда она сообразила, какъ много теряетъ, разставаясь съ домомъ Аглаиды Марковны, въ душу ея запали тоска и раскаяніе, но

какое раскаяніе?.. Не дай Богъ никогда вамъ его испытывать: это раскаяніе было такъ великодушно, что, если бы Матренѣ Ѳоминишнѣ удалось теперь остаться въ домѣ... о, дорого бы тогда заплатили, за всѣ нанесенныя ей непріятности, Михайло Захарычъ, и Иванъ Никитичъ!.. Впрочемъ, она нѣсколько разъ покушалась идти въ Аглаидѣ Марковнѣ, броситься передъ ней на колѣни, разлиться въ слезахъ, тронуть ея душу вздохами, воплями, клятвами и увѣреніями, что все, что ни говорили про нее, — сущій вздоръ и что эта-то клевета такъ и возмутила ея благородное, гордое, чистое сердце, что она рѣшилась даже сгрубить своей маменькѣ-благодѣтельницѣ. Матрена Ѳоминишна сочиняла даже различныя трогательныя фразы, различныя нѣжныя ласки и привѣтствія, съ которыми бы обратилась къ Аглаидѣ Марковнѣ; она нѣсколько разъ бралась за дверь своей комнаты, покушаясь идти къ Аглаидѣ Марковнѣ, нѣсколько разъ клала земные поклоны передъ образами, испрашивая себѣ успѣха, читала: „помяни Господи Царя Давида и всю кротость его!“ но никакъ не рѣшалась идти къ помѣщицѣ: гордость, самолюбіе и сознаніе своего личнаго достоинства не позволяли ей показать, что она нуждается въ Аглаидѣ Марковнѣ; напротивъ, разсчитывая на слабость характера помѣщицы, она надѣялась, что та сама станетъ засылать къ ней и что она еще поломается надъ ней. Но, увы! Матрена Ѳоминишна позабыла, что около Аглаиды Марковны сидѣла теперь Фелисата Ивановна — и ждала напрасно: никто не приходилъ... явился, правда, бурмистръ, но онъ принесъ ей такія слова отъ помѣщицы, отъ которыхъ злоба еще съ большей силой забушевала въ сердцѣ Матрены Ѳоминишны. Эта злоба закипѣла еще сильнѣе, когда

Матрена Ѳоминишна, во время обѣда, почувствовавши аппетитъ, выждала, когда черезъ корридоръ проходила горничная дѣвка, и сказала ей самымъ ласковымъ голосомъ:

— Дуняша, принеси, матушка, мнѣ перекусить чего-нибудь... Но та — о! что та отвѣтила на эту просьбу... и кому же? Матренѣ Ѳоминишнѣ:

— Ну, подождешь, не велика барыня!.. Не въ пору стала больно ласкова-то...

Вотъ что отвѣтила Дуняша, та Дуняша, которая за нѣсколько часовъ назадъ трепетала предъ Матреной Ѳоминишной, не смѣла ей не только говорить „ты“, но даже называть просто Матреной Ѳоминишной безъ прибавленія: матушка сударыня, и которая наконецъ сама была не больше, какъ Дуняшка... Матрена Ѳоминишна, въ первомъ припадкѣ злости, хотѣла-было броситься и отколотить Дуняшку, но та встала въ такое грозное, оборонительное положеніе, что Матрена Ѳоминишна сочла за лучшее ретироваться въ свою комнату, какъ можно сильнѣе хлопнуть дверью, запереть ее и предаться сначала слезамъ, потомъ укладыванію своихъ вещей.

На другой день рано утромъ Матрена Ѳоминишна выѣхала изъ дому Фѣниковой въ рогожаной кибитченкѣ на одной лошади; сундуки же ея везли сзади на другой. Никто не провожалъ ее, никто съ ней не простился, никто ея не пожалѣлъ; только одна дряхлая старуха, которая, по ея обыкновеннымъ словамъ, росла въ землю и смотрѣла въ гробъ, услышавши объ отъѣздѣ Матрены Ѳоминишны, слѣзла съ печи, на которой доживала свой вѣкъ, вышла на крыльцо изъ избы и, когда Матрена Ѳоминишна ѣхала мимо, прохрипѣла: „прощай, матушка, не поминай лихомъ: добрая была!“ Зато дворовые, смотря

на удаляющуюся кибитку съ Матреной Ѳоминишной, громко пересмѣивались и одна горничная дѣвка протяжно и со смѣхомъ сказала:

— Поѣхала наша матушка... Счастливаго пути: на первомъ бы ухабѣ вывалиться.

При чемъ Ѳаддей Ѳаддеичъ ткнулъ ее подъ бокъ и замѣтилъ:

— Эка, вѣдь, вострука... А вотъ тебя бы свезти куда-нибудь... ишь ты...

Раздался общій смѣхъ, и тѣмъ разсчетъ съ Матреной Ѳоминишной кончился.

Простилась ли Матрена Ѳоминишна съ Осипомъ Степанычемъ — мы не знаемъ; но вѣроятно, нѣтъ, потому что, расторгая всѣ узы, которыя связывали ее съ домомъ Финиковой, она, конечно, разорвала и сердечную связь съ однимъ изъ членовъ этого дома, тѣмъ болѣе, что она была зла и на Осипа Степаныча.

Матрена Ѳоминишна пріѣхала въ свой уѣздный городъ и тамъ первая разсказала, какъ ей было нужно, о своей ссорѣ съ Аглаидой Марковной, и всѣ, зная благочестивыя качества Матрены Ѳоминишны, жалѣли ее, осуждали Аглаиду Марковну и удивлялись неблагодарности послѣдней.

Получили ли же Михайло Захарычъ и Иванъ Никитичъ свои деньги? спросите вы. Навѣрно не знаю. Сказывали мнѣ, будто Афиногенъ Дормидонычъ отдалъ имъ ихъ изъ своего кошеля, говоря, что онъ отдаетъ деньги за своего Алексѣя, но я боюсь увѣрять васъ въ этомъ. Пожалуй, еще назовете моего Афиногена Дормидоныча идеальнымъ героемъ, хотя я и увѣренъ, что такихъ Афиногеновъ Дормидонычей много на святой Руси.

X.

Была прекрасная зимняя ночь, почти точно такая же, какъ та, въ которую Андрей имѣлъ первое свиданіе съ своей Катериной. По прежнему, плавалъ полный мѣсяцъ по небу, среди прозрачныхъ облаковъ, освѣщая высокій оцѣпъ колодца, который кидалъ отъ себя длинную тѣнь, по прежнему искрились серебрянныя вѣтви деревъ. Андрей, по прежному, ожидалъ у крыльца свою милую Катю, только прежней робости, нетерпѣнія и волненія онъ уже не чувствовалъ. Вотъ появилась и Катя, но уже не такъ робко сходила она со ступенекъ крыльца и не боялась объятій Андрея, но сама прямо и страстно бросилась къ нему на шею.

— Батюшка, Андрюшенька, неужто и впрямь тебя возьмутъ въ солдаты?

— Что дѣлать-то, Катя: видно такъ Богу угодно!

— Такъ какъ-же это, Андрюша, на кого-же ты меня-то оставишь?.. Ой, мое сердечушко!.. нѣтъ, ты не покидай меня, Андрюша...

— Невозможно, Катя...

— Нѣтъ, видно, ты мало меня жалѣешь; вѣдь, умру я безъ тебя, сгину...

Молчалъ Андрей, грустно вздыхая.

— Нѣтъ, не любишь ты меня, Андрюша...

— Полно, Катя, я и самъ не знаю что у меня на сердцѣ; такая тягота, такая тоска, что и сказать невозможно... Жалъ мнѣ тебя, больно жаль, моя касатка... Достанешься ты не мнѣ, другому, и будешь любить его, а меня такъ и забудешь...

— Ой, не бывать мнѣ за немилымъ. Николи не пойду... убѣгу я за тобой: и въ городъ пойду, и въ солдаты пойду...

— Нѣтъ, Катя, никакъ невозможно...

— Ну, не жаль тебѣ меня, Андрюшенька. Непріятна я стала тебѣ, знать, опротивѣла...

— Полно, Катя, касатка моя... Не говори этого...

— Такъ не отстану-же я отъ тебя: вотъ предъ Богомъ говорю: все равно мнѣ жизнь не въ жизнь...

Андрей горько улыбнулся и покачалъ головой. И долго они такъ говорили все на одинъ ладъ, все объ одномъ и томъ-же, много плакали они, много тосковали, а облачка на небѣ между тѣмъ сгустились, вѣтеръ завылъ сильнѣе, оцѣпъ сердито ворчалъ и мѣсяцъ спрятался... Люди не видали любви разстающихся, не слыхали ихъ нѣжныхъ ласкъ, не почуяли ихъ тоски тяжелой...

На другое утро рано поднялись въ домѣ Михайла Захарыча и Ивана Никитича. Въ это утро должно было проститься Андрею и Петру съ своимъ роднымъ кровомъ. Тяжелая тоска лежала у всѣхъ на душѣ: всѣ стонали, всѣ плакали. Вся деревня собралась около избы Михайла Захарыча и Ивана Никитича.

— Славный былъ парнюга: тихой, незадорливый! говорили около избы Ивана Никитича. Вотъ, вѣдь, жилъ, обзаконился, хошъ-бы кто отъ него дурное видалъ.

— Ужъ это что говорить: хорошій парень и съ женой жилъ хорошо.

— Ну, да, вѣдь, и то молвить: не грѣхъ Ивану Микитичу и Царю дать слугу: ужъ и другой-то сынъ, глядь-ко какой молодецъ; женить пора.

— А что, больно убивается жена-то Петрухина?

— Реветъ, а небольно, чтобы завывала.

— Бѣжать — послушать...

Петръ сидѣлъ, повѣся голову. На шеѣ у него съ одной стороны висѣла жена, съ другой мать. Обѣ

плакали и вопили. Изба была полна зрителями, и, преимущественно, бабами. Нѣкоторыя изъ нихъ горько плакали, увлекаемыя заунывнымъ мотивомъ привыванья.

— Батюшка, мой милой другъ, выла жена Петрухи, ужъ ты батюшка, ясенъ соколъ! На кого-то ты меня, мой милый другъ, покидаешь, со своимъ дѣткамъ съ малыемъ? Кому-то объ нихъ наказывашь, кому ты больше приказывашь? На кого ты, батюшка, милый другъ, на кого ты обнадѣялся о своихъ-дѣткахъ малыехъ?

— Не покинь, кормилецъ-батюшка, не покинь моихъ дѣтокъ малыехъ! говорилъ Петръ заунывно.

Иванъ Никитичъ былъ блѣденъ, изъ глазъ его текли слезы; но что онъ чувствовалъ — ничего нельзя прочесть въ этихъ глазахъ.

— Нашатаются-то наши дѣтки малыя, продолжала Петрова жена, — на горе мы ихъ породили, горькимъ счастьецемъ надѣлили.

Около дома Михайла Захарыча также стояла толпа...

— Ражей малой, да и доброй былъ такой! говорили въ толпѣ.

— Ну, озорливъ маленько...

— Э, матка, дѣло молодое. А отцу-то какъ уважалъ, никогда ни въ чемъ слова насупротивъ несказалъ...

— Ужъ это что и говорить!.. Да и жалко малаго-то: вѣдь, было, со всѣмъ дѣло сладилось съ Катюхой-то.

— Жаль-то жаль, да, вѣдь, и то сказать: вѣдь не грѣхъ Михайлу Захарычу дать Царю слугу, ужъ какъ не грѣхъ-то! Ну, двоихъ, слава-те Господи, совсѣмъ приспособилъ, какъ быть людьми сдѣлалъ...

— Вѣстимо, матушка, это что говорить! Ужъ не грѣхъ-то не грѣхъ. А вѣдь, подика, чай, какъ мать-то убивается.

— И, матушка, кричитъ на чемъ бѣлой свѣтъ стоитъ: такъ и разливается. А воетъ-то, воетъ-то, ровно рѣка льется; ужъ какая мастерица!

— Бѣжать — взглянуть.

— Подь, подь... А я къ Ивану-то побѣгу.

Марѳа ужасно перемѣнилась въ послѣдніе два дня: она похудѣла еще больше и какъ-то осунулась, какъ замѣчали зрители. Красные глаза ея разпухли. Она металась, сидя на лавкѣ возлѣ Андрея: то обнимала его, то клала ему на колѣни свою голову, то прижимала его голову къ своей груди.

— Ахъ ты, болѣзно мое дитятка, выла она: завѣдаешь-то ты чужую-дальню сторону, повезутъ-то тебя во службу-то во царскую, во нужду-то государеву· Привезутъ-то тебя, болѣзно дитятко, во пріемну-то во новую. Поставятъ, болѣзно дитятко, во пріемную-то во новой, вокругъ поставятъ, болѣзно дитятко, обрѣютъ кудри русые. Подбери свои русы кудри, завяжи ты свои русы кудри во бѣлую во бумажечку, пришли-тко ты, болѣзно дитятко, свои кудри русы ко мнѣ-ка-то ко горькой. Ужъ какъ стану я смотрѣть на твои-то на русы кудри, на своего-то болѣзно дитятко. Пойдешь ты, болѣзно дитятко, по государевой по пути-дорогѣ: припишико ты мнѣ, дитятко, письмецо-то ко мнѣ грамотку о своемъ-то житьѣ горькоемъ: ужъ какъ станутъ-то тебя, болѣзно дитятко, учить-то, дитятко, государевой ли работушкой. Ужъ бы стала я знать, горькая, объ твоемъ-то житьѣ горькоемъ, объ службѣ-то твоей царской, объ нуждѣ-то государевой...

Такъ выла Марѳа, и всѣ, окружающіе ее, плакали, плакалъ даже и самъ Михайло Захарычъ.

Вскорѣ потомъ бурмистръ прислалъ сказать, чтобы собирались въ дорогу. Стоны, слезы и вопль сдѣлались тогда общими; бѣдную Марѳу почти вынесли

на рукахъ и посадили въ сани рядомъ съ Андреемъ. Она хотѣла провожать его до города. Тѣ же печальныя сцены происходили и въ домѣ Ивана Никитича. Сани ѣхали шагомъ, и вся деревня провожала ихъ. За санями брата шла Катя и горько горько плакала, но не столько о братѣ, сколько о миломъ Андреѣ; впрочемъ приличіе не позволило ей броситься къ нему на шею и выплакать свое горе. Наконецъ, далеко за деревней, бурмистръ сказалъ, что пора ѣхать и чтобы прощались. Катя заплакала еще шибче, еще отчаяннѣе, но не кинулась за санями Андрея.

— Ну, прощайте, добрые люди! говорили, раскланиваясь, Андрей и Петръ. Не поминайте лихомъ.

— Прощайте, прощайте! Дай вамъ Богъ счастья, выслуги... прощайте...

И сани мало-по-малу скрылись изъ виду. Катя горько плакала, но не бросилась за ними; она не побѣжала изъ дому и тогда, когда бурмистръ, воротившись черезъ недѣлю, привезъ съ собой Петра и горькую вѣсть, что Андрей ушелъ въ первую голову.

Всѣхъ больше плакала Марѳа и не забывала сына даже тогда, какъ кругомъ ея все стало по прежнему и изрѣдка развѣ вспоминалось имя Андрея.

Мѣсяцевъ черезъ шесть послѣ вѣсти о рекрутствѣ Андрея, къ Аглаидѣ Марковнѣ пришелъ одинъ изъ ея крестьянъ просить Катерину за его сына.

— Съ Богомъ, другъ мой, дѣлайтесь съ отцемъ, рѣшила Аглаида Марковна.

И Катерина стала бабой, и бабой на всю деревню: смирной, работящей, и мужа любила и, говорятъ, крѣпко любила.

Забавы и удовольствія въ городкѣ

Очерки провинціальной жизни 40-хъ годовъ XIX вѣка.

I.

Въ числѣ уѣздныхъ городовъ есть очень мелкіе городки, въ которыхъ общество представляетъ въ себѣ обыкновенно два круга: высшій, къ которому принадлежатъ помѣщики и чиновники города, и низшій, къ которому относится промышленный классъ жителей; средняго кружка почти не бываетъ: переходы изъ одного круга въ другой или вовсе не совершаются, или совершаются быстро и незамѣтно Общественная жизнь такого городка, разумѣя здѣсь въ особенности общественныя удовольствія и увеселенія, преимущественно разгарается и кипитъ зимою во время крещенскихъ и срѣтенскихъ морозовъ, а хладѣетъ и остываетъ вмѣстѣ съ уменьшеніемъ зимняго холода, съ появленіемъ весенней оттепели и наступленіемъ жаркихъ лѣтнихъ дней. Мы и начнемъ нашъ разсказъ объ этой общественной жизни городка съ того самаго времени, когда она бываетъ въ полномъ разгарѣ своемъ, для того, чтобы потомъ намъ было тѣмъ интереснѣе и тѣмъ легче слѣдить, какъ это періодически волнующееся море постепенно входитъ въ обычные берега свои и наконецъ разстилается гладкой, тихой поверхностью. Итакъ, мы начнемъ со Святокъ.

Вмѣстѣ съ приближеніемъ ихъ, въ высшемъ кругѣ общества родится мысль о томъ, какъ

бы устроить собраніе; но эта мысль до Святокъ таится въ зародышѣ и получаетъ свое развитіе и осуществленіе только вмѣстѣ съ ихъ наступленіемъ. Въ самый первый день праздниковъ, когда всѣ существующія въ городѣ лошади впрягаются въ экипажи, чтобы развозить своихъ господъ съ визитами, и когда поздравленія разносятся изъ одного дома въ другой, и когда самыя сложныя и многочисленныя закуски красуются на столахъ гостиныхъ — тогда-то именно идутъ и самые живые переговоры о задуманныхъ удовольствіяхъ. При этомъ возникаетъ много весьма важныхъ вопросовъ: во первыхъ, гдѣ устроить собраніе; во вторыхъ, гдѣ достать нужное количество музыкантовъ; въ третьихъ, откуда взять необходимое число кавалеровъ, такъ какъ въ дѣвицахъ всегда оказывается избытокъ противъ нихъ? и проч. Но всѣ эти вопросы наконецъ рѣшаются, послѣ продолжительныхъ совѣщаній. Въ городкѣ есть училище, воспитанники котораго распущены по случаю вакантныхъ праздничныхъ дней; слѣдовательно, одна изъ классныхъ комнатъ, большая, можетъ быть весьма удобной залой для танцевъ, а остальныя — меньшія — для помѣщенія необходимыхъ принадлежностей собранія, какъ-то: уборной, карточной и т. п. Слѣды ученическихъ занятій, оставленныя на полу этихъ комнатъ въ видѣ чернильныхъ пятенъ, могутъ быть изглажены; но если и нѣтъ, то они не представятъ большого затрудненія для легкоскользящихъ ногъ танцоровъ. Мебель, весьма удобная для школьниковъ и не совсѣмъ для посѣтителей собранія, легко можетъ быть замѣнена временнымъ наборомъ изъ лишнихъ стульевъ и креселъ, находящихся въ домахъ особенныхъ поклонниковъ общественныхъ удовольствій.

Тамъ, гдѣ имѣется въ виду единственно одна общая веселость, тамъ роскошь и великолѣпіе не составляютъ необходимости, и изломанный или надломившійся подъ кѣмъ-нибудь стулъ не уничтожитъ этой веселости, а развѣ дастъ еще ей новую пищу. Итакъ, первый вопросъ рѣшенъ. За нимъ легко устраняется и второй. Двѣ скрипки составятъ весьма удовлетворительный оркестръ, въ которомъ даже могутъ быть primo и secundo; а если прибавить къ нимъ кларнетъ или флейту, да еще треугольникъ, то согласитесь, что и сама Терпсихора не отказалась бы танцовать съ такимъ акомпаниментомъ. Достать эти двѣ скрипки, а съ ними и двухъ скрипачей вовсе не трудно: стоитъ только послать за однимъ къ такому-то помѣщику, а за другимъ — къ другому. Если же сборъ на собраніе будетъ довольно значителенъ, то можно въ такомъ случаѣ выписать изъ губернскаго города цѣлый оркестръ, состоящій изъ четырехъ инструментовъ, а именно: двухъ скрипокъ, одной флейты и одного контрабаса. Содержаніе музыкантовъ, во все продолженіе общественнаго веселья, можно возложить на одного изъ членовъ собранія, съ тѣмъ, чтобы избавить его отъ денежнаго взноса. Итакъ, второй вопросъ тоже рѣженъ. Но третій представляетъ болѣе трудности. Открывается, что кавалеровъ танцующихъ или желающихъ танцовать только трое, а дамъ болѣе пятнадцати. Конечно, эти трое такіе усердные поклонники Терпсихоры. что во время живыхъ танцевъ, какъ то: вальса и полекъ, не позволятъ сидѣть ни одной изъ танцующихъ дамъ; но, увы! вѣдь есть французская кадриль, которую необходимо танцовать и для которой нужно такое же количество кавалеровъ, какъ и дамъ. Впрочемъ г. N., который знаетъ нѣсколько фигуръ

кадрили и, несмотря на это, болѣе любитъ играть въ карты, конечно, пожертвуетъ своимъ удовольствіемъ для общественнаго; господина NN можно также уговорить танцовать, хотя онъ застѣнчивъ, упрямъ и любитъ только сидѣть въ карточной и смотрѣть, какъ играютъ другіе, не играя самъ. Слѣдовательно, число танцоровъ возрасло до пяти, и если съ присоединеніемъ малолѣтнихъ молодыхъ людей, носящихъ имена съ ласкательнымъ окончаніемъ, впрочемъ, танцующихъ, и нельзя будетъ составить полнаго комплекта, тогда, нечего дѣлать, и дамы могутъ танцовать за кавалеровъ. Всѣ остальныя мелочныя недоумѣнія, послѣ этихъ главныхъ, устраняются скоро. Итакъ, можно приступить къ подпискѣ. Количество подписной суммы зависитъ отъ произвола; но всякій отецъ семейства подписывается тѣмъ охотнѣе, чѣмъ многочисленнѣе его семейство, потому что собраніе здѣсь обыкновенно бываетъ съ даровымъ десертомъ, слѣдовательно малолѣтніе члены семейства могутъ быть также вывозимы въ собраніе и, пріобрѣтая навыкъ держать себя въ обществѣ, употребятъ свое время съ пользою и удовольствіемъ. Когда такимъ образомъ составился сборъ, достаточный для того, чтобы мысль о собраніи привести въ осуществленіе, тогда на одного изъ тѣхъ, въ умѣ которыхъ впервые родилась эта мысль, возлагается покупка необходимыхъ матеріаловъ для собранія, какъ-то: свѣчъ, конфектъ, миндаля для оршаду и проч., вообще вся хозяйственная часть. Въ то же время другой принимаетъ на себя внѣшнюю организацію. И вотъ наконецъ все это поспѣшно — въ два-три дня — совершенно устроивается.

Вы сами легко можете представить себѣ тѣ хлопоты, которыя происходятъ въ это время во

всѣхъ частныхъ домахъ, гдѣ приготовляются къ собранію дѣвицы, и тотъ трепетъ, который овладѣваетъ ихъ юными и наивными сердцами, когда наконецъ, въ такой-то день, онѣ приготовляются ѣхать въ собраніе: сколько прошло тяжелыхъ мѣсяцевъ, въ продолженіе которыхъ онѣ или вовсе не танцовали, или танцовали дома, въ своемъ семействѣ, при скудномъ освѣщеніи, въ тѣсной залѣ, подъ звуки разстроеннаго фортепьяно; а теперь!... огромная зала, великолѣпное освѣщеніе стеариновыми свѣчами, при которомъ можно найти на полу булавку, не пошаривъ рукою, громъ трехъ или четырехъ инструментовъ, танцы съ кавалерами, разноголосный веселый говоръ!... О, вы, привыкшіе къ столичной жизни, къ ея всегдашнему шуму, къ ея блеску и роскоши, вы не поймете чувствъ дѣвицы, живущей въ городкѣ и приготовляющейся ѣхать въ собраніе... Но не думайте, чтобы и здѣсь предавались веселью съ полнымъ увлеченіемъ: о, нѣтъ! строгое уваженіе приличія и бон-тона стоитъ на стражѣ и не даетъ ратвернуться полному веселью.

Вотъ уже десять часовъ вечера; отчего бы, кажется, въ городкѣ общему веселью не быть въ это время въ полномъ разгарѣ? но зала собранія еще пуста: въ ней суетятся лишь главные распорядители, переводятъ оркестръ изъ одного угла залы въ другой, выбирая болѣе удобное для него помѣщеніе, переставляютъ стулья то въ такомъ, то въ иномъ порядкѣ, приказываютъ поправлять криво поставленныя въ кенкетахъ свѣчи, зажигаютъ курительныя свѣчки и ставятъ ихъ по окнамъ, не думая, что впослѣдствіи отъ нихъ могутъ пострадать фраки или платья неосторожныхъ, наблюдаютъ за сортировкой на подносахъ десерта, и проч. У нихъ много хлопотъ.

Между тѣмъ въ это время юныя таліи дѣвицъ затянуты въ корсеты, на руки надѣты, если успѣли запастись заблаговременно въ губернскомъ городѣ, французскія, въ противномъ случаѣ — простыя русскія, перчатки, пріобрѣтенныя въ единственной галантерейной лавкѣ городка. Самыя разнообразныя по матеріи, хотя и одинаковыя по фасону платья: шолковыя, марселиновыя, гласе, кисейныя, тарлатановыя, тюль-люзьёнъ, какъ его здѣсь называютъ, и проч., шумятъ въ разныхъ частяхъ города, для того, чтобы черезъ нѣсколько времени собраться въ одну кучу, для того, чтобы толстое шелковое платье небрежно задѣло русское рѣденькое гласе, а тюлевое посторонилось отъ кисеи. Въ ожиданіи наступленія торжественной минуты, дочки рисуются предъ заботливыми матерями, и нѣжная родительская любовь дополняетъ въ костюмѣ дочерей то, что упущено было изъ виду всегда вѣтреными горничными.

Казалось-бы все уже готово и пора ѣхать: уже догараетъ сальная свѣча, поставленная немного на бокъ въ свой мѣдный подсвѣчникъ предъ зеркаломъ уборной дѣвицы, уже давно налюбовалась она своей тонкой, стянутой до неимовѣрности таліей, уже твердо заучила она ту улыбку и тѣ манеры, съ которыми войдетъ въ залу собранія и которыя исчезнутъ, забудутся съ первымъ туромъ вальса, съ первой фигурой французской кадрили, какъ капля росы, алмазомъ блестѣвшая на иглѣ сосны, испаряется отъ перваго прикосновенія къ ней солнечныхъ лучей; давно уже провѣрила она и свое искусство танцовать многоразличныя польки и вальсы въ одну сторону и въ другую, въ два и въ три темпа, или, чтобы показать знаніе во французскомъ

языкѣ, à deux et à trois temps, но ни она сама, а тѣмъ болѣе ея maman не рѣшается ѣхать въ собраніе, чтобы не пріѣхать туда нервыми и не показать чрезъ то незнанія свѣта и провинціализмъ... И вотъ съ разныхъ концовъ города стремятся къ одному центру — къ собранію, разнохарактерныя физіономіи лакеевъ, посланныхъ своими господами — узнать, не пріѣхалъ ли кто въ собраніе. Посланные сходятся у своей цѣли въ одно и то же время, но не находятъ еще ни одного экипажа.

— Ты что? спрашиваетъ одинъ изъ нихъ другаго.

— Да вотъ господа прислали узнать, не пріѣхалъли кто! А ты что?

— Ну, извѣстно, и меня за эвтимъ же прислали! Что, твои не пріѣхали?

— Нѣтъ, не пріѣхали! А твои что — пріѣхали?

— Нѣтъ, и мои не пріѣхали!

— Ну, такъ, знать, никто еще не пріѣхалъ! говорятъ они въ одинъ голосъ.

И возвращаются съ этой вѣстью къ господамъ своимъ.

— Ахъ, какъ это скучно! говорятъ дочки: — одѣлись и жди тутъ!

— Удивительное общество! возражаютъ матери: — одиннадцать часовъ и никого нѣтъ. Ни на что не похоже! А вѣдь все эта церемонія: никто не хочетъ пріѣхать прежде другихъ. Смѣшное общество!

Наконецъ посланные черезъ полчаса послѣ этого поспѣшно возвращаются домой съ вѣстью, что пріѣхали такіе-то и такіе-то.

— Ну, конечно! такъ и надобно было ожидать, что эти первые прилетятъ. Ну. да, конечно, имъ простительно!

„Кто не видалъ ничего лучше, тому понра-

вится и наше собраніе!“ говорятъ дамы. И вслѣдъ за тѣмъ спѣшатъ садиться въ экипажи. И съ разныхъ сторонъ города съѣзжаются въ собраніе почти одновременно, и черезъ часъ тамъ уже кипитъ жизнь въ полномъ разгарѣ. Вотъ раздается громъ оркестра, и веселыя пары летятъ мимо всего въ неимовѣрно быстромъ вальсѣ, такъ что музыка принуждена часто догонять танцующихъ. Кавалеры безпрестанно мѣняютъ дамъ, машутъ руками музыкантамъ, чтобы они не останавливались, а нѣкоторые, закружившись до тошноты, убѣгаютъ на минуту въ буфетъ, чтобы выпить стаканъ воды и потомъ снова кружиться еще быстрѣе прежняго. Но вотъ умолкъ оркестръ. Дѣвицы, усталыя отъ танцевъ, отдыхаютъ, небрежно сидя на стульяхъ, и маханіемъ платка, производящимъ отрадную свѣжесть, стараются прогнать излишнюю красноту съ дышащихъ здоровьемъ своихъ личикъ. Довольныя оказаннымъ имъ вниманіемъ, онѣ лукаво и съ безпощадной ироніей смотрятъ на тѣхъ изъ своихъ подругъ, которыя танцовали весьма мало и теперь, во время антракта, расхаживаютъ по залѣ, еще болѣе лукаво и еще съ большею ироніею разговаривая о томъ, что Mr. N ужъ черезчуръ много участія показывалъ M-lle NN, а Mr. NN такъ закружился, что чуть-чуть не уронилъ свою даму, которая къ тому еще и танцуетъ-то весьма дурно. Кавалеры между тѣмъ тотчасъ, какъ только замолкъ оркестръ и усѣлась послѣдняя пара, мгновенно скрываются изъ залы, какъ будто танцовали ex officio и внѣ танцевъ не считаютъ своею обязанностью занимать дамъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, жизнь маленькаго городка такъ бѣдна впечатлѣніями, всѣ лица такъ знакомы, обо всемъ переговорено такъ

много, что трудно найдти новый, интересный предметъ для разговора; сверхъ того нужно поберечь запасъ мыслей и словъ для кадрили и мазурки, гдѣ ужъ непремѣнно нужно занимать свою даму. Впрочемъ, истинные и исключительные любители женскаго общества оставляютъ его только лишь для того, чтобы выкурить трубку или папиросу.

— Какъ вамъ нравится сегодняшнее собраніе? спрашиваетъ одинъ изъ такихъ любителей вдругъ нѣсколькихъ дѣвицъ, отступая передъ ними, идущими шеренгой рука-подъ-руку.

Вмѣсто отвѣта на этотъ вопросъ, у одной дѣвицы обрисовывается на устахъ презрительная улыбка, другая какъ-то лукаво смотритъ на третью, въ глазахъ которой сіяетъ такъ много удовольствія; четвертая сухо отвѣчаетъ: „какъ всегда! развѣ въ нашихъ собраніяхъ можетъ быть что-нибудь особенное?“

Но между этимъ господиномъ и той дѣвицей, въ глазахъ которой сіяло такъ много удовольствія, когда они остаются наединѣ, идетъ бесѣда совершенно инаго рода.

— Какъ вамъ нравится сегодняшнее собраніе? обращается онъ къ ней съ тѣмъ же вопросомъ.

— Очень! отвѣчаетъ она, играя поясомъ своего платья.

— Отчего — очень? спрашиваетъ онъ выразительно.

— Такъ-съ, ни отчего! отвѣчаетъ она также выразительно.

— О, я отгадываю!

— Нѣтъ, не отгадаете!

— Ну, такъ я буду гадать: нынѣче святки! Но лучше скажите, пожалуста, отчего?

— Нѣтъ, не скажу!

— Ну, такъ я узнаю: я колдунъ!

— Нѣтъ, не узнаете!

И, утомленная такой бесѣдой, краснѣя отъ волненія и стыдливости, она не въ силахъ болѣе продолжать и спѣшитъ соединиться съ другими подругами.

— О, какъ онъ за тобой ухаживаетъ! говорятъ ей онѣ.

— Совсѣмъ нѣтъ! вотъ какіе пустяки!

— Говори, говори! будто мы не понимаемъ!

— О чемъ это, братъ, ты такъ долго разговаривалъ съ ней? спрашиваетъ молодого человѣка другой, дѣлясь съ нимъ своей трубкой.

— Такъ, братецъ, ни о чемъ!

— Э, злодѣй, знаемъ мы тебя! ты давно за ней ухаживаешь.

— Полно! что ты, чудакъ! я у нихъ и бываю-то только по праздникамъ.

— Что же, развѣ для этого не достаточно бывать только по праздникамъ!

Между кавалерами, скрывшимися тотчасъ послѣ танцевъ, идетъ бесѣда другаго рода.

— Фу, какъ усталъ!

— Да, братъ, устанешь: насъ вѣдь немного, а ихъ-то вчетверо больше!

— Что за удовольствіе эти танцы! а не танцовать нельзя: просятъ!

— Я люблю еще вальсъ; по крайней мѣрѣ хоть разговаривать не нужно; а вотъ въ кадрили, такъ тамъ еще занимай даму, — а чѣмъ же занимать? ничего въ голову не приходитъ. Однако, пора ангажировать на французскую кадриль: дали повѣстку!

Во время антрактовъ являются два оффиціанта

съ подносами, разнося то конфекты, то лимонадъ, то варенье и яблоки, то оржадъ. Многія изъ дѣвицъ, особенно побывавшія въ губернскомъ городѣ, почти не дотрогиваются до лакомствъ, довольствуясь какой-нибудь небрежно захваченной конфектой; другія имѣютъ болѣе снисходительности; но главными ратаями въ этомъ дѣлѣ бываютъ дѣти и ихъ маменьки, съ спокойными, гордыми, улыбающимися или недовольными физіономіями сидящія вдоль стѣнъ, терпѣливо смотрящія на танцы, нетерпѣливо ожидающія, чтобы къ нимъ первая подошла такая-то, и лѣниво перемѣняющія свои стулья, на которыхъ съ перваго раза такъ охотно усѣлись. Мамаши знаютъ, что ихъ деликатныя дочки не бросятся неделикатно на даровое угощеніе, котораго не бываетъ ни въ губернскихъ, ни въ столичныхъ собраніяхъ; но онѣ знаютъ также и то, что эти дочки не откажутся скушать конфекту или яблоко дома, когда будутъ вспоминать только что оставленное собраніе.

Но вотъ начинается кадриль.

— Permettez moi vous engager? говоритъ одинъ, знающій всѣ свѣтскія фразы французскаго языка.

— Позвольте васъ ангажировать на кадриль? спрашиваетъ другой, какъ-бы служа переводчикомъ первому.

— Угодно вамъ со мной танцовать? самоувѣренно предлагаетъ третій, и т. д.

— Mais, ma chère, кавалеровъ недостаетъ: будемте танцовать со мной; я за кавалера.

— Чудесное собраніе! иронически замѣчаетъ неангажированная.

— А кто же нашъ vis-à-vis?

— Онъ будетъ переходить.

И кадриль устроивается въ шесть-семь паръ.

Кадриль танцуется безъ па, почти ходя, какъ и вездѣ; развѣ только какой-нибудь устарѣлый любитель танцевъ вздумаетъ про старину, и напомнитъ, какъ танцовывали прежде. Но и въ настоящее время и у современныхъ танцоровъ, по крайней мѣрѣ уѣздныхъ, пятая фигура и solo ея составляютъ часто предметъ особой заботливости и тщательной, разнообразной, прихотливой отдѣлки: вотъ одинъ пройдетъ въ этомъ solo мѣрнымъ шагомъ подъ музыку, ступая сначала на пятку, потомъ на носокъ, другой быстро пролетитъ какъ на крыльяхъ и даже дѣлаетъ антраша, третій протанцуетъ прехитрый глиссадъ и т. д., но, однимъ словомъ: всякъ по своему и какъ можно изящнѣе.

Но вотъ кадриль кончилась и смѣнилась польками. Здѣсь танцуютъ всевозможныя польки: и трепещущую, т. е. tremblante, и польку-редова и польку-мазурку и даже польку-figuré. Всѣ онѣ исполняются весьма прихотливо и оригинально. Такъ, напримѣръ, въ полькѣ-tremblante танцоры стараются какъ можно болѣе перекидываться съ боку на бокъ, такъ что когда приподнимаютъ лѣвую ногу, то въ это время всѣмъ корпусомъ склоняются на лѣво, и наоборотъ, смѣняя лѣвую ногу правой, быстро перегибаются на противоположную сторону. Вообще польки танцуются чрезвычайно быстро. бойко, весело и смѣло. При самомъ появленіи полекъ въ танцовальныхъ залахъ маленькаго городка всѣ единогласно сохраняли мнѣніе, что полька — танецъ польскій, и сначала танцовали его хотя также довольно скоро и живо, но умѣренно. Потомъ книги, слухи измѣнили прежнее предположеніе о польскомъ происхожденіи польки и замѣнили его убѣжденіемъ, что французы выдумали этотъ танецъ.

Тогда танцоры городка, размышляя, что французы народъ веселый, живой, бойкій, и что на ихъ танцахъ долженъ отразиться характеръ самаго народа, стали танцовать польки гораздо быстрѣе прежняго. Кто не знаетъ, какъ богата танцовальная музыка множествомъ разнообразныхъ полекъ? кто не знаетъ, что весь алфавитъ женскихъ именъ потраченъ на отличіе одной польки отъ другой? Но провинціальный городокъ, или, лучше сказать, его оркестръ знаетъ только одну польку съ фамиліей, а именно: польку-Анну, и еще нѣсколько безъименныхъ. И какъ бы удивился Мюзаръ, если бы какимъ-нибудь волшебствомъ, въ былое, славное для него время, онъ былъ перенесенъ съ береговъ Сены, въ скромный городокъ, въ самый пылъ его общественнаго удовольствія, и увидѣлъ бы онъ эти двѣ или три пары, подобно гибкимъ стеблямъ тростника, при сильныхъ порывахъ вѣтра, колеблющіяся среди залы, и услышалъ бы онъ этотъ оркестръ, едва заглушающій шарканье ногъ танцующихъ и наигрывающій свою польку-Анну!.. Любопытно бы было знать, напоминала бы ему эта полька ту, которую танцовали подъ звуки его оглушающаго, бурнаго оркестра, и эта музыка — ту, которая заглушала даже крики парижскаго карнавала? Но повѣрятъ ли мнѣ, если я буду даже свидѣтельствовать совѣстью автора, желающаго не смѣшить и утрировать, но говорить только сущую правду и описывать дѣйствительность, — повѣрятъ ли мнѣ, что эта французская полька-tremblante нисколько не требуетъ нарочно для нея написанной музыки, но что она можетъ легко танцоваться подъ нѣкоторыя русскія пѣсни, и что авторъ этой статьи неоднократно былъ свидѣтелемъ такого смѣшенія французскаго съ нижегородскимъ? Такъ,

напримѣръ, полька-tremblante весьма удобно и граціозно танцуется подъ слѣдующія пѣсни:

Какъ подъ липой, подъ липой,
Подъ кудрявой, зеленой, и проч.

или:

Ужъ вы, сѣни мои, сѣни,
Сѣни новые мои,
Сѣни новые, кленовые,
Рѣшотчатые!.

При этомъ, конечно, тактъ танца нѣсколько измѣняется, но эта жертва ничего не значитъ предъ общимъ удовольствіемъ. Случалось даже, что французскую кадриль танцовали здѣсь подъ извѣстную русскую народную пѣсенку:

Чижикъ, чижикъ, гдѣ ты былъ?
На канавкѣ водку пилъ... и т. д.

и опять повторяю: это сущая правда. Конечно, все это случалось не на тѣхъ собраніяхъ, о которыхъ я разсказывалъ, но на частныхъ вечерахъ, когда хозяинъ дома, желая доставить своимъ гостямъ возможность танцовать, заставляетъ свою дочь цѣлый вечеръ играть на фортепіано, или, за неимѣніемъ ихъ, посылаетъ за единственнымъ въ городѣ скрипачемъ (онъ же и дворовый человѣкъ, и поваръ, и парикмахеръ), который, купивъ гдѣ-то скрипку, по случаю, за три двугривенныхъ, самоучкой, съ голосу, но препорядочно наигрываетъ разныя русскія пѣсенки, особенно въ праздничный день, когда господа уѣзжаютъ въ гости и людская наполняется веселыми и свободными горничными, которыя неотступно просятъ его „погудѣть что-нибудь, ради потѣхи.“ Но мы отвлеклись отъ своего предмета. Въ собраніи раздаются не такіе звуки, и оркестръ его не унизится до русской пѣсни. Польки смѣняются кадрилями, кадрили десертомъ, десертъ галопадомъ,

который танцуется также разнообразно, также прихотливо. Развеселившаяся молодежь, руководимая какимъ-нибудь молодящимся старикомъ, рѣшается наконецъ вспомнить старину и танцуетъ экосезъ или гросфатеръ, но танцуетъ ихъ не иначе, какъ ради шутки и съ пренебреженіемъ, но, тѣмъ не менѣе, весело и съ удовольствіемъ, потому что затѣйливыя фигуры этихъ танцевъ, особенно послѣдняго, очень оригинальны: то вдругъ кавалеръ превратится въ кошку, а его дама въ малую крошечную мышку; то вдругъ неловкимъ кавалерамъ предстоитъ прыгать черезъ платокъ, который иногда умышленно приподнимается въ то самое время, когда долженъ совершиться скачокъ: неловкій танцоръ задѣваетъ ногою за барьеръ и падаетъ на полъ, къ общему смѣху и удовольствію; то, наконецъ, всѣ пары совьются въ одинъ длинный плетень такимъ образомъ, что прелестная ручка дамы лежитъ на широкомъ плечѣ мужчины, а неуклюжая рука кавалера на алебастровомъ плечикѣ дамы. Этотъ неразрывный плетень часто двигается подъ музыку изъ одной комнаты въ другую и, достаточно покружившись, начинаетъ расплетаться. Замѣчательно, что эту послѣднюю фигуру, съ особеннымъ удовольствіемъ танцуютъ кавалеры и любятъ, чтобы руки ихъ не были раздѣлены съ руками ихъ дамъ посредствомъ платковъ; дамы же, напротивъ, находятъ ее не совсѣмъ приличною, и если танцуютъ, то стараются непремѣнно пустить въ дѣло платокъ. Впрочемъ, часто случается по этому поводу такого рода разговоръ между кавалеромъ и дамой:

— Не угодно ли вамъ взять свой платокъ? говоритъ послѣдняя, лукаво и миловидно смотря на своего кавалера.

— Зачѣмъ же платокъ? можно безъ платка.

— Такъ-съ! возьмите, пожалуйста! говоритъ немного краснѣя и болѣе настойчиво.

— Да у меня нѣтъ его: я позабылъ! отвѣчаетъ кавалеръ, ощупывая карманы своего фрака, и безсовѣстно лжетъ, потому что присутствіе платка замѣтилъ бы даже близорукій.

— Ну, такъ возьмите мой платокъ.

— Ахъ, какъ хорошо пахнетъ отъ вашего платка! возражаетъ молодой человѣкъ, закрывая платкомъ свой носъ. — Вы, вѣрно, не здѣсь покупаете духи?

— Нѣтъ, не здѣсь... Но пора начинать: давайте же платокъ!

Молодой человѣкъ подаетъ, однако, не платокъ, а свою руку, платокъ же кладетъ въ свой карманъ.

— Что вы дѣлаете? говоритъ, конфузясь, дама и вслѣдъ за тѣмъ, если она дама только въ танцахъ, а въ жизни еще дѣвица, то робко ищетъ глазами свою маменьку; если же она дама въ собственномъ смыслѣ слова, то своего наблюдательнаго и, можетъ быть, ревниваго мужа. Но какъ дрожитъ ея ручка на плечѣ кавалера и какъ крѣпко сжимаетъ ее его рука, и какъ неловко онъ держитъ ея ручку: очень близко къ своей щекѣ!

Съ другой стороны, напротивъ, вы замѣчаете, какъ нѣкоторыя пары безмолвно и предупредительно раздѣляютъ свои руки платками, и васъ удивляетъ, что лица ихъ весьма равнодушны, а руки весьма тверды и не трепещутъ.

Не угодно ли вамъ послушать разговоръ, который идетъ въ первой парѣ, по окончаніи гросфатера, когда она какъ-то, должно быть ненарочно, очутилась вдали отъ прочей толпы, въ уголку, у окна.

— Что же вы не подали мнѣ платка? какъ вамъ не стыдно.

— Я, право, заторопился и позабылъ совсѣмъ: думалъ, что это мой платокъ и положилъ его въ карманъ.

— Какже!.. Но подайте мнѣ его.

— Зачѣмъ же онъ вамъ?

— Какъ зачѣмъ? вотъ прекрасно! разумѣется, зачѣмъ!

— Отъ него такъ хорошо пахнетъ!..

— Чтожъ изъ этого? Подайте же, пожалуста, платокъ! Вѣдь смотрятъ...

И молодой человѣкъ поспѣшно и небрежно подаетъ ей платокъ, какъ будто онъ дѣлаетъ обыкновенную услугу. Но увы! къ чему хитрости: всѣ видѣли, что было, и даже видѣли много такого, чего не было и не могло быть. Вы замѣчаете, что на устахъ нѣкоторыхъ дѣвицъ мелькнула какая-то особенная полу-насмѣшливая, полу-презрительная улыбка, когда къ нимъ подошла та д а м а, оставивъ своего кавалера, что какъ-то особенно выразительно посмотрѣлъ на молодого человѣка и также выразительно пожалъ ему руку его пріятель, что въ двухъ или трехъ углахъ довольно тихо и насмѣшливо говорили пожилыя дамы, указывая только одними глазами, на разлучившуюся пару; вы замѣчаете даже, что улыбающееся и самодовольное лице заботливой маменьки сдѣлалось какъ будто сердито и еще болѣе озабочено, и что наблюдательный, а можетъ быть и ревнивый, мужъ вдругъ, безъ всякой видимой причины, поморщился, сдвинулъ брови, а потомъ какъ-то гордо и презрительно говорилъ въ буфетѣ съ знакомымъ уже намъ молодымъ человѣкомъ.

Но вотъ оркестръ снова заигралъ польку-Анну, и въ залѣ замѣтно какое-то особенное движеніе: многіе встаютъ изъ своихъ мѣстъ; даже самые исключительные любители карточной игры и буфета и враги танцевъ появляются въ дверяхъ залы, даже нѣкоторые игроки съ картами въ рукахъ оставляютъ свои мѣста и выглядываютъ черезъ плечи образовавшейся у дверей залы толпы зрителей. Что же такое должно случиться? Очевидно, общее вниманіе возбуждено. Среди залы является юноша, рука-объруку съ сестрой своей, пансіонеркой, такъ же какъ и онъ, отпущенной на ваканцію изъ пансіона. Молодой человѣкъ оказываетъ большія способности въ хореграфическомъ искусствѣ, и знакомые его маменьки упросили ее приказать дѣтямъ протанцовать фигурную польку. Они начали. Держась рука за руку, они сдѣлали па и взглянули одинъ на другого, сдѣлали другое па и отвернулись, потомъ снова взглянули и снова отвернулись; потомъ вдругъ пансіонерка сложила руки за спиною, а юноша на груди: юноша дѣлаетъ па впередъ, пансіонерка назадъ — эта фигура технически называется наступать и отслупать; вслѣдъ за этимъ таже фигура повторяется, только наизворотъ, то есть пансіонернерка наступаетъ со сложенными на груди, а юноша отступаетъ со спрятанными назади руками. Далѣе, они вдругъ схватываются обѣими руками и, граціозно изгибая ихъ, въ видѣ цыфры 8, то посмотрятъ другъ на друга, то снова отворотятся. Эту фигуру назвали здѣсь: смотрѣться въ окошечко. Общій говоръ похвалы и удовольствія раздался со всѣхъ сторонъ по окончаніи танца. Маменька слушала эти похвалы, упорно доказывая ихъ неосновательность, хотя, можетъ быть, внутренно

вполнѣ соглашалась съ ними; пансіонеръ принималъ похвалы самовѣренно, стараясь, по совѣту танцмейстера, какъ можно шире разставить носки своихъ сапоговъ, и расшаркиваясь, по тому же совѣту, съ нѣкоторымъ приподнятіемъ лѣвой ноги; пансіонерка на всѣ благодарности отвѣчала, присѣдая и конфузясь: „pas de quoi!“, а на излишнія похвалы скромнымъ: „совсѣмъ нѣтъ-съ!“

Здѣсь считаю нелишнимъ разсказать о томъ впечатлѣніи, которое произвели на уѣздный городокъ впервые появившіяся въ немъ польки и какъ постепенно онѣ сдѣлались однимъ изъ любимѣйшихъ въ немъ танцевъ. Одинъ столичный франтъ, проѣзжая чрезъ городокъ, остановился у родственника своего, ближайшаго къ городу помѣщика. У помѣщика были дочери, которыя приходились столичному франту въ томъ родствѣ, которое опредѣляется словами: кузенъ и кузина. Кузенъ разсказывалъ кузинамъ о своихъ столичныхъ удовольствіяхъ: о театрѣ, театральныхъ маскарадахъ, нѣмецкомъ собраніи, о загородныхъ гуляньяхъ и проч. въ этомъ родѣ. Кузины слушали его съ полу-открытыми устами и съ совершенно открытыми глазами, часто улыбались и еще чаще переглядывались между собою, оправляя въ то же время свои платьица. Наконецъ столичный франтъ упомянулъ о полькахъ.

— Какъ развѣ вы танцуете ихъ, кузенъ? спросили въ одинъ голосъ кузины.

— Разумѣется! а вы? неужели не танцуете?

— Нѣтъ! отвѣчали кузяны конфузясь.

— Что вы говорите? вотъ мило! Да это не жизнь, а прозябаніе! Что же вы танцуете?

— Мы всѣ танцы танцуемъ!

— Вотъ мило: всѣ танцы знаютъ, а полекъ не

знаютъ! Да знаете ли вы, что такое это польки? Видали ли вы ихъ?

— Нѣтъ, даже не видали! Папенька не ѣздитъ даже въ губернскій городъ! отвѣчали кузины, еще болѣе конфузясь и посматривая на своего папеньку, который въ это время толковалъ что-то съ своимъ старостой.

— Это просто ужасно! Вы не можете вообразить, кузины, что это за танецъ! Это просто прелесть, очарованіе! И молодой человѣкъ сталъ наигрывать языкомъ какую-то новую польку.

Кузины неотступно просили его научить ихъ танцовать этотъ танецъ, и уже въ головкахъ ихъ вертѣлась самолюбивая мысль: какъ удивится все ихъ общество, когда въ первомъ же собраніи онѣ первыя протанцуютъ польку. Кузенъ согласился и уроки прошли очень быстро и успѣшно. Черезъ нѣсколько дней должно было быть собраніе въ городѣ, и кузины стали просить столичнаго франта ѣхать съ ними.

— Да что же это у васъ такое за собраніе? разскажите мнѣ.

— Какъ что такое? разумѣется, настоящее собраніе!

— Настоящее!.. а, это должно быть интересно. Что же, у васъ и клубъ есть?

— Нѣтъ, клуба нѣтъ! клубъ хотѣли сдѣлать, да какъ-то не удалось; а просто такъ, собраніе!

— Вотъ прекрасно! слѣдовательно, и въ карты нельзя поиграть! Неужели же все танцовать съ вами, когда у васъ и полекъ-то не знаютъ.

— Нѣтъ, кузенъ, у насъ въ карты играютъ! Не безпокойтесь! это-то всегда можно!

— Да вѣдь гдѣ же играютъ? Клуба вѣдь нѣтъ у васъ?

— Все равно? у насъ въ собраніи играютъ!

— Какъ? въ собраніи, въ самомъ собраніи!.. Ха, ха, ха! нѣтъ, нѣтъ. не поѣду! ни за что не поѣду! Это просто ни на что не похоже. Да какъ же вы-то туда ѣздите?.. Въ карты играютъ въ собраніи!.. Ха, ха, ха!..

— Ужъ не говорите, кузенъ! Наше собраніе ни на что не похоже: вѣдь трубки курятъ въ сосѣдней комнатѣ и дымъ такъ и идетъ въ танцовалъчую залу!..

— Какъ, и трубки курятъ! Ха, ха, ха!.. Вотъ такъ собраніе! Чудное собраніе — нечего сказать!

— Зато, кузенъ, у насъ весело! Хорошенькихъ много! сказала лукаво одна изъ кузинъ.

— Воображаю: должно быть хорошенькія! Кто же это? кто?

— А вотъ: Соничка Ъ — хорошенькая, Аглаичка Ь — прелесть, Зиночка И — премиленькая. Поѣдемте, кузенъ, пожалуста.

— Развѣ посмѣяться? Ну, пожалуй, пожалуй! извольте. Да у васъ въ чемъ же ѣздятъ, въ сюртукахъ или во фракахъ?

— Ну, полноте, кузенъ! Вы ужъ очень насмѣшничаете! Разумѣется, во фракахъ! Конечно, иные — пожилые — ѣздятъ въ сюртукахъ, но молодые кавалеры всѣ во фракахъ.

— Понимаю: въ какихъ-нибудь брусничныхъ коричневыхъ, зеленыхъ?

— Нѣтъ-съ, извините! больше въ форменныхъ! возразила, нѣсколько обидясь и наивно, одна изъ кузинъ.

— Въ форменныхъ? въ собраніе!.. ха, ха, ха! отъ часу не легче!..

Однако, вдоволь посмѣявшись надъ предстоя-

щимъ удовольствіемъ, франтъ рѣшился ѣхать. Самоувѣренно надѣлъ онъ свой черный фракъ, небрежно повязалъ большой, модный въ то время, шарфъ, прикололъ его, гдѣ слѣдуетъ, блестящей булавкой и гордо натянулъ свои желтыя, чисто французскаго происхожденія перчатки. — Кузины одѣлись, по мнѣнію франта, также недурно и хотя не по самой послѣдней картинкѣ, но современно и со вкусомъ, что немало его удивило.

Двѣ лихія тройки стояли у подъѣзда: одна изъ нихъ въ возкѣ, въ которой помѣстились кузины съ своею маменькой, другая въ широкихъ покойныхъ саняхъ: въ послѣднія усѣлись франтъ и самъ глава семейства. Быстро мчались они по гладкой зимней дорогѣ и очень быстро пріѣхали въ городъ. Здѣсь они предварительно заѣхали къ одному знакомому, гдѣ кузины поспѣшили привести въ порядокъ свой костюмъ, а помѣщикъ съ своимъ столичнымъ родственникомъ волей-неволей должны были, по усильнымъ просьбамъ хозяина и хозяйки дома, погрѣться чайкомъ. — Наконецъ они были въ собраніи. Я не стану разсказывать о томъ впечатлѣніи, которое произвело на столичнаго франта собраніе городка со всѣми его атрибутами — это вы сами легко вообразите. Но не могу умолчать о впечатлѣніи, которое произвелъ онъ на все общество. Вообще весь дамскій полъ городка, т. е. маменьки и ихъ дочки, тетеньки и ихъ племянницы, наконецъ бабушки и ихъ внучки сильно предубѣждены противъ столичныхъ франтовъ, считаютъ ихъ большими, дерзкими насмѣшниками и — подивитесь! — людьми, не знающими образованія или не желающими его поддержать изъ пренебреженія къ нимъ. Въ этотъ разъ новый столичный франтъ не уничтожилъ это обиднаго мнѣнія,

оскорбляющаго его собратовъ, но, напротивъ, еще развилъ его, особенно при первомъ своемъ появленіи. Онъ вошелъ гордо, съ саркастической улыбкой на устахъ; говорилъ со всѣми, кому рекомендовалъ его родственникъ, небрежно и холодно, вообще занимался больше съ кузинами и, какъ видно, надъ всѣми насмѣхался, сидѣлъ невѣжливо, развалясь, и даже, увлекшись, вѣроятно, примѣромъ, курилъ трубку не только въ сосѣдней комнатѣ, но даже въ дверяхъ танцовальной залы, что очень обидѣло дамъ. Но мало по малу, вмѣстѣ съ каждымъ танцемъ, онъ болѣе и болѣе позабывалъ свою роль, дѣлался разговорчивѣе и наконецъ подъ этотъ — бетховенскій, по его выраженію — оркестръ сталъ танцовать такъ много и весело, что удивилъ всѣхъ своею неутомимостію. Наконецъ, въ самомъ разгарѣ общаго веселья, кузины стали просить его протанцовать съ ними вновь выученную польку; молодой человѣкъ охотно согласился. Представилось нѣкоторое затрудненіе въ музыкѣ: оказалось, что изъ четырехъ музыкантовъ только одинъ скрипачъ зналъ какую-то польку, которая, по его собственному признанію, была не совсѣмъ подходяща къ танцу, кадансъ котораго молодой человѣкъ передалъ ему посредствомъ наигрыванья языкомъ и хлопанья въ ладоши. Впрочемъ, музыкантъ былъ человѣкъ смышленый, ловкій и знающій свое дѣло. Онъ тотчасъ варьировалъ извѣстную ему польку такъ, какъ было нужно, и увѣрилъ всѣхъ, что все теперь пойдетъ хорошо. Слухъ о томъ, что пріѣзжій изъ столицы будетъ танцовать новую польку съ одной изъ своихъ кузинъ, разнесся до собранію быстрѣе молніи. Общее ожиданіе настроилось до высочайшей степени. Но истинно отрадно было видѣть при этомъ что могутъ сдѣлать

образованіе, свѣтъ и знаніе его приличій: ни одна изъ дамъ и дѣвицъ, которыя съ нервическимъ нетерпѣніемъ ожидали видѣть новый танецъ, ничѣмъ не обнаружили этого нетерпѣнія. Напротивъ, онѣ сдѣлались передъ этимъ зрѣлищемъ гораздо серьёзнѣе, на устахъ ихъ сіяла улыбка равнодушія, и вмѣстѣ съ тѣмъ сомнѣнія, что врядъ ли можно ихъ чѣмъ-нибудь удивить, и вообще вся ихъ внѣшность представляла сознаніе собственнаго достоинства. Одна маменька, съ полу-шутливымъ, полу-укоризненнымъ тономъ, замѣтила своей тринадцати-лѣтней дочкѣ, которая не умѣла еще скрыть любопытства и нетерпѣнія: „что вы такъ суетитесь? тутъ, душенька, нѣтъ ничего необыкновеннаго: этотъ танецъ извѣстный! въ Петербургѣ и Москвѣ его давнымъ-давно танцуютъ? Это стыдно! подумаютъ. что ты худо воспитанная дѣвушка!“ прибавила она почти шопотомъ, оправляя корсажъ ея платья и скрывая за лифомъ какую-то тесемочку, которая своевольно выбилась наружу. Послѣ этого мамаша обратилась къ сосѣдней дамѣ съ словами: „ужасный еще ребенокъ!“ Въ отвѣтъ на это, дама снисходительно улыбнулась, прибавя: „а какъ высока ростомъ!“ Между тѣмъ зала наполнилась любопытными изъ сосѣднихъ комнатъ: новый танецъ хотѣли видѣть даже и тѣ, которые отъ роду ничего не танцовали. Въ залѣ воцарилась тишина. прерываемая лишь слабымъ шопотомъ. Но раздались звуки только-что импровизированной польки; танцоры вышли на средину залы. И вотъ они полетѣли быстро, быстро, по прямому направленію, покружились въ углу и снова полетѣли — это была полька-tremblante... И неужели я долженъ увѣрять моихъ читателей въ справедливости словъ, которыми я буду теперь разсказывать

о томъ неожиданномъ впечатлѣніи, которое произвела полька на зрителей?... Съ каждымъ па танцоровъ, лица маменекъ морщились, дѣлались серьезнѣе, озабоченнѣе; когда же танецъ кончился, они изображали просто ужасъ и негодованіе. — „Такъ вотъ что значитъ эта полька-то! думали онѣ — прекрасно, нечего сказать! Это просто неприличіе!“

— Какъ вамъ нравится полька? спрашивала одна маменька другую.

— Помилуйте! это такой неприличный танецъ, что я не знаю, право, какъ можно допускать его въ порядочномъ обществѣ. Я ни за что не позволю его танцовать моимъ дѣтямъ!

— Ваша правда! прибавила третья. — Польку развѣ и могутъ танцовать только въ Парижѣ. Я тоже ни за что не позволю его танцовать своей Полинѣ...

— А я такъ, просто, не велю своей и смотрѣть на эту польку! И что ею такъ восхищались? трясучка — и больше ничего! сказала насмѣшливо четвертая.

Строгость маменекъ пошла еще далѣе, такъ что когда столичный франтъ сталъ танцовать польку съ другой своей кузиной, то нѣкоторыя изъ нихъ увели своихъ дочерей въ другую комнату, говоря, что имъ неприлично даже и быть тамъ, гдѣ танцуютъ этотъ танецъ, а не только смотрѣть или перенимать его. Мужья, подъ вліяніемъ взгляда и развитаго вкуса своихъ супругъ, вполнѣ раздѣляли ихъ мнѣнія. Одинъ только изъ нихъ, отставной воинъ, несмотря на пробивающуюся уже сѣдину, вполнѣ по видимому согласившись съ мнѣніемъ своей жены относительно польки, отзывался о ней совершенно иначе: „Чтожь такое? — говорилъ онъ, — по моему, славный танецъ!“

Молодые люди и дѣвицы, разсуждая между собою, говорили, что полька ничего! что въ ней нѣтъ ничего особеннаго! что она весьма проста и вовсе не такъ трудна, какъ разсказывали, но врядъ-ли онѣ станутъ ее танцовать. Итакъ, по видимому, польку ожидало здѣсь совершенное паденіе при самомъ появленіи ея. Но — повѣрите ли? — вышло совсѣмъ иначе. Молодые люди и дѣвицы, говоря вслухъ такимъ образомъ, думали совсѣмъ иначе и находили, что полька напротивъ, очень миленькій и веселый танецъ! Вслѣдствіе этого въ ту же самую ночь, по окончаніи собранія, въ разныхъ мѣстахъ города, въ полу-освѣщенныхъ залахъ, припоминали па польки. Потомъ стали ее танцовать домашнимъ образомъ, секретно. Далѣе изрѣдка, ради шутки и смѣха, танцовали ее на частныхъ вечерахъ, и наконецъ черезъ годъ она вошла во всеобщее употребленіе и заслужила общую любовь. Сначала, разумѣется, маменьки ни за что-бы на свѣтѣ не позволили публично танцовать польку своимъ дочкамъ и не совсѣмъ благосклонно смотрѣли даже на то, что онѣ забавлялись ею наединѣ . . . но къ чему не присмотрится, къ чему не привыкнетъ человѣкъ? . .

И теперь уже не боятся полекъ, но любятъ ихъ и стыдятся не танцовать, такъ что дѣвица, не знающая ихъ, пожалуй получитъ названіе необразованной, хотя бы даже говорила по французски и умѣла играть на фортепьяно. Появленіе въ городкѣ каждой новой польки составляло эпоху, разумѣется, въ танцовальномъ мірѣ, если можно такъ выразиться; но теперь всѣ польки знакомы, и ни одинъ уже столичный франтъ не удивитъ своимъ искуствомъ; по крайней мѣрѣ ему такъ покажутъ.

Но вотъ наконецъ, далеко за полночь, калетовскія

(здѣсь не говорятъ: стеариновыя) свѣчи превратились въ огарки. Пора приниматься за мазурку, заключающую каждое собраніе. Какъ хороша и разнообразна она! Какое поприще для изобрѣтательности первой пары! Здѣсь танцуютъ всѣ возможныя фигуры мазурки: и съ поставленнымъ на средину комнаты стуломъ, и съ выборомъ цвѣтовъ, качествъ, добродѣтелей, пословицъ, и съ киданіемъ платка вверхъ; но самую занимательную для остроумныхъ кавалеровъ фигуру составляетъ прибирать риѳмы. Дѣвица говоритъ слово, кавалеры прибираютъ къ нему однозвучное. Между этими риѳмами вамъ удается слышать много любопытныхъ и весьма остроумныхъ, какъ, напримѣръ эти: „морковь — кто таковъ“ „бездѣлица— рукодѣлица,“ „Кинешма — Минишна,“ „сапогъ — охъ, охъ!“ „тыква — экъ, вы!“ и т. д. Иногда, и очень часто, по поводу этихъ риѳмъ происходятъ споры, находятъ, что риѳмы не похожи.

— Какъ не похожи? тыква — экъ, вы?

— Разумѣется, не похожи: тык...ва, тутъ на концѣ ва, а вы говорите: экъ, вы! у васъ на концѣ вы. Да и что за слово: экъ, вы? Этакого слова нѣтъ, а тутъ надобно слова говорить!

Но, какъ всему на свѣтѣ, настаетъ конецъ и мазуркѣ, хотя у нея, впрочемъ, и нѣтъ конца, въ чемъ согласился и одинъ изъ музыкантовъ, говоря, что онъ давно уже выбился изъ силъ, а мазурка все еще не кончается. Тотчасъ послѣ мазурки всѣ дамы начинаютъ собираться домой, и только одна неугомонная молодежь проситъ протанцовать въ заключеніе еще французскую кадрильку. Но, какъ бы то ни было, вмѣстѣ съ угасающими или по крайней мѣрѣ догарающими свѣчами танцовальная зала пустѣетъ; но долго еще и послѣ того полная жизнь кипитъ въ

карточной. Здѣсь уже давно перемѣнили догорѣвшія свѣчи, въ мѣдныхъ подсвѣчникахъ, другими; но игроки крѣпко держатся своихъ постовъ. Было время, когда любимыми и общими играми въ городкѣ, изъ числа комерческихъ, были бостонъ и вистъ; потомъ негаданно и неожиданно закрался какъ-то въ общую любовь преферансъ и уничтожилъ собою всѣ прочія игры. При самомъ появленіи своемъ онъ былъ встрѣченъ почти такъ же, какъ полька. „Препустѣйшая игра! — говорилъ записной игрокъ въ вистъ и бостонъ. — Помилуйте, какая это игра? Не требуетъ ни малѣйшаго соображенія, скука смертельная, точно въ дурачки играешь!“ А между тѣмъ записной игрокъ продолжалъ себѣ играть въ преферансъ и сталъ мало-по-малу предпочитать его даже бостону. „Кто его знаетъ — говорилъ онъ — впослѣдствіи, садясь за карточный столъ, что это за преферуша: вѣдь пустѣйшая игра, никакого соображенія не требуетъ, а точно, братецъ, кабалистика какая тебя подтягиваетъ; сядешь играть, ну такъ бы и не вставалъ: хоть двадцать пулекъ сразу.“ И дѣйствительно, преферансъ имѣлъ какую-то магическую силу: онъ привлекъ къ себѣ и здѣсь, какъ вездѣ, всѣ полы, возрасты и состоянія. Стали играть не только мужья, но даже дочки. Преферансъ играется здѣсь со всевозможными варіяціями: семь и восемь съ прикупкой, или, иначе, талономъ, и безъ прикупки, съ мусомъ и съ пропасовкой, или розыгрышемъ, съ мизерами и даже котломъ.

Сначала преферансъ игрался въ первобытной своей чистотѣ; потомъ онъ вошелъ въ дружескія связи съ вистомъ, и образовалась новая игра — вистъ-преферансъ; а наконецъ когда пошла мода на разные ералаши, то и здѣсь на сцену не преминулъ явиться

карточный ералашъ. Въ чистый преферансъ играютъ здѣсь и по двѣ коп. асс. (преимущественно дамы), и по двѣ коп. сер. (большая часть чиновниковъ), и даже по пяти коп. сер. (только знать). Игра идетъ какъ и вездѣ: сначала мирно и почти безмолвно, потомъ болѣе угрюмо и сердито, а наконецъ, гдѣ нужно, и очень съ сердцемъ, что оправдывается, впрочемъ, извѣстной истиной: „всѣ люди, всѣ человѣки! конечно, нельзя, чтобы и не посердиться.“ На этомъ же основаніи, случается, конечно, и то, что начальникъ гнѣвается, если подчиненный обремизитъ его, что друзья мѣсяца по два не говорятъ другъ съ другомъ, за умышленно неправильный ходъ, что молодой человѣкъ получаетъ протекціи у старушки, проигрывая и подсказывая ей ходы: и здѣсь все то же, что и въ большомъ свѣтѣ, — только здѣсь все въ миніатюрѣ. Всѣ люди, всѣ человѣки!

Въ карточной тотчасъ, по разъѣздѣ дамъ, какъ мы сказали уже, сцены измѣняются; табакъ дымится страшно, всевозможныя въ городѣ вина, какъ-то: мадера, отъ которой черезчуръ пахнетъ французской водкой, хересъ, чрезвычайно похожій вкусомъ на мадеру, подцвѣченную жженымъ сахаромъ, рейнвейнъ, котораго невозможно различить съ сотерномъ, и проч. и проч., — всѣ эти вина пьются въ большомъ размѣрѣ и число бутылокъ съ наклеенными на нихъ ярлыками растетъ быстро въ сосѣднемъ буфетѣ; разговоръ дѣлается гораздо громче, свободнѣе и непринужденнѣе; костюмировка измѣняется.

— Эка жара! говоритъ тучный господинъ: — хоть бы снять съ себя и сюртукъ; насилу-то разъѣхались. Кто ихъ знаетъ, что имъ тутъ за радость! прыгаютъ, да и только!.. Не понимаю, что за удовольствіе!

— А вотъ тебя бы пустить поплясать! хорошъ бы былъ! возразилъ тучному господину его партнёръ, съ вытаращеннымн глазами, высоко поднятыми бровями и большимъ носомъ, который (т. е. разумѣется не носъ!) самовольно взялъ себѣ право быть со всѣми въ самыхъ короткихъ пріятельскихъ отношеніяхъ, для того, чтобы говорить всѣмъ дерзости.

— Ну, полно, полно, ты, бритва! возразилъ добродушно тучный господинъ: — самъ-то на кого похожъ?

Раздался хохотъ. Дружеская перемолвка продолжалась.

— Съ чего ты ходишь? говорятъ за другимъ столомъ. — Развѣ тебѣ слѣдовало съ туза ходить? совсѣмъ не слѣдовало.

— Захотѣлъ, такъ и пошелъ! отвѣчаетъ лаконически тотъ, къ кому обращались предыдущія слова.

— Да онъ оттого съ туза пошелъ, что самъ-то на туза похожъ: вишь ты какая фигура важная! подхватилъ тотъ же господинъ, имѣвшій право говорить всѣмъ дерзости и только что кончившій перемолвку съ однимъ противникомъ.

На другихъ столахъ играютъ болѣе степенные игроки, находящіеся не въ такихъ короткихъ и пріятельскихъ отношеніяхъ; тамъ и разговоръ гораздо благообразнѣе.

— Не угодно ли вамъ брать взятку-съ... она ваша! говоритъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, выдвигая быстро впередъ свою голову и въ то же время склоняя ее на бокъ.

— Моя-то, моя, почтеннѣйшій! отвѣчаетъ другой господинъ. — Да что вы привязались все къ бубнямъ, что вы не ходите въ трефы? видите, что они мнѣ въ руку.

— Извольте-съ, я и въ трефы! возражаетъ первый

и въ то же время смотритъ на другихъ партнеровъ съ улыбкой, которой какъ будто хочетъ сказать: „вѣдь я, господа, не просилъ ихъ говорить мнѣ, чтобы ходить въ трефы: они сами сказали; что же мнѣ дѣлать?“

... Но ужъ не скучно ли вамъ? не хочется ли вамъ спать? Вы не дождетесь, когда кончатъ эти господа: они проиграютъ еще долго. Долго еще будутъ играть они, потомъ долго станутъ разбирать свои шубы, картузы и калоши, а потомъ отправятся домой, гдѣ застанутъ всѣхъ уже спящими и съ трудомъ растолкаютъ крѣпко заснувшаго казачка, который долженъ ожидать возвращенія своего барина и сторожить комнаты.

Мы не успѣли слѣдить за разъѣзжавшимися изъ собранія дамами, и хотя супруги и отцы застали ихъ уже въ глубокомъ снѣ, но онѣ и уѣхали и заснули съ разными чувствами: тѣ матери, дочки которыхъ были отличены, тѣ дѣвицы, которыя много танцовали, оставались весьма довольны собраніемъ и не замѣчали его недостатковъ; напротивъ тѣ барышни, которыя были обойдены въ танцахъ, сердились вмѣстѣ съ своими мамашами.

На что похоже это собраніе? говорили онѣ. — Кавалеры всѣ условились, съ кѣмъ танцовать... до собранія еще разобрали всѣхъ дамъ; музыка, какъ на ярмаркѣ; конфекты какія подавали: это ужасъ! я взяла одну въ ротъ, такъ не знала, что съ ней и дѣлать? ѣсть невозможно. А еще эта Соничка говоритъ, что французскія конфекты. Много она понимаетъ! хороши французскія!

— А ты замѣтила, спрашиваетъ маменька, что съ ней больше всѣхъ танцовали?

— Какъ не замѣтить: она извѣстная кокетка!

Ну, право, даю честное слово, что если и слѣдующее собраніе будетъ такое же, я ни за что въ него не поѣду!

Но не бойтесь: она непремѣнно поѣдетъ и въ слѣдующій разъ, потому что не знаетъ будетъ ли для нея та же участь, какъ и въ прошедшемъ собраніи, но, напротивъ, надѣется танцовать много, много, и она сама станетъ звать свою мамашу.

Также строгому суду и колкому разбору подлежатъ всѣ нововведенія въ костюмѣ, и нововводительница терпитъ горькую участь до тѣхъ поръ, пока ея примѣру не послѣдуютъ сами рецензентки. Такъ однажды ужасный шумъ надѣлала одна дѣвица, которая, вычитавъ изъ журнала (а вѣдь здѣсь журналы читаютъ), что въ столицахъ ѣздятъ на балы съ букетами, рѣшилась вооружиться имъ въ предстоящее собраніе. Но, Боже мой, бѣдная дѣвушка! сколько потерпѣла она за эту новость! сколько двусмысленныхъ улыбокъ посыпалось на этотъ букетъ! сколько сарказмовъ обрушилось на ея голову! Одинъ изъ кавалеровъ даже написалъ на этотъ случай критику въ стихахъ, отъ которыхъ ужасно пахло курительнымъ табакомъ. Всѣ дѣвицы находили, что пріѣхать въ собраніе съ букетомъ просто ни на что не похоже, а между тѣмъ — о люди, люди! — черезъ нѣсколько времени онѣ сами явились въ собраніе съ букетами, посколовъ для нихъ всѣ цвѣты съ своихъ шляпокъ...

Но съ какими бы чувствами онѣ не пріѣхали изъ собраніе, что бы ни говорили, о чемъ бы ни мечтали, а сонъ слетѣлъ на ихъ вѣжды и еще болѣе зарумянилъ ихъ щечки и безъ того румяныя...

Не уснуть ли и вамъ, мой благосклонный читатель? Вы, кажется, зѣваете? До свиданія!

II.

И такъ, вы знакомы съ проявленіемъ общественныхъ удовольствій городка; теперь я познакомлю васъ съ частнымъ званымъ обѣдомъ, съ частнымъ званымъ вечеромъ съ закуской и съ таковымъ же безъ закуски.

Званый обѣдъ бываетъ только въ торжественныхъ семейныхъ случаяхъ, именно въ имянины котораго-нибудь изъ главъ семейства (а эти главы бываютъ разныя: иногда отецъ, иногда мать, и иногда и кто нибудь изъ дѣтей). Имянины такого рода составляютъ эпоху въ городѣ: ихъ ждутъ, къ нимъ приготовляются заблаговременно.

— Что-то у нихъ будетъ? говорятъ дѣвицы. — Неужели опять этотъ несносный обѣдъ? Чтобы вечерокъ сдѣлать съ танцами!

Нецеремонные пріятели часто не совѣстятся напомнить хозяину дома, что онъ скоро будетъ имянинникъ и что они надѣются у него поѣсть.

— Какъ же, какъ же, господа! милости просимъ! отвѣчаетъ будущій имянинникъ.

И вотъ наконецъ настаетъ этотъ день. Раннимъ утромъ, т. е. часовъ въ семь или восемь пополуночи, изъ всѣхъ знакомыхъ домовъ отправляются къ имяниннику или къ имянинницѣ слуги съ поздравленіями отъ своихъ господъ: „баринъ и барыня — говорятъ они — приказали кланяться и поздравить васъ съ днемъ ангела.“ — „Благодари! — отвѣчаетъ хозяинъ дома — и проси господъ съ семействомъ и съ дѣтьми откушать къ намъ сегодня.“ На званые обѣды къ имяниннику дѣвицъ почти не возятъ, да и къ имянинницѣ весьма рѣдко, тѣмъ болѣе, что послѣдняя любитъ болѣе звать на вечеръ. Часовъ

въ 12 начинаютъ съѣзжаться гости. На столѣ является легкая закуска. Въ гостиной и угольной разставляются ломберные столы, и гости, въ ожиданіи обѣда, садятся за нихъ подвизаться на зеленомъ полѣ. Въ залѣ между тѣмъ становится длинный-длинный столъ, иногда даже не одинъ, и приготовляется для пиршества. На меня чрезвычайный эфектъ производилъ всегда совсѣмъ накрытый парадный столъ. Ослѣпительной бѣлизной сіяетъ столовое бѣлье: граціозно обхватываетъ деревянную некрашенную фигуру стола бѣлая какъ снѣгъ скатерть, не менѣе граціозно прикрываютъ тарелки съ хлѣбомъ, сложенныя въ видѣ трехгранной пирамиды, салфетки; въ удивительной симметріи расположены налѣво вилка, направо ножикъ, вверху серебряная ложка; необычайную вѣрность глаза обличаютъ поставленные по прямой линіи одинъ за другимъ стаканы и рюмки у тарелокъ, немножко подальше бутылки съ винами, и на самой срединѣ стола — графины съ водой и квасомъ, гдѣ опять-таки существуетъ строгій порядокъ: сначала вода, потомъ квасъ, далѣе опять вода и опять квасъ... Удивительно! А кругомъ стола въ такомъ же порядкѣ разставленные стулья; далѣе, въ ужаснѣйшемъ безпорядкѣ, слуги, бѣгающіе изъ одной комнаты въ другую, постоянно сталкивающіеся и шепчущіе что-то на ухо одинъ другому въ видомъ необыкновенно озабоченнымъ, а сама хозяйка, опытнымъ взглядомъ окидывающая столъ и исправляющая его недостатки и поспѣшно, иногда гнѣвно, но все, однако, тихо и шепкомъ отдающая приказанія... Чудное, поэтическое зрѣлище, увѣряю васъ. Приготовляется какая-то торжественность. И вотъ наконецъ часа въ 3 пополудни эта торжественность открывается. Слуга съ водкой въ рукахъ об-

ходитъ гостей, и вслѣдъ за тѣмъ зовутъ кушать. Не подумайте, чтобы мѣстничество, которое такъ сильно осуждали, надъ которымъ такъ много смѣялись и смѣются, было совершенно уничтожено, — совсѣмъ нѣтъ! оно живетъ, не только здѣсь, въ этой скромной жизни, но и тамъ, что называютъ высшимъ свѣтомъ: и тамъ никогда не случится, чтобъ гостья незначительная помѣстилась подлѣ хозяйки, а болѣе важная — дальше отъ нея.

Званый обѣдъ тянется чрезвычайно долго и состоитъ изъ безчисленнаго множества блюдъ, между которыми главную роль играютъ разнообразные и разнохарактерные соусы; но всякій такой обѣдъ непремѣнно заключается двумя условными пирожными: бламанже, какъ его называютъ здѣсь, и миндальнымъ. Послѣднимъ наполняются не только желудки, но и карманы обѣдающихъ родителей. Вина сохраняютъ ту же особенность въ своемъ вкусѣ, о которой мы уже упоминали. Съ недавняго времени вошло въ обычай ставить на столъ десертъ, какъ-то: три тарелки съ разными вареньями своего производства, и двѣ стеклянныя вазы: то съ дынями и арбузами, то съ яблоками и виноградомъ, смотря по времени года. Впрочемъ, нужно замѣтить, что десерта этого никогда не подаютъ за обѣдомъ и онъ ставится только лишь для одного украшенія. За обѣдомъ гости пресыщаются до nec plus ultra, и эта фраза какъ будто нарочно выдумана для настоящаго случая и идетъ сюда гораздо болѣе, нежели въ тѣхъ многочисленныхъ обстоятельствахъ, гдѣ употребляютъ ее знатоки латинскаго языка, единственно для того, чтобы показать свое знаніе. Послѣ обѣда мужчины снова садятся за карты, а дамы, напившись предварительно кофе, разъѣзжаются по домамъ.

Званые вечера съ закуской бываютъ какъ по случаю имянинъ, такъ и въ сикурсъ общественнаго удовольствія, когда одни собранія уже не удовлетворяютъ разыгравшихся рукъ, расплясавшихся ножекъ. Тогда кто-нибудь изъ первыхъ лицъ городка объявляетъ въ собраніи, что онъ намѣренъ дать вечеръ, и тутъ же приглашаетъ кого слѣдуетъ, а къ инымъ посылаетъ наканунѣ человѣка съ приглашеніемъ. За этимъ первымъ вечеромъ слѣдуютъ другіе, и этотъ первый служитъ какъ-бы мѣркой для всѣхъ другихъ: одни стараются, чтобы ихъ вечера были лучше, другіе, чтобы по крайней мѣрѣ не хуже. Главный вопросъ и здѣсь составляетъ музыка, и если вечеръ дается во время собранія, то, разумѣется, и музыка бываетъ та-же, въ противномъ же случаѣ призывается уже извѣстный намъ музыкантъ. На подобные вечера одѣваются съ неменьшею тщательностію, какъ и въ собраніе. Съѣзжаются часовъ въ 7 или 8. Но для хозяевъ дома подобный вечеръ стоитъ большихъ хлопотъ: вынимается старинное серебро, хрусталь, фарфоръ, сдается со строгою отчетностію одному изъ самыхъ опытныхъ слугъ; изъ залы для расширенія пространства, выносится излишняя мебель, ставятся на столы старинные серебряные подсвѣчники, въ простое время скрытые подъ спудомъ; даже снимается кисейный чехолъ съ бронзовой люстры, которая виситъ въ гостиной, и проч. Въ этотъ день зажигаются фонари у подъѣзда и лампа въ сѣняхъ, а сальныя свѣчи изгоняются изъ дома, какъ будто и духу ихъ не было никогда въ немъ слыхано, и развѣ только, по привычкѣ слугъ и отъ недосмотра или экономіи хозяйки, останутся двѣ сальныхъ свѣчи въ прихожей, которыя уныло мигаютъ и дремлютъ въ pendant своимъ товари-

щамъ по мѣсту дѣятельности. Чтобы придать еще болѣе эфекта и благовидности, или, лучше сказать, благоуханія своему празднику, во всѣхъ комнатахъ курится и курительными свѣчами, и курительной бумажкой, и даже амбре, поливаемымъ на раскаленную плиточку, такъ что при входѣ въ залу вы легко можете закашляться или по крайней мѣрѣ чихнуть. Хозяинъ и хозяйка стараются принять самую улыбающуюся, самую беззаботную физіономію. И вотъ наконецъ, часовъ въ 7 или 8 вечера, начинаютъ съѣзжаться гости. Хозяинъ встрѣчаетъ ихъ въ залѣ, хозяйка — въ гостиной; и вслѣдствіе этого, пока не соберется много гостей, въ залѣ сидятъ преимущественно мужчины, въ гостиной — дамы и дѣвицы; при этомъ вы замѣчаете, впрочемъ, что нѣкоторые изъ молодыхъ людей, преимущественно танцующихъ, проникаютъ въ гостиную, расшаркиваются, говорятъ съ дамами; другіе довольствуются только тѣмъ, что заглядываютъ въ гостиную, подходя къ двери, ведущей въ нее изъ залы, и потомъ быстро отъ нея удаляются, замѣчая, что обратили на себя вниманіе дамъ; третьи, наконецъ, очевидно избѣгаютъ гостиной и держатся самой уютной и отдаленной части залы. Въ это время кушаютъ чай; танцы еще не начались, въ карты не играютъ, и потому вы свободно можете видѣть все общество, всѣхъ членовъ семействъ. Но разговоръ какъ-то плохо клеится въ это время, какъ будто всѣ ждутъ, когда же кончится этотъ скучный съѣздъ и начнутся танцы или подадутъ карты. И вотъ наконецъ съ первымъ звукомъ смычка все женское общество переходитъ въ залу, быстро подлетаютъ къ нему кавалеры, ангажируя на французскую кадриль, и въ то же время все нетанцующее мужское поколѣніе около стѣнокъ про-

бирается въ гостиную и другія внутреннія комнаты, гдѣ появляются столы — каждый съ двумя свѣчами и двумя колодами картъ. Тогда вы съ удивленіемъ замѣчаете, какъ быстро отлетаетъ прежняя тишина и растетъ общій говоръ: значитъ, всякъ въ своей тарелкѣ и у своей цѣли. Тотъ же господинъ, который такъ робко и стѣсненно сидѣлъ въ залѣ, почти безмолвный и скучающій, дѣлается веселъ, разговорчивъ и самоувѣренно помѣщается за карточный столъ; та же дѣвица, которая такъ лѣниво и какъ бы нехотя разговаривала съ другою въ гостиной и почти не отвѣчала на учтивости кавалеровъ, проникавшихъ въ гостиную, здѣсь, въ залѣ, совершенно измѣняется, весело болтаетъ съ той же дѣвицей, и кокетливо любезничаетъ съ тѣмъ же молодымъ человѣкомъ.

Танцы здѣсь идутъ такимъ же порядкомъ, какъ и въ собраніи. И хотя танцовать — это высшее удовольствіе для всѣхъ дѣвицъ и нѣкоторыхъ молодыхъ людей городка, но любезный и обязательный хозяинъ желаетъ сдѣлать свой вечеръ веселѣе, шумнѣе и разнообразнѣе, и такъ какъ подобные званые вечера бываютъ преимущественно во время Святокъ, то въ танцовальную залу допускаются маски и просто ряженые, какъ говорится здѣсь. И вотъ вдругъ среди танцевъ является человѣкъ двѣнадцать наряженыхъ. Въ костюмѣ ихъ преобладаютъ слѣдующіе матеріалы: ситецъ, картонъ, и цвѣтная бумага. На каждомъ изъ нихъ надѣта сверхъ плисовыхъ шароваръ, ситцевая рубашка, иногда съ бумажными эполетами; а головы украшены сдѣланными изъ картона, самыхъ разнообразныхъ и затѣйливыхъ формъ, касками, шишаками, или, лучше сказать, колпаками, увѣшанными погремушками и вырѣзками изъ цвѣтной бумаги. Одинъ или двое изъ этой толпы отли-

чены нѣсколько въ своемъ костюмѣ — какимъ-нибудь фантастическимъ кафтаномъ, обшитымъ тою же цвѣтной бумагой, или изуродованной огромной чалмой съ павлиными перьями, и вооруженъ бубнами, гармоникой, торбаномъ и т. п. Всѣ эти картонные рыцари, остановившись по срединѣ залы, поютъ разныя пѣсни, подъ звуки которыхъ одинъ или двое изъ нихъ пляшутъ весьма бойко и замысловато, по видимому, по русски, но съ какимъ-то особеннымъ, можетъ быть, татарскимъ оттѣнкомъ. То они попрыгаютъ на одномъ мѣстѣ въ кадансъ пѣснѣ, то прискочатъ на одной ногѣ, приподнимутъ лѣвую и подшибутъ ее правою, то пройдутъ бокомъ среди образовавшагося около нихъ кружка, бодро подпершись и искусно пристукивая каблуками, то вдругъ пустятся въ присядку, и т. д. Потомъ всѣ пѣвцы садятся на полъ въ два ряда одинъ противъ другого и, изображая собою гребцовъ, начинаютъ пѣть хоромъ съ разными пантомимами извѣстную русскую пѣсню: „Внизъ по матушкѣ по Волгѣ.“ Вокругъ этихъ плясуновъ въ залѣ тотчасъ же, по ихъ приходѣ, образовался двойной рядъ слушателей и зрителей, состоящій изъ мужчинъ и дамъ. У послѣднихъ, однако, это зрѣлище не вызываетъ сочувствія, но напротивъ, находитъ строгое осужденіе.

— Quelle idée! говоритъ одна дѣвица, съ весьма изнѣженными и томными движеніями, другой, которую нельзя отличить никакимъ описаніемъ: — на званый вечеръ созвать эту толпу, которая раздираетъ уши своимъ пѣніемъ и топаньемъ!

— Не говорите, ma chère. Это у насъ только и бываетъ: этого нельзя встрѣтить ни въ одномъ обществѣ. Это ужасъ!

И, взглянувъ еще разъ на пѣвцовъ и плясуна,

эти дѣвицы отходятъ отъ толпы и, продолжая свой критическій разговоръ, дѣлаютъ тура два по залѣ и потомъ, привлеченные какой-то новой выходкой плясуна, снова присоединяются къ толпѣ.

— Вамъ не надоѣло смотрѣть на это? спросила ихъ вскорѣ еще новая дѣвица, чрезвычайно живая и говорливая, которая никогда не отдыхала послѣ танцевъ, но, подхвативъ подъ руку какую-нибудь изъ своихъ пріятельницъ, пускалась ходить по комнатамъ до новаго танца.

— Полно же, Mesdames, какъ это вамъ не прискучило. Пойдемте ходить! А вѣдь пресмѣшно пляшетъ! прибавила она, пріостанавливаясь.

— Точно волчокъ... не правда ли?

И, не ожидая отвѣта, она увлекла за собою двухъ дѣвицъ, разговоръ которыхъ мы только что передали.

— Да-съ, вотъ общество, вотъ удовольствія! обратился къ нимъ съ такой рѣчью молодой человѣкъ, только что отдѣлившійся отъ толпы зрителей. Званый танцовальный вечеръ — и подобныя зрѣлища, въ залѣ, гдѣ танцуютъ, поютъ и пляшутъ въ рубашкахъ! Какое смѣшеніе одеждъ и лицъ, французскаго съ нижегородскимъ! какъ говоритъ Пушкинъ.

Но — бѣдный молодой человѣкъ! — онъ, вѣроятно, никакъ не предполагалъ, что онъ-то самъ и могъ служить самымъ лучшимъ выраженіемъ этого смѣшенія французскаго съ нижегородскимъ.

— Monsieur N! пожалуйте сюда! говорила дама съ претензіями на самый столичный тонъ, подзывая къ себѣ еще весьма молодого человѣка, который по этому призыву мгновенно подлетѣлъ къ ней, какъ будто подкатился на лыжахъ. — И вамъ пріятно

слушать это?.. причемъ, въ поясненіе, дама сдѣлала многозначительное движеніе рукою и еще болѣе многозначительную гримасу. — Вамъ не кажется, что это въ высшей степени mauvais genre?..

— Нѣтъ, Madame, напротивъ, я нахожу, что это съ большимъ шикомъ! отвѣчалъ молодой человѣкъ, весьма довольный своимъ остроуміемъ.

— Oh, comme vous êtez caustique, Monsieur! Это дѣлаетъ вамъ честь, но сядьте лучше возлѣ меня: поговорите со мной, если хотите, конечно... И еще болѣе многозначительный взглядъ упалъ изъ глазъ дамы на молодого человѣка.

— Помилуйте, Madame, я почту за счастіе!.. Позвольте васъ ангажировать на французскую кадриль?

Совершенно другое впечатлѣніе производилъ хоръ пѣсенниковъ и плясуновъ на болѣе пожилое мужское поколѣніе города.

— Каково отхватываютъ? спрашивалъ зеленый фракъ, обращаясь къ стоящему съ нимъ рядомъ черному сюртуку, который, широко разставивъ ноги и спустивъ руки въ карманы своихъ панталонъ, по видимому, совершенно поглощенъ былъ звуками пѣсни и только подергивалъ плечами, приподнималъ брови и подмигивалъ лѣвымъ глазомъ. — Каково отхватываютъ-то, я тебѣ говорю? продолжалъ зеленый фракъ. — Вѣдь просто, братецъ, заливаются. А запѣвало? каковъ голосина! Знаю я тебя, голубчикъ! прибавилъ онъ, обращаясь къ запѣвалѣ и грозя ему пальцемъ, на что послѣдній отвѣтилъ веселой и вмѣстѣ глупой улыбкой.

— Важно поютъ! сказалъ черный сюртукъ, выслушавъ пѣсню до конца и еще выше приподнявъ плечи, а съ ними вмѣстѣ брови, и еще хитрѣе мигнулъ.

— Нѣтъ, а ты вотъ посмотри, какъ онъ пляшетъ: такъ ужъ я тебѣ доложу. Да вотъ смотри, смотри: пошелъ. Вишь ты, какіе артикулы выкидываетъ! а вотъ, смотри, козыремъ пошелъ: вонъ какъ козыряетъ. Въ присядку?... Ахъ ты, балаганщикъ! скажи пожалуста!...

Между зрителями и слушателями были даже такіе восторженные дилеттанты, которые во время пѣнія подтягивали хору, а при пляскѣ ясными жестами означали свое сочувствіе. Вы замѣтили бы одного старичка, который, опустивъ нѣсколько внизъ и въ то же время согнувъ на сторону свою голову и подперши руки въ бока, выдѣлывалъ ногами разныя па въ кадансъ пѣснѣ.

— Что, братъ Кузьмичъ, полюбилось, что ли?

— Да ужъ такъ-то полюбилось, что и сказать не умѣю. Въ старинные года и мы умѣли плясать на славу! Показалъ бы я вамъ.

— А нельзя ли теперь? повесели.

— Да вѣдь какъ, голубчикъ, вотъ модницы-то увидятъ, зубоскалки-то осудятъ.

— Нѣтъ, ничего: ступай, небойсь! А хочешь, вотъ погоди, спросимъ хозяина и съ барынями поговоримъ.

Здѣсь, чтобы объяснить послѣдующую за симъ сцену, мы считаемъ необходимымъ сдѣлать небольшое отступленіе и обрисовать личность Кузьмича, или, иначе, Евграфа Кузьмича. Намъ удавалось замѣтить въ иныхъ городкахъ весьма оригинальныя личности, которыя безспорно принадлежали къ обществу, совершенно, впрочемъ, отдѣляясь отъ него. Они представляютъ собою нѣчто въ родѣ паразитовъ. Евграфъ Кузьмичъ принадлежалъ къ этому разряду. Онъ знаетъ весь городъ, и, наоборотъ,

все городское народонаселеніе знаетъ Евграфа Кузьмича. Но послѣднее знаетъ его хуже, нежели онъ первое. Кто такой Евграфъ Кузьмичъ, какого онъ происхожденія, чѣмъ онъ существуетъ, какъ попалъ въ этотъ городокъ — все это извѣстно весьма смутно, по преданію. Носятся слухи, что Евграфъ Кузьмичъ служилъ когда-то въ военной службѣ и кончилъ свою карьеру съ чиномъ прапорщика; но справедливо ли это — никто не поручится; да и какое кому до этого дѣло! Когда попалъ Евграфъ Кузьмичъ въ городъ и зачѣмъ онъ живетъ здѣсь, а не въ другомъ городѣ — это также неизвѣстно. Кажется, какъ будто онъ никогда и не разставался съ настоящимъ мѣстомъ жительства. Евграфъ Кузьмичъ — необходимая принадлежность всякаго сборища городскаго общества, по какой бы то ни было причинѣ, — необходимая въ томъ смыслѣ, какъ необходимо кресло, которое хозяинъ дома привыкъ видѣть въ извѣстномъ углу своей гостиной и которое могло быть вынесено или замѣнено другимъ безъ всякаго ущерба въ удобствѣ или красотѣ меблировки. Евграфъ Кузьмичъ являлся свободно всюду и вездѣ находилъ если не радушный, то и не холодный пріемъ. Впрочемъ, онъ не любитъ бесѣды у скромнаго, домашняго очага и никогда почти не является въ домъ въ обычное время, но зато ни одно собраніе, ни одинъ торжественный случай не обходится безъ него. Къ имяниннику и имянинницѣ онъ первый приходитъ съ поздравленіемъ; на званый обѣдъ, на вечеръ онъ является прежде всѣхъ и уходитъ послѣдній, а иногда даже и ночуетъ въ томъ домѣ, гдѣ совершалось торжество, въ которомъ онъ принималъ сильное участіе. Въ собраніе онъ входитъ также свободно и безъ платы. Съ Евграфомъ Кузь-

мичемъ никто себя не стѣсняетъ: говоритъ что ему угодно, спокойно объясняется о своихъ домашнихъ дѣлахъ, потому что всякій считаетъ его за человѣка самаго безвреднаго и незлорѣчиваго. Съ своей стороны и Евграфъ Кузьмичъ нисколько и нигдѣ себя не стѣсняетъ, всюду входитъ безъ зва, держитъ себя непринужденно, садится на любой стулъ, но между прочимъ нисколько не интересуется и не вмѣшивается въ чужія дѣла. За это, можетъ быть, между прочимъ Евграфа Кузьмича и любитъ весь городъ, за это, можетъ быть, многіе и позволяютъ себѣ обижать бѣдняка, посмѣяться надъ нимъ, потѣшиться на его счетъ. Евграфъ Кузьмичъ бываетъ не только у городскихъ жителей, но и въ уѣздѣ у помѣщиковъ, по случаю имянинъ и прочихъ тому подобныхъ торжествъ, когда къ помѣщику собирается весь городъ. Если помѣщикъ живетъ не такъ далеко, Евграфъ Кузьмичъ отправляется къ нему просто пѣшкомъ, въ противномъ же случаѣ прицѣпляется къ какому-нибудь экипажу, отправляющемуся туда же въ гости, помѣщается на козлахъ, даже на запяткахъ. Вездѣ обращаются съ Евграфомъ Кузьмичемъ одинаковымъ образомъ. Вотъ, напримѣръ, онъ сидитъ у карточнаго стола и даетъ совѣты одному изъ игроковъ. Совѣтъ Кузьмича удаченъ, и игрокъ, въ знакъ благодарности, говоритъ ему: „спасибо, спасибо, Кузьмичъ, молодецъ!“ и гладитъ его по лысой головѣ, прищипывая волосы гдѣ-нибудь за ушами или на затылкѣ. Но вотъ совѣтъ Евграфа Кузьмича неудаченъ, и раздосадованный игрокъ цѣлой колодой даетъ Кузьмичу сильнаго туза. Онъ никогда почти не обижается, но часто сердится и бранится. Евграфа Кузьмича можно попросить подать трубку, стаканъ воды, и онъ въ отвѣтъ на эту

просьбу весьма часто и нецеремонно скажетъ: „Вишь ты, а самому-то лѣнь двинуться съ мѣста!“ впрочемъ, просьбу всегда охотно исполнитъ. Полное раздолье Кузьмичу тогда, когда соберется одна только мужская компанія безъ участія дамъ, и когда она войдетъ въ веселое расположеніе духа или подкутитъ порядкомъ. „Эй, Кузьмичъ! спой, голубчикъ, пѣсенку, да смотри веселую!“ и онъ начинаетъ пѣть, своимъ дребезжащимъ голосомъ, какую-нибудь забавную пѣсню, въ родѣ слѣдующихъ:

За горами, за долами
Бонапарте съ плясунами, и т. д.

или:

Ѣхалъ козелъ по воду,
Подвязавши бороду,

или наконецъ слѣдующую, весьма употребительную и въ деревняхъ:

Пошла я, Дуняша, во Марково въ гости,
Дали Дуняшѣ двѣ кирби съ десяткомъ,
Выпряла Дуняша два просня съ запрядкомъ;
Пошла я, Дуняша, бердо промышляти:
Дали Дуняшѣ бердишко въ три зубишка.
Выткала Дуняша не холстъ, не рогожу;
Пошла я, Дуняша, холстикъ мочити,
Холстикъ не взмочила, рѣчку подсушила.

Къ этой пѣснѣ всего замысловатѣе припѣвъ, который поется послѣ каждой строчки:

Бирби брали, бирби ленъ,
Шихирь, михирь, матришонъ.

Пропѣвъ одну изъ такихъ пѣсенокъ, Кузьмичъ прибавлялъ, тоже на распѣвъ:

Ѣдетъ чижикъ въ лодочкѣ въ генеральскомъ чинѣ —
Не выпитъ ли водочки по этой причинѣ?
Ѣдетъ чижикъ на другой —
Не выпить ли по другой?

Послѣ чего онъ и дѣйствовалъ согласно этой пѣсенкѣ, какъ хорошій оперный пѣвецъ. Часто, увлекаясь веселой пѣснью, Кузьмичъ пускался плясать подъ нее. И дѣлалъ онъ все это не изъ угожденія публикѣ, не для того, чтобы потѣшить другихъ, но по собственному побужденію. Евграфъ Кузьмичъ — натура въ высшей степени веселая и разгульная, не знающая ни скуки, ни унынія.

Познакомившись такимъ образомъ съ личностію Евграфа Кузьмича, вы легко поймете то восторженное состояніе, въ которое пришелъ онъ, слушая пѣсни и любуясь плясками переряженной толпы; вы также вполнѣ допустите возможность того предложенія, которое сдѣлали ему: проплясать предъ всей публикой, собравшейся на званый вечеръ. Евграфъ Кузьмичъ былъ готовъ показать свое искусство; онъ не зналъ только, будетъ-ли это умѣстно въ настоящемъ случаѣ. Но мужское общество успѣваетъ доказать хозяину, что ужъ если позволилъ онъ неизвѣстнымъ маскамъ плясать на званомъ вечерѣ, то, конечно, домашнему знакомому это будетъ гораздо приличнѣе и для общества пріятнѣе. Хозяинъ не только убѣдился этими доводами, но еще самъ побѣжалъ предувѣдомить дамъ, что теперь будетъ плясать Кузьмичъ, и поощрялъ его не конфузиться. „Да ужъ не безпокойтесь, и старъ, да удалъ!“ отвѣтилъ Евграфъ Кузьмичъ, приподнялся на носкахъ, опустился на каблуки, щолкнулъ однимъ о другой и пошелъ выдѣлывать такія штуки ногами, что „хоть бы и на театрѣ, такъ въ пору“, какъ выразился одинъ изъ зрителей. „Ай, да Евграфъ Кузьмичъ! Браво, молодецъ! Ну-ка, ну-ка еще! Вотъ такъ, вотъ такъ!“

Такъ похваливали со всѣхъ сторонъ мужчины, восхищенные пляскою Евграфа Кузьмича. Послѣдній,

одушевившись еще болѣе и ободренный криками восторга, пришелъ въ совершенный экстазъ и, вырвавшись изъ окружавшей его толпы, началъ кружиться по всей залѣ, задѣвалъ за столы, стулья, ронялъ ихъ, падалъ самъ, снова вскакивалъ, махалъ платкомъ, который какъ-то очутился у него въ рукахъ, и снова выдѣлывалъ ногами уму-непостижимыя штуки, наконецъ, совершенно выбившись изъ силъ, бросился на первый попавшій стулъ и, опустивъ руки и вытянувъ ноги, смотрѣлъ на всѣхъ своими мутными, слезящимися глазами.

— Что за сцены здѣсь дѣлаются! сказала знакомая намъ дама съ претензіями на высшій тонъ, поднимая плечи къ небу, а глаза на извѣстнаго уже намъ Monsieur N.

— Это ужъ и не сцены, отвѣчалъ послѣдній:— это хуже всякаго парижскаго карнавала!

А между тѣмъ и первая и второй отъ души смѣялись надъ оригинальнымъ плясуномъ.

Жизнь городка чрезвычайно тѣсна и однообразна: общихъ интересовъ она почти не имѣетъ; общественныя удовольствія его весьма бѣдны и опять однообразны; эстетическихъ зрѣлищъ, развивающихъ и облагораживающихъ вкусъ, публика такого городка совсѣмъ не встрѣчаетъ: ея смѣхъ, или ея сочувствіе, возбуждается только какимъ-нибудь случаемъ изъ частной жизни. Вслѣдствіе этого-то однообразія, скучающая публика и находитъ иногда интересъ въ такихъ зрѣлищахъ, каково сейчасъ нами разсказанное. Но между тѣмъ, смотря на нихъ, она въ то же время сознаетъ ихъ пошлость. Однако, это сознаніе всегда оскорбительно для самолюбія самой публики; хотя она изрѣдка и посмѣивается надъ своими смѣшными сторонами, но глубоко оскор-

бляется, если ихъ замѣтитъ постороннее лице. Впрочемъ, всѣ эти выводы для насъ дѣло почти постороннее, и потому мы поспѣшимъ продолжать свой разсказъ.

— Важно, Кузьмичъ, славно! Онъ давно эдакъ не отличался! говоритъ хозяинъ вечера. — Это для меня: спасибо! А что, вѣдь славный вечерокъ вышелъ: всего вдоволь, всѣмъ весело. Чего еще больше? Правда-ли, господа?

— Да ужъ ты, братъ, мастеръ на это; за тобой не утягаешься! отвѣчаетъ одинъ изъ гостей.

— Помилуйте! говоритъ другой.

— Назвалъ всякой сволочи, да и хвастаетъ! шепчетъ третій на ухо четвертому.

— Да онъ такъ и звалъ меня къ себѣ, возразилъ послѣдній: — пріѣзжайте — говоритъ — ко мнѣ въ пятницу, у меня — говоритъ — весь городъ будетъ, встрѣчнаго — говоритъ — и поперечнаго буду звать, такъ пріѣзжайте — говоритъ — и вы непремѣнно. Весьма — говорю — пріятно! а самъ и думаю: очень, молъ, весело у тебя будетъ, какъ весь городъ соберется.

— А вотъ, я вамъ доложу, уморительно! говорилъ, почтительно подходя къ хозяину, какой-то изветшалый фракъ. — Здѣсь по городу, этого... комедія ходитъ, такъ ужъ доложу вамъ: уморительно! у меня были: насмѣшили-съ, гривенникъ далъ, нельзя, этого... уморительно! Вотъ бы изволили позвать! позабавятъ ужъ, нечего сказать!

— Да что же это такая за комедія? кто же представляетъ-то, и что такое?

— Помилуйте, да неужели не изволите знать? Это почти каждыя Святки бываетъ: грамотные мѣщане, знаете-ли, этого... ну, да мальчишки какіе

возьмутъ, этого... какую-нибудь комедію, что ли, какую, или стихи, да ихъ и представляютъ!

— А знаю, знаю, братецъ! сейчасъ-же пошлю. Спасибо, что напомнилъ.

И дѣйствительно, чрезъ полчаса или чрезъ часъ комедія является. Хозяинъ дома предъувѣдомляетъ объ этомъ своихъ гостей; конецъ залы, прилежащій къ прихожей, освобождается для сцены. Выходитъ какой-то господинъ, называющій себя офицеромъ и одѣтый въ страшно-затасканный сюртукъ, съ саблей безъ ноженъ, заткнутой за поясъ. Въ рукахъ у него большой черный шерстяной платокъ. Размахивая этимъ платкомъ, офицеръ начинаетъ декламировать и говоритъ нараспѣвъ:

Гляжу, какъ безумный, на черную шаль,
И хладную душу терзаетъ печаль.
Когда легковѣренъ и молодъ я былъ,
Гречанку младую я страстно любилъ.

При послѣднихъ словахъ изъ прихожей выходитъ новое лице. — Это — мужчина въ женскомъ платьѣ. Голова его повязана клѣтчатой косынкой; плохо выбритые усы и черезъ-чуръ красное лице составляютъ поразительный контрастъ съ женскимъ кисейнымъ платьемъ, изъ-подъ котораго виднѣются давно-нечищеные сапоги. Вы догадываетесь, что это гречанка. Она садится на стулъ; передъ нею на колѣни становится офицеръ и съ особеннымъ энтузіазмомъ говоритъ ей:

Ваши глазки — два алмаза,
Губки — пламенный кораллъ;
Шейка — жемчугъ и опалъ
Щечки — яхонтъ въ дымкѣ газа;
Сердце жъ, вѣрно, не гранитъ.

Въ отвѣтъ на это гречанка нѣсколько хриплымъ и сиповатымъ голосомъ поетъ:

Ненаглядный ты мой,
Какъ люблю я тебя!
Взоръ плѣнительный твой
Сожигаетъ меня.

Пропѣвъ это четырехстишіе, гречанка уходитъ, и офицеръ, сказавъ: „о, какъ я счастливъ, несчастный!“ начинаетъ плясать, въ изъявленіе своего полнаго восторга, потомъ растворяетъ дверь въ прихожую и говоритъ: „Однажды я позвалъ веселыхъ гостей. Господа гости, пожалуйте сюда.“ И вслѣдъ за тѣмъ сцена наполняется самыми разнохарактерными костюмями, отъ синей чуйки до стараго фрака и отъ сюртука до дубленаго полушубка. Тогда офицеръ обращается къ хозяину дома и съ выразительной улыбкой говоритъ ему: „что же, сударь, водочки-то гостямъ, пожалуйте.“

— Изволь, изволь, любезный, только представляйте хорошенько.

Выпивъ по рюмкѣ водки, офицеръ и гости начинаютъ пѣть весьма нескладнымъ хоромъ:

Гдѣ друзья минувшихъ дней,
Гдѣ гусары коренные? и проч.

Вдругъ среди этой пѣсни, изъ дверей выскакиваетъ по ходу дѣла, вѣроятно, еврей, въ которомъ, впрочемъ, жидовскаго только развѣ одна ермолка; а въ черномъ его кафтанѣ вы, съ большою вѣроятностію, заподозрили бы спальный женскій капотъ. Роль свою этотъ пародированный сынъ Израиля началъ съ того, что пустился плясать подъ слѣдующую пѣсню, которая начиналась такъ:

Якъ пріѣхавъ въ Золниръ
Дожидавъ аренду.
Лядзиръ ду, лядзиръ ду
Шинцемъ краверъ, минценъ биръ,
Шини, мини, канцеръ міръ.

Вѣроятно, это какой-нибудь особенный жидовскій языкъ. Кончивъ свою пѣсню и пляску, еврей подкрадывается къ офицеру и говоритъ ему:

Съ тобою пируютъ, шепталъ онъ, друзья,
Тебѣ жъ измѣнила гречанка твоя.

Офицеръ вздрагиваетъ, выхватываетъ изъ за пояса свою саблю, замахивается ею на жида, потомъ бьетъ себя въ грудь, кидаетъ еврею кожаный мѣшочекъ, въ которомъ лежало злато, звучащее, впрочемъ, весьма похоже на мѣдь, и восклицаетъ:

Я далъ ему злата и проклялъ его.

— Но гдѣ жъ мой вѣрный деньщикъ? Иди, иди скорѣе... но нѣтъ отрады!... я убиваю себя!

И онъ замахивается саблей.

— Остановись! ты идешь на вѣрнѣйшую опасность! говоритъ, какъ по писанному, неожиданно явившійся деньщикъ.

— Сѣдлай же скоряе коней.

Мы вышли. Я мчался на борзомъ конѣ —

продолжаетъ офицеръ и уходитъ со сцены за кулисы, т. е. въ прихожую.

На мѣсто его оттуда же выходятъ уже знакомая намъ гречанка и армянинъ въ ситцевомъ халатѣ и чалмѣ изъ зеленаго платка. Эта курьезная пара начинаетъ любезничать, армянинъ подчуетъ гречанку орѣхами, та предлагаетъ ему затянуться трубкой. Въ это время входитъ офицеръ, декламируя:

Вхожу въ отдаленный покой я одинъ...
Невѣрную дѣву лобзалъ армянинъ.
Не взвидѣлъ я свѣта, булатъ загремѣлъ...

и вслѣдъ за тѣмъ, съ обнаженною саблею, бросается онъ на счастливцевъ, спокойно щелкающихъ орѣшки, и тѣ, не давъ ему еще подойти къ себѣ и кос-

нуться до нихъ своимъ булатомъ, оба падаютъ на полъ.

Скончать поцѣлуя злодѣй не успѣлъ!

говоритъ торжественно и въ заключеніе храбрый витязь, указывая на лежачихъ на полу армянина съ гречанкой.

Потомъ, съ помощію своего деньщика, онъ, не безъ усилій, выноситъ въ прихожую обѣ свои жертвы и, снова являясь на сцену, говоритъ, обращаясь къ зрителямъ:

— Теперь не будетъ ли милости, господа?..

— Да что же, братъ, не кончаешь? Тутъ еще говорится въ стихахъ, какъ онъ тамъ ихъ въ Дунаѣ топилъ да саблю обтиралъ шалью; а ты чтожъ этого не представлялъ? спросилъ одинъ изъ гостей.

— Да ужъ тутъ пойдетъ все неподходящее. Какже тутъ рѣку-то представишь? вѣдь мы безъ декораціевъ представляемъ.

Впечатлѣніе, произведенное этимъ зрѣлищемъ на общество, было подобно тому, которое мы замѣтили послѣ сцены съ ряженными и Евграфомъ Кузьмичемъ. Пожилое мужское поколѣніе оставалось довольно, находило, что „представляли хорошо и какъ все это мастерски подведено; конечно, платье не такъ хорошо, да можно ли и требовать: вѣдь не настоящіе же въ самомъ дѣлѣ актеры, а такъ только, по своей охотѣ играютъ.“ Женское поколѣніе было совершенно иного мнѣнія: оно чрезвычайно оскорблялось, что на званомъ вечерѣ были допущены подобныя зрѣлища. Дама съ претензіями на высокій тонъ замѣтила, что это до такой степени нелѣпо и пошло, что она ужъ и не знаетъ, съ чѣмъ это сравнить... Monsieur N сказалъ, что, по его мнѣнію, эти паясы не комедію представляли, а комедь ломали. Эта

замѣтка показалась дамѣ съ претензіями на высокій тонъ чрезвычайно остроумною и глубокомысленною, вслѣдствіе чего она и поздравила Monsieur N съ большой наблюдательностію и необыкновеннымъ юморомъ.

— Эти сцены достойны наблюденія и юмора! возразилъ самодовольно молодой человѣкъ.

Кромѣ приведенной нами импровизированной драмы, эта странствующая труппа разыгрываетъ цѣлыя дѣйствія изъ „Филатки," „Мѣльника" и „Сбитеньщика" или олицетворяетъ анекдоты, сказки и т. п.

Послѣ этихъ веселыхъ антрактовъ танцы снова возобновляются и, какъ водится, по обычаю, оканчиваются мазуркой. Пышный ужинъ, съ приборами для каждаго гостя, или попроще — въ видѣ закуски, гдѣ всѣ яства ставятъ въ одинъ рядъ на столъ, а тарелки, вилки, ножи и ложки стоятъ и лежатъ цѣлыми кучами, заключаетъ вечеръ, и посѣтители разъѣзжаются по домамъ веселые и довольные, но смѣющіеся надъ самими собою и порицающіе самихъ себя.

— Кажется, все было хорошо? спрашиваетп хозяинъ вечера, смотря на свою супругу.

— Чего же еще болѣе! отвѣчаетъ она

— И весело, кажется, было. Танцовали много! и ужинъ хорошъ.

— Да, посмотримъ, кто лучше нашего сдѣлаетъ

Теперь не хотите ли вы посмотрѣть на званный вечеръ безъ ужина. Эти вечера бываютъ по случаю имянинъ второстепенныхъ членовъ семейства, а иногда и въ ряду вечеровъ въ собственномъ смыслѣ, т. е. съ танцами и ужиномъ, когда какой-нибудь экономный членъ общества не желаетъ дѣлать большихъ расходовъ. На этихъ вечеринкахъ

танцы не есть необходимое и обязательное условіе; а такъ какъ зовъ — великое дѣло, то вообще стараются избѣгнуть формальнаго приглашенія на такіе вечера чрезъ слугъ, и зовутъ какъ бы мимоходомъ, встрѣчаясь гдѣ-нибудь въ гостяхъ у другихъ; если же посылаютъ человѣка, то строго ему наказываютъ: звать на чай, а не на вечеръ. Мы сказали уже, что танцы не составляютъ необходимости на этихъ вечерахъ, и если они бываютъ, то какъ роскошь, какъ претензія доставить полное удовольствіе гостямъ: фортепьяно, на которомъ умѣетъ бренчать французскую кадриль хозяйка или ея дочь, или извѣстный уже намъ скрипачъ, составляютъ вполнѣ достаточный оркестръ для этихъ танцевъ. Гости наряжаются для такого вечера гораздо проще, съѣзжаются раньше, но начинаютъ его точно такъ же, какъ и вечеръ съ ужиномъ, т. е. дамы сначала усаживаются въ гостиной, мужчины въ залѣ; потомъ происходятъ извѣстная уже намъ сортировка и раздѣленіе: дамы переходятъ въ залу и начинаютъ танцовать, мужчины усаживаются играть въ карты. Но танцы подъ дребезжащій и невѣрный звукъ фортепьяно, или подъ визгливый пискъ скрипки, скоро надоѣдаютъ: танцоры неохотно принимаются за нихъ, лѣниво двигаютъ свои ноги и очевидно пренебрегаютъ этой пародіей на удовольствія собранія.

— Не лучше ли поиграть намъ въ фанты? спрашиваетъ предупредительная дочь хозяйки.

— Вотъ еще что вздумала! какое удовольствіе! говорятъ полу-шепотомъ или думаютъ про себя дѣвицы, но, впрочемъ, охотно, по видимому, соглашаются на предложеніе.

Игра въ фанты здѣсь чрезвычайно разнообразна и имѣетъ множество весьма оригинальныхъ названій.

То, напримѣръ, всѣ играющіе садятся въ кружокъ и передаютъ одинъ другому серебряный рубль; одинъ, стоящій среди этого круга, долженъ искать рубль, и тотъ, у кого найдетъ его, обязанъ заплатить фантъ и замѣнить отыскивающаго. Эта игра называется: пошелъ рубль. То всѣ игроки берутся руками за веревочку, на которой надѣто кольцо, такъ же, какъ рубль, передаваемое изъ рукъ въ руки и отыскиваемое однимъ изъ играющихъ. Это называется играть въ веревочку... Нужно ли говорить, что въ этихъ играхъ молодой человѣкъ, симпатизирующій которой-нибудь изъ дѣвицъ, успѣваетъ всегда помѣститься рядомъ съ нею, и какъ часто его рука безъ нужды касается ея руки, и какъ въ это время принужденная, беззаботная улыбка прикрываетъ истинныя чувства владѣтелей этихъ дружескихъ рукъ, и какъ искренняя, непритворная краска покрываетъ ихъ лица?.. Нѣтъ, объ этомъ не нужно говорить: здѣсь секретъ, хотя и давно всѣмъ извѣстный и не хитрый, но все-таки секретъ!.. Играютъ также въ сосѣди, когда всѣ разсаживаются попарно и спрашиваютъ другъ друга: „довольны-ли вы своимъ сосѣдомъ?“ до тѣхъ поръ, пока одинъ не скажетъ: „всей деревней не доволенъ!“ и тогда всѣ бросаются перемѣнять свои мѣста; или въ цвѣта, когда каждый изъ играющихъ называетъ себя какимъ-нибудь цвѣтомъ: зеленымъ, желтымъ, фіолетовымъ и проч.; или въ дамскій туалетъ, когда въ дѣло идутъ уже не цвѣта, но названія различныхъ приборовъ этого туалета: гребенки, помада, духи, чулки, подвязки и проч., и когда эти приборы поочередно выходятъ, по требованію одного изъ играющихъ, до тѣхъ поръ, пока барыня не потребуетъ весь туалетъ, вслѣдствіе чего и гребенки, и помада, и подвязки, и баш-

маки приходятъ въ движеніе, смѣшиваются въ кучу, зацѣпляютъ другъ друга и часто падаютъ. Нѣкоторыя игры особенно возбуждаютъ собою общую веселость и даютъ просторъ и поводъ остроумію. Такова, напримѣръ, игра въ кухню. Здѣсь каждая дѣвица и каждый молодой человѣкъ называютъ себя одною изъ принадлежностей кухни: ухватомъ, кочергой, кострюлей, чумичкой, сковородникомъ; а самый остроумнѣйшій изъ нихъ, указывая на носъ, губы, уши и т. п., спрашиваетъ: что это? и кочерга, напримѣръ, непремѣнно должна отвѣчать, что это — кочерга, а судомойка, что это — судомойка. Дѣло тутъ въ томъ, чтобы не засмѣяться при подобныхъ отвѣтахъ и не назвать носа — носомъ, уши — ушами, и пр., но отвѣчать на всѣ вопросы только тѣмъ названіемъ, которое приметъ на себя спрашиваемое лице, а спрашивающій обязанъ сколько возможно болѣе смѣшить. При этомъ надобно замѣтить, что часто въ этой игрѣ участвующіе чрезвычайно удачно выбираютъ себѣ имена, характеризующія ихъ особы и представляющія сходство поразительное, хотя и отдаленное... а ужъ объ искусствѣ возбуждать смѣхъ выборомъ предметовъ, о которыхъ спрашивается: что это? и говоритъ нечего...

Въ томъ же родѣ игра — запертъ постоялый дворъ. Въ ней раздаются карты играющимъ, и тотъ, кому попадется червонный тузъ, объявляетъ что постоялый дворъ запертъ, т. е что всѣ лишаются права не только говорить, но даже и улыбаться, кромѣ его одного, имѣющаго еще особенную обязанность смѣшить всѣхъ другихъ, чтобы заплатили фантъ. Само собою разумѣется, что червонный тузъ большею частію отдается самому любезному, веселому и умѣющему смѣшить молодому человѣку, и

онъ напрягаетъ всю свою комическую способность, чтобы вызвать смѣхъ на уста крайне серьезныхъ на этотъ разъ дѣвицъ: разсказываетъ разныя смѣшныя исторіи, дѣлаетъ гримасы, спрашиваетъ иногда съ самой уморительной физіономіей: „что это у васъ, носикъ? или какой смѣшной носикъ, точно у пиголицы; или: „а гдѣ же вашъ язычокъ? что онъ — улетѣлъ? на березку улетѣлъ? гуль, гуль, полетѣли, полетѣли, да на березку и сѣли“ Послѣ такихъ и подобныхъ шуточекъ врядъ-ли кто удержится и не засмѣется. Но вѣдь не всѣ одарены этою способностью — умѣньемъ смѣшить; дѣвицы же особенно затрудняются, когда имъ попадается червонный тузъ. Тогда нерѣдко случается, что въ ихъ положеніи принимаютъ участіе родители и близкіе родные. Вотъ подходитъ къ играющимъ пожилой отецъ семейства, чтобы выкупить изъ затрудненія свою дочь съ червоннымъ тузомъ. „Что у васъ тутъ дѣлается?“ спрашиваетъ онъ, обращаясь къ одной изъ дѣвицъ, которая слыветъ за особенную хохотушу. Послѣдняя отвѣчаетъ ему однимъ киваніемъ головы, не желая проиграть фантъ; но ей не выдержать до конца своей серьезной роли: весельчакъ-отецъ семейства дѣлаетъ страшную гримасу, надуваетъ свое лицо, схватываетъ себя обѣими руками за бакембарды и смотритъ прямо въ лице охотницѣ смѣяться: та не выдерживаетъ и проигрываетъ фантъ. „Что, каково, насмѣшилъ!“ говоритъ самодовольно весельчакъ. — „Да это неправильно: вы не имѣете права смѣшить: это должны онѣ!“ возражаютъ всѣ играющія въ одинъ голосъ. „Этакъ вѣдь можно хоть кого насмѣшить! пожалуй.“ Да ужъ нечего, нечего — насмѣшилъ! — говоритъ весельчакъ. Но послѣ ухода его, дѣло владѣтельницы — червоннаго туза не поправляется и не

ладится; тогда мѣсто папеньки занимаетъ старуха-бабушка. Подкрадываясь потихоньку къ кружку играющихъ, она присѣдаетъ и высовываетъ изъ за стола свое морщинистое лице; неудержимый, уже общій смѣхъ бываетъ отвѣтомъ на эту выходку... Часто является на сцену и Евграфъ Кузьмичъ и, ради общаго смѣха, повертится и попрыгаетъ на одной ногѣ, пропоетъ: „кукареку!“ прихлопывая вмѣсто крыльевъ руками, и т. п.

Разъигрываніе фантовъ представляетъ также особенный интересъ и совершается въ весьма разнообразныхъ формахъ. Фанты собираются съ проигравшихъ въ видѣ колечекъ, серегъ, булавокъ и т. п. Всѣ они складываются въ глубокую тарелку; послѣдняя покрывается салфеткой, изъ-подъ которой и вынимаются они одною изъ безпристрастныхъ постороннихъ зрительницъ игры.

— Ну, Mesdames, какъ же мы будемъ разыгрывать фанты?

— А, вотъ, пусть скажетъ Monsieur N. Онъ большой на это выдумщикъ. Ну-съ. Кто фантъ вынетъ, что тому дѣлать?

— Статуей быть!

Вынимаютъ. Оказывается, что статуей быть приходится одной изъ дѣвицъ. Ее ставятъ на средину залы, и каждый изъ играющихъ долженъ подойти къ ней и перемѣнять, по своему произволу ея позицію. Здѣсь, въ этой игрѣ, выражается вкусъ общества въ пластическомъ искусствѣ. Эта статуя по волѣ одного протянетъ обѣ свои руки, какъ будто проситъ милости или пощады; по волѣ другаго она поднимаетъ обѣ руки вверхъ и граціозно изгибается всѣмъ тѣломъ, какъ будто приготовляется итти въ русскую пляску; но вотъ новый художникъ, остав-

ляя одну руку статуи поднятою, другую опускаетъ вдоль ея тѣла, а слѣдующій за нимъ дѣлаетъ изъ статуи подобіе русской буквы Ф. Конечно, надобно замѣтить, что съ этимъ живымъ и гибкимъ мраморомъ художницы обращаются гораздо смѣлѣе и свободнѣе, нежели художники, которые, зная нѣжное свойство этого матеріала, выражаютъ свою мысль только словами или самымъ легкимъ прикосновеніемъ руки. Напротивъ, если матеріалъ для осуществленія мысли художника является въ лицѣ не дамы, а мужчины, то послѣдніе дѣлаются гораздо смѣлѣе и въ созданіяхъ своихъ оригинальнѣе: они даютъ статуѣ или видъ охотника, мѣтящагося въ цѣль, или видъ кулачнаго бойца, готоваго ринуться въ бой, или ставятъ его на одну ногу и велятъ зажмурить глаза въ уподобленіе соловью, забывшемуся подъ свою бойкую и заунывную, полную восторга и вмѣстѣ тоски пѣсню, или наконецъ, соединяя большой палецъ лѣвой руки статуи съ мизинцемъ правой и приставляя большой палецъ послѣдней къ ея носу, заставляютъ ее привѣтствовать такимъ образомъ все почтенное общество.

— Ну, теперь, чей фантъ вынется, что тому дѣлать?

— Зеркаломъ быть.

— Жребій падаетъ снова на дѣвицу, которая и спѣшитъ превратиться въ зеркало. Оно съ успѣхомъ, вѣрно и отчетливо отражаетъ всѣ движенія смотрящихся въ него дѣвицъ: онѣ поправляютъ свои волосы, корсажъ своего платья, немножко переѣхавшую на бокъ берту; затѣйницы дѣлаютъ видъ, будто бѣлятся и румянятся, къ чему онѣ, конечно, не привыкли, за избыткомъ природной бѣлизны и румянца: все это зеркало отражаетъ какъ нельзя лучше. Но вотъ подлетаетъ къ нему молодой че-

ловѣкъ, бойко взъерошиваетъ свои волосы: зеркало сильно затрудняется, не желая портить своей гладкой, красивой прически; молодой человѣкъ съ серьезнымъ видомъ гладитъ свои не существующіе усы— зеркало дѣлаетъ то-же, но улыбается; молодой человѣкъ начинаетъ изучать свои граціозныя позы: вотъ онъ смѣло и нѣсколько на-бокъ раскланивается, вотъ подлетаетъ ангажировать даму и останавливаясь передъ ней, приподнимается нѣсколько на носкахъ, наклоняетъ немного голову и выворачиваетъ впередъ локти; потомъ вдругъ онъ складываетъ по-наполеоновски свои руки, устремляетъ долгій и проницательный взглядъ въ зеркало, а на уста свои призываетъ самую убійственную, саркастическую улыбку: все это совершенно сбиваетъ бѣдное зеркало, и оно, конфузясь, отказывается отъ исполненія своей обязанности.

Далѣе идутъ новыя формы разыгрыванія фантовъ. Напримѣръ: быть соломенкой.

— Если бы я былъ соломенкой, что бы вы изъ меня сдѣлали? спрашиваетъ у дѣвицы молодой человѣкъ, которому суждено было сдѣлаться соломенкой.

— Я сдѣлала бы изъ васъ шляпку для себя! отвѣчаетъ дѣвица.

— Какъ я вамъ благодаренъ! Что можетъ быть пріятнѣе удовольствія быть надѣтымъ на вашу прелестную головку? Ну, а вы, что бы со мной сдѣлали, еслибъ я былъ соломенка? спрашиваетъ молодой человѣкъ у другой дѣвицы.

— Я-съ? . . . Право не знаю: ничего бы не сдѣлала . . .

— Нѣтъ, этого нельзя: надобно непремѣнно что-нибудь сдѣлать! Что же бы вы сдѣлали?

— Я положила бы васъ на столъ.

— Да нѣтъ, это все ничего не значитъ: нѣтъ, вы скажите, что бы вы именно со мной сдѣлали?

— Да, я, право, не знаю-съ . . . Что же мнѣ съ вами дѣлать? . . .

— Эхъ, да скажите ему, что вы бы эту соломенку велѣли на овинѣ хорошенько просушить, а послѣ велѣли бы цѣпами хорошенько выколотить! подхватилъ уже знакомый намъ господинъ, имѣющій право быть со всѣми на пріятельской ногѣ и говорить всѣмъ дерзости.

— Ну, что же, вы сдѣлали бы это со мной?

— Да, что же мнѣ дѣлать съ вами? . . . ну, сдѣлала бы! . . .

— Очень, очень вамъ благодаренъ: прекрасное желаніе, нечего сказать! . . . Благодарю васъ, очень благодаренъ! . . .

Новому фанту назначается: быть кораблемъ. Фантъ принадлежитъ дѣвицѣ.

— Если бы я была кораблемъ, что бы вы со мной сдѣлали? спрашиваетъ она одного изъ кавалеровъ съ весьма смѣлыми манерами.

— Что-съ? . . . Я бы васъ нагрузилъ бриліянтами и пригласилъ бы всѣхъ посмотрѣть на васъ.

— А вы что бы со мною сдѣлали? спрашиваетъ корабль-дѣвица свою подругу.

— Я поѣхала бы кататься по рѣкѣ!

— А я увязала бы васъ лентами, матеріями и стала бы на васъ все любоваться! прибавила другъ дѣвицы-корабля, крѣпко цѣлуя ее.

Потомъ фантъ долженъ въ одномъ углу пропѣть, въ другомъ поплясать, въ третьемъ сказку сказать, а въ четвертомъ помолчать. Далѣе мѣряютъ ленты, продаютъ кофе съ сухарями и сливками, пред-

ставляютъ нищаго съ сумкой. Иногда проигравшій фантъ выходитъ на середину комнаты и говоритъ:

Горю, горю на камешкѣ:
Кто меня любитъ, тотъ меня смѣнитъ!

Смѣняющій эту жертву огня имѣетъ право ее поцѣловать, но, разумѣется, позволяютъ себѣ это только дѣвицы съ своими подругами. — Любимую форму разыгрыванія фанта составляетъ: быть оракуломъ. Обреченный садится на стулъ и покрывается большимъ толстымъ платкомъ. Желающіе услышать отъ него предсказаніе подходятъ и безмолвно касаются до головы его пальцами. Само собою разумѣется, что оракулъ не можетъ сказать правды и возбуждаетъ общій веселый смѣхъ.

Въ разыгрываніи фантовъ не всегда соблюдается совершенное безпристрастіе; напротивъ, болѣе замысловатые и трудные для выполненія, какъ, напримѣръ, оракулъ, назначаются большею частію самымъ искуснымъ и ловкимъ изъ кавалеровъ.

Въ такихъ играхъ проходитъ вся вечеринка, и утомившись ихъ однообразіемъ гости разъѣзжаются, хоть не весьма веселые, но и не скучающіе. Пересуды, разумѣется, являются на сцену въ домашнихъ бесѣдахъ, слѣдующихъ за этими вечеринками; но они не имѣютъ такого обширнаго размѣра, какъ тѣ, которые бываютъ послѣ большихъ многолюдныхъ собраній и вечеровъ.

III.

Теперь, для полноты картины, намъ нужно разсказать о святочномъ маскированьи и ряженьѣ. Маскируются обыкновенно только лица, принадлежащія къ высшему слою городскаго общества; ря-

дятся, напротивъ, только въ низшемъ. Но вообще и маски, и ряженые создаютъ свои костюмы изъ домашнихъ средствъ: изъ старыхъ платьевъ, платковъ, лентъ, цвѣтовъ и проч. Какое-нибудь веселое семейство въ одинъ святочный вечеръ задумываетъ маскироваться.

— Но какже? въ какіе костюмы?

— Я наряжусь испанцемъ! говоритъ одинъ изъ членовъ этого семейства.

— А я — подъячимъ.

— А я — цыганкой.

— А я — русской крестьянкой: у меня будетъ чудесный костюмъ.

— Вы все выдумываете пустые костюмы. А вотъ у меня такъ будетъ занимательный: я одѣнусь волшебникомъ и буду предсказывать.

— Да какой же это будетъ костюмъ? Изъ чего ты его сдѣлаешь?

— Очень просто. У меменьки есть черный атласъ, споротый со стараго салопа: изъ него можно сшить мантію: кругомъ обложить ее позументомъ; вырѣзать изъ золотистой бумаги звѣздъ, полу-мѣсяцевъ, разныхъ гіероглифовъ — вотъ и весь костюмъ. Надѣну какую-нибудь страшную маску, возьму въ руки черную трость — вотъ и все.

Костюмъ испанца создается такимъ же образомъ: шьется коротенькій плащъ изъ какой-нибудь старой шелковой или полу-бархатной мантильи, надѣваются узенькіе панталоны, женскіе чулки и башмаки; голова, за неимѣніемъ настоящей испанской шляпы, украшается разогнутой треугольной, которая чрезъ это принимаетъ форму тирольской соломенной шляпы, или, лучше, той, какою въ нашихъ театрахъ украшаются головы жидовъ. Костюмъ подъячаго вос-

производится съ бо̀льшею вѣрностію и съ большимъ удобствомъ. Въ каждомъ городкѣ, навѣрно, есть какой-нибудь старожилъ, у котораго сохранились фраки, панталоны и чулки если не временъ очаковскихъ и покоренья Крыма, то ближайшихъ къ нимъ. И вотъ желающій имѣетъ полную возможность надѣть мундиръ изъ зеленой матеріи съ краснымъ воротникомъ, желтые или бланжевые въ обтяжку брюки, черные чулки, башмаки съ пряжками и шляпу корабликомъ. Воображеніе, бо̀льшею частію пылкое и преувеличивающее, помогаетъ докончить этотъ костюмъ различными атрибутами: какими-нибудь мѣдными очками съ огромными круглыми стеклами, чернильницей, повѣшенной на пуговицѣ мундира, перомъ, заткнутымъ за ухо, огромной тавлинкой, могущей вмѣстить нѣсколько фунтовъ табаку и по величинѣ своей едва ли не годной для пресловутаго великана замѣчательной волшебной оперы: „Красавица съ золотыми волосами.“ Для русской крестьянки у знакомой купчихи достается богатый шелковый сарафанъ, кисейная съ безмѣрными рукавами рубашка и бархатная, унизанная жемчугомъ и отдѣланная канителью и стеклярусомъ повязка.

Закостюмировавшаяся такимъ образомъ семья отправляется къ своимъ знакомымъ. Попарно входятъ они въ домъ, безмолвно и важно проходятъ залу, гостиную и обратно; также безмолвно сначала смотрятъ на нихъ хозяева, потомъ начинаются замѣчанія и догадки.

— А какія интересныя маски? Кто бы это былъ? говоритъ хозяйка.

— А знаете, мамаша, кто это?

— Нѣтъ, не знаю; а кто?

— Вотъ этотъ весь въ черномъ — это А.

— Э, нѣтъ, душенька! не можетъ быть. Если это А. такъ кто же съ нимъ подъ руку? если В, такъ не можетъ быть; она горазда ниже и толще, а эта худощавѣе. Нѣтъ, я такъ думаю, что это семейство С.

— Ахъ, въ самомъ дѣлѣ, въ самомъ дѣлѣ: они и есть; посмотрите, и плащъ-то на этомъ испанцѣ сдѣланъ изъ ихъ старой мантильи: знаете, что прошлаго года сшила мать и еще такъ важничала, что по послѣдней модѣ! замѣчаетъ дочь на ухо своей мамашѣ.

— Маски, мы васъ узнали — откройтесь.

Маски отвѣчаютъ визгливыми голосками или отрицательнымъ киваніемъ головы.

— Ну, да полноте, откройтесь; вѣдь узнали! Да погодите, мы сейчасъ докажемъ вамъ, что это вы! говоритъ одна изъ дочерей хозяйки. — Матреша! послушай, узнай, на лошадяхъ они или пѣшкомъ? приказываетъ она шопотомъ горничной, которая также съ любопытствомъ разглядывала костюмированныхъ, стоя, впрочемъ, вдали у дверей.

— На лошадяхъ, сударыня, на лошадяхъ, и лакей съ ними въ прихожей.

— Кто же это?

— Да никакъ узнать невозможно: у лакея-то рожа завязана; ничего и не говоритъ: такой секретникъ! отвѣчала горничная, весьма живо и размахивая руками.

— Погоди-ка, я сама спрошу его.

И любопытная барышня бѣжитъ въ прихожую. Тамъ она находитъ слугу костюмированнаго, у котораго воротникъ шубы былъ поднятъ и обвязанъ еще сверху большихъ платкомъ, такъ что закрывалъ все лице и, казалось, препятствовалъ ему дышать. Этотъ

слуга былъ окруженъ дворней, которая съ любопытствомъ и смѣхомъ тормошила его, добиваясь узнать его особу, но, вѣроятно, по приказанію своихъ господъ, а можетъ быть также и ради собственнаго интереса, онъ упорно отбивался отъ всѣхъ и скрывалъ тайну. Барышня подошла къ нему.

— Господа велѣли тебѣ сказать кто они! сказала она.

— Нѣту-съ, не велѣно сказывать! отвѣчалъ онъ, отворачиваясь къ стѣнѣ, и, вѣроятно опасаясь, чтобы глупая улыбка, которая разлилась по его физіономіи, не просіяла и сквозь самый покрывавшій ее платокъ.

— Да, полно, скажи: тебѣ говорятъ, что ужъ господа признались кто они; велѣли также и тебѣ сказать!

Но слуга, весьма довольный своею ролью, упорно сохранялъ молчаніе.

— Нѣтъ ужъ, барышня, мы пытали спрашивать, да ничего не добились.

— Да чего тута добиваться-то: извѣстно это Тишка-съ!

— Какъ, бишь, тебѣ не Тишка: Тишка-бы и сталъ отнѣкиваться; тотъ-бы ужъ давно разболталъ, а этотъ, ишь ты, ровно баринъ!

— Эко дѣло: не велѣли, такъ и нишкнетъ. А ты взглянь на леврею-то: разѣ не видишь, что ихнинская!

— Да, смотри, ихнинская! пошелъ! у нихъ, чай, нѣту и зимней-то: одна лѣтняя; а какъ ѣдутъ куда зимой, такъ Тишка-то всегда полушубокъ подъ низъ вздѣваетъ.

— Ну-же скажи, дружокъ, чей ты! настаивала любопытная барышня.

— Да, погоди, сестра, я вотъ, сейчасъ узнаю,

кто они: спрошу кучера, сказалъ братъ любопытной сестрицы.

— Нѣтъ, сударь, пытали и его тормошить, такъ и тотъ туда-же: закрываетъ бороду рукавицей, да и только. Мы, молъ, тебя въ сугробъ свалимъ да и лошадей-то распряжемъ: молчитъ, — да и все тутъ; слова не пропустилъ.

— А вотъ, погодите, я самъ спрошу.

И молодой человѣкъ, преслѣдуемый всей своей дворней, отправляется въ сѣни. Костюмированный лакей бѣжитъ вслѣдъ за ними же, кричитъ во все горло:

— Эй, Микита, нишкни! не велѣно сказывать!

— Ахъ, такъ это С—кіе и есть, Микита — кучеръ, а лакеемъ — Еристархъ! Такъ и есть! посыпались замѣчанія отъ дворни.

— Что, братъ, хотѣлъ скоморошить, да еще, видно, не понавыкъ: самъ сказалъ! Тебѣ-бы замокъ къ губамъ-те привѣсить, а то туда же — шалью завязали!..

— Они, они и есть. То-то я смотрю и лошаденки ихнинскія: такія поджарыя да мохнатыя.

— Врешь, пустомѣля! замѣтилъ оскорбившійся Еристархъ, или, въ переводѣ, Аристархъ. — Это и лошади-то не городскія: нарочно изъ деревни привели, чтобы по нимъ не узнали. Вотъ и видно, что врешь. Эти, чай, рыжія, а у насъ городскія-то карія.

— Ха, ха, ха! опять заговорилъ! Эхъ, ты, Еремѣй! тоже вырядился. Я-ли, не я-ли, молъ, комедь играю, да самъ и разсказываетъ все! Ну, ужъ!.. ха, ха!..

Между тѣмъ молодой человѣкъ, довольный открытіемъ, спѣшитъ въ залу.

— Что, узнали? Кто? спрашиваетъ его сестра.

— Узналъ, узналъ. Это С.

— Ну, мы такъ и думали! Вотъ видите, мы знаемъ: кто вы! Вы — С. Откройтесь-же да покажитесь.

Но маски упорствуютъ.

— А какіе у васъ чудные костюмы! Просто, прелесть! Только скажите, пожалуста, къ какой вы націи принадлежите? спрашиваютъ хозяева закостюмированнаго въ метаморфизированный старый атласный салопъ?

— Я — чародѣй. Знаю всѣ секреты, отгадываю будущее, управляю всѣми духами. Я могу все сдѣлать что захочу.

— Ахъ, какой вы страшный! Ну, отгадайте-же мое будущее. — Что мнѣ будетъ?

— Вамъ?.. Вы въ этомъ году влюбитесь и выйдете замужъ.

— Какимъ же образомъ я влюблюсь и въ кого?

— Одинъ молодой человѣкъ, красавецъ собою, заронитъ въ вашу душу искру; эта искра разгорится въ пламень, который воспламенитъ въ васъ сильную страсть. Эта страсть будетъ страшна и сладостна: ваше сердце будетъ страдать отъ нея и наслаждаться. Много препятствій ожидаетъ васъ, много горя испытаете вы; но я повелѣваю покровительствовать вамъ одному доброму генію: онъ будетъ летать за вами и приведетъ къ желанной цѣли. Вы...

— Ой, ой, сколько вы наговорили!.. Довольно, довольно! Но я вамъ не вѣрю. Этакой страсти не бываетъ.

— Ну, волшебникъ, скажи-ка, что со мною будетъ? спрашиваетъ молодой человѣкъ, членъ семейства хозяевъ.

— Великъ вашъ путь и дологъ, но безсмертіе

ожидаетъ васъ. — Вы идите по терновому пути; но этотъ путь ведетъ васъ къ славѣ. Много враговъ, но много и друзей у васъ. Вотъ вижу: какая-то прелестная дѣва чаруетъ васъ; но берегитесь ея.

— Не угодно ли вамъ лучше потанцовать что-нибудь подъ фортепьяны? прерываетъ хозяйка.

— Ахъ, нѣтъ, позвольте, маменька, это очень любопытно: волшебникъ славно говоритъ.

— Полно, мой другъ, возражаетъ мать въ полголоса: — кажется, при дѣвицахъ неприлично говорить такія вещи; и то ужъ онъ сестрѣ столько наговорилъ, что я не знала куда дѣваться отъ стыда...

— Нѣтъ, вы послушайте какъ онъ говоритъ: какой даръ слова, и видно, что очень начитанъ...

— Да вотъ тутъ и цыганка есть: что же, погадайте, милая цыганочка.

— Нѣтъ, я не гадаю.

— Такъ, вѣрно, лучше потанцовать? не правда-ли?

Устроивается французская кадриль, гдѣ подъячій смѣшитъ своимъ каррикатурнымъ танцемъ. Онъ не остается также и безмолвенъ, но предлагаетъ отвести всѣхъ въ судъ, говоритъ весьма часто: поелику, понеже и сирѣчь. Сверхъ того, онъ весьма вѣжливымъ голосомъ поетъ:

Убояхся зѣло,
Какъ бы въ наше село
Сила вражья не вступила
И мя въ плѣнъ не повлече.

или:

Масляница только разъ
Въ круглой годъ гоститъ у насъ
И недѣльку-съ! и пр.

Протанцовавъ кадриль, маски уѣзжаютъ, не открывъ, впрочемъ, своего инкогнито.

— Какая досада: насъ узнали! говоритъ одна изъ нихъ.

— А это все глупый Аристархъ сказалъ. — Вѣдь приказывали тебѣ не сказывать!

— Да я не сказывалъ-съ: они сами узнали.

— Полно! Какъ бы они узнали, еслибъ ты молчалъ.

— Я и молчалъ; не молчалъ, что ли? Они сами спрашивали.

— Про то и говорятъ, что они спрашивали, а ты отвѣтилъ.

— Нѣту-съ, я, право, не отвѣчалъ. — Я только и сказалъ, что не приказано, молъ, говорить. И къ Микитѣ еще нарочно выбѣгалъ, да приказывалъ: молчи, молъ, не сказывай, для того — не велѣно.

— Ну, полно, пожалуста, перестань! Тебѣ что ни прикажутъ, ты все переврешь или испортишь. Ужъ мы тебя знаемъ!

Маски посѣщали другихъ своихъ знакомыхъ и съ такимъ же успѣхомъ.

Толки въ тѣхъ домахъ, куда они являлись, были въ разныхъ варіяціяхъ, но всѣ на одинъ тонъ и одну тему.

— Очень недурна была эта крестьяночка: славный сарафанъ и повязка!

— Да вѣдь все чужое, все, вѣдь — не свое.

— А какъ смѣшонъ подъячій!

— Ну, полноте! совсѣмъ не умѣлъ своей роли разъигрѣвать. Что это? пѣлъ какія-то глупыя пѣсенки, да все — поелику, да поелику. Ничего не могъ получше выдумать!

— А вы замѣтили костюмъ на испанцѣ? Весь, вотъ-вотъ, изъ лоскуточковъ, да изъ старья собранъ!..

— А это что за костюмъ у волшебника? Какая-то черная мантилья сшита! А атласишко-то какой? Готова спорить, что изъ стараго салопа перешитъ. И что это онъ за галиматью несъ! Признаюсь, не всѣмъ же пріятно слышать, когда онъ станетъ разсказывать про свою страсть. Это ужъ очень что-то...

— Нѣтъ, онъ хорошо говорилъ. Этого нельзя сказать... Подите-ка: другой выдумаетъ ли этакъ. Нѣтъ, ужъ говорилъ хорошо: это что говорить!.. Да другому въ десять лѣтъ этакъ не выдумать...

— Ну, ужъ!.. Выучилъ, я думаю, изъ какой-нибудь книги...

— Нѣтъ ужъ, извините. Этого ни въ какой книгѣ нѣтъ: я, вѣдь, тоже немало читаю книгъ!..

— Ахъ, братъ! какая у тебя страсть! Ты вѣчно обо всемъ споришь. Развѣ ты всѣ книги читалъ?

— Да ужъ хоть и не всѣ читалъ, а знаю, что этого нѣтъ ни въ какой книгѣ!! Ну, что ты-то споришь? Точно разумѣешь что?.. Я ужъ, вѣрно, побольше твоего знаю!..

Низшій слой городскаго общества веселится и рядится на Святкахъ по своему. На другой же день праздника, часа въ два пополудни, вы можете увидѣть на улицахъ города нѣсколько мальчиковъ, которые, выворотивъ на изнанку свои овчинные полушубки и надѣвъ на голову валеный сапогъ, бумажный колпакъ или смастеривъ себѣ изъ цвѣтной бумаги и тряпокъ какой-нибудь фантастическій костюмъ, открываютъ святочный карнавалъ. На третій день появляются уже настоящіе ряженые, и съ каждымъ днемъ толпы ихъ увеличиваются. Пока еще свѣтло, они ходятъ къ своимъ знакомымъ, а вечеромъ — по

господамъ. Костюмы ряженыхъ неразнообразны, но очень оригинальны. Большею частію они бываютъ національные; но эта національность обусловливается не дѣйствительностію, но извѣстными понятіями, которыя костюмирующіеся составили себѣ объ одеждѣ какого-нибудь народа. Такъ, напримѣръ, большой красный платокъ, надѣтый черезъ правое плечо и подвязанный подъ лѣвымъ, означаетъ цыганку. Впрочемъ, для большаго поясненія своей особы, такая цыганка беретъ на руки какую-нибудь большую куклу — картонную или просто сдѣланную изъ тряпки, набитой охлопками. Эта цыганка старается поддѣлать свой языкъ подъ извѣстный цыганскій выговоръ, ворожитъ о будущемъ, проситъ положить на руку денегъ кучку и пр. Какой-нибудь затасканный халатъ, подобіе чалмы, свернутой изъ платка, на головѣ, и чубукъ съ трубкою въ рукахъ — означаютъ турка; а та же чалма и короткое кисейное платье съ широкими шальварами рекомендуютъ вамъ турчанку. Для тирольки необходимы цвѣтной корсажъ, коротенькая юбка, какой-нибудь замысловатый головной уборъ и тросточка, обвитая лентами. По понятіямъ рядящихся такимъ образомъ, тиролька предполагаетъ въ себѣ въ то же время и пастушку. Вотъ самые любимые и самые общеупотребительные національные костюмы. Но сверхъ того рядятся также русскими крестьянками, и въ особые неописуемые фантастическіе костюмы, которые всегда возбуждаютъ въ зрителяхъ вопросъ: „какой вы націи?“ На что костюмированные отвѣчаютъ по первому впечатлѣнію, и тогда вы знакомитесь съ такими народами, которые еще ожидаютъ Колумба для доказательства своего существованія. Ряженые никогда не надѣваютъ масокъ и лишь только закрываютъ свой

носъ платками. Ходятъ они толпами, изъ которыхъ каждая непремѣнно вооружена гармоніей. Пришедши въ какой-нибудь домъ, они просятъ позволенія проплясать и подъ звуки этого оригинальнаго, весьма употребительнаго инструмента, руководствуясь фантазіей, выдумываютъ танцы совершенно новые, невѣдомые и невиданные дотолѣ. Иногда, разумѣется, и они пускаются въ мистификацію своего рода.

— Что, баринъ, заглядываешь? Небось, не знаешь, а вотъ я такъ знаю тебя! говоритъ чернобровая турчанка, одной рукой прикрывая свой носъ, а другой грозя любопытному.

— Ты должно быть хорошенькая турчаночка?

— Ха, ха, ха! А тебѣ на что? Что тебѣ, что хорошенькая? Вѣстимо хорошенькая!

— Такъ покажись, коли хорошенькая.

— Нѣту, никакъ невозможно: не велѣно!

— Кто же не велѣлъ?

— А вонъ турка не велѣлъ — это мой мужъ.

— Матушка, подайте на бѣдность! пищитъ довольно сиплымъ голосомъ очевидно мужчина, наряженный въ женское платье, салопъ, измятую шляпку и... для юмора — въ лапти.

Такое переодѣванье или ряженье мужчинъ въ женское платье здѣсь случается весьма часто. Иногда мужъ и жена, рѣшившись погулять, довольствуются тѣмъ, что первый надѣваетъ женины платокъ, нанковую на зайцѣ шубу, а послѣдняя — мужнину чуйку и шапку. Переодѣвшись такимъ образомъ, они присоединяются къ какой-нибудь толпѣ и цѣлый вечеръ ходятъ изъ дома въ домъ, довольные тѣмъ, что насмотрятся на господъ, а можетъ быть, кое-гдѣ и выпьютъ винца.

Нѣкоторыхъ ряженыхъ, по особенной оригиналь-

ности ихъ костюма, не пускаютъ въ дома, и потому они остаются на какой-нибудь извѣстной улицѣ и собираютъ около себя толпы любопытныхъ. Здѣсь вы увидите наряженныхъ медвѣдемъ, лошадью, козой, мертвецомъ и въ тому подобные костюмы. Члены высшаго слоя общества, не впуская такихъ ряженыхъ къ себѣ въ домъ, иногда нарочно катаются по тѣмъ улицамъ, гдѣ они преимущественно толкутся, и отъ души хохочутъ, а иногда и пугаются ихъ выходокъ, ихъ кривляній и скачковъ, которыми они сопровождаютъ экипажи.

IV.

Время между Святками и Масляницей общество городка проводитъ хотя не такъ шумно, какъ самыя Святки, впрочемъ, также среди удовольствій. Въ это время или продолжаются собранія, или даются частные вечера. На Масляницѣ веселье снова закипаетъ въ полной силѣ. Блины съ икрой, пряженики съ яйцами, семга и разныя малосольныя и коренныя рыбы являются на сцену, разнообразятъ и увеличиваютъ удовольствія. Катанья идутъ своимъ чередомъ, — впрочемъ, носятъ особенный характеръ. И здѣсь, какъ вездѣ, вы видите длинную вереницу экипажей; но въ этой вереницѣ строгая сортировка: впереди непремѣнно — четверня, если только она является, влача какую-нибудь старинную колымагу, въ родѣ необъятнаго возка; за нею слѣдуютъ экипажи парами въ дышло, потомъ пары съ пристяжкой, и наконецъ — одиночки. Иногда этотъ рядъ экипажей, на площади городка, свертывается въ кружокъ. Забавники въ это время, случается, выпускаютъ въ круги робкаго зайца; раздаются отвсюду шумные крики; бѣдное,

трусливое животное мечется среди круга въ отчаяніи, не находя нигдѣ свободнаго выхода. Наконецъ бѣстрѣе стрѣлы проскакиваетъ оно между ногами лошадей и пускается въ бѣгство, преслѣдуемое крикомъ, смѣхомъ катающихся и громко лающими дворовыми собаками. Въ послѣдній день Масляницы есть обычай покутить побольше. Пародируя губернскій городъ, затѣваютъ déjeuner-dansant, съ тѣмъ, чтобы послѣ сытнаго завтрака кататься вмѣстѣ. Для бо̀льшаго удобства устроивается огромная лодка, прихотливо раскрашенная, съ мачтой, увѣнчанной лентами. Эта лодка предназначается для того, чтобы везти въ ней всѣхъ дамъ города; но до сихъ поръ затѣйники этого удовольствія не могутъ придумать такой упряжи, чтобы два десятка лошадей, назначенныхъ везти лодку, не путались и не тянули въ равныя стороны, по русской пословицѣ: „кто въ лѣсъ, кто по дрова.“ Большею частію это предпріятіе кончается тѣмъ, что дамы, потерявъ терпѣніе, отправляются кататься въ обыкновенныхъ своихъ экипажахъ; а лошади выпрягаются изъ лодки и замѣняются легко набираемыми охотниками, которые съ ужасными криками тянуть лодку, наполненную нѣкоторыми изъ весельчаковъ. Это называется: провожать Масляницу, а самая лодка — Масляницей. Эти проводы въ простомъ народѣ совершаются иначе. Масляница у него является обыкновенно то въ видѣ какого-нибудь уродливо наряженаго весельчака, который тащится по всѣмъ улицамъ на крошечныхъ санчкахъ, припряженныхъ къ огромной клячѣ, едва двигающей свои ноги; то въ видѣ фантастическаго, но на русскій мотивъ импровизированнаго фавна, непремѣнно съ рогами, когтями и хвостомъ; то въ видѣ такой же лодки, только въ мень-

шемъ объемѣ и съ балдахиномъ, крытымъ соломою; такую лодку везутъ одна или двѣ лошади, обвѣшанныя соломой; а въ лодкѣ подъ балдахиномъ сидятъ ряженые, въ костюмѣ которыхъ главную роль играетъ та же солома. Вся эта солома вечеромъ послѣдняго воскресенья сжигается, гдѣ-нибудь за городомъ, при громкомъ смѣхѣ, пѣсняхъ и пляскѣ.

Грустно провожаетъ веселые дни высшее городское общество, но само отъ себя старается скрыть эту грусть и стыдится ея.

— Итакъ, наша Масляница прошла! говоритъ молодой человѣкъ, помѣщаясь на запяткахъ саней, сзади двухъ дамъ, между которыми была одна интересующая его. — А какъ грустно разставаться съ Масляницей! И какъ скоро прошло это чудное время!

— Да, очень скоро! отвѣчаетъ интересная особа, граціозно закидывая назадъ свою голову и смотря пристально въ глаза молодому человѣку.

— А я такъ, признаюсь, рада, что настаетъ постъ! возразила другая дама. — Что наши веселости? онѣ такъ однообразны, такъ смѣшны, что, право, совѣстно сожалѣть о нихъ.

— О, нѣтъ, вы говорите противъ себя. Что же, развѣ постомъ веселѣе?

— Да хоть и не веселѣе, за то все тихо, скромно; а я люблю тишину и уединеніе.

— Ахъ, Господи! что это за сестра! Вѣчно сама противъ себя говоритъ. Ну, если ты любишь уединеніе и тишину, зачѣмъ же ты ѣздила въ каждое собраніе? замѣтила интересная особа.

— Вотъ прекрасно! что же бы я стала дѣлать одна, когда вы всѣ уѣзжали? поневолѣ поѣдешь. Да и что наши за собранія? какое въ нихъ веселье?

Конечно, если у кого есть свои интересы, такъ это другое дѣло, а у меня нѣтъ интересовъ...

Молодой человѣкъ и интересующая его особа значительно переглянулись.

— Что, monsieur N, жалѣете ли вы объ окончаніи нашего веселаго сезона? спрашивала дама съ высокимъ тономъ monsieur N, который стоялъ на заткахъ ея саней.

— Э, нисколько. Всякая скука пріятнѣе нашего веселья.

— Такъ значитъ это время не оставитъ для васъ послѣ себя никакого пріятнаго воспоминанія?

— Конечно, я этого не скажу... Конечно, бывали прелестныя минуты, когда... и онъ значительно посмотрѣлъ на даму.

— Когда вы увивались за хорошенькими дѣвицами... Est-ce vrai?

— Нѣтъ, madame, я не таковъ: я не похожъ на бабочку, которая перелетаетъ съ цвѣтка на цвѣтокъ: я довольствуюсь одной своей розой... И онъ еще выразительнѣе посмотрѣлъ на нее.

— Что же, когда мы снова увидимся?

— Въ слѣдующее воскресенье, если позволите? А если можно, я желалъ бы и раньше.

— Mercі. Приходите въ четвергъ. А не правда ли, всетаки грустно какъ-то, что нашъ карнавалъ такъ скоро кончился: по крайней мѣрѣ хоть какая-нибудь жизнь, а то это безмолвіе и пустота мучатъ меня.

— О, конечно!..

Вечерній сумракъ постепенно ниспадаетъ на городъ, и экипажи катающихся мало по малу заѣзжаютъ съ улицъ въ ворота домовъ.

— Не пора ли ужъ и намъ домой? спрашиваетъ маменька у своей дочки.

Нѣтъ еще, мамаша, душенька, хоть немножко покатаемтесь.

— Да пора, душенька, посмотри: вѣдь всѣ ужъ разъѣзжаются по домамъ; да надо и дѣвкамъ дать покататься.

— Ну, да онѣ еще успѣютъ, мамаша. Ахъ, Господи, какая тоска будетъ; Я вздумать не могу! А какія нынѣче были веселыя собранія! Все прошло...

— Я вотъ удивляюсь: чего ты-то жалѣешь о собраніяхъ? съ тобой какъ мало танцовали кавалеры, что другая бы на твоемъ мѣстѣ обидѣлась.

— Это, конечно, мамаша, досадно, а все какъ-то весело было...

Вечеръ почти спустился на городъ, улицы почти опустѣли; но вотъ по одной изъ нихъ тянется толпа весельчаковъ, принадлежащихъ, впрочемъ, къ высшему городскому обществу. Кузьмичъ въ числѣ ихъ.

— А что, господа, вѣдь ровно чего недостаетъ: Масляница-то проходитъ. Что ни говори, а вѣдь словно скучно!

— Скучно и есть! хоть бы ты, Кузьмичъ, чѣмъ уважилъ.

Въ это время съ толпою поровнялись розвальни, биткомъ набитые ребятишками. Съ крикомъ и смѣхомъ понукали они лошаденку; но она не слушала и болѣе убѣдительныхъ убѣжденій въ лицѣ хворостины, которою угощалъ ее хозяинъ, коренастый низенькій мужичокъ, нанявшійся катать эту маленькую сволочь, съ платою по грошу съ брата.

— Стой! закричалъ ему Евграфъ Кузьмичъ.

Мужичекъ остановился.

— Господа, садись! Лихо прокачу и денегъ не возьму. Ребятишки, пошли вонъ! Господа сядутъ

кататься, распоряжался изобрѣтательный Евграфъ Кузьмичъ.

— Ай да выдумка! Важно, Кузьмичъ. Сядемъ! Пошелъ!

— Баря! А баря! замѣтилъ мужичокъ.

— Ну, что?

— Что? Лошаденка-то не стащитъ!

— Небось, стащитъ! возразилъ Кузмичъ. Ты только знай подхлестывай.

— Право-слово, не стащитъ. Что мнѣ тута? Вотъ мотри, что запаришь лошаденку — свалится!

— Полно врать! Да ты откуда?

— Откуда? Вѣстимо, откуда. Изъ Саврихина!

— Ну, коли изъ Саврихина, такъ по гривеннику тебѣ каждый дадимъ, да еще водкой угостимъ. Ну же, погоняй, что ли, лошаденку. Ишь она у тебя какая! И не понимаетъ, что сегодня Масляница.

— По гривеннику? спросилъ мужикъ.

— Ну, да! по гривеннику. Изволь, по двугривенному,

— По двугривенному... по двугривенному... Эхъ, ну, что-ли, голубка, поворачивайся.

И компанія потянулась по всѣмъ улицамъ, при громкомъ смѣхѣ катающихся и при еще болѣе громкомъ крикѣ и скачкахъ толпы ребятишекъ, которая сопровождала ее...

Вечеръ послѣдняго дня Масляницы семейства проводятъ порознь въ тиши и спокойствіи; развѣ только отцы семейства сходятся къ кому нибудь на послѣднюю пульку.

V.

На другой день физіономія города совершенно измѣняется: дѣлается спокойна, однообразна и со-

храняется въ такомъ видѣ въ предложеніе всего поста. Улицы большее время дня пусты; развѣ проѣдутъ по нимъ господскія сани въ одиночку, съ флегматическимъ кучеромъ въ сѣромъ армякѣ и старой шапкѣ, да пройдетъ торговецъ въ свою лавку, или воспитатель юношества, совершая свой обычный моціонъ для здоровья, да проѣдетъ на практику, глухо закутавшись и обвязавшись платкомъ, городской врачъ, да пробѣжитъ чиновникъ, поспѣшая въ присутственное мѣсто, да высыплетъ изъ школы разнокалиберная толпа ребятишекъ, вооруженныхъ аспидными досками и книгами, и съ шумомъ и крикомъ разбредется въ разныя стороны, подшибая по дорогѣ многочисленные комки снѣга, крѣпко сжатые морозомъ. Въ первые дни поста всѣ сидятъ по домамъ, развѣ только исключительные поклонники общественныхъ удовольствій отправляются къ аптекарюнѣмцу посмотрѣть нѣмецкую Масляницу. Многіе не позволяютъ себѣ даже играть въ карты, но довольствуются пріятельской скромной бесѣдой. Дамы начинаютъ свои посѣщенія одна къ другой не раньше третьей или четвертой недѣли; но эти посѣщенія бываютъ только по вечерамъ. Отцы семействъ въ то же время начинаютъ свои обычныя зимнія странствованія на огоньки, т. е. вечеромъ, не имѣя ни отъ кого опредѣленнаго приглашенія и гонимые изъ дому скукой бездѣйствія, пускаются по темнымъ улицамъ города отыскивать дома, болѣе другихъ освѣщенные. Найдя такой домъ, они смѣло входятъ въ него, зная, что тамъ встрѣтятъ нежданаго гостя съ распростертыми объятіями, сейчасъ ввернутъ въ руки карточку и хоть не дадутъ хорошей закуски, но все, однако, не отпустятъ домой голоднаго. Такъ проходитъ весь постъ, и лишь послѣдніе дни его

оживляются ожиданіемъ великаго праздника. Въ эти дни красятъ яйца, приготовляютъ изъ домашнихъ средствъ пасху и сыръ. Изъ жителей столицы не всякій пойметъ благоговѣйное чувство, съ которымъ религіозный провинціалъ встрѣчаетъ торжественный день Свѣтлаго Воскресенья: душа перваго занята больше заботами жизни; второй предается духовной радости съ открытою душою. Самое внѣшнее торжество принимаетъ въ провинціи какъ будто особенный блескъ. Съ какимъ восторгомъ жители, привыкшіе къ тишинѣ, прислушиваются въ Свѣтлый День къ громкому звону колоколовъ, съ какимъ увлеченіемъ смотрятъ на богатую иллюминацію, которая покрываетъ среди ночи Божій храмъ! Постороннему зрителю показалось бы, что не только физіономія жителей, но самыя зданія, весь городъ и самый воздухъ принимаютъ какой-то праздничный видъ. Впрочемъ, въ продолженіе Святой Недѣли общественная жизнь городка не развивается до такихъ размѣровъ, какъ на Святкахъ или Масляницѣ. Конечно, совершаются обыкновенные визиты; но событій въ это время не бываетъ и изрѣдка развѣ даются вечера. Такая тишина много зависитъ и оттого, что около Пасхи почти всегда настаетъ распутица, препятствующая сообщенію города съ помѣщиками, а безъ ихъ участія городъ рѣдко бываетъ въ силахъ устроить какое-нибудь общественное удовольствіе.

Незамѣтно потомъ приходитъ весна: пропадаетъ снѣгъ, разцвѣтаетъ природа. Но провинціалъ не умѣетъ такъ дорожить своимъ чистымъ, благоуханнымъ воздухомъ какъ дорожитъ имъ столичный житель, которому большую часть года приходится дышать или сырымъ, или пыльнымъ воздухомъ; впрочемъ,

и первый съ открытіемъ весны идетъ гулять, хотя и съ сожалѣніемъ вспоминаетъ о минувшихъ удовольствіяхъ зимы. Во всякомъ городкѣ непремѣнно есть какое нибудь любимое мѣсто для лѣтнихъ прогулокъ: набережная рѣки, какая-нибудь роща, загородный садъ, холмъ, воспроизведенный въ степень горы, и т. п. Здѣсь собираются городскіе жители по вечерамъ.

— Какой чудесный сегодня вечеръ! говорятъ они другъ другу.

— Да, прелестный! отвѣчаютъ они одинъ другому.

— Какой чистый воздухъ!

— Да, восхитительный!

Немножко какъ будто холодновато.

— Да, еще сыро; впрочемъ, не скажу, чтобы было очень холодно.

На лѣто нѣкоторые изъ жителей городка уѣзжаютъ въ деревню; но такъ какъ большинство населенія городскаго состоитъ изъ чиновниковъ, поэтому нѣкоторые по необходимости должны оставаться въ городѣ и на лѣто. Эта часть общества проводитъ время вообще довольно скучно; часто гуляетъ и бранитъ свои прогулки; ѣздятъ другъ къ другу очень рѣдко, и вообще всѣ съ нетерпѣніемъ ожидаютъ зимы и ея удовольствій. Въ иныхъ прирѣчныхъ городкахъ лѣтомъ устроивается катанье въ лодкахъ, и тогда надъ паромомъ воздвигается балдахинъ; общество усаживается подъ нимъ; ловкіе гребцы, въ красныхъ рубашкахъ и черныхъ шляпахъ, искусно управляютъ веслами, и подъ звуки веселой пѣсни лодка быстро несется по волнамъ рѣки. Но такое удовольствіе бываетъ рѣдко и, какъ большая часть общественныхъ удовольствій городка,

требуетъ особеннаго участія и настойчивости какого-нибудь исключительнаго любителя. Напротивъ, гораздо чаще устроиваются кавалькады. Въ этомъ случаѣ не требуются дрессированныя верховыя лошади, и невзыскательные наѣздники довольствуются порядочной упряжной лошадью, которую, впрочемъ, для эффекта иногда англизируютъ, т. е. искусно подвязываютъ хвостъ, чтобъ онъ былъ покороче. Амазонки дамъ большею частію создаются домашними средствами, и картузъ часто замѣняетъ шляпу. Робко садится прелестная наѣздница на свою лошадь.

— Пожалуста, не отставайте отъ меня, говоритъ она своему кавалеру: — моя лошадь ужасно непослушна.

— Э, полноте, чего вы боитесь! Пускайте въ галопъ.

— Ай, ай, нѣтъ, ради Бога... Зачѣмъ же это?

Но бойкій наѣздникъ, чтобы показать свое искусство, пришпориваетъ лошадь и, высоко прискакивая на сѣдлѣ, далеко оставляетъ за собою блѣдную и растерявшуюся наѣздницу. Но послѣдняя скоро пріобрѣтаетъ навыкъ и увѣренность. И вотъ она уже не отстаетъ отъ своего спутника. Восхищаясь быстротой ѣзды, она очень мила, граціозна, и не пугается мысли, что заботливая маменька, сопровождавшая кавалькаду и дѣятельно слѣдящая за смѣлой своей дочкой, далеко осталась за ними. Она очень довольна настоящей минутой, и ей крайне не нравится замѣчаніе мамаши: „какъ ты скачешь, душа моя! это вредно. Ну, долго ли случиться: вдругъ лошадь запнется и упадетъ!“ Но лошадь не спотыкается, не падаетъ, и всадники снова мчатся, еще съ большею быстротою, и сердца ихъ бьются еще съ большею живостью.

Кавалькады въ городкѣ никогда не бываютъ многочисленны, устроиваются рѣдко и всегда возбуждаютъ въ городкѣ особенное вниманіе.

— Не правда-ли, какъ N стала часто кататься, и ужъ не робко!... замѣчаютъ въ городѣ съ особеннымъ значеніемъ.

— Да, и все съ однимъ и тѣмъ же кавалеромъ.

— Чтожъ, прекрасная парочка!...

Впрочемъ, кавалькады никогда не увлекаютъ всего общества и составляютъ болѣе частное, нежели общественное удовольствіе. И жизнь городка лѣтомъ идетъ ровно и тихо.

— Скоро-ли-то настанетъ зима? какъ несносно это лѣто!

— А вотъ приближается и октябрь. Ахъ, если бы снова устроились собранія!

— Пожелайте же веселиться городку, мой добрый читатель, — веселиться такъ же много, какъ много вы зѣвали надъ моимъ разсказомъ. Ты, столичный франтъ, служишь кумиромъ провинціальному кавалеру; а ты, прелестная столичная дѣвица, пугаешь воображеніе скромныхъ барышень. Вы улыбались, слушая мой разсказъ о нихъ, а они мечтаютъ о васъ съ восхищеніемъ. Пожелайте же моимъ героямъ безконечныхъ собраній и самаго многочисленнаго оркестра...

1852 г.

Женская исповѣдь.

Разсказъ.

Ты слушать исповѣдь мою
Сюда пришелъ, благодарю.
Все лучше передъ кѣмъ-нибудь
Словами облегчить мнѣ грудь...

Лермонтовъ.

Это было весною. Мы сидѣли въ саду. Фруктовыя деревья были въ полномъ цвѣту, и воздухъ, насыщенный благоуханіями, сладко томилъ и разнѣживалъ тѣло. Въ каждомъ цвѣткѣ яблони и сливы сладострастно жужжала пчела. Пестрыя бабочки кружились въ воздухѣ, играя на солнцѣ. Зеленая сизоворонка вылетала изъ дупла столѣтней ветлы и садиласъ нв вѣтку, самодовольно покачиваясь на ней. Тысячи птицъ тихо, но весело перекликались на деревьяхъ. Подъ нашими ногами, сквозь листву деревъ, виднѣлась широкая Волга, блестѣвшая серебромъ своихъ водъ и золотомъ солнечныхъ лучей. Тихо катила свои струи величавая рѣка, ласково и медленно покачивая плывшія по ней суда... Верхушки пирамидальныхъ раинъ, позлащенныя солнцемъ, радостно трепетали въ воздухѣ, между тѣмъ какъ нижнія вѣтви казались совсѣмъ черными и какъ бы дремали въ глубокой тѣни. Вся природа, казалось, была счастлива и утопала въ нѣгѣ полнаго, сладострастнаго довольства... Какъ теперь вижу я эту обстановку, при которой ея грустное, болѣзненное лице возбуждало особенную симпатію. Она разсказывала мнѣ свою печальную повѣсть...

Я была въ то время не такая, какою вы знаете меня теперь... Эти потухшіе глаза въ то время

блестѣли жизнью и надеждой, эти засохшія, полинявшія губы тогда еще были свѣжи и улыбались; эти жидкіе волосы въ то время замѣнялись длинной и густой косою, которая часто надоѣдала и тяготила голову, хотя нерѣдко я и сама любовалась ею. Всѣ меия называли красавицей, говорили это въ глаза и за глаза. Я сама знала, что была хороша. Немного прошло съ тѣхъ поръ времени, но никто не узнаетъ меня. Я пережила два тяжелыхъ горя: первое прошло, хотя послѣ мучительныхъ страданій, но не оставило по себѣ такихъ печальныхъ слѣдовъ и не разрушило меня такъ, какъ послѣднее.

Мы жили въ этой самой деревнѣ, гдѣ и теперь, вмѣстѣ съ отцомъ и матерью. Я воспитывалась дома во всей патріархальной простотѣ нашей семьи и нашего небольшаго деревенскаго общества. Мнѣ только-что минуло пятнадцать лѣтъ, когда въ меня влюбился и сдѣлалъ мнѣ предложеніе нашъ сосѣдъ, помѣщикъ, такой же молоденькій и такой же почти ребенокъ какимъ была и я. Онъ былъ красавецъ въ полномъ смыслѣ слова, и притомъ такъ добръ, нѣженъ, въ немъ было столько симпатичнаго, что, мнѣ казалось, я сама была влюблена въ него. Вы знаете, мы очень небогаты, семья у насъ большая; напротивъ, онъ считался сравнительно богатымъ человѣкомъ. Родители меня охотно за него отдали.

Я помню эти два года, которые мы прожили съ нимъ вмѣстѣ, вдвоемъ, почти безвыѣздно, въ его деревнѣ. Я вспоминаю объ этомъ времени, какъ о какомъ-то прелестномъ, радостномъ снѣ, который такъ похожъ и вмѣстѣ непохожъ на дѣйствительную жизнь... Должно быть, это время было то, что называется полнымъ счастіемъ. Мы жили какъ будто въ какомъ-то раю, гдѣ все намъ улыбалось, все намъ

радовалось, все жило и существовало только для насъ однихъ. Мы не знали не только горя и скуки, но даже не понимали что значитъ о чемъ-нибудь думать и заботиться. Мы жили только сами въ себѣ и другъ въ другѣ. Намъ не было дѣла ни до людей, ни до кого и ни до чего на свѣтѣ. Разумѣется, это была жизнь счастливыхъ, балованныхъ дѣтей, но жилось такъ хорошо, такъ весело, такъ радостно... Теперь я не понимаю возможности такой жизни, а въ то время намъ не приходило даже въ голову подумать: можетъ ли быть и есть ли какая-нибудь иная жизнь. Я не могла бы вамъ разсказать, какъ мы проводили время, что дѣлали, о чемъ говорили, чѣмъ занимались. Но мы были постоянно довольны, постоянно веселы, вотъ какъ эти бабочки, которыя теперь кружатся въ воздухѣ. Мы просыпались съ улыбкой, цѣлый день смѣялись и засыпали опять съ той же улыбкой...

Не знаю, долго ли бы мы наслаждались этимъ блаженствомъ, если-бы не нарушила его вдругъ и неожиданно смерть... Онъ умеръ. Умеръ послѣ весьма непродолжительной болѣзни. Я до тѣхъ поръ не видала смерти, я только слыхала, но никогда не думала о ней. Меня такъ поразила необходимость вѣчной разлуки съ Полемъ, что я сошла съ ума въ ту самую минуту, какъ его хоронили... Родители увезли меня къ себѣ. Я убѣжала отъ нихъ въ домъ Поля. Родитали переѣхали туда-же, чтобы наблюдать за мной. Разсказываютъ, что я цѣлые дни проводила на могилѣ мужа, что-то такое шептала или разсказывала весело, со смѣхомъ, какъ-будто онъ былъ передо мною. Я просиживала-бы тамъ и ночи, если-бы меня не уводили домой насильно.

Зачѣмъ-то меня стали повязывать бѣлымъ плат-

комъ. Деревенскіе ребятишки постоянно провожали меня толпою на кладбище и домой, называя сумасшедшей барынькой. Я скоро съ ними подружилась, играла съ ними, отвѣчала на ихъ смѣхъ и шалости веселымъ хохотомъ.

Между тѣмъ меня лечили. Что со мною дѣлали — не помню, но знаю изъ разсказовъ, что мѣсяцевъ черезъ семь послѣ смерти мужа сумасшествіе прошло, и я впала въ унынiе, тосковала и часто плакала о Полѣ. Родители рѣшили отвезти меня въ Москву, гдѣ жилъ старшій братъ мой; надѣялись, что новыя впечатлѣнія и разсѣянная жизнь меня окончательно вылечатъ. Они не ошиблись: я выздоровѣла, но на радость-ли? Не лучше-ли было бы мнѣ остаться на всю жизнь сумасшедшей? Мнѣ кажется, я не страдала въ сумасшествіи, мнѣ кажется, напротивъ, я продолжала жить прежнею счастливой жизнью... Правда, я жила до тѣхъ поръ только для себя одной, я должна была, можетъ быть, какъ человѣкъ, жить въ обществѣ и для людей. И я узнала эту жизнь... Но слушайте-же, принесла-ли я радость хотя кому-нибудь? Нужна-ли я была людямъ?

Братъ мой былъ холостой человѣкъ, умный, честный, но нѣсколько сухой и эгоистъ. Нужда-ли, которую онъ перенесъ до тѣхъ поръ, пока создалъ себѣ приличное положеніе въ обществѣ, то-ли, что онъ былъ всѣмъ обязанъ себѣ одному, сдѣлали его такимъ — я не знаю, но онъ видимо любилъ только себя одного, а затѣмъ признавалъ долгъ, во имя котораго и дѣйствовалъ такъ или иначе, но всегда холодно, равнодушно, безъ увлеченій и никогда не измѣнялъ себѣ. Мы съ нимъ не видались съ дѣтства и я почти не помнила его, конечно, и онъ меня также, но онъ встрѣтилъ меня ласково, привѣтливо,

хотя и безъ особенной нѣжности. Онъ сказалъ родителямъ, что считаетъ себя обязаннымъ окружить меня всевозможной заботливостью и сдержалъ свое слово; но мы никогда-бы не могли подружиться и, проживши у него слишкомъ годъ, я никогда не входила съ нимъ въ интимные разговоры и никогда не любила его, но только уважала и нѣсколько боялась.

Родители пробыли съ мною въ Москвѣ нѣсколько недѣль и, полагаясь на брата, оставили меня его попеченію, а сами возвратились въ деревню, куда призывала ихъ и привычка, и хозяйство, которымъ они существовали. Я осталась одна съ братомъ. Чтобы слѣдить за состояніемъ моего здоровья, былъ приглашенъ докторъ, а между тѣмъ мнѣ доставлялись всѣ возможныя развлеченія.

Я въ первый разъ была въ столицѣ и ея громадность, зданія, шумъ, постоянное движеніе очень меня занимали; но всего больше, и съ перваго-же раза, меня увлекъ театръ. Я помню его первое впечатлѣніе. Прежде всего меня поразила въ немъ громадность постройки, множество народа, обилие свѣта и блеска, какихъ я не видывала; но когда открылся занавѣсъ и я услышала со сцены звуки страсти, выраженіе новыхъ, невѣдомыхъ мнѣ чувствъ, у меня захватило духъ, я забыла все окружающее и превратилась въ слухъ и зрѣніе. Я не помню, какую піесу играли, кто были актеры, хорошо или дурно исполняли свои роли, но я какъ ребенокъ то хохотала, то горько плакала и до такой степени искренно и безцеремонно, что братъ меня старался останавливать и даже признавался послѣ, что былъ смущенъ моимъ поведеніемъ и боялся, что я обращу на себя общее вниманіе и даже насмѣшки. Но я совершенно не уясняла себѣ въ то время замѣчаній и совѣтовъ

брата и не въ силахъ была даже обратить на нихъ вниманіе: въ головѣ моей поднялись и роились какія-то новыя мысли, сердце было переполнено какими-то смутными ощущеніями. Мнѣ было и весело и грустно, и тяжело въ одно и то же время. Мнѣ кажется, что только въ эти минуты я окончательно выздоровѣла отъ сумасшествія, по крайней мѣрѣ въ первый разъ, по возвращеніи изъ театра, я думала почти цѣлую ночь — и могу сказать о чемъ.

До сихъ поръ мнѣ было только скучно, тяжело, грустно, но отчего, почему — я не могла сказать. Поль представлялся мнѣ какъ живой, но я никогда не думала о немъ, не провѣряла его словъ и моихъ отношеній къ нему, я просто тупо горевала о человѣкѣ, къ которому привыкла, съ которымъ никогда не думала разстаться и котораго не было со мною. Въ эту ночь, напротивъ, мнѣ какъ-то уяснялся его образъ, я какъ будто поняла что это былъ за человѣкъ, что я къ нему чувствовала и что въ немъ потеряла. Я припоминала всѣ его фразы, его ласки, наши почти дѣтскія игры, нашъ образъ жизни въ теченіи двухъ лѣтъ, которыя мы съ нимъ прожили; и меня поражало, отчего это Поль никогда ничего не говорилъ мнѣ такого или въ родѣ того, что я слышала въ театрѣ, отчего всѣ его слова были такъ похожи одни на другія, отчего они не возбуждали во мнѣ ничего похожаго на тѣ ощущенія, которыя я перечувствовала въ театрѣ, отчего каждый день нашей жизни съ нимъ былъ такъ похожъ на всѣ другіе, откуда, изъ чего возникаютъ между людьми такія разнообразныя отношенія, которыя я замѣтила сегодня въ первый разъ на сценѣ, отчего это въ настоящую минуту, еслибъ даже Поль явился передо мной живой, я бы иначе стала выражать ему любовь

мою и мнѣ скучно было бы попрежнему бѣгать въ запуски или скакать по стульямъ и столамъ, какъ это, бывало, забавляло насъ по цѣлымъ часамъ? Мнѣ хотѣлось бы, чтобы Поль не только безпрестанно цѣловалъ меня и носилъ на рукахъ, и чтобы онъ не говорилъ мнѣ только тѣ слова нѣжности, которыя я постоянно отъ него слышала, не называлъ бы меня только душечкой, красоточкой, ангелочкомъ, сокровищемъ; я хотѣла бы, чтобъ онъ сказалъ мнѣ что-нибудь другое, болѣе выражающее его любовь ко мнѣ. Я хотѣла бы, чтобъ онъ не только говорилъ мнѣ: какъ сегодня тепло — пойдемъ гулять, или какой славный воздухъ — будемъ пить чай въ саду, или какой чудесный морозъ — поѣдемъ кататься и сами будемъ править лошадью, и чтобы онъ не смѣялся такъ весело, когда обгонитъ меня или когда опрокинутся сани и я упаду въ снѣгъ. Зачѣмъ это, отчего намъ всегда было такъ весело, такъ все смѣшно и радостно, отчего это мы всегда только играли и веселились, тогда какъ въ жизни такъ много горя и страданій? Да отчего и веселье, и радость у другихъ людей выражаются совсѣмъ не такъ, какъ у насъ? Мы съ нимъ какъ будто бы ничего на желали и не ждали отъ жизни, а другіе, вѣдь, такъ многаго желаютъ и къ чему-то стремятся... И что бы было, еслибы я вдругъ потребовала отъ Поля другихъ мыслей, другихъ чувствъ и словъ, и еслибы вдругъ вся та жизнь, которую мы вели, показалась бы мнѣ такою однообразною и даже скучною, какъ кажется теперь? Что бы сталъ Поль говоритъ и дѣлать? Однимъ словомъ, я тогда не уяснила себя, но въ первый разъ почувствовала, а поняла уже впослѣдствіи, подъ вліяніемъ другаго человѣка, что еслибы судьба перенесла меня въ какую-нибудь иную об-

становку, въ другую сферу жизни, съ иными людьми и еслибъ въ душѣ моей возникли какимъ-нибудь образомъ новыя потребности, то Поль не могъ бы отвѣчать мнѣ на нихъ и я могла бы разлюбить его или по крайней мѣрѣ скучала бы въ его обществѣ...

Мало-по-малу театръ сдѣлался для меня не только любимымъ развлеченіемъ, но почти необходимостью, и всякій разъ, какъ братъ предлагалъ мнѣ какое-нибудь общественное удовольствіе, я просила его, чтобы онъ ѣхалъ со мною въ театръ. Черезъ него я знакомилась съ жизнью, которою до сихъ поръ не жила, въ немъ я училась и чувствовать, и мыслить — онъ развивалъ меня. Не знаю, правильно ли думала я о жизни и людяхъ, но я уже думала и разсуждала.

По мѣрѣ того, какъ я выздоравливала, то есть дѣлалась веселѣе и разговорчивѣе, квартира брата чаще и чаще наполнялась молодыми людьми и товарищами по его службѣ. Это были большею частью все чиновники, люди или очень солидные и серьезные, съ какимъ-то сухимъ, однообразнымъ разговоромъ, или очень бойкіе, развязные и говорливые, но которые также казались мнѣ похожими одни на другихъ и бесѣда которыхъ никогда не увлекала и не занимала меня. Первые говорили все больше о дѣлахъ и иногда очень не смѣшно шутили, хотя сами очень громко хохотали, другіе разсказывали постоянно какія-то новости, для меня вовсе не интересныя, какіе-то анекдоты о своихъ знакомыхъ, которыхъ я не знала, говорили и спорили о повѣстяхъ и романахъ, обращаясь въ этомъ случаѣ ко мнѣ, но я въ то время еще ничего почти не читала. Заговаривали иногда и о театрѣ — при этомъ разговорѣ я оживала, но не надолго, потому что, мнѣ казалось, они говорятъ совсѣмъ не о томъ, что меня занимало въ

сценическомъ произведеніи: они оцѣнивали игру актеровъ, критиковали иногда и самое драматическое произведеніе, а меня занимала самая жизнь, которая была перенесена и изображена на сценѣ... Я не умѣла объяснить своихъ мыслей, да и не хотѣла ихъ высказывать, а потому, просиживая цѣлые вечера въ кругу молодыхъ людей, больше молчала и слушала и почти всегда только утомлялась, не вынося ничего изъ продолжительныхъ разговоровъ. Было нѣсколько человѣкъ, которые видимо любезничали со мною, говорили мнѣ комплименты, старались понравиться, но всѣ они не только не интересовали меня, но даже казались очень скучны и противны.

На этихъ вечеринкахъ сначала изрѣдка, а потомъ чаще и чаще, сталъ появляться докторъ, который лечилъ меня. Это былъ молодой человѣкъ, очень серьезный и молчаливый, который въ то время начиналъ входить въ славу, но не сдѣлался еще очень дорогимъ и потому былъ приглашенъ братомъ, тѣмъ болѣе, что они были знакомы еще съ университета. Я не стану вамъ описывать его наружность: скажу одно только, что у него были прекрасные глаза съ какимъ-то мягкимъ, ласкающимъ и въ то-же время чрезвычайно грустнымъ выраженіемъ. Сначала я не обращала на него большаго вниманія. Онъ пріѣзжалъ каждое утро только на нѣсколько минутъ, и, спросивши о состояніи моего здоровья, давши какой-нибудь совѣтъ или, поговоря наединѣ съ братомъ, тотчасъ-же уѣзжалъ. Вскорѣ визиты его стали продолжительнѣе и онъ иногда вступалъ со мною въ разговоръ, но въ такой общій и неопредѣленный, что не оставлялъ послѣ себя никакого впечатлѣнія. По вечерамъ, въ обществѣ другихъ молодыхъ людей, онъ большею частью молчалъ, и если вступалъ въ

разговоръ, то говорилъ какими-то отрывочными фразами, въ которыхъ иногда было много ума и желчи и которыми, я не разъ замѣчала, онъ иногда сердилъ, иногда смущалъ своихъ собесѣдниковъ; но и это случалось не часто. Обыкновенно онъ сидѣлъ и молчалъ.

Въ эти вечера я нерѣдко замѣчала его глаза, какъ-бы прикованные ко мнѣ съ какимъ-то особеннымъ выраженіемъ, но всякій разъ, какъ наши глаза встрѣчались, или я спѣшила почему-то уклониться отъ его взглядовъ, или онъ быстро избѣгалъ моего взгляда. Съ нѣкотораго времени онъ сдѣлался чрезвычайно ласковымъ и внимательнымъ ко мнѣ, но былъ также не разговорчивъ, какъ и со всѣми.

Однажды, утромъ, онъ пріѣхалъ къ намъ въ то время, когда брата не было дома. Это былъ не обычный часъ его визита.

Для компаніи мнѣ нанята была какая-то бѣдная женщина, которая должна была находиться со мною въ отсутствіе брата и въ то же время занимала у насъ должность экономки. Это была очень не глупая, говорливая и чрезвычайно хвастливая особа, которая постоянно надоѣдала мнѣ разсказами о своей жизни: какъ она прежде живала въ богатствѣ и даже въ роскоши, имѣла свой домъ, лавки (онъ была изъ купеческаго званія), экипажи, прислугу, какъ потомъ мужъ ея обанкротился и съ горя сошелъ съ ума, какъ она ходила за нимъ, сумасшедшимъ, цѣлыхъ десять лѣтъ, пока не прожила послѣдней копейки и не принуждена была отдать мужа въ сумасшедшій домъ, а сама идти въ экономки, и пр., и пр. При этомъ она такъ искусно умѣла перемѣшивать правду съ ложью и хвастовствомъ, что почти каждый день я слышала новыя подробности изъ исторіи ея жизни. Лизавета Савишна (такъ звали ее)

была при этомъ чрезвычайно обидчиваго и мстительнаго нрава. Въ ту минуту, какъ пріѣхалъ докторъ, ея тоже не было дома по какому-то случаю: я оставалась одна... Неожиданный пріѣздъ доктора нѣсколько смутилъ меня. Сама не знаю почему, но я покраснѣла при его появленіи. Подходя ко мнѣ, онъ быстро осмотрѣлъ комнату и, раскланявшись, какъ всегда, сѣлъ около меня.

— А вы одни? спросилъ онъ, какъ будто совершенно неумышленно.

— Да, братъ уѣхалъ, кажется, въ присутствіе.

— А ваша... я не знаю, какъ назвать — дульцинея, или femme de compagnie — и ея тоже нѣтъ?

— Да, и она ушла куда-то.

— Ну, что же вы подѣлываете?

— Такъ, почти ничего.

— Все еще тоскуете о вашемъ мужѣ? спросилъ онъ пристально, но какъ-то особенно, не по-докторски, смотря на меня.

Я не нашлась, или не хотѣла ничего сказать на это и отвѣчала улыбкой.

— А какъ здоровье? спросилъ онъ, беря меня за руку, какъ будто для того, чтобы посмотрѣть пульсъ.

— Ничего особеннаго, сказала я, — какъ всегда.

Онъ молча держалъ мою руку и не спускалъ съ меня глазъ, въ которыхъ было то выраженіе, какое я замѣчала нѣсколько разъ и прежде во время его вечернихъ посѣщеній. Мнѣ сдѣлалось неловко. Я хотѣла освободить свою руку, — онъ не отпускалъ и держалъ ее крѣпко.

— Скажите, вы очень любили вашего мужа? вдругъ спросилъ онъ меня.

До сихъ поръ онъ никогда не говорилъ со мною о мужѣ и такимъ тономъ.

— Да, отвѣчала я тихо и чувствовала, что снова краснѣла.

— И любите его даже теперь?

— Мнѣ этотъ разговоры тяжелъ, докторъ, сказала я съ упрекомъ.

— Мнѣ нужно было предложить вамъ этотъ вопросъ.. какъ доктору... и какъ человѣку, прибавилъ онъ глухимъ и нетвердымъ голосомъ.

Я снова сдѣлала движеніе, чтобы освободить свою руку. Онъ опустилъ ее съ подавленнымъ вздохомъ.

— Ппслушайте что я вамъ скажу, проговорилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія: увѣрены ли вы, что были бы счастливы, еслибъ вашъ мужъ оставался живъ до сихъ поръ?

Я съ невольнымъ любопытствомъ взгянула на него.

— Почемъ вы знаете, продолжалъ онъ, что онъ не разлюбилъ бы васъ.. или что вы не разочаровались бы въ немъ?

Эти слова были опредѣленнымъ выраженіемъ того, что я сама смутно думала. У меня какъ-то странно вздрогнуло сердце. Я молчала.

— Вы такъ мало знали жизнь, такъ мало видѣли людей и были такъ молоды, что въ то время мужъ, какой бы онъ ни былъ, а особенно красивый и добрый, молодой человѣкъ, могъ казаться вамъ божествомъ. А почемъ вы знаете, что еслибъ вы узнали жизнь и людей, хоть даже такъ, какъ теперь, то вы не охладѣли бы къ нему?..

— Я не думаю. Это невозможно, проговорила я, чтобы сказать что-нибудь и чтобы скрыть страшное волненіе, которое вдругъ овладѣло мною.

— Невозможно... Напротивъ, это такъ должно было быть. Такія натуры, какъ ваша, не удовлетво-

ряются тѣмъ мелкимъ счастіемъ, какимъ вы наслаждались. Для васъ нужно нѣчто болѣе.

— Что же? невольно спросила я его.

— Любовь полная, со всѣми ея страданіями и радостями, любовь человѣка развитаго и умѣющаго отвѣчать на всѣ вопросы вашего сердца и вашего ума. Вашъ мужъ, сколько я знаю, не могъ бы никогда дать вамъ такой любви.

— Почемъ вы знаете? спросила я его.

Кровь во мнѣ кипѣла, я горѣла какъ въ горячкѣ.

— Вотъ этотъ румянецъ — признакъ настоящей жизни, проговорилъ онъ, смотря на меня восторженными глазами; и какое было бы счастье, еслибъ эта жизнь, пробужденная мною, и принадлежала мнѣ.

Онъ смѣло взялъ и поцѣловалъ мою руку. Я вздрогнула всѣмъ тѣломъ и вырвала руку. Я не была сердита на него за дерзость, но мнѣ было досадно на самое себя... За что? не умѣю вамъ объяснить. Онъ, вѣроятно, отнесъ это выраженіе досады на свой счетъ и сказалъ:

— Не сердитесь на меня, вы первая паціентка, у которой вмѣстѣ съ тѣломъ, я хотѣлъ бы излечить и душу. Мнѣ показалось, что вы совсѣмъ выздоровѣли; до сихъ поръ я никогда не видалъ такого румянца на вашихъ щекахъ, и если я неосторожно и дерзко выразилъ свою радость, — простите меня. Я говорилъ съ вами, какъ докторъ, и думалъ, вы не прогнѣваетесь на меня, что я такъ искренно выразилъ свою радость.

Я взглянула на него. Лице его было печально.

— Нѣтъ, я не сержусь, проговорила я торопливо

— Благодарю васъ и аа это. Ожидать большаго счастія я не долженъ и не имѣю права... Буду

радоваться по крайней мѣрѣ тому, что не заслужилъ презрѣнія за излишнюю любовь къ вамъ.

Онъ горько улыбнулся. Мнѣ сдѣлалось тяжело и грустно. Я готова была заплакать, не умѣя и не находя силъ сказать что чувствовала. Мнѣ кажется, онъ читалъ на моемъ лицѣ каждое движеніе моего сердца. Въ его глазахъ блеснула радость. Онъ опять взялъ мою руку и хотѣлъ что-то говорить, когда въ одной изъ дальнихъ комнатъ послышался голосъ и шаги Лизаветы Савишны. Чувство досады мгновенно пробѣжало по его лицу, онъ быстро оставилъ мою руку и сталъ ходить по гостиной.

— Если вы не сердитесь на меня, то не забудьте, что вы дороже для меня всего на свѣтѣ, проговорилъ онъ быстро.

Вошла Лизавета Савишна.

— Вы дурно исполняете ваши обязанности, сказалъ докторъ, обращаясь къ ней, какъ бы съ шуткою. Оставляете Варвару Михайловну одну, а у нея лихорадочное состояніе. Я пожалуюсь на васъ Андрею Михайловичу. Вѣроятно она безъ васъ раздумалась, растосковалась и чувствуетъ себя нехорошо. Вамъ нужно читать, продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ, это васъ будетъ развлекать. Я вамъ привезу книгъ.

Онъ простился со мною повидимому равнодушно, какъ всегда, но уходя успѣлъ взглянуть на меня такъ выразительно, что я долго не могла забыть этого взгляда, въ которомъ выразилось такъ много и любви, и какой-то необъяснимой грусти.

Весь этотъ день послѣ отъѣзда доктора я была въ новомъ, неиспытанномъ мною расположеніи духа: мнѣ было и весело, и грустно; сердце ускоренно билось и замирало, голова была какъ будто въ ка-

комъ-то чаду. Я не могла опредѣленно мыслить, но слова его не выходили изъ моей памяти. Неужели я въ самомъ дѣлѣ могла бы разлюбить Поля, неужели чувства мои къ нему не были настоящая любовь, неужели та жизнь, которую я вела съ нимъ, еще не настоящее счастіе? На всѣ эти вопросы я не смѣла еще дать себѣ рѣшительный отвѣтъ, но, мнѣ кажется, они уже съ той минуты были рѣшены въ моемъ сердцѣ.

На другой день докторъ привезъ мнѣ нѣсколько романовъ Жоржъ Заида. Онъ говорилъ съ братомъ о необходимости для меня читать книги, говорилъ объ этомъ сначала вслухъ, при мнѣ, потомъ увелъ брата въ другую комнату и они что-то толковали вдвоемъ. Я невольно прислушивалась къ ихъ разговору и до меня долетали слова доктора:

— Я нарочно выбралъ этого автора; онъ лучше всѣхъ извѣстныхъ мнѣ писателей знаетъ женское сердце и скорѣе всѣхъ понимается женщиною. Онъ возбудитъ въ ней дѣятельность ума и всѣ женскіе инстинкты. А вся задача леченія должна состоять, по моему мнѣнію, въ возбужденіи всего ея нравственнаго организма.

— Все это такъ, возражалъ братъ, но я боюсь одного, чтобы этотъ писатель не экзальтировалъ ее.

— Нужды нѣтъ, отвѣчалъ докторъ, пусть даже она экзальтируется. Въ ея состояніи экзальтація будетъ переломомъ болѣзни къ лучшему. Здравый смыслъ впослѣдствіи вылечитъ ее окончательно.

Когда они снова пришли ко мнѣ, я видѣла, что братъ совершенно согласился съ мнѣніемъ доктора. Послѣдній держалъ себя въ этотъ визитъ какъ обыкновенно и даже былъ, кажется, серьезнѣе, нежели всегда. Уходя, онъ снова повторилъ свой со-

вѣтъ, чтобы я читала, и обѣщалъ пріѣхать когда-нибудь потолковать о прочитанномъ.

Я принялась за чтеніе съ жадностью. Я переживала жизнь каждаго изъ дѣйствующихъ лицъ романа. Снова я находила новыя ощущенія, желанія, страсти, съ которыми не была знакома. Мнѣ казалось страннымъ, что я не встрѣчала въ геройхъ романовъ ничего похожаго на Поля, но черты доктора, мнѣ казалось, я узнавала во многихъ; то, что я чувствовала наканунѣ, тоже какъ будто было похоже на нѣкоторыя ощущенія, передаваемыя Жоржъ Зандомъ въ нѣкоторыхъ лицахъ. Я невольно задала себѣ вопросъ: неужели я могла бы любить доктора и неужели любовь моя къ нему могла бы быть похожа на тѣ чувства, которыя такъ великолѣпно воспроизводилъ романистъ? Сравненіе себя и доктора съ описываемыми лицами придавало особенный интересъ чтенію. Между тѣмъ онъ продолжалъ дѣлать свои обычные визиты. Иногда мы говорили съ нимъ о томъ что я читала. Случалось, онъ пріѣзжалъ безъ брата, но держалъ себя со мной чрезвычайно осторожно, былъ постоянно грустенъ, но никогда въ его словахъ не было и тѣни похожаго на нашъ первый продолжительный разговоръ, который я вамъ передала, только глаза его часто смотрѣли на меня какъ-то особенно и я невольно при этомъ краснѣла и смущалась. Не знаю какъ и когда, но я убѣдилась въ душѣ, что люблю его: въ его присутствіи я чувствовала какое-то радостное довольство и спокойствіе; когда онъ уѣзжалъ мнѣ становилось грустно. Но любитъ ли онъ меня или по крайней мѣрѣ могъ ли бы любить? Мнѣ казался онъ такъ недоступно уменъ и возвышенъ надо мною, что любовь его ко мнѣ представлялась невозможною — и эта мысль

мучила меня. Предчувствіе брата сбывалось: я начинала экзальтироваться; въ сердцѣ моемъ проснулась жгучая потребность любви. Часто я проплакивала цѣлыя ночи отъ мысли, что я не стою его любви, что я такъ проста, глупа, что во мнѣ онъ, можетъ быть, не признаетъ даже и способности сильно любить. Но что же значилъ тотъ разговоръ? Онъ просто, какъ докторъ, радовался моему выздоровленію и приласкалъ меня, какъ ребенка, а говорилъ все это для того, чтобы отвлечь мои мысли отъ Поля. И, хоть мнѣ стыдно, но я вамъ признаюсь, я совсѣмъ почти перестала вспоминать о мужѣ, а когда онъ приходилъ ко мнѣ на память, то я ставила его нравственно, кажется, гораздо ниже того, чѣмъ онъ былъ въ самомъ дѣлѣ. Онъ мнѣ казался только добрымъ, милымъ, но недалекимъ мальчикомъ.

Не знаю почему брату вздумалось однажды предложить мнѣ сдѣлать нѣсколько знакомствъ съ семейными домами, въ которыхъ онъ былъ принятъ. До тѣхъ поръ я никуда не выѣзжала и кромѣ Лизаветы Савишны не видала женщинъ у себя въ домѣ.

— Да къ кому же и зачѣмъ я поѣду, отвѣчала я, — вѣдь надобно знакомиться съ новыми лицами, привыкать къ новому обществу, а мнѣ это такъ трудно. Я отвыкла отъ женскаго общества и, мнѣ кажется, надо мной будутъ смѣяться.

— Ну, это вздоръ, что станутъ смѣяться. А я именно боюсь, что ты совсѣмъ одичаешь... Я бы свозилъ тебя сначала въ два, три коротко знакомыхъ мнѣ дома, гдѣ, надѣюсь, тебя приняли бы какъ родную.

Братъ назвалъ нѣсколько фамилій.

— И вотъ къ нашему доктору, прибавилъ онъ.

— Какъ, развѣ докторъ женатъ? спросила я, вздрогнувъ, какъ-будто чего испугалась.

Не знаю, замѣтилъ-ли братъ это движеніе, но отвѣчалъ очень спокойно:

— Да, онъ женатъ ужъ давно, лѣтъ пять или шесть. Онъ славную сдѣлалъ партію, у жены его прекрасное состояніе, а главное — большое родство, что доставило ему возможность пріобрѣсти значительную практику. Да онъ и стоитъ этого. Никто не рѣшится ему позавидовать. Онъ чрезвычайно уменъ, образованъ и съ громадными знаніями въ своей наукѣ, и отличный семьянинъ.

Я едва въ силахъ была сидѣть на мѣстѣ и смотрѣть на брата, слушая эти слова. Сердце мое рвалось на части отъ страшной боли.

— Что съ тобой? спросилъ братъ

— Ничего, отвѣчала я, стараясь говорить спокойно.

— Ты блѣдна, какъ смерть. Что ты, опять нездорова?

Я что-то такое отвѣтила ему, прося не обращать на это вниманія; кажется, сказала, что со мною часто случается сердцебіеніе.

— Ты-бы посовѣтовалась съ докторомъ. Это нехорошо. Объ этомъ нужно сказать ему.

— Я попрошу, чтобы онъ прописалъ мнѣ что-нибудь.

— Да, пожалуйста, ты не пренебрегай этимъ.

Я была рада, что братъ скоро ушелъ послѣ этого разговора. Въ первый разъ я узнала тогда муки ревности. Вся моя смутная надежда на возможность его любви ко мнѣ разлеталась, какъ дымъ. Мнѣ было страшно-тяжело; но, кажется, любовь моя къ нему еще усиливалась. Со страхомъ и нервнымъ

нетерпѣніемъ ожидала я его пріѣзда, считая часы и минуты.

Онъ пріѣхалъ такой-же, какъ всегда, ласковый, серьезный и грустный. Въ первый разъ еще, съ извѣстнаго времени, его присутствіе не принесло мнѣ той радости, какую я испытывала прежде. Напротивъ, при взглядѣ на него я едва въ силахъ была удержать слезы, которыя душили меня. Братъ не забылъ разсказать о моей внезапной блѣдности и просилъ доктора обратить на этотъ пароксизмъ особенное вниманіе. Онъ пристально, молча, поглядѣлъ на меня. Этотъ взглядъ опять взволновалъ во мнѣ всю кровь. Я вспыхнула и слезы навернулись на глазахъ. Одно его слово, одинъ вопросъ — и я зарыдала-бы. Но онъ опустилъ глаза, молча взялъ меня за пульсъ и потомъ проговорилъ очень спокойно, обращаясь къ брату: „нѣтъ ничего особеннаго, это что-нибудь нервное."

Затѣмъ онъ тотчасъ-же уѣхалъ.

На слѣдующій день, въ обычный часъ онъ не пріѣхалъ. Я сидѣла одна. Лизаветы Савишны тоже не было. Я старалась анализировать свое чувство и убѣдить себя въ необходимости разлюбить его въ ту самую минуту, какъ онъ вошелъ совершенно неожиданно. Я вскрикнула, увидя его, и поблѣднѣла.

— Вы не ждали меня, сказалъ онъ, садясь около меня: но я нарочно пріѣхалъ въ это время, чтобы застать васъ одну и наединѣ распросить о томъ, что съ вами дѣлается. Что вы чувствуете? объясните мнѣ, какъ доктору, или какъ другу, если позволите.

— Ничего.

— А, вы не хотите быть откровенны со мною. Я не заслужилъ этого. Я понимаю теперь по край-

ней мѣрѣ, что это не такая болѣзнь, которую могъ-бы лечить докторъ... А на то, чтобы проникать въ тайны вашего сердца, разумѣется, я не имѣю никакого права, потому что, какъ-бы велика ни была симпатія или даже любовь моя къ вамъ, она не даетъ права на откровенность, если вы не отвѣчаете на нее.

Я не умѣю вамъ объяснить, но вы, можетъ быть, поймете и объясните сами, почему, вмѣсто отвѣта на его слова, я сказала ему:

— Мнѣ на дняхъ братъ предлагалъ познакомиться съ вашей супругой.

Я смотрѣла на него пристально. Глаза его при моихъ словахъ какъ-то особенно блеснули, но тотчасъ-же приняли свое обычное прежнее выраженіе, лицо-же оставалось совершенно покойно.

— Конечно, жена моя почтетъ за особенное удовольствіе познакомиться съ вами, отвѣчалъ онъ. А вы не знали, что я женатъ?

— Нѣтъ, не знала до разговора съ братомъ.

— Что-же, васъ удивило это?

— Чему-жъ тутъ удивляться?

— Да, конечно, нужно удивляться не тому, что я женатъ, а тому, что женатый человѣкъ осмѣлился надѣяться на возможность для него счастья въ жизни, что онъ можетъ еще хотѣть жить и любить, что не всѣ требованія его сердца удовлетворены или задавлены, что въ груди его еще бьется сердце, а не механическій аппаратъ для кровообращенія. Послушайте, не правда ли: вѣдь вамъ было-бы смѣшно и гадко выслушивать отъ женатаго человѣка признаніе, что онъ любитъ васъ. Вы вѣдь насмѣялись-бы надъ нимъ, стали-бы упрекать его въ безнравственности, были бы убѣждены, что онъ лжетъ, ска-

зали-бы ему, что онъ не имѣетъ права любить никого, кромѣ жены своей. Не правда ли, вѣдь вы такъ-бы отвѣчали на его признаніе?

Онъ остановился и смотрѣлъ на меня, ожидая отвѣта. Въ голосѣ его было слышно раздраженіе, глаза выражали упрекъ.

— Неужели онъ меня любитъ? Неужели онъ намекаетъ на себя? думала я, слушая его слова.

— Что-же вы не отвѣчаете? продолжалъ онъ. Впрочемъ, что-же я спрашиваю васъ? Вы не знали иной любви, кромѣ слѣпаго обожанія своего мужа, вы, можетъ быть, даже не допускаете никакихъ движеній сердца, кромѣ тѣхъ, которыя приняты и дозволены, вы думаете, что еслибъ прожили со своимъ мужемъ десятки лѣтъ, то никогда-бы, никогда не представили себѣ даже возможности иного счастія, иного чувства.

— Я уже не думаю этого, сорвалось у меня съ языка.

— Какъ, вы уже не думаете этого! вскричалъ онъ радостно, хватая меня за руку. О, такъ вы поймете меня. Слушайте-же: я сдѣлалъ въ жизни только одну подлость: женился безъ любви, прельстившись богатствомъ. И за это страшно наказанъ: мнѣ жизнь въ тягость. Я понимаю обязанности женатаго человѣка, но онѣ тяготятъ меня не поддерживаемыя и не освящаемыя любовью. Мнѣ было тяжело и грустно жить до сихъ поръ. Я чувствовалъ себя рабомъ на всю жизнь. Положеніе, которое дало мнѣ хорошее состояніе жены, не вознаграждаетъ и не утѣшаетъ меня за ту неволю, въ которую я попалъ. До сихъ поръ мнѣ было только тяжело и грустно жить на свѣтѣ. Но теперь... теперь, эта жизнь стала невыносима, потому что я люблю васъ всѣми силами

моей души. Неужели вы этого не видѣли и не догадывались? Былъ одинъ день, когда я чуть-чуть не высказалъ вамъ всего что лежало на душѣ, но тогда мнѣ помѣшали. Я думалъ, хотѣлъ побѣдить себя, хотѣлъ скрыть отъ васъ это чувство, еслибъ не въ силахъ былъ его уничтожить въ душѣ... И вотъ опять не выдержалъ. Ну, осмѣивайте меня теперь, разсказывайте всѣмъ и каждому, что вашъ докторъ, солидный, счастливый семьянинъ, сдѣлался ловеласомъ и расточаетъ любезности, дѣлаетъ признанія въ любви своимъ паціенткамъ. Ну, что-же, вознаградите меня такъ, какъ я этого заслуживаю: я, человѣкъ, измѣнившій своему долгу, позволившій себѣ любить васъ.

Я вся дрожала, слушая его. Богъ знаетъ, что дѣлалось со мною. Не помню, что я ему отвѣчала, не могу разсказать вамъ, какъ это случилось, но я была въ его объятіяхъ: онъ цѣловалъ меня съ какой-то бѣшеной страстью; я не только не противилась, но я отвѣчала на его ласки. Я любила его.

Я не стану вамъ разсказывать подробностей нашихъ дальнѣйшихъ свиданій, да и не могла-бы разсказать, еслибъ и хотѣла, Кончилось тѣмъ, что я отдалась ему совершенно. Я перехожу прямо къ самому мучительному для меня воспоминанію. Я не стану говорить подробно о немногихъ дняхъ моего полнаго счастія. Мы видались наединѣ сколько возможно часто. Онъ былъ постоянно восторженно-ласковъ со мною, веселъ и разговорчивъ, выраженіе грусти въ глазахъ его пропадало, онъ казался такимъ счастливымъ. А я, это мало сказать, что я любила его, любовь перешла въ какое-то обожаніе: я готова была молиться на него, я смотрѣла на него, какъ на божество. Онъ никогда не говорилъ со мною ни

слова о своей женѣ; я даже забывала, что онъ женатъ и если мнѣ иногда и приходила въ голову мысль о женѣ его, то я тотчасъ же прогоняла отъ себя эту мысль и что-то такое, какое-то особенное чувство, котораго я вамъ не умѣю ни назвать, ни опредѣлить, не позволило бы мнѣ выговорить съ нимъ ни одного слова о ней. Я не ревновала его къ женѣ, я чувствовала, что онъ не любитъ ее. Я не стыдилась того, что люблю женатаго, но мнѣ хотѣлось бы не знать, не слышать о томъ, что есть женщина, которая называется его женою. Даже, оставаясь часто одна, сама съ собою, и думая объ немъ, я представляла себѣ только его одного и никогда вмѣстѣ съ тою женщиною, съ которою онъ былъ связанъ и которой принадлежалъ въ глазахъ всѣхъ людей.

Встрѣчаясь съ нимъ при братѣ и при постороннихъ, мы держали себя очень далеко другъ отъ друга, какъ совершенно чужіе, и были вполнѣ увѣрены, что о нашей связи никто не знаетъ и даже не догадывается. Въ такой жизни прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Родители, получая извѣстія о моемъ выздоровленіи, нѣсколько разъ предлагали мнѣ пріѣзжать къ нимъ, чтобы и жить съ ними, но, разумѣется, я не могла и подумать объ этомъ безъ ужаса, и отказывалась подъ разными предлогами. Братъ не тяготился моимъ присутствіемъ и даже былъ, кажется, доволенъ, что я жила у него, потому что я приняла въ свои руки все его холостое хозяйство и умѣла угождать ему. Лизавета Савишна, которая мѣшала нашимъ свиданіямъ съ докторомъ, была удалена по моему предложенію, какъ совершенно лишній человѣкъ въ домѣ. Братъ, человѣкъ довольно разсчетливый, охотно на это согласился,

тѣмъ болѣе, что я приняла на себя почти всѣ ея обязанности. Я была чрезвычайно довольна своею новою жизнью и не хотѣла ничего, кромѣ возможности чаще видѣть моего Пьера. Я еще не говорила вамъ, что это было его имя. Но братъ почему-то желалъ сдѣлать свой домъ доступнымъ для его семейныхъ знакомствъ и нѣсколько разъ упорно настаивалъ, чтобы я сдѣлала съ нимъ нѣсколько визитовъ въ знакомые ему семейные дома и въ томъ числѣ къ доктору. Я должна была уступить его желанію, но мнѣ предстояло встрѣтиться съ женою Пьера, это страшно пугало меня; ѣхать же къ другимъ и отказаться отъ визита къ доктору было неловко.

Я нашла время передать объ этомъ желаніи брата Пьеру. Онъ нахмурился и нѣсколько минутъ молчалъ, соображая что-то.

— Мнѣ самому не хотѣлось бы этого знакомства, сказалъ онъ наконецъ. Но что же дѣлать? Поѣзжай. Только будь, пожалуйста, какъ можно осторожнѣе въ ея присутствіи. Она очень ревнива и подозрительна.

Послѣ этого разговора онъ въ первый разъ наединѣ со мною былъ молчаливъ и грустенъ почти попрежнему. Никакія ласки мои не могли сдѣлать его веселымъ.

— Послушай, если ты не хочешь, я откажусь на-отрѣзъ отъ всякихъ знакомствъ, хоть и дала почти слово брату.

— Нѣтъ, нѣтъ, это неловко. Нѣтъ, пріѣзжай! Онъ тяжело вздохнулъ. У меня не стало духа распросить его объ его семейной жизни, самъ онъ ничего не говорилъ болѣе.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того мы съ бра-

томъ пріѣхали къ доктору. Я встрѣтила его жену съ невольнымъ смущеніемъ. Это была женщина не красивая, но и не безобразная, нѣсколько смуглая съ черными, блестящими глазами. Манеры ея показались мнѣ нѣсколько рѣзки, а въ голосѣ что-то повелительное, какъ будто отъ привычки приказывать. Вся ея фигура выражала здоровье и силу, но въ то же время въ ея взглядѣ, въ выраженіи ея лица, въ самомъ звукѣ голоса, отражалось внутреннее недовольство и раздражительность. Она приняла меня любезно, но не особенно ласково. Мнѣ показалось, что она пронизываетъ меня своимъ взглядомъ. Я чувствовала себя неловко и не смѣла взглянуть на Пьера, но при каждомъ словѣ его, которое доходило до моего слуха, у меня болѣзненно сжималось сердце. Пьеръ разговаривалъ съ братомъ, не обращая на меня никакого вниманія, но я чувствовала, что ему также неловко, какъ и мнѣ. Онъ даже видимо покушался увести брата въ другую комнату, предлагая идти курить въ его кабинетъ; но братъ отказался и онъ долженъ былъ остаться. Среди разговора со мною, жена вдругъ обратилась къ Пьеру съ какимъ-то вопросомъ. Я мелькомъ взглянула на него: онъ былъ таковъ, какимъ я его узнала — тотъ же ласковый и грустный взглядъ, только брови его были какъ-то сосредоточенно сдвинуты, и на лицѣ его, которое я уже такъ хорошо знала и понимала, выражалась внутренняя тревога: онъ видимо желалъ скрыть ее подъ ласковой улыбкой, съ которою выслушивалъ и отвѣчалъ своей женѣ, и которая такъ не шла къ его сдвинутымъ бровямъ. Съ него мои глаза невольно обратились на его жену и, женскимъ инстинктомъ, по ея взгляду, по голосу, которымъ она говорила съ

нимъ, я угадала, что она страстно любитъ своего мужа. Мнѣ сдѣлалось ужасно тяжело, и я была рада, когда этотъ визитъ кончился и мы разстались съ докторшей. Дорогой, братъ спрашивалъ, понравилась ли мнѣ жена доктора, хвалилъ ее за умъ, за образъ мыслей, за то, что она умѣла такъ привязать къ себѣ мужа, разсказывалъ, что онъ слыветъ отличнымъ семьяниномъ; хвалилъ и его за то, что онъ не облѣнился, получивши хорошее состояніе, что не бросилъ практику.

— Другой бы, говорилъ братъ, и жилъ себѣ припѣваючи около жены, окруженный полнымъ довольствомъ, и не захотѣлъ бы шагу сдѣлать изъ дома для какого-нибудь труда. А онъ почти покою не имѣетъ, слава его растетъ и онъ у всѣхъ, какъ говорится, на расхватъ, такъ что ему почти не удается десяти часовъ въ сутки быть дома.

Я объяснила себѣ трудовую жизнь Пьера изъ другаго источника: мнѣ думалось, что онъ держится за практику, какъ за единственное средство освобождаться отъ тяжелаго для него присутствія нелюбимой жены.

Можетъ быть вамъ покажется страннымъ, но ни послѣ перваго моего визита, ни послѣ новыхъ моихъ встрѣчъ съ докторшей, у меня и въ ея домѣ, мы никогда ни слова не говорили о ней съ Пьеромъ, какъ будто ея вовсе не было на свѣтѣ.

Такъ прошло нѣсколько времени. Я почувствовала себя матерью и сказала объ этомъ Пьеру. Мы стали думать о будущемъ. Оставаться въ домѣ брата было невозможно: онъ не былъ на столько великодушенъ, чтобы простить меня и принять подъ свою защиту; ѣхать въ деревню я не могла, потому что не въ силахъ была растаться съ Пьеромъ и боя-

лась огорчить моихъ стариковъ родителей. Рѣшено было, что черезъ нѣсколько времени я ѣду въ Петербургъ, куда обѣщалъ вслѣдъ за мной пріѣхать и Пьеръ.

Однажды мы сидѣли вдвоемъ и разсуждали о моемъ отъѣздѣ. Голова моя лежала у него на плечѣ, онъ обвилъ меня своими руками. Мнѣ было грустно. Пьеръ успокоивалъ меня и увѣрялъ въ своей любви. Вдругъ дверь изъ сосѣдней комнаты отворилась и передъ нами стояла жена Пьера. Въ одно мгновеніе мы оба вскочили на ноги, но я тотчасъ же опять опустилась на диванъ, потому что не въ силахъ была стоять. Жена Пьера была страшна въ эту минуту: большіе черные глаза ея сверкали злобой и казались еще больше. На щекахъ выступили багровыя пятна, а губы были почти синія. Она вся дрожала, какъ въ лихорадкѣ.

— А, такъ вотъ ты гдѣ, вотъ ты съ кѣмъ! говорила она дрожащимъ отъ ярости голосомъ. Вотъ ты, вѣрный супругъ, чѣмъ занимаешься. Ты думалъ, я не найду тебя. Вотъ какая практика у знаменитаго доктора, которая заставляетъ его на цѣлые дни покидать жену. Безсовѣстный, гнусный человѣкъ!..

Тутъ посыпался такой градъ неистовой брани и упрековъ, какихъ я не слыхивала въ устахъ порядочной женщины. По мѣрѣ того, какъ она бранилась, бѣшенство все больше и больше овладѣвало ею, на губахъ показалась пѣна. Я невольно взглянула на Пьера. Онъ стоялъ блѣдный, со стиснутыми губами, молча и опустя голову. Этотъ взглядъ она изловила и какъ фурія бросилась на меня съ какими-то дикими, несвязными фразами... И... не смотрите на меня: мнѣ и страшно, и стыдно разсказывать. Прежде, чѣмъ я успѣла вскрикнуть, она схватила

меня за волосы, рвала ихъ, била меня. Я закричала и потомъ помню, какъ будто видѣла во снѣ, Пьеръ схватилъ ее за руки, между ними началась борьба, и они оба скрылись.

Мнѣ тяжело останавливаться долго на этомъ случаѣ. Я уже много выстрадала послѣ того; моя чувствительность притупилась, но и теперь не могу безъ ужаса и тоски вспоминать этотъ случай. А тогда я оставалась одна и сидѣла какъ полоумная. Долго я не могла вполнѣ сознать того позора и униженія, которое перенесла. Но когда я совершенно пришла въ себя, со мною сдѣлался припадокъ бѣшенства: я металась по комнатѣ, рыдала, рвала на себѣ волосы, ломала руки. Я чувствовала такую злость и такую нервную силу въ себѣ, что еслибы эта женщина въ эту минуту явилась передо мной, мнѣ кажется, я съ наслажденіемъ убила бы ее своими руками. Но, признаться ли вамъ? Въ эти минуты я страдала не отъ чувства перенесеннаго мною униженія и оскорбленія — я объ этомъ почти не думала — но отъ мысли, что Пьеръ принадлежитъ такой женщинѣ и что теперь онъ можетъ возненавидѣть меня, опозоренную въ его присутствіи, въ его глазахъ. Эта послѣдняя мысль убивала меня.

До сихъ поръ я не знаю, какимъ образомъ жена Пьера открыла нашу связь. Вѣроятнѣе всего предполагать, что виновницей всего этого была Лизавета Савишна, которая сердилась на меня за удаленіе изъ дома брата, и которая скорѣе всѣхъ могла догадаться и замѣтить мои отношенія къ Пьеру. Люди наши, конечно, были подкуплены докторшей, потому что въ домѣ не было ни одного человѣка изъ прислуги, когда она прошла черезъ заднее крыльцо. Но для меня всего удивительнѣе, какимъ чудомъ братъ

остался въ совершенномъ невѣденіи о всемъ случившемся.

Когда я, на другой день послѣ ужасной ночи, проведенной въ мучительныхъ нравственныхъ страданіяхъ, сдѣлалась больна и не могла встать съ постели, братъ тотчасъ же послалъ за Пьеромъ; но посланный привезъ отвѣтъ, что докторъ не можетъ быть, потому-что нездоровъ. Это извѣстіе придало мнѣ новыя силы. Онъ сдѣлался боленъ, онъ страдаетъ за меня и около него ненавистная ему женщина! Я по крайней мѣрѣ одна, сама съ собою, а передъ нимъ постоянный упрекъ, въ лицѣ жены его, которая опозорила его любовь... И во всѣхъ этихъ страданіяхъ его я виновата... Можетъ быть онъ теперь думаетъ обо мнѣ, зоветъ меня, простираетъ ко мнѣ руки... И вмѣсто меня, около него эта ненавистная женщина, которая каждую минуту грызетъ, укоряетъ его или окружаетъ заботами, ласкою, что еще хуже, еще невыносимѣе... Пьеръ, Пьеръ, чѣмъ бы я не пожертвовала, чтобы въ настоящую минуту быть при немъ или хоть бы взглянуть на него!.. Съ такими мыслями я встала съ постели и рѣшительно объявила брату, что не нуждалась въ докторской помощи, что со мною была минутная слабость, которая и прошла, что я теперь совершенно здорова... Но должно быть глаза и лице мое говорили совсѣмъ другое, потому что братъ настоятельно убѣждалъ меня обратиться къ доктору и былъ удивленъ моимъ упорнымъ отказомъ. И въ самомъ дѣлѣ я была въ горячешномъ состояніи и бродила по комнатамъ, какъ лунатикъ, ничего не видя, не слыша, ни съ кѣмъ не говоря... Такъ прошло два мучительныхъ дня, я ничего не знала о Пьерѣ. Наконецъ на третій день, въ тотъ часъ, когда братъ обыкновенно

былъ на службѣ, меня вызвалъ какой-то незнакомый, назвавшійся чьимъ-то слугою и подалъ мнѣ книгу: въ ней я нашла записку отъ Пьера. Онъ умолялъ меня, если я здорова, пріѣхать въ домъ, куда привезетъ меня карета, которую будетъ сопровождать человѣкъ, подавшій мнѣ эту записку. Тамъ я найду его, а карета будетъ ожидать меня на углу нашей улицы. „Быть у тебя въ домѣ я не могу“ писалъ онъ. „За мною слѣдятъ сто глазъ“. Разумѣется, въ назначенный часъ я была тамъ... Увидя его, я бросилась къ нему на шею, какъ безумная, и рыдала на его рукахъ, какъ ребенокъ. Онъ тоже былъ похожъ на сумасшедшаго: плакалъ, цѣловалъ мои руки, ноги, бросался предо мною на колѣни, просилъ прощенія, умолялъ не презирать его... говорилъ какія-то несвязныя рѣчи, которыхъ я не могла понять.

— Неужели ты все еще любишь меня, спросила я его, неужели я не ненавистна тебѣ и теперь, оскорбленная, прибитая руками твоей жены?..

— Не говори, не говори, вскричалъ онъ съ болѣзненнымъ стономъ, закрывая лице руками: не поминай объ этомъ, не добивай меня окончательно... Я истерзанъ, измученъ, я ненавижу себя, я въ состояніи убить себя, если ты будешь напоминать мнѣ, говорить объ этомъ случаѣ... О, какъ я безсиленъ, какъ я подлъ, какъ я низокъ... говорилъ онъ, рыдая и скрывая лице свое на моихъ колѣняхъ. Ты должна презирать, ненавидѣть меня... Но прости меня, не отталкивай хоть за мою любовь къ тебѣ... Какъ я люблю тебя... Господи, Господи! Чего мнѣ стоили эти два дня... О, не говори, не говори объ этомъ, умоляю тебя...

Я не понимала тогда, за что онъ себя упрекаетъ,

но видѣла, чувствовала какъ онъ страдалъ при этихъ словахъ и не хотѣла спросить его.

— Что же мы станемъ теперь дѣлать? сказала я, чтобы перемѣнить разговоръ.

— Ты должна уѣхать отъ брата, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Скажи ему что уѣзжаешь домой, въ деревню, и вмѣсто того поѣзжай въ Петербургъ. Черезъ недѣлю, черезъ двѣ, черезъ мѣсяцъ, однимъ словомъ, какъ только будетъ возможно, я и самъпріѣду туда...

— Я поѣду — отвѣчала я, но какъ же я перенесу эту продолжительную и неопредѣленную разлуку съ тобой?

— Но что же мнѣ дѣлать? Неужели ты думаешь, что эта разлука будетъ для меня легка? Я и теперь уже, говоря только о ней, предчувствую будущія страданія. Но, ангелъ мой, какъ же быть, что дѣлать? Помоги мнѣ своимъ мужествомъ, своей любовью... Я предлагалъ ей даже разойтись со мною. Она отвѣчала мнѣ, что пока жива, она на шагъ не отойдетъ отъ меня, что если только я приму намѣреніе бросить ее, она ославить сама по всему городу и меня и тебя, будетъ разсказывать каждому встрѣчному о нашей связи съ тобой и все-таки не оставитъ меня. И она это сдѣлаетъ. Я слабъ, безсиленъ передъ ней, какъ ребенокъ. Я ненавижу, презираю ее и все-таки живу съ ней... и совершенно подчиненъ ея волѣ. Сбросить съ себя эти оковы я не могу, не въ силахъ... Я долженъ бороться съ нею, съ людьми. съ общественнымъ мнѣніемъ, съ собственной совѣстью. Мнѣ не выдержать этой борьбы. Не презирай же меня. Я невольно сказалъ больше, нежели желалъ. Ты была моимъ ангеломъ-утѣшителемъ, ты принесла мнѣ счастіе... твоею любовью! Не лишай же меня ея!

Мнѣ было грустно, больно, слушать его признаніе въ своемъ безсиліи, но любовь моя не допустила въ мою душу и тѣни презрѣнія къ нему.

— Я буду дѣлать все, что ты велишь, сказала я ему.

Онъ совершенно ожилъ отъ этихъ словъ. Ласкамъ его, клятвамъ, увѣреніямъ не было конца, но они не производили на меня въ этотъ день того обаятельнаго впечатлѣнія, какъ прежде.

Черезъ нѣсколько недѣль я была уже въ Петербургѣ. Я не стану вамъ описывать нашего послѣдняго свиданія и прощанія передъ отъѣздомъ: это все понятно само собою. Скажу вамъ только, что его малодушіе, его безсиліе дѣлало меня мужественною и рѣшительною. Я разставалась съ нимъ, конечно. не безъ тоски, не безъ слезъ, но была покойна и тверда болѣе, нежели ожидала. А можетъ быть уже въ то время моя любовь къ Пьеру начинала охладѣвать, хотя я сама еще не сознавала того.

Въ Петербургѣ у него были знакомые только родные жены, и потому онъ не могъ никому поручить меня. Я была предоставлена самой себѣ, а вы, я думаю. замѣтили изъ моего разсказа, что въ то время я еще совсѣмъ не знала жизни практически, потому что находилась постоянно какъ бы подъ опекой то у родителей, то у мужа, то у брата. Мнѣ было чрезвычайно трудно въ Петербургѣ, особенно въ первое время, тѣмъ болѣе, что и денегъ со мною было очень не много: у брата я не могла взять, потому что онъ самъ нуждался, а у Пьера я не хотѣла просить, самъ же онъ, вѣроятно, не осмѣлился предложить мнѣ денегъ, боясь оскорбить меня.

Цѣлыхъ два мѣсяца прожила я въ Петербургѣ, въ томительномъ ожиданіи Пьера. Я хотѣла сдержать свое обѣщаніе — не стѣснять воли его, и

въ своихъ письмахъ никогда не просила его поскорѣе пріѣхать, хотя и описывала ему всю тоску разлуки и тягость ожиданія; но каждое письмо мое оканчивалось словами: „пріѣзжай только тогда, когда самъ увидишь, что это возможно безъ вреда тебѣ. Поступай въ этомъ отношеніи не по голосу сердца, но по совѣту благоразумія". Онъ отвѣчалъ мнѣ всегда съ большой нѣжностью, пылко выражалъ свою любовь и въ каждомъ письмѣ оправдывался въ невозможности пріѣхать.

А между тѣмъ матеріальныя средства моего существованія истощились до такой степени, что мнѣ могла угрожать голодная смерть. Я должна была продать почти всѣ свои платья, одно за другимъ и, разумѣется, почти за безцѣнокъ. Жила я въ какой-то грязной коморкѣ, въ пятомъ этажѣ, сырой и холодной. Здоровье мое видимо начинало страдать. Но всего болѣе меня стѣсняла горничная, которая должна была сопровождать меня въ деревню и которую я, вмѣсто того, привезла въ Петербургъ на такое тяжелое житье, которое и для нея даже было невыносимо. Эта дѣвушка была привязана ко мнѣ и, кажется, отгадывала мои отношенія къ Пьеру, но я никогда не посвящала ее въ нихъ, потому что берегла свое чувство, какъ святыню, и никому не хотѣла говорить о немъ. Теперь я должна была по необходимости признаться ей во многомъ, чтобы она не писала ничего до времени ни въ деревню, ни къ брату. Я замѣчала часто, что она тосковала, плакала, потомъ она стала обращаться со мною фамильярно, а иногда даже съ грубостью... Я отпустила бы ее домой, но боялась остаться совершенно одна среди незнакомыхъ людей.

Всѣ обстоятельства привели меня къ такой мысли: зачѣмъ-же я скрываю отъ родныхъ, гдѣ я и въ ка-

комъ положеніи. Вѣдь они могутъ хватиться меня и начать отыскивать, тогда огласка будетъ шумнѣе. И я рѣшилась написать брату, что, по обстоятельствамъ, поѣхала не въ деревню, а въ Петербургъ, гдѣ и теперь нахожусь; просила его, чтобы онъ, если желаетъ сохранить честь своего и моего имени, и не огорчить прежде времени родителей, — всѣмъ знакомымъ московскимъ говорилъ, что я въ деревнѣ, а родителямъ писалъ-бы, что я живу у него, до тѣхъ поръ, пока я сама не увѣдомлю ихъ о себѣ. Просила его также, чтобы онъ немедленно прислалъ мнѣ своихъ денегъ, а деньги, которыя присылаются ко мнѣ изъ деревни, бралъ себѣ.

Къ родителямъ я еще не рѣшалась писать: я все чего-то ждала отъ жизни лучшаго и не хотѣла огорчать стариковъ поступкомъ, который, по ихъ понятіямъ, огорчилъ-бы ихъ столько-же, сколько самая смерть моя; а можетъ быть даже заставилъ-бы ихъ возненавидѣть меня, потому что я знала — они не признавали любви безъ формальнаго брака и считали ее развратомъ. Я надѣялась когда-нибудь сама увидѣть ихъ и лично передъ ними оправдаться.

Братъ очень скоро выслалъ мнѣ денегъ, но отвѣчалъ очень холоднымъ и сухимъ письмомъ, въ которомъ выражалъ сожалѣніе, что его заботы обо мнѣ и его довѣріе къ моему благоразумію такъ дурно вознаграждены; впрочемъ, обѣщалъ исполнить всѣ мои просьбы. Я ничего другого и не ожидала отъ него, а потому это письмо нисколько не огорчило меня, хотя я и видѣла, что между нами совершенный разрывъ, и что насъ могутъ помирить съ нимъ только время и благопріятныя обстоятельства. Присланныя деньги нѣсколько улучшили мое положеніе, но здоровье мое отъ всѣхъ испытанныхъ мною нрав-

ственныхъ и физическихъ страданій было уже разстроено. Я страшно похудѣла и пожелтѣла, волосы мои падали цѣлыми горстями...

На третій мѣсяцъ ожиданій Пьеръ, наконецъ, пріѣхалъ. Онъ вскрикнулъ отъ изумленія, увидя меня, и признался, что не узналъ-бы меня, еслибъ неожиданно встрѣтилъ — до такой степени я подурнѣла и перемѣнилась. Подъ впечатлѣніемъ радости свиданія съ нимъ, я не обратила почти никакого вниманія на эти слова его, не замѣтила даже и того, что онъ, хотя былъ ласковъ и нѣженъ ко мнѣ, но не былъ уже тѣмъ восторженнымъ обожателемъ, какимъ представлялся прежде... Я сообразила это уже послѣ, при воспоминаніяхъ о всемъ прошедшемъ. Онъ засталъ меня уже на лучшей квартирѣ и въ лучшей обстановкѣ, но и отъ этой пришелъ въ ужасъ и предлагалъ мнѣ нанять болѣе удобную, но я отказалась и не хотѣла отравлять его радости свиданія со мною разсказомъ о томъ, что перенесла.

Изъ разговоровъ съ нимъ я узнала, что онъ никакъ не могъ пріѣхать раньше, не возбудивъ подозрѣній жены, что она не вѣритъ моему отъѣзду въ деревню, все еще его подозрѣваетъ и слѣдитъ за нимъ, что и въ Петербургъ она не отпустила его одного, но пріѣхала съ нимъ вмѣстѣ, что каждый день она преслѣдуетъ его упреками, жалобами, бранью и оскорбленіями, обращенными на его и на мое имя, что онъ невыносимо страдалъ все это время. И въ самомъ дѣлѣ, онъ очень похудѣлъ и поблѣднѣлъ послѣ разлуки со мной.

— Жизнь моя отравлена окончательно, говорилъ онъ. Съ моей женой могъ бы сладить развѣ только такой человѣкъ, который рѣшился бы заколотить ее въ гробъ. Но я съ моими понятіями о правахъ жен-

щины рѣшительно становлюсь передъ нею въ тупикъ и не знаю, что мнѣ дѣлать... О, какъ страшно я наказанъ за одинъ опрометчивый и не честный шагъ моей жизни!..

— Надолго ли же ты пріѣхалъ сюда? спросилая его.

— Постараюсь пробыть какъ можно дольше Я выдумалъ разныя дѣла, какъ предлогъ для поѣздки сюда. Буду хлопотать о мѣстѣ здѣсь... Если удастся останусь, а не удаестся — она не хочетъ здѣсь оставаться...

— И увезетъ тебя опять въ Москву? спросила я съ невольной желчью, которая послышалась еще впервые въ моемъ разговорѣ съ нимъ.

— Ты начинаешь презирать меня, ты будешь скоро упрекать меня, смѣяться надо мной, сказалъ онъ съ такимъ горемъ, что мнѣ стало жалко его.

Я постаралась изгладить впечатлѣніе моихъ словъ.

Сначала, по пріѣздѣ, мы видались почти каждый день и онъ оставался у меня по-долгу; но я стала замѣчать, что нерѣдко онъ былъ молчаливъ и печаленъ, смотрѣлъ на меня съ какою-то особенною грустью и часто повторялъ сожалѣніе о томъ, что я перемѣнилась наружно. Потомъ его посѣщенія становились рѣже и короче, и въ ласкахъ его, во вниманіи ко мнѣ чувствовалась какая-то принужденность. Это безпокоило и терзало меня. Я начинала подозрѣвать, что любовь его ко мнѣ проходитъ и однажды рѣшилась высказать ему это. Онъ оправдывался въ своихъ рѣдкихъ визитахъ, въ своей унылости и кажущейся холодности, домашними пытками, которыя убиваютъ его, говорилъ, что жена требуетъ отъ него отчета въ каждой минутѣ, которую онъ проводитъ не съ нею, и, если онъ рѣшается не отвѣчать ей, мучитъ его подозрѣніями и упреками; жаловался, что ревность ея доходитъ до послѣднихъ

предѣловъ и умолялъ меня не мучить его еще и съ моей стороны. Я замолчала, но не успокоилась. Далѣе я замѣтила, что, когда онъ пріѣзжалъ ко мнѣ и отъ него пахло виномъ, тогда онъ былъ ласковѣе и сильнѣе выражалъ любовь свою. Наконецъ онъ сталъ даже требовать вина каждый разъ, какъ пріѣзжалъ ко мнѣ. Я послѣ поняла, что виномъ онъ старался возбуждать въ себѣ угасавшее чувство. Ему хотѣлось обмануть меня; можетъ быть у него не ставало воли даже на то, чтобы сразу разорвать со мною всѣ связи и признаться, что пересталъ любить меня...

Но, какъ бы то ни было, я видѣла, чувствовала, что онъ уже не то для меня, чѣмъ былъ. Я страдала молча и потому еще болѣзненнѣе.

Между тѣмъ срокъ моей беременности проходилъ. Я должна была скоро родить. Я сказала ему объ этомъ. Но опять жена и обстоятельства, какъ онъ послѣ оправдывался, помѣшали ему быть при мнѣ въ это время: онъ не позаботился даже обезопасить меня, приставивши ко мнѣ акушерку — я родила одна и мертваго младенца... На другой день онъ пріѣхалъ. Я была въ страшномъ горѣ и чувствовала себя очень дурно...

Онъ показывалъ участіе ко мнѣ, но сожалѣніе о смерти ребенка было такъ притворно и неискусно, что я съ разу поняла, какъ онъ мало любилъ меня въ настоящее время. Я поняла, что онъ любилъ только мою красоту, и когда ея не стало — преслѣдованія жены не вознаграждались уже для него моею любовью...

Чувство оскорбленной материнской любви и мгновенное негодованіе и презрѣніе къ нему я приняла за совершенную ненависть и, собравши всѣ свои силы, сказала ему:

— Подите прочь отъ меня, вы не любите вашего ребенка, вы не любите и меня... Не обманывайте меня! Не обманывайте напрасно и вашей жены! Подите, скажите ей, что вы меня больше не любите и что я васъ презираю и ненавижу...

Но я любила еще его. Я готова была отказаться отъ своихъ словъ. И когда онъ, выслушавши ихъ, молча взялся за шляпу и, не поднимая головы, какъ-то отвратительно-робко пошелъ къ дверямъ, я лишилась чувствъ. Онъ ушелъ и прислалъ ко мнѣ доктора. Меня едва спасли отъ смерти — и зачѣмъ? Я не видала его болѣе. Дѣвушка разсказывала мнѣ, что пока я была между жизнью и смертью, онъ часто ѣздилъ ко мнѣ и плакалъ надо мной... О чемъ? спросить бы его!..

Но съ тѣхъ поръ, какъ опасность миновала, онъ не являлся болѣе. Выздоровѣвши, я посылала узнать о немъ. Его уже не было въ Петербургѣ. Онъ уѣхалъ въ Москву опять вмѣстѣ съ женою.

Разсказъ мой конченъ, хоть и тянется еще жизнь, ни для кого не нужная.

Проѣзжая изъ Петербурга въ деревню черезъ Москву, я справлялась о немъ. Мнѣ разсказали, что онъ имѣетъ попрежнему хорошую практику, прекрасный докторъ, прекрасный семьянинъ, хоть, говорятъ, нѣсколько подъ башмакомъ у жены, но что, бѣдный, очень хандритъ и сталъ что-то плохъ здоровьемъ. Я не хотѣла его видѣть. Я боялась за себя...

Года два назадъ я слышала о немъ почти то же самое, что и за восемь лѣтъ.

Я и теперь еще люблю его, но люблю, какъ воспоминаніе самыхъ лучшихъ и страдальческихъ дней моей жизни.

Duke University Libraries
D03923929.